СЕКРЕТНО

ХХ
ВЕК
ГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦЕВ

КГБ СССР

Владимир Крючков

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

XX
ВЕК
ГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦЕВ

Владимир Крючков

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

часть первая

МОСКВА «ОЛИМП» АСТ 1996

ББК 66.3(2Рос)
К85
УДК 323(470)

Серия основана в 1995 году

В 2-х частях

Художник

ВИКТОР КРЮЧКОВ

К 3230000000
ISBN 5-7390-0327-X(Олимп)
ISBN 5-88196-824-7(АСТ)

Предисловие

Шестьдесят лет свободы, честной, ничем не запятнанной жизни, и вдруг тюрьма! Арест, следствие и предстоящий суд... После ареста приходишь в себя не сразу, да и придешь ли когда-нибудь полностью? Вряд ли! Жизнь, если можно назвать пребывание в тюрьме жизнью, идет в особом измерении. Порой кажется, что ты находишься в каком-то кошмарном сне! Вот сейчас он наконец-то закончится и ты снова окажешься на свободе, в привычной для тебя среде, а сон этот останется в памяти просто неприятным воспоминанием... Но, к сожалению, жестокая реальность не дает «проснуться», и ты начинаешь мучительно осознавать, что жизнь действительно сыграла с тобой такую злую шутку...

В «Матросской тишине» для меня первым, совершенно необычным чувством оказалось в корне изменившееся ощущение времени. Долгие годы время представлялось мне чуть ли не самым дорогим, что у меня было. Его всегда не хватало, и я берег каждую минуту, искренне жалел о каждой потере. Причем

жалел просто до отчаяния! И вдруг все разом изменилось — время как будто остановилось, оказалось совсем ненужным и даже обременительным. Часто ловлю себя на том, что начинаю испытывать удовлетворение, когда проходит наконец еще один час, день или ночь...

Жизнь раз за разом как бы вновь проплывает перед глазами, причем в красках, на удивление ярко и рельефно. В памяти высвечиваются детали, которые, казалось бы, давно уже навсегда растворились в прошлом... Вдруг откуда-то вновь появляются целые куски жизни, снова и снова вспоминаются события, в которых когда-то сам принимал участие или которым просто был свидетелем. В голове рой воспоминаний! Здесь все смешалось в невероятном калейдоскопе — и факты из собственной биографии, и смерть близких, какие-то семейные радости, учеба и работа, нечастые встречи с друзьями и конечно же в который раз события последних дней. Чувство вины перед родными и близкими, перед всеми, кто нам поверил, и осознание собственного бессилия, горечь понесенного поражения... И от всего этого — стремление заново пройти все основные жизненные вехи, осмыслить еще раз наиболее важные события, ответить самому себе на вопрос о том, где была совершена та роковая ошибка, которая так круто изменила всю мою, да и не только мою, жизнь...

Писать книгу воспоминаний с изложением своего видения происшедшего и происходящего я начал еще в «Матросской тишине» в сентябре 1991 года, там же и был закончен ее первый вариант. Трудился в камере, естественно, украдкой и при плохом освещении, не имея под рукой никаких материалов. Соседи с пониманием и одобрением относились к моему творчеству, старались по мере сил создать хоть какие-то условия для работы, но, следуя неписаным тюремным законам, стремления ознакомиться с содержанием моих записей не выказывали. Помогали же тем, что соблюдали тишину, прикрывали от глаз охраны, проявляя при этом недюжинную смекалку, и старались достать для меня хоть какие-нибудь материалы, принося после встреч с адвокатами или родственниками газеты или интересные вырезки, а то и просто устные новости, которые, по их мнению, могли бы мне пригодиться.

Большая часть воспоминаний написана таким образом мною по памяти. Даже оказавшись на свободе, я так и не получил доступа ни к каким документам Комитета госбезопасности, ЦК КПСС или правительства. Пришлось довольствоваться лишь тем, что можно было почерпнуть из открытой печати. По этой причине в изложении некоторых событий отсутствуют точные даты, мало цитат, однако суть описываемых событий доводится до читателя без искажений. За это могу поручиться.

Помню, как-то в тюрьме я потерял несколько десятков уже готовых страниц рукописи, и мне пришлось заново восстанавливать их. Я сделал это, кляня себя за небрежность и за этот напрасный труд, как всегда сожалея о потерянном времени. Спустя несколько месяцев утраченные листочки, будь они неладны, все же нашлись. Каково же было мое удивление, когда после сверки я обнаружил почти полное совпадение текстов — старого и написанного мною вновь. Я обрадовался не только тому, что в очередной раз проверил свою память, но и мысли о том, что так и должно быть всегда, когда человек говорит правду.

В работе по подготовке книги к печати мне оказали большую помощь мои бывшие сослуживцы, адвокаты, родные и близкие друзья. К сожалению, не всем им, по понятным соображениям, я могу сейчас открыто выразить свою огромную признательность, но верю, что такой час в конце концов придет. Хотел бы сказать добрые слова благодарности жене Екатерине Петровне, которая всегда была рядом, оставаясь не только верным другом, но и неоценимым помощником. Хочу сказать спасибо старшему сыну Сергею, работоспособность и эрудиция которого так помогли мне в этой работе. Чувствую себя глубоко обязанным моим адвокатам — Юрию Павловичу Иванову, личности во всех отношениях неординарной, и Юрию Сергеевичу Пилипенко, чьи способности, уверен, еще будут оценены в полной мере не только мною.

Постоянно я ощущал пусть и незримую, но очень важную для меня поддержку, которая исходила от тысяч и тысяч незнакомых мне людей. Их голоса не только доносились через толщу тюремных стен, звучали в печати, по радио и

телевидению, раздавались на площадях и улицах, но и доходили в виде множества писем, которые нескончаемым потоком шли в «Матросскую тишину», моим адвокатам и родственникам. Именно эти люди, а также те, кто пусть и не выражал свои чувства открыто, но в душе продолжал и продолжает поддерживать нас, носят это гордое имя «народ», делу служения которому я и посвятил без остатка всю свою жизнь!

Глава 1

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

И до тюрьмы, и за те полтора года, что я провел в камере, не проходило дня, чтобы передо мной так или иначе не возникал образ отца. Чисто детские картинки — воспоминания сменялись долгими беседами, в ходе которых я часто в мыслях искал у отца совета и поддержки.

Мой отец, Крючков Александр Ефимович, родился 19 ноября 1889 года в городе Царицыне — затем Сталинграде, ныне Волгограде — в семье рабочего-котельщика. Жили большой семьей небогато, но за счет своего трудолюбия были сыты, худо или бедно, но обуты и одеты. Ютились то в землянке, то в небольшом домишке на окраине города, где снимали угол. Лишь со временем родителям отца удалось приобрести свой крохотный глинобитный домишко, наполовину вросший в землю, который поначалу не имел даже деревянного пола. Много лет спустя к этому однокомнатному строению, разделенному внутри лишь символической пе-

регородкой, приделали сени, прорубили еще одно оконце. Так постепенно эта полуземлянка превратилась в нечто отдаленно похожее на жилой дом. В нем-то и прожили мои дед с бабушкой до конца своих дней. Вот о них мне хотелось бы немного рассказать.

Дед, Ефим Николаевич Крючков, работал на нефтебазе шведского капиталиста Нобеля поначалу простым рабочим, а затем писарем. Сам выучился читать и писать, причем писал довольно складно, грамотно и красивым почерком. По просьбе рабочих дед бесплатно составлял всякого рода письма, ходатайства и прошения. Эта грамотность, мягкий и отзывчивый характер в один прекрасный день, как это водится на Руси, обернулись для деда большой бедой. А история такова.

Жизнь у рабочего человека была в те времена крайне тяжелой. Трудились на износ, едва волочили ноги к субботней получке, а после нее шли в кабак, чтобы хоть как-то отвлечься от повседневных тягот. В воскресенье приходили в себя, с тем чтобы с понедельника вновь впрячься в лямку. Так и шли недели, месяцы, годы. Ясно, что старость и болезни в таких условиях долго себя ждать не заставляли. А с ними человек неизбежно лишался работы, обрекая себя на полуголодное, чтобы не сказать хуже, существование. Хорошо тому, у кого есть работящие дети, которые могут помочь, а как быть остальным? Вот мой дед и решил как-то помочь нескольким бедолагам, которых уволили с работы по болезни. В связи с тем что причиной их нетрудоспособности явилась авария, случившаяся на заводе, мой дед составил от имени потерпевших прошение, да не кому-нибудь, а самому царю. Ответ, разумеется, был отрицательным, впрочем, на другую реакцию особенно и не рассчитывали.

Полученный отказ окончательно обрекал бедняг на полуголодную жизнь и медленное умирание. Это обстоятельство и толкнуло деда на отчаянный шаг: он искусно подделал текст ответного письма, обязав хозяина выплатить пострадавшим единовременное пособие и установить пенсию за причиненные увечья. Однако подлог в конце концов все-таки вскрылся, в результате чего деда самого выгнали с работы и даже на какое-то время взяли под стражу. А вот покалеченных рабочих «выхлопотанного» с таким риском посо-

бия уже не лишили, так что в результате пострадал лишь мой дед. Он и до этого имел больное сердце, а тут вся эта история и вовсе добила его: год спустя, в 1910 году, его нашли на улице умершим от разрыва сердца.

Бабушка — Крючкова Лидия Яковлевна — человек во всех отношениях незаурядный. Она была немкой по национальности, но глубоко русской по воспитанию, духу и образу мышления. Да и сама бабушка всегда с неизменной гордостью подчеркивала, что является русской, любила русскую культуру, с почитанием и даже каким-то благоговением относилась к истории нашего народа. Ее родители были поволжскими немцами, предки которых приехали в Россию еще во времена Екатерины II, да так и осели в Царицыне. Со временем они вконец обрусели, и их потомки также навеки остались жить в России, преимущественно в этих же самых местах. Трудовую жизнь бабушка начала рано, с 16 лет. Была рабочей, мыла цистерны из-под нефтепродуктов. Труд тяжелый и крайне вредный, но за него неплохо платили. Надолго здоровья, однако, не хватило, так что пришлось оставить прежнее место и подрабатывать в других местах — то сторожем, то шитьем в мастерской. Так же как и ее муж, Лидия Яковлевна сама выучилась грамоте и очень любила читать.

Выйдя в 1870 году замуж за моего деда, бабушка рассталась не только со своей девичьей фамилией Шрайнер, но и вообще со всем немецким. Национальные черты характера, такие как бережливость, аккуратность и пунктуальность, проявлялись у нее, пожалуй, лишь в быту, во всем же остальном, в том числе и в облике, была она типично русской женщиной. Хоть и знала бабушка немецкий язык, но при мне старалась никогда им не пользоваться, даже в тех случаях, когда ее навещали жившие по соседству подруги-немки.

Я же очень хотел выучить немецкий и не раз просил ее помочь мне в этом, но она всегда отказывалась, неизменно приговаривая: «Не нужно, не потребуется тебе это». До сих пор не понимаю, почему она столь упорно противилась моим просьбам, никаких объяснений на этот счет добиться мне так и не удалось. Вполне возможно, что бабушка хотела уберечь меня от каких-то неприятностей, тем более что шли 1930-е годы и волна репрессий уже направо и налево косила

и русских, и немцев, причем последних и вовсе без разбора. Хоть и не повезло мне с немецким, я все же многому научился от бабушки. Вообще нас с ней связывали очень теплые отношения — меня она выделяла из всех своих внуков, с детства почему-то прочила большое будущее...

Бабушка была глубоко верующим человеком, и я частенько заставал ее склонившейся над старинной Библией, напечатанной готическим шрифтом. Читала она вслух, но так тихо, что слов разобрать было невозможно. С этой Библией в соответствии с ее завещанием бабушку и похоронили. Умерла она в 1938 году, намного пережив своего супруга. Это была первая смерть на моих глазах очень дорогого мне человека...

Национальность моей бабушки никак не сказалась на «русскости» всего нашего рода, может быть, именно потому, что она сама так не хотела этого. Во время Великой Отечественной войны мои родственники-немцы разделили тяжелую судьбу русских людей, многие жестоко пострадали от фашистских оккупантов, а некоторые поплатились своими жизнями. Муж моей тетки — дочери Лидии Яковлевны — также был немцем, а их сын Иван Шульц, летчик-истребитель, погиб в первые дни Великой Отечественной войны в Латвии — был сбит в неравном бою. Тетка же вместе со своим мужем была насильно угнана в Германию. Там они подвергались крайне жестокому обращению, издевательствам и лишь каким-то чудом остались живы. Пожалуй, именно от них я слышал самые негативные отзывы о немецких оккупантах.

После смерти бабушки мой отец остался в большой семье за старшего. К этому времени он уже был начальником цеха на сталинградском заводе «Баррикады», на котором работал, кстати, с девяти лет. Начинал с того, что помогал котельщикам, подносил материалы и инструмент, просто бегал в магазин за продуктами для рабочих. Но уже в одиннадцать лет отец выполнял хотя и не сложные, но самостоятельные работы, а с пятнадцатилетнего возраста и вовсе трудился наравне со взрослыми, правда получая за это гораздо меньшую плату.

Всю жизнь отец отдал родному заводу, занимаясь, хотя и в разных должностях, все тем же котельным делом. Иногда он вместе с другими товарищами артелью ненадолго выезжал на заработки, чтобы прокормить семью, но это было тогда обычным явлением, одной зарплаты никогда не хватало. Такие поездки позволяли не только подзаработать, но и повидать страну, что сделать в ту пору иным способом было невозможно.

Я до сих пор помню рассказы отца об этих «путешествиях». Он говорил не только о том, что видел на Кавказе, Украине или в Средней Азии, но и о людях, с которыми доводилось там встречаться. Именно отец с детства привил мне чувство уважения к людям другой национальности, которое я сохранил на всю жизнь. Я и сейчас часто задумываюсь над тем, что сказал бы отец и вообще люди его поколения, если бы им выпала доля увидеть, во что сейчас превратили нашу многонациональную Родину, в которой одной семьей жили все населявшие ее народы.

В годы гражданской войны отец воевал за советскую власть, прошел через суровые испытания. Однажды был схвачен белыми и чудом избежал расстрела, осуществив вместе с группой красноармейцев дерзкий ночной побег накануне казни. Всю жизнь отец прошагал в ногу с советской властью. В 1924 году после смерти В. И. Ленина вступил по ленинскому набору в партию. Помнится, отец положительно отзывался о нэпе, считал такой ленинский шаг очень мудрым решением, реально облегчившим жизнь народа. Правда, говорил он, невесть откуда вдруг появилось немало утопающих в роскоши богачей, но им советская власть особенно разгуляться не давала, а самое главное, не позволяла наживаться за счет эксплуатации простого люда.

Экономика обескровленной в ходе гражданской войны страны получила столь необходимую ей подпитку, заметно улучшилось положение дел с промышленными товарами, вздохнула свободнее деревня, что не замедлило сказаться и на продовольственном рынке.

После введения нэпа жизнь начала постепенно меняться к лучшему, появился достаток и в нашей семье. Отец теперь все реже выезжал на заработки, да и на заводе дела у него пошли в гору. Вскоре он уже стал мастером, а в начале

30-х получил назначение на должность начальника котельного цеха завода «Баррикады».

В 1928 году рядом с лачугой бабушки родители построили небольшой деревянный дом. В нем мы прожили до сентября 1942 года, но в войну дом не уцелел — сгорел во время очередной фашистской бомбежки.

30-е годы запомнились мне, тогда еще ребенку, тем, что отец очень много работал, домой приходил поздно, а утром, чуть свет, опять отправлялся на завод. Отдыхал лишь по воскресным дням, да и то не каждую неделю. Но жалоб от отца ни я, ни мать никогда не слышали. В редкие праздники в доме собирались друзья отца. Разговор всегда шел о заводе, о стране, все чаще и чаще затрагивалась тема войны — о ней говорили, как о чем-то неизбежном. Никто не сомневался в том, что война будет, как, впрочем, никто не сомневался и в победе.

На нашей небольшой улице жили несколько парней призывного возраста. Настал черед проводить своих сыновей в армию и моим родителям — один из них стал летчиком-истребителем, другой — моряком. Три моих двоюродных брата уже служили: один в авиации, другой был танкистом, третий — пехотинцем. Служба сыновей в армии была предметом особой гордости родителей, хотя, помню, мать часто плакала по ночам — видимо, предчувствовало материнское сердце скорую гибель сыновей в предстоящей войне.

В 1937 году пошли аресты, не обошли они стороной и нашу улицу. Внезапно исчезал кто-то из соседей, а спустя некоторое время доходил слух о том, что он оказался «врагом народа». Помню, только двоим из них удалось вернуться, по сути дела, «с того света». Один был уже совсем больным и вскоре умер (лишь много лет спустя я узнал, что на самом деле он покончил жизнь самоубийством).

Конечно, никто вслух не ставил тогда под сомнение действия властей и тем более не связывал происходящее с именем Сталина — об этом не могло быть и речи. Вместе с тем недавние друзья не спешили заклеймить позором своего попавшего в беду соседа, не пытались отмежеваться от не-

го, скорее, аресты вызывали чувство сострадания и недоумение.

Однажды мутная волна репрессий чуть-чуть не накрыла и нашу семью. Отец как-то пришел с работы неожиданно рано, еще до обеда. Я подумал сначала, что он заболел. Причина, однако, была совсем в другом. Когда утром отец, как обычно, явился на работу, его вдруг не пропустили на завод, задержав на проходной. Под предлогом того, что нужно кое в чем разобраться, сначала попросили немного подождать, а потом, спустя часа два, объявили, что он свободен, и отпустили домой. Когда можно будет выйти на работу, пообещали сообщить позже.

В тот же день стало известно об аресте директора и некоторых других руководителей завода «Баррикады»... В доме воцарилось предчувствие страшной беды. К счастью, для нашей семьи тогда все обошлось благополучно. Через пару дней отца вызвали на завод, и он вновь стал работать в своей прежней должности начальника цеха. Кто-то потом рассказал отцу, что его спасла безупречная биография и служба сыновей в армии. Отец тогда произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: «А разве от биографии зависит, виновен человек или нет?»

Несмотря на репрессии, в стране невиданными темпами осуществлялось социалистическое строительство, масштабы которого до сих пор поражают воображение. Происходило это в основном за счет самоотверженности советских людей, их напряженного, изнурительного труда. Да, пожалуй, другого выхода тогда и не было. Помощи ждать было неоткуда, поэтому полагаться приходилось только на собственные силы. Выручала не только природная выносливость русского человека, его неприхотливость, способность к самопожертвованию, но и глубокая вера в торжество коммунистической идеи, ожидание светлого будущего, которое, казалось, уже не за горами.

Огромные перемены происходили в социальной области, шла настоящая культурная революция. В кратчайшие сроки удалось повсеместно ликвидировать неграмотность — учились все, и стар, и млад. Для пожилых организовыва-

лись вечерние школы, курсы, кружки в клубах, а то и прямо на квартирах. Работали передвижные библиотеки.

На нашей улице учебой не были охвачены всего две или три пожилые женщины да один старик, которому в ту пору уже перевалило за девяносто. Не было ни одного ребенка старше семи лет, который не ходил бы в школу. Каждая семья выписывала хоть одну газету или журнал, да еще обменивалась прочитанным с соседями.

В районе, где мы жили, еще в 1934 году провели электричество, а вскоре в домах заработали и радиоточки. В середине 30-х годов у нас появились первые выпускники отечественных вузов — собственные инженеры, врачи, преподаватели, агрономы и даже один геолог. До неузнаваемости изменился облик обитателя сталинградских окраин и большинства остальных жителей города.

Слыханное ли дело, что еще вчера забитый и в массе своей неграмотный заводской люд потянулся к искусству — люди стали ходить в театры, кино, на концерты, посещать выставки и музеи, участвовать в художественной самодеятельности.

Эти несомненные успехи омрачались, однако, предчувствием страшной беды, нависшей над нашей Родиной, — с каждым днем становилась все ощутимее угроза войны. Это сплачивало людей, дисциплинировало, повышало их ответственность. Войну не просто ждали, к ней серьезно готовились.

И все-таки застала она нас врасплох. Тот, кто пережил 1941 год, никогда не забудет, как он узнал о начале войны, при каких обстоятельствах услышал первое сообщение о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны.

В жаркий воскресный день 22 июня сбылась моя давняя мечта: родители собрались на базар покупать мне велосипед. Долго выбирали, приценялись и, наконец, нашли подходящий вариант — осталось только оплатить покупку.

Именно в этот момент и заработал репродуктор, висевший на фонарном столбе. Сначала объявили о том, что сейчас будет передаваться важное сообщение. Все как-то сразу притихли. И вот раздался голос Вячеслава Михайловича Молотова — Германия совершила вероломное нападение на

Советский Союз, первые бомбежки советских городов, бои на границе. В заключение Молотов произнес слова, которые облетели потом весь мир: «Наше дало правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

О покупке велосипеда, конечно, больше не было и речи. Люди на базаре торопливо завершали свои дела и расходились. Заспешили домой и мы. Возвращались молча, погруженные в свои мысли. Дома нас встретили со слезами на глазах. Хоть о войне давно уже говорили как о чем-то неизбежном, в душе все еще продолжали на что-то надеяться, думали: а вдруг пронесет?

Когда весть о войне облетела город, все поспешили к своим семьям, а вечером, наоборот, людям захотелось собраться вместе — буквально весь город высыпал на улицы. Растерянности и тем более паники заметно не было. Лица были суровы, но спокойны, многие решили немедленно идти на фронт. Все считали, что война не продлится долго, и уж тем более были уверены в том, что на свою территорию врага мы ни за что не пустим. Мы ведь воспитывались тогда в духе непобедимости.

А по радио тем временем объявляли один указ за другим. Ждали сводок, и они скоро действительно пошли — одна тяжелее другой. Но и тогда еще надеялись, что дела на фронте вот-вот поправятся. Никто не предполагал, что придется воевать целых четыре года, что война докатится до Сталинграда и полностью разрушит его, что она обернется для страны такими огромными жертвами...

В начале июля 1941 года наша семья первой на улице получила похоронку — извещение о гибели моего брата Константина. Нам сообщили, что он был смертельно ранен и похоронен 25 июня 1941 года в Латвии в районе города Даугавпилса. Брат был участником финской войны, там он тоже воевал летчиком-истребителем и был удостоен высокой награды — ордена Красной Звезды. Он был любимцем всей семьи, человеком редкой души, общительным, музыкально одаренным, заботливым и нежным сыном, мужем, отцом, братом и внуком. И вот Кости не стало...

Ну а потом похоронки стали приходить на нашу улицу все чаще и чаще. Почтальон шел тяжелой походкой, сгорбившись, на его лице, казалось, навсегда застыла печать глубокой скорби. Говорил нехитрые слова утешения, а сам при этом украдкой смахивал слезы.

В конце июня 1941 года вместе с одноклассниками я написал заявление с просьбой отправить меня на фронт. У здания военкомата собралось, казалось, полгорода. Некоторые пришли по повесткам, но основную массу составляли добровольцы. Выстояв длинную очередь, мы наконец пробились в кабинет военкома. Едва взглянув на наши документы, он вернул их обратно — возрастом не вышли. Даже справка об окончании курсов Осоавиахима и права на управление мотоциклом, на которые я так рассчитывал, не возымели действия. Все наши уговоры военком оборвал словами: «Идите и не мешайте работать!» Выйдя за дверь, мы тут же приняли решение помогать фронту другим, единственно возможным тогда для нас способом — работой на оборонных заводах.

Я оставил школу и пошел разметчиком на завод «Баррикады», туда, где трудился мой отец. Было мне тогда 17 лет.

Прежде на «Баррикадах» я бывал только во время школьных экскурсий. Спустя два месяца сдал экзамен и получил четвертый разряд по механической разметке. Работал по 12 часов в сутки при одном выходном в неделю, который давали, когда позволяла обстановка.

Часто вспоминаю это время, мой первый рабочий коллектив, чистые, бесхитростные отношения между людьми. Рабочие всегда что думали, то и говорили, горой стояли друг за друга. Мастер Николай Михайлович досконально знал всю свою бригаду, не только требовал план, но и проявлял искреннюю заботу о людях. Подойдет, бывало, ночью и скажет: «Вижу устал, иди поспи часок!» Да еще при этом даст «концы» — промасленные тряпки — подложить под голову. Сам же потом и разбудит.

На своем веку мне приходилось работать в разных коллективах, но самые яркие и сильные впечатления у меня остались именно от рабочей среды.

...Пролетел первый военный год. Враг вплотную подошел к городу. Воздушные тревоги объявлялись по нескольку раз на день, но бомбежек пока не было. И вот 23 августа 1942 года около пяти часов вечера в район тракторного завода прорвалось первое танковое подразделение немцев, а два часа спустя начался массированный налет немецкой авиации.

У меня в тот день был выходной и я находился как раз в центре города, когда раздались первые разрывы бомб. Это был кромешный ад! Вокруг рушились здания, после прямого попадания они разом оседали на землю, поднимая высоко к небу клубы дыма и плотной пыли. Люди же почему-то искали защиты от бомб и осколков именно вблизи строений, сотнями погибая под их обломками. Вокруг раздавались крики, стоны, начались пожары, а самолеты волнами все шли и шли на город.

Перед бомбометанием летчики делали большой разворот и, пикируя, заходили с востока, из-за Волги, уклоняясь таким способом от огня наших зениток, расположенных в западной части города. Вечером от разлившейся нефти, горевших пароходов и барж заполыхала Волга. Зрелище горящей реки производило впечатление какого-то кошмара!

Ночью немцы бомбили уже не так сильно, но с утра налеты возобновились с прежней интенсивностью. Мне каким-то чудом удалось живым выбраться из центра города. Один раз близким разрывом меня бросило на землю и привалило сверху деревом. Домой я смог попасть лишь глубокой ночью, а к утру, несмотря на сильную боль в ушибленной спине, побежал на завод.

На «Баррикадах» тушили многочисленные пожары, спасали уцелевшее оборудование и наиболее ценное сырье. Стало ясно, что нормальная работа предприятия в условиях непрекращающихся бомбежек и обстрелов уже невозможна. Поэтому было принято решение вывезти все, что только можно, на другой берег Волги.

Задача была очень непростой, работать приходилось день и ночь. Помню, как-то раз мы переправили очередную партию цветных металлов и, вместо того чтобы этим же пароходом, как обычно, сразу вернуться назад, вынуждены были задержаться на том берегу до прихода куда-то запро-

пастившихся машин. Не бросишь же груз просто так на берегу. Капитан парохода торопился назад и ждать нас не стал, пообещав забрать вторым рейсом. Когда его небольшое суденышко было уже на середине реки, налетели немецкие самолеты. На наших глазах пароход был потоплен, никто из находившихся на его борту не спасся...

В ноябре началась эвакуация баррикадцев в Горький на завод № 92 имени И. В. Сталина. Но уже в апреле 1943 года, сразу же после открытия навигации, первыми пароходами мы вернулись всем коллективом в Сталинград, на свой родной завод. Весь город был в руинах, сильно пострадали и «Баррикады».

В то время на заводе работало всего 76 человек, но задания давались большие, сроки устанавливались самые сжатые. На фронт никого не отпускали, специалистов и так не хватало. А вот работать на завод брали всех, кто мог держать в руках инструмент. Восстанавливали завод на ходу, ни на минуту не прекращая производственного процесса.

Вскоре пошла наша первая военная продукция — орудия, прицепы для перевозки снарядов, отремонтированная армейская техника. Завод быстро набирал темпы, вновь превращался в крупное оборонное предприятие, каким и остался впоследствии — вплоть до недавнего времени.

В 1943 году летом меня пригласили в Баррикадный районный комитет партии на беседу к первому секретарю Романенко. Познакомились, поговорили о заводских делах, а потом без всякого перехода он неожиданно делает мне предложение: «А не попробовать ли вам себя на комсомольской работе?» Я даже не сразу взял в толк, о чем идет речь. Мне пояснили, что в наш район для работы на заводе и стройках прибыло несколько тысяч юношей и девушек, им надо помочь наладить быт насколько это возможно в условиях разрушенного города, поскорее втянуться в трудовой процесс и создать комсомольскую организацию. Возглавить этот участок должен комсорг ЦК ВЛКСМ. В этой связи и возникла моя кандидатура.

На следующий день меня вызвали на заседание бюро райкома ВКП(б), где было принято решение о направлении меня на работу комсоргом ЦК ВЛКСМ Особой строительно-монтажной части № 25 Министерства СССР по строительству. Через месяц на общем собрании комсомольской организации я был избран секретарем заводского комитета комсомола. А в июле следующего, 1944 года меня избрали первым секретарем Баррикадного райкома ВЛКСМ.

В этом же году происходит еще одно очень важное в моей жизни событие — я вступаю в Коммунистическую партию, становлюсь на всю оставшуюся жизнь коммунистом!

И вот наконец долгожданная победа! Трудно описать те чувства — действительно это была радость со слезами на глазах, ведь не было ни одной семьи, которую миновало бы горе утраты близких. Но жизнь брала свое — выплакали последние слезы безутешные матери, вернулись те, что остались в живых, и вся страна ринулась на очередной подвиг, теперь уже трудовой — восстанавливать разрушенное народное хозяйство. До сих пор не перестаю удивляться, как удалось справиться с этой поистине грандиозной задачей в такие рекордные сроки!

Отгремела война, и теперь уже можно было всерьез заняться дальнейшей учебой, мысль об этом никогда не покидала меня. Еще в 1944 году в Сталинграде были открыты вечерние школы рабочей молодежи. Я начал учиться в 10-м классе (9-й класс окончил в 1941 году) и в следующем году получил аттестат зрелости. В том же, 1945 году я поступил в Саратовский юридический институт, но на очном отделении довелось проучиться лишь год. Отец ушел на пенсию, у матери ухудшилось здоровье, в большой нужде жила сестра с пятью детьми, старшему из которых было 9 лет. Нужно было им помогать, и в 1946 году я перевелся на заочное отделение. Летом того же года меня избрали вторым секретарем Сталинградского горкома комсомола. Однако трудиться на комсомольском поприще мне довелось недолго: я принял решение перейти на работу в органы прокуратуры, с тем чтобы совмещать заочную учебу в институте с приобре-

тением практических навыков, необходимых для будущей специальности.

В органах прокуратуры в общей сложности я проработал около пяти лет: был следователем, прокурором следственного отдела областной прокуратуры, прокурором района.

В те годы борьбе с преступностью придавалось очень большое значение. Эффективно действовали сами правоохранительные органы, но главное было в другом — у нарушителей закона не было никакой социальной базы, с ними боролась не только милиция, но и широкие слои общественности, весь народ. Даже после массовой послевоенной демобилизации, амнистии, в условиях, когда места недавних боев были завалены горами неубранного оружия, неизбежный всплеск преступности, особенно тяжкой, — такой как убийства, бандитизм, грабежи, — был очень незначительным, с ней удалось быстро справиться. Да, принимались самые жесткие меры, но они были обоснованными и получали полную поддержку у населения. Любое тяжкое преступление в районе являлось предметом особого разбирательства на всех уровнях, за ходом расследования осуществлялся неустанный контроль. Раскрываемость поэтому была почти стопроцентной, в подавляющем числе случаев виновным не удавалось уйти от наказания. Что же касается хозяйственных правонарушений, то они вообще носили единичный характер, а суммы причиненного ущерба при этом были незначительны.

Допускаю, что такая по нынешним временам прямо-таки идиллическая картина некоторым может показаться неправдоподобной, но ведь и нам в свое время даже в голову не могло прийти, что возможны такие масштабы преступности, какие мы имеем сегодня.

В 1946 году, когда я уже работал в прокуратуре, вышел на пенсию отец. Здоровье у него к тому времени было порядком подорвано. Еще в 1928 году в результате производственной травмы он лишился глаза. В конце жизни ему было уже трудно разбирать буквы и он просил меня или мать читать ему вслух.

Отец всегда живо интересовался событиями, имел на многие вещи собственную точку зрения. Так, например, он считал, что у нас в стране напрасно полностью зажимается

частная собственность, не поощряется рост личного благосостояния, часто повторял, что народ и так уже много сделал ради высоких идеалов, теперь в жизнь должна постепенно входить материальная заинтересованность. Воспитание трудом отец считал непременным условием здорового развития человека и общества. Он и на пенсии не переставал много работать в нашем нехитром подсобном хозяйстве, причем делал это с явным удовольствием.

Умер отец 5 июля 1951 года, проститься с ним пришло на удивление много народу. Друзья по работе поставили скромный обелиск из нержавеющей стали, обнесли его нехитрой оградкой. За могилой до сих пор ухаживают две мои племянницы — дочери сестры, — которые так и живут в родном городе.

Совсем по-другому сложилась бы и моя судьба, останься и я навсегда в Сталинграде.

В 1951 году произошел, однако, резкий поворот в моей жизни. К тому времени мне уже удалось закончить (в 1949 году) юридический институт, я был прокурором Кировского района Сталинграда и ни о какой другой работе даже не помышлял.

Но вот в начале лета 1951 года Сталинградский обком партии впервые получил разнарядку направить двух кандидатов для учебы в Высшей дипломатической школе МИД СССР. Никто из местных руководителей не имел ни малейшего представления о том, какими качествами должны обладать эти избранники. Кандидатов поначалу было много, но в итоге решили остановить свой выбор на двух, имевших высшее юридическое образование, одним из этих двоих был я.

В июле 1951 года мы выехали в Москву для прохождения мандатной комиссии и сдачи экзаменов.

Так я впервые в жизни попал в столицу. Сколько же было волнений, ярких впечатлений и открытий! Ансамбль Московского Кремля, бесчисленные музеи, театры, огромные здания и, как мне тогда показалось, широченные улицы, буквально запруженные автомобилями, забитые товарами

магазины — все это произвело на меня, провинциала, просто ошеломляющее впечатление!

Никогда не забуду, как в первый раз оказался возле Большого театра, спустился в Московское метро. Поразила и необыкновенная чистота московских улиц — по ночам по городу до самого утра ездили машины, подметая и поливая и без того стерильные мостовые. Эти мои первые впечатления от Москвы глубоко врезались в память, не оставили меня и по сей день.

Первые дни в столице были посвящены собеседованиям, заслушиваниям на различных комиссиях и сдаче экзаменов. Проходило все это в старом здании МИД на Кузнецком мосту, в доме по соседству с выразительным памятником Воровскому и... с будущим новым зданием КГБ СССР, в котором находился мой последний служебный кабинет.

Помнится, возглавлял приемную комиссию известный советский дипломат А. В. Богомолов, бывший тогда заместителем министра иностранных дел СССР. Я волновался, конечно, — непривычная обстановка способствовала этому. Но все обошлось благополучно. Поначалу, когда со стороны Богомолова посыпались многочисленные вопросы, я грешным делом подумал, что меня хотят «завалить». Но председатель комиссии, видимо уловив мои мысли, сказал, что ему нравятся мои ответы и он просто хочет познакомиться со мной поближе.

На следующий день были собеседования с остальными членами комиссии, потом начались экзамены по предметам. В результате и этот этап был успешно преодолен. А вот моему земляку из Сталинграда повезло меньше, он, к сожалению, не прошел.

После сдачи экзаменов меня, как это было тогда принято, пригласили на Старую площадь для беседы в ЦК ВКП(б). Напоследок задали вопрос и о том, почему я согласился отправиться на учебу в дипшколу? Было заметно, что этой теме придается особое значение.

Помимо дежурных слов насчет чести служения Родине на дипломатическом поприще и благодарности за доверие, я, помнится, признался, что с детства мечтал стать дипломатом. Ответ, видимо, и впрямь прозвучал неожиданно, меня попросили пояснить его. Я рассказал, что в нашей про-

стой рабочей семье, сколько себя помню, всегда проявлялся большой интерес к внешней политике.

На стене в родительском доме висела огромных размеров географическая карта мира, которую я еще в детстве знал превосходно. Уже в одиннадцатилетнем возрасте по вечерам, начитавшись газет и наслушавшись радио (у нас был самодельный приемник), я подробно рассказывал домашним о событиях в мире. Тогда, надо сказать, все внимательно следили за ходом итало-абиссинской войны, близко к сердцу принимали каждую неудачу эфиопов и были в буквальном смысле убиты горем, когда те потерпели поражение.

Рассказал я и о том, что на протяжении нескольких последних лет часто выступал с докладами на тему о международном положении. Так что сейчас мне просто с трудом верится, что детская мечта так неожиданно начала приобретать реальные очертания.

Чувствовалось, что мои ответы произвели хорошее впечатление. Однако, опять-таки в духе того времени, ничего определенного мне не сказали, посоветовали лишь возвращаться в Сталинград, куда, мол, мне и сообщат о принятом решении. В полном неведении относительно своей будущей судьбы я пребывал вплоть до конца августа, когда наконец пришло долгожданное извещение о моем зачислении в ВДШ.

Это было радостным событием не только для меня, моих родных и многочисленных друзей, но и для сослуживцев, знакомых и просто соседей. Ведь я был первым сталинградцем, который отправлялся на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР! Но уже тогда я глубоко задумался над тем, что ждет меня впереди, как сложится дальнейшая судьба, как эта резкая перемена в жизни отразится на семье... Конечно, тогда мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь эта новая стезя приведет меня на московскую улочку с таким грустным и поэтическим названием — «Матросская тишина»!

В последний день августа 1951 года я прибыл в Москву и поселился в общежитии ВДШ, находившемся недалеко от

Павелецкого вокзала, в Стремянном переулке, дом 29, которое, по-моему, существует по сей день. У меня была небольшая, рассчитанная на двух человек комнатка площадью около 6 квадратных метров (умывальник, туалет и кухня были общими), в которой я и прожил все три года учебы, — по тем временам условия вполне приличные. Заниматься приходилось много: осваивал два языка — венгерский и немецкий, штудировал новые для меня науки. Ежедневно, кроме воскресенья, вставал в шесть часов утра, а завершал свой рабочий день в час-два ночи. И так от каникул до каникул. Помогали молодость и огромное желание учиться!

Впервые в жизни у меня была возможность заниматься только учебой. Здание дипшколы находилось в тихом переулке недалеко от Красных ворот — в Большом Козловском, в доме № 4. Помещения были небольшими, поэтому использовался буквально каждый квадратный метр, в том числе и подвал, где располагался уютный буфет. Больше всего меня поразила своим богатством библиотека дипшколы, с самого первого дня учебы я буквально не вылезал из нее.

Первое занятие в ВДШ было у меня по венгерскому языку. В группе насчитывалось трое слушателей. Преподаватель начал с рассказа о трудностях венгерского языка, в котором 28 падежей, нет рода, непривычное для русских построение предложений, сложное произношение и так далее в том же духе. Он явно хотел настроить нас на напряженный труд, но эффект получился прямо противоположный — на втором занятии группа состояла уже из двух человек, а вскоре я и вовсе остался в одиночестве. Оба моих товарища сочли, что освоить венгерский им не под силу и обратились к руководству школы с просьбой о замене им языка. Специалисты требовались не только по Венгрии, поэтому их просьбу легко удовлетворили. Так и получилось, что из всего нашего потока все три года венгерскому языку обучали меня одного.

Кстати, наш преподаватель понял, что допустил оплошность, и, видимо, испугавшись перспективы потерять последнего ученика, резко сменил тактику — теперь он внушал мне, что не такой уж и сложный этот венгерский, да и вообще не так страшен черт, как его малюют! Меня, помню, порядком забавляли его постоянные сентенции о том, что этот

пресловутый язык учу не я первый, мои предшественники с этой задачей тоже неплохо справлялись, да и надбавку к зарплате за знание венгерского языка платят повышенную... Мне пришлось даже успокаивать беднягу, заверять, что не собираюсь отступать.

В конечном счете все вошло в норму, а я стал, как шутили мои однокашники, «самым дорогим» с точки зрения материальных затрат слушателем — ведь у меня была отдельная языковая группа с «персональным» преподавателем. После бегства моих товарищей долго потом еще на меня показывали пальцем и говорили: «Вон идет тот самый чудак, который учит венгерский».

Ну а язык тем не менее у меня пошел. Довольно быстро разобрался с грамматикой, понял ее внутреннюю логику и налег вовсю на словарный запас. Разработал удобную для себя методику и стал постоянно увеличивать количество выученных за день слов. Через какой-то короткий промежуток времени этот ежедневный рацион перевалил за сотню слов, что удивляло даже опытных педагогов. Но секрет был прост — я всюду носил с собой специальные карточки, на которые выписывал заучиваемые слова, и при малейшей возможности — в метро ли, в перерывах между занятиями — доставал их из кармана и начинал вновь просматривать, тасуя как попало. Если к вечеру выявлялось хотя бы одно забытое слово, то за этим следовало наказание — переписывание заново всей сотни слов и словосочетаний, составлявших мою ежедневную норму.

Буквально через несколько дней после начала занятий параллельно с венгерским пришлось заняться еще и немецким языком. На этот раз в группе был полный комплект — три человека. Одной из преподавательниц у нас была Софья Борисовна Либкнехт, жена Карла Либкнехта. Ей было уже за семьдесят. От возраста и пережитого она с трудом передвигалась, но сохраняла поразительную живость ума. Человеком она была в высшей степени образованным, от природы одаренным, интеллигентным и очень тактичным. Немецкая пунктуальность чувствовалась во всем — семидесятилетняя, не очень здоровая женщина ни разу не опоздала на занятия!

В 1953 году осенью она побывала в ГДР, посетила Западный Берлин, постояла на месте гибели мужа. Делясь

своими впечатлениями от увиденного, Софья Борисовна часто повторяла, что немцы в ГДР живут лучше, чем советские люди, но явно проигрывают в жизненном уровне своим западным собратьям. «Если в ГДР, — говорила она, — снабжение хорошее, то в Западной Германии блестящее: рано или поздно такая ситуация приведет к возникновению большой и крайне опасной «немецкой проблемы». Помню, что нас удивляла ее обеспокоенность, ведь мы воспитывались в другом духе, когда соображения материального порядка вообще не играли заметной роли.

Надо сказать, я охотно занимался немецким. Этот язык напоминал мне о Сталинграде. О своей бабушке по отцу я уже рассказывал. Кроме того, на нашей улице, в соседнем дворе, жила в землянке одна немецкая семья. Глава этого семейства работал на заводе «Баррикады» и был, как рассказывал мой отец, уважаемым специалистом и очень хорошим работником. Я подружился с его старшим сыном, девятилетним мальчиком, моим сверстником. Мы часто ходили друг к другу в гости, постоянно держались вместе на улице — даже в играх всегда норовили оказаться в одной команде. Русский язык мой немецкий друг еще не очень освоил. Я, как мог, помогал ему, а он в ответ учил меня немецким словам. Вот тогда и зародилось желание выучить немецкий язык, я даже дал себе слово непременно сделать это. Наша детская дружба продлилась почти 7 лет. Потом началась война, а через несколько дней немецких семей в соседних дворах уже не оказалось: всех немцев выслали. С тех пор я потерял след моего друга, но память о нем, о совместных детских годах и нашей дружбе сохранилась навсегда.

Трехлетняя учеба в ВДШ в 1951 — 1954 годах дала мне невероятно много. Впервые появилась возможность серьезно заняться языками да плюс к тому десятками других предметов, как специальных, так и общеобразовательных. Я изучал советскую и зарубежную литературу, получил широкий доступ к документальным источникам, общался в буквальном смысле с элитой профессорско-преподавательского состава. Все это создавало отличные условия для приобретения знаний и освоения азов будущей профессии. Надо особо

указать на одну важнейшую примету того времени — на качественный сдвиг, происшедший в учебном процессе после смерти Сталина.

5 марта 1953 года, когда умер Сталин, далеко не все понимали, что означал для советских людей, да и не только для них, уход из жизни этого человека. Люди были охвачены горем, и мало кто испытывал в те дни иные чувства.

На траурном митинге, состоявшемся в ВДШ, выступавшие не могли скрыть слез, причем восхваляли Сталина даже сильнее, чем при его жизни. При этом каждый задавался вопросом, как жить дальше, что ждет всех нас впереди? Первые недели шли пока в прежнем русле, однако чувствовалось, что накопившееся за годы внутреннее напряжение вот-вот вырвется наружу. Тем не менее все еще по инерции продолжали бояться открыто говорить про то, о чем думали, хотя страх постепенно начал уходить. Решительный же перелом в сознании людей произошел лишь с арестом Берии. Именно тогда начался отсчет нового времени, характерной чертой которого явилась переоценка ценностей, которыми общество жило до той поры. Не случайно тогдашний президент США Эйзенхауэр заметил: «Со смертью Сталина в Советском Союзе окончилась одна эпоха и началась другая». К сожалению, переходный процесс, который неизбежно сопровождает смену эпох, у нас явно затянулся. Порой мне кажется, что он продолжается и по сей день.

С начала учебного 1953/54 года ветер перемен достиг и нашей дипшколы. Однако все нововведения «спускались» сверху, причем очень дозированно, ни о какой инициативе снизу и речи быть не могло.

В те годы я читал лекции о международном положении по линии общества «Знание». Прежде чем выходить на аудиторию, нужно было получить какие-то установки, ориентирующие на официальную точку зрения, поэтому все пропагандисты, как нас тогда называли, сами бегали на лекции и так называемые «инструктивные» доклады наших известных политических обозревателей — Олещука, Корионова и других. Мы жадно ловили каждое слово наших корифеев пропагандистского фронта и всякий раз замечали какие-то подвижки в оценках «текущего момента», улавливали новые акценты в интерпретации советской внешней политики. Од-

нако больше всего наше внимание привлекало все то, что касалось личности самого Сталина. Хотя как раз в этой области не было значительных изменений, все же было очевидно, что имя Сталина произносилось все реже, все меньше ссылались на его высказывания. У большинства из нас это вызывало скорее недоумение, ведь в каждом еще продолжал жить образ вождя, неразрывно связанный с победой в войне и другими важнейшими свершениями советского народа.

С чувством сожаления всегда думаю о том, что лишь один, да и то только последний год проучился в дипломатической школе после окончания эры Сталина. Существенные коррективы в учебные программы были внесены уже после моего окончания ВДШ. Тогда, по рассказам выпускников более поздних лет, совсем в другом ключе начали проходить семинарские занятия — стало больше дискуссий, творческого подхода.

1954 год, июнь. Позади ВДШ, красный диплом, распределение на работу в МИД, на венгерское направление. Отшумел торжественный выпускной вечер, впереди долгожданная дипломатическая работа, а пока что месячный отпуск, который получили выпускники.

Мы с женой решили использовать эту возможность для того, чтобы получше отдохнуть в преддверии работы на новом поприще. Поскольку нам рассказали, что новоиспеченным дипломатам положена форма, мы с женой решили, что мне незачем иметь два пальто — хватит и одного, «форменного». Поэтому прежнее мое добротное «гражданское» пальто мы продали, получив таким образом дополнительные «отпускные». А 1 августа, когда я вышел на работу в МИД СССР, нам объявили, что форму для дипломатов отменили... Так и пришлось потом еще целый год донашивать совсем старое пальто, которое, по счастью, сохранилось от прежних лет.

Так вот и жили, порой с трудом дотягивая «от зарплаты до зарплаты», хотя оптимизма и веры в лучшее будущее было не занимать. Историю со злополучной формой и так не-

осмотрительно, по-цыгански проданным пальто вспоминали со смехом, без какого-либо сожаления.

В МИДе встретили приветливо. В первый же день группу новых дипломатов принял заведующий IV Европейским отделом Михаил Васильевич Зимянин. Обратило внимание, что в его рассуждениях, советах сквозила непривычная «вольность» по отношению к официальной линии. В ходе беседы Зимянин постоянно бросал такие непривычные для нас фразы: «Здесь мы должны еще хорошенько подумать», «Кое-что придется пересмотреть», «Во внешней политике должны быть новые подходы», «Социалистический лагерь необходимо всемерно укреплять, но соцстраны во многом должны определяться сами» и так далее в таком же духе.

Старшие товарищи рассказали новичкам, что раньше высказывания руководства носили куда более категоричный, заданный характер. Так что ветер перемен достиг и такой, прямо скажем, консервативной организации, каким было тогда наше внешнеполитическое ведомство. Чувствовалось это по всему, хотя было ясно и то, что настоящие перемены еще впереди, и никто пока не представляет себе ни их конкретного содержания, ни даже направленности.

Во многом наш новый, вернее, скорректированный внешнеполитический курс должен был определяться тем, по какому пути пойдет внутриполитическое развитие страны в постсталинский период. А что делать со страной, как управлять ею в новых условиях, никто в нашем тогдашнем руководстве представления как раз и не имел. Одни явно не хотели порывать с прежней жизнью, другие же, хотя осознавали необходимость реформ и были готовы решительно покончить со старым, пока еще не знали, как это сделать практически. К тому же сказывалось наследие сталинской эпохи — никто, по крайней мере в руководстве, не отваживался на решительные самостоятельные поступки. Лидера под стать этому сложному историческому моменту в нашем отечестве, как всегда, «не нашлось». Именно поэтому государство, да и общество в целом начали движение вперед без четкой концепции, без ясных ориентиров.

К сожалению, такой образ действий характерен для нас и по сей день, ситуация «отсутствия лидера» преследует наш многострадальный народ словно злой рок...

Многие концепции, программы основывались в значительной мере на эмоциональных порывах, на благих пожеланиях, рождались исходя из произвольно поставленных сроков, без учета реалий и глубокого всестороннего анализа накопившегося мирового опыта. Отсюда дефицит внутренней логики и последовательности в наших действиях, чрезмерная поспешность, граничащая с губительным авантюризмом. Как и прежде, большинство ответственнейших решений принималось единолично (причем людьми далеко не самыми мудрыми, а то и порочными), хотя коллективизм как таковой и являлся политическим фундаментом нашего строя. Не извлекая должных уроков из прошлого, мы и сейчас повторяем ошибки, уже совершенные нами в прошлом...

В венгерской референтуре, куда я был распределен, работало восемь человек. Сидели все в небольшой комнате на 17-м этаже высотного здания на Смоленской площади, куда к тому времени переехало Министерство иностранных дел. У каждого свой небольшой канцелярский стол, чуть больших размеров — у заведующего референтурой. Здесь знакомились с почтой, готовили документы, обсуждали общие дела, спорили, изредка принимали посетителей из других ведомств.

К концу дня в голове шумело от разговоров, телефонных звонков и табачного дыма. Но в этой тесноте были и несомненные плюсы — мы не только были в курсе всего происходящего на венгерском участке, но и очень хорошо знали друг друга.

Мнение, которое я составил тогда о своих товарищах, неоднократно подтверждалось затем даже спустя десятки лет. А окружавшие меня люди, конечно, были самыми разными — и характерами, и поведением, и манерой работать, да и в целом отношением к жизни.

Как-то в конце 1954 года, помню, зашел разговор о Сталине. Один из наших товарищей по ходу бросил реплику о том, что Сталин тоже, мол, не стоял в стороне от репрессий. Тут же нашелся «бдительный» сотрудник, который резко

одернул «зарвавшегося»: «Ты что же, Сталина убийцей считаешь?!»

В комнате воцарилась неловкая тишина, неосторожно оброненная фраза могла дорого обойтись «виновнику». Пришлось ему спешно ретироваться, тем более что «сталинист» явно закусил удила. Лишь благодаря вмешательству всех остальных обитателей нашей комнаты обстановку в конечном счете удалось разрядить, и инцидент был замят.

Этот случай хорошо иллюстрирует не только обстановку в МИДе, но и общую атмосферу того времени, когда назвать Сталина убийцей еще считалось серьезной крамолой.

В памяти отложилось выступление министра иностранных дел В. М. Молотова перед партийным активом в апреле 1955 года. Обсуждался вопрос о работе и задачах нашего ведомства. Слово взял А. А. Громыко, бывший в ту пору первым заместителем министра. В своем выступлении он подверг острой критике стиль работы Молотова, говорил о необходимости выработки нового подхода во внешней политике, причем делал это в довольно резких выражениях.

Зал реагировал сдержанно, очень уж непривычными были в ту пору подобные заявления. Заключительное слово Молотова длилось более часа. Начал он традиционно с анализа обстановки в стране, потом перешел к делам международным, подчеркнул важность всемерного укрепления социалистического лагеря перед лицом возрастающей угрозы со стороны мирового империализма, в заключение остановился на задачах коллектива. На критические замечания Громыко в свой адрес Молотов при этом вообще не отреагировал, хотя было видно, что они его больно задели.

Поначалу Молотов сильно нервничал, даже заикался. Впрочем, он быстро взял себя в руки и, как всегда, начал уверенно выдавать формулы, делать привычные оценки. В общем-то это было заурядное выступление, но зал слушал затаив дыхание, так как всем было ясно, что сейчас решается, кому быть министром: по-прежнему Молотову или Громыко.

Хотелось, конечно, большей определенности и конкретности, людям надоели одни лишь лозунги, общие призывы к удвоению усилий в борьбе за светлое будущее народов

и т. п. Расхожие пропагандистские фразы никак не настраивали на творческий подход в вопросах внешней политики. С другой стороны, приверженцы старых порядков с явной опаской относились к молодому, энергичному Громыко, не были готовы к ломке привычного уклада своей жизни. Поэтому речь Молотова звучала для многих гарантией стабильности, а свежие ветры сулили одни неожиданности, да и было пока непонятно, в каком направлении они дуют.

Несмотря на то что Молотов продолжал руководить МИДом, время брало свое, и обстановка в министерстве постепенно менялась. Медленно, но неумолимо наполнялась новым содержанием работа, менялся ее стиль, да и просто распорядок жизни сотрудников. Дипломаты вдруг стали «развязывать языки», начали глубже задумываться над недавней историей и происходящим сейчас, ставить все больше и больше вопросов. К сожалению, ответов было значительно меньше, чем этих вопросов...

Ветер перемен коснулся не только производственной сферы, но и личной жизни людей. При Сталине весь состав МИДа работал по крайне изнуряющему ночному графику. Рядовые сотрудники уходили со службы часа в два-три ночи, а наутро в девять ноль-ноль снова были уже на своих местах. Правда, днем на перерыв отводилось по два-три часа. У руководства же график был несколько иным — рабочий день начинался часа на два позже, а завершался чуть раньше, чем у остальных. Все шло от «отца»!

Годами, день за днем, кроме воскресений, люди жили в таком нечеловеческом ритме. В результате личная жизнь как таковая теряла свой естественный смысл. У сотрудников в принципе не должно было быть личных дел. Уйти с работы пораньше, например часов в десять вечера, можно было лишь с разрешения довольно высокого начальства, да и то только в случае веских причин. Мидовцы теперь с ужасом вспоминали эти порядки, хотя еще не так давно безропотно тянули лямку и другой жизни для себя просто не представляли. Человек привыкает ведь ко всему!

Получив наконец нормальный рабочий день, дипломаты смогли теперь выбираться в кино, театр, да и просто проводить время с семьей, выходить на прогулки, чего раньше

они были практически лишены. Все это не замедлило сказаться на облике сотрудников — они менялись буквально на глазах, воспрянули, стали раскованнее, в глазах появился какой-то блеск.

В воздухе витало предчувствие дальнейших перемен. Пока только в личных беседах, так сказать, в кулуарах, но все же можно было услышать откровенные суждения, интересные мысли и идеи. На бесчисленных же собраниях — партийных и профсоюзных — или в ходе производственных совещаний, которые мало отличались от тех, которые мы знали по сталинским временам, такое, конечно, услышать было нельзя. Впрочем, и здесь иногда раздавались смелые речи, не получавшие, впрочем, ни поддержки, ни осуждения присутствующих. Во многом это объяснялось позицией руководства, где процесс пробуждения нового сознания явно отставал от настроений масс, а какого-то реального размежевания сил в верхних эшелонах пока так и не произошло.

К концу лета 1955 года я получил назначение на работу в нашем посольстве в Будапеште. В это же время состоялось мое знакомство с человеком, который сыграл, пожалуй, самую значительную роль в моей дальнейшей судьбе. Я имею в виду Ю. В. Андропова, бывшего тогда послом СССР в Венгрии. Юрий Владимирович позвонил мне по телефону и сообщил, что вопрос о моем назначении решен и в октябре он ждет меня в Будапеште.

Итак, первая загранкомандировка. Для любого дипломата — это важный этап не только с точки зрения карьеры, но и для всей его жизни. Именно в ходе первой командировки, на мой взгляд, происходит становление будущего дипломата, завершается, если хотите, первый цикл подготовки нового специалиста, начавшейся на учебной скамье и продолженной в период работы в центральном аппарате министерства.

Первая работа за границей сказывается и на формировании личности человека — люди, попав в новые для себя условия, в отрыве от дома, родных и друзей, очутившись в общем-то в небольшом коллективе, неизбежно раскрывают-

ся, полнее проявляя не только деловые, но и личные качества.

Впрочем, все это я осознал позже, а после назначения меня одолевали совсем другие мысли и чувства. Волновался оттого, что рассматривал работу в посольстве как своего рода серьезный экзамен на звание настоящего дипломата. Думал о родных, которых долго теперь не увижу, о своей семье, в очередной раз вынужденной резко сменить образ жизни и отправиться со мной в мир, для нас совершенно неведомый. Очень жалко было расставаться с новыми друзьями, ведь мы отчетливо сознавали, что расстаемся, скорее всего, надолго, так как бродячая и полная перипетий жизнь дипломатов может разметать нас по разным уголкам земного шара!

На перроне вокзала собрались близкие друзья. Позади недолгие и совсем необременительные сборы. Жена, преподаватель русского языка и литературы, с большим сожалением оставившая школу и своих учеников (многие из которых, кстати, пришли проводить свою учительницу), пятилетний сын, наш первенец, и радостно-тревожное ощущение прыжка в новую, как мы были уверены, интересную и полную романтики жизнь...

Таким мне запомнилось это осеннее утро на Киевском вокзале столицы. Паровоз издал протяжный гудок, медленно тронулся с места и, отчаянно пыхтя, покатил вперед, все дальше и дальше увозя нас от сравнительно спокойного и привычного прошлого...

За окном мелькали знакомые поля и леса, нечастые переезды и деревеньки, а в глазах у нас уже стояла Венгрия, и я питал самые радужные надежды, связанные с увлекательной и манящей дипломатической службой. Конечно, не мог я тогда предположить, что предстоящая командировка принесет с собой суровые испытания и станет первым шагом по трудной и каменистой дороге, которая приведет меня в заоблачные высоты большой политики, а затем и в тюремную камеру, где я украдкой, ночами и писал эти строки...

Жалею ли я о том, что встал на этот путь? Оглядываясь назад, на свою долгую жизнь, могу твердо сказать, что нет, не жалею, хотя признаюсь честно, что иногда бессонной

ночью, лежа на нарах и глядя в тюремный потолок, я думал, что многое отдал бы за то, чтобы тот роковой для меня поезд отправился в путь без моей семьи...

Впрочем, чем бы ни были вызваны эти мимолетные чувства — человеческой ли слабостью или переживаниями за совершенные ошибки, — могу сказать с уверенностью, что, однажды встав на этот путь, я и в следующий раз прошел бы его так же, не свернув в сторону!

Глава 2

ВЕНГЕРСКИЙ ЭТАП

Через сутки с небольшим поезд пересек границу, и мы оказались на территории Венгрии. За окном замелькали совсем другие пейзажи, так непохожие на те, что мы видели всего несколько минут назад. Чужая земля, совсем иная жизнь, незнакомый народ. Вагон раскачивало из стороны в сторону — сказывалась узкая колея венгерской железной дороги, — а я жадно всматривался в эту теперь уже немножко и «мою» страну, разглядывая названия маленьких полустанков и переводя жене надписи на венгерских вывесках.

Первое, что бросалось в глаза, это бесчисленные наделы крестьян-единоличников, узкие делянки, на которые были нарезаны зеленые, несмотря на уже наступивший октябрь, поля вдоль дороги. Техники почти никакой, но удивительно много лошадей, тяглового скота. Не очень уж богатые хутора с домами средних размеров и хозяйственными постройками. Всюду копошились люди, причем работали и стар и млад. На проходящий поезд никто не обращал никакого внимания — некогда.

По внешнему виду крестьяне мало отличались от наших, только чувствовалось, что они посдержаннее, но вместе с тем, как я потом убедился, такие же добрые по характеру и с каким-то особым, не сразу понятным иностранцу внутренним миром. Подростки трудились в поле наравне со взрослыми — возили на арбах собранный урожай, стебли кукурузы, солому, разбрасывали навоз.

Венгерские крестьяне, как, впрочем, и все венгры, исключительно трудолюбивы. Делают все неторопливо, тщательно, увлеченно и с достоинством. Среди крестьянских угодий особой ухоженностью отличались виноградники. Вообще к винограду у венгров отношение совсем иное, чем к остальным сельскохозяйственным культурам — они вкладывают в него всю душу, работают на виноградниках с особым удовольствием.

Городские картины тоже отличались от наших, и не только архитектурой. Любой, даже самый маленький городишко имеет все присущие своим большим собратьям черты — в каждом есть центральная площадь, главная улица, магазины с яркой рекламой, внушительных размеров собор, парадное здание для городских властей. Архитектурные памятники очень бережно охраняются, венгры не просто гордятся ими, но и хорошо знают их историю.

Вообще надо сказать, что отношение венгров к собственной истории необычайно уважительное. Это святое. Здесь кроются корни венгерского патриотизма, отсюда проистекает и явный национализм, также характерный для этого народа. Понимание и учет венгерского национализма необходимы для того, чтобы правильно строить отношения с этой страной, понимать существо происходящих в ней процессов. Тот, кто недооценивает эти факторы, в итоге все равно просчитается — исторических примеров тому более чем достаточно.

Мы получили жестокий урок в 1956 году, расплатившись в какой-то мере и за собственные ошибки, за пренебрежительное отношение к чувствам, традициям венгерского народа.

У венгерского национализма есть своя, только ему присущая логика. Он очень быстро набирает силу и затем,

как правило, приводит к мощному социальному взрыву. Причем если сегодня этот национализм направлен, к примеру, против Румынии, то завтра он легко обретает противочешскую направленность, а вслед за этим может получить, скажем, и антисоветскую окраску. Нет никакой гарантии, что в один прекрасный день он не обрушит всю свою мощь на головы тех, кто находится в собственной столице — Будапеште. Не случайно ведь венгерские власти всегда боялись национализма собственного народа, они старались не только не подогревать его, но и всячески приглушать.

В большинстве случаев конфликты, вызванные вспышками национализма, удавалось затушить путем нахождения компромисса. Но затем ситуация повторялась вновь. Разрушительная сила венгерского национализма в чем-то напоминает мощный селевой поток. Его невозможно остановить, пренебрегать им опасно. Но разрушительные последствия потока можно значительно уменьшить, если направить несущуюся массу в нужное русло, дать ей выдохнуться, иссякнуть.

Было бы неверно думать, что в национализме как таковом нет ничего положительного, никаких созидательных начал. Когда надо направить энергию народа на что-то весьма значительное, добиться выполнения труднейшей задачи, то именно национализм может явиться здесь единственным подспорьем. Благодаря национализму Венгрия уцелела в борьбе за независимость и свободу, сохраняла дух народа даже в самые трудные времена.

Живучесть венгерского национализма проявляется хотя бы в том, что ни в одной нации венгры не растворялись, чаще они сами вбирали в себя выходцев из других стран. Трудолюбие, прилежность, терпимость к лишениям, организованность, любовь к порядку, высокая порядочность — вот те качества, которые сделали венгерскую нацию такой сильной, выносливой и жизнеспособной.

Есть и еще одна характерная для венгров черта — это их исключительное гостеприимство и дружеская расположенность к иностранцам. На дружбу венгров можно смело полагаться, но если они оказались по другую сторону баррикад, то вы столкнетесь с весьма серьезным противником.

...7 октября 1955 года к вечеру наш поезд прибыл на Восточный вокзал Будапешта. Я жадно вслушивался в долетающие из толпы голоса и вдруг ощутил, что понимаю лишь отдельные слова, но никак не фразы целиком. На обращения ко мне венгров я не смог ответить ничего путного — так и не понял толком, чего же все-таки от меня хотят. Это явилось для меня жестоким ударом! Я настолько был поглощен своими переживаниями, что даже на вопросы встретивших меня на вокзале товарищей из нашего посольства порой отвечал невпопад. Несколько успокоило лишь разъяснение одного из дипломатов, который, по его словам, испытал такой же шок, когда впервые ступил на венгерскую землю. «Такое происходит с каждым, — заверил он меня, — через пару недель все войдет в норму».

Отчетливо помню также, что жена на вокзале крепко держала за руку сына, прижимала его к себе, не отпуская мальчишку ни на полшага. По-моему, она ничего не замечала вокруг и была занята лишь одной мыслью — не дать потеряться сыну в этой многолюдной незнакомой толпе.

Мы вышли из крытого вокзала и оказались на широком, обрамленном могучими липами проспекте Ленина, по обеим сторонам которого высились старинные дома прекрасной архитектуры. А спустя всего пятнадцать минут посольский автобус уже въезжал на территорию жилого дома нашего посольства на улице Лендваи.

С интересом осматривали мы место, где нам предстояло провести несколько лет. А жить поначалу пришлось в одной комнате большой трехкомнатной квартиры с обшарпанной мебелью, общей кухней и прочими очень знакомыми по Москве атрибутами коммунального быта. Впрочем, должен сказать, эти условия были настолько уже привычными, что не произвели на нас особого впечатления.

Так вот и началась моя первая (и вместе с тем последняя) зарубежная командировка на дипломатической службе, открывшая совершенно новую и очень яркую страницу в моей жизни — венгерскую. Эта командировка оказалась довольно бурной, сопряженной с большими трудностями и испытаниями. Именно венгерский этап во многом и определил мою дальнейшую судьбу, связал меня на целых 29 лет

с Юрием Владимировичем Андроповым — человеком, который, едва блеснув в политическом зените нашей страны, сумел тем не менее оставить такой яркий след в ее истории.

У каждого посольства есть своеобразная летопись, связанная не столько с событиями и делами, сколько, скорее, с теми послами, которые их возглавляли. В период после 1945 года, когда советско-венгерские отношения были особенно насыщенными, об Андропове после говорили, пожалуй, как о самой яркой личности. Он стремительно завоевывал симпатии и уважение в среде послов других социалистических стран и даже, я бы сказал, в дипкорпусе в целом. Беседы с ним были неизменно содержательными и интересными, никогда не носили лишь протокольного характера.

Юрий Владимирович поражал собеседников своей эрудицией, легко мог вести разговор на философские темы, демонстрировал недюжинные познания в области истории и литературы. Единственное, в чем он, и пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, — так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал.

Чем большим багажом знаний располагал Андропов, тем сильнее была его тяга к ним. Он много читал, любил и умел слушать.

В посольстве регулярно проходили целевые совещания, на которых велись откровенные дискуссии, поощрялись высказывания самых различных точек зрения. Андропов не боялся принимать ответственных решений, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска. Если же вдруг возникала опасная ситуация, он никогда не терял головы, не лез напролом, но и не сдавал без боя свои позиции. Может быть, именно поэтому его сослуживцы всегда чувствовали себя с ним как за каменной стеной, никогда не впадали в панику, даже когда в силу каких-то обстоятельств Андропов делал ошибочный шаг.

Все знали, что Юрия Владимировича, если он действительно не прав, всегда можно переубедить и он откажется от ранее принятого решения, на какой бы стадии исполнения оно ни находилось.

Андропов редко сам прибегал к шутке, я не слышал от

него ни одной забавной истории, ни одного анекдота, но вместе с тем он ценил юмор, не обижался, даже когда подшучивали над ним. Реагировал на это заразительным смехом, но никогда не подтрунивал над другими. Правда, веселью Юрий Владимирович отводил мало времени и быстро переключался на серьезный настрой.

Андропова всегда отличало чувство высокой ответственности за любое дело — большое или малое. Не помню ни одного случая, чтобы он пытался переложить ответственность на другого, скорее брал вину на себя, даже в тех случаях, когда, казалось, для этого не было никаких оснований.

По прибытии в Будапешт я с первых же дней начал активное знакомство со страной. Охотно откликался на приглашения посетить столичные предприятия, научные и учебные заведения, культурные центры, часто бывал в музеях, а пару раз в месяц отправлялся и в более далекие поездки.

Венгрия производила впечатление благополучной страны. Обилие товаров и продовольствия, низкие цены, отличное соотношение денежной и товарной массы. Хорошо помню, что в 1955 — 1956 годах на каждую денежную единицу в один форинт приходилось товаров на сумму три форинта.

По нескольку раз в год для сбыта товаров проводились распродажи по бросовым ценам. Огромное количество товаров Венгрия поставляла в Советский Союз. Венгры — самые различные по своему социальному положению — говорили, что никогда еще они не жили так хорошо, как в 1955 году.

В стране не было безработицы, люди стали получать от государства бесплатное жилье, в невиданных масштабах шло строительство. Энтузиазм охватил широкие массы, и казалось, ничто не угрожало устоям новой народной власти.

Венгры ценят уважительное отношение к их стране, поэтому мои выступления на венгерском языке всегда воспринимались аудиторией с большим одобрением. Венгры — гордый и независимый народ. Дорожат всем своим, национальным и не нуждаются ни в чем чужом.

Как-то один наш товарищ, журналист, с похвалой отозвался о великом композиторе и исполнителе Ференце Листе, назвав его венгерским. Аудитория тотчас же шумно возразила, напомнив, что Лист австриец.

Отношение к Советскому Союзу было отличным. Советские люди, находившиеся в Венгрии, чувствовали это в своей повседневной жизни. Торгово-экономические связи наших стран расширялись и углублялись по всем направлениям. Обмен делегациями, специалистами, частные поездки людей приобрели постоянный характер. Казалось бы, небо в советско-венгерских отношениях было безоблачно и ничто не предвещало мрачных перемен.

Но вот наступил 1956 год, ознаменовавшийся XX съездом КПСС и разоблачением культа личности Сталина. Доклад на съезде Н. С. Хрущева произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий сталинского периода. Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране.

Ни одна коммунистическая партия, включая КПСС, пережить XX съезд без потрясений, издержек так и не смогла. То, что впереди нас ждут драматические события, стало ясно сразу же после доклада Хрущева.

XX съезд КПСС — это точка отсчета нового периода в истории КПСС и Советского государства, всего коммунистического движения, переломный этап в развитии стран народной демократии. В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения.

В Москве явно недооценили опасности переноса тяжести обвинений на всю партию, на всех ее членов, на все Советское государство. Некоторые зарубежные коммунистические партии вообще не смогли перенести этого удара и прекратили свое существование. Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности.

А руководство не только не учитывало этих настроений, но и буквально каждый день обрушивало на их головы все новые и новые факты, пряча за кулисами этой тяжелой драмы свою собственную неприглядную роль в недавних событиях и пытаясь переложить бремя исторической ответственности за содеянное на чужие плечи. Каждый свой промах в проведении политики по разоблачению культа Сталина Москва пыталась задним числом оправдать, давая тенденциозную оценку всему происходящему. И без того сложная ситуация от этого становилась еще более запутанной.

Руководители братских партий не были заранее проинформированы о содержании предстоящего доклада Хрущева на XX съезде КПСС под предлогом сохранения намеченного шага в секрете. Но сразу же после съезда доклад стали передавать за рубеж всем руководителям партий, нисколько не заботясь о том, что он немедленно, без каких-либо разъяснений, станет достоянием самой широкой общественности. Все это поставило КПСС и другие братские партии в крайне тяжелое положение.

Тогдашнее руководство Венгрии во главе с Матиасом Ракоши попыталось ослабить негативную реакцию, произведенную на общественность своей страны материалами XX съезда КПСС. С этой целью в апреле 1956 года был проведен будапештский партийный актив с закрытым докладом на тему о советском съезде. Прений не открывали, было лишь подчеркнуто, что необходимые выводы нужно сделать и венгерским коммунистам (какие именно, при этом не сказали — на этот счет имелось в виду определиться позднее). Участники актива осознавали всю серьезность ситуации, но никто толком так и не понял, что же конкретно нужно делать в этой обстановке, с тем чтобы избежать чрезмерных издержек для партии в целом.

По стране тем временем поползли самые невероятные слухи о докладе Хрущева о культе личности Сталина. При этом подбрасывалась мысль о том, что подобные беззакония не обошли и Венгрию, только здесь, мол, власти пытаются скрыть беззакония, обмануть народ.

Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой, но, разу-

меется, никаких вразумительных ответов не получал, кроме призывов «действовать по обстановке». Ракоши неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю. В. Андропову, интересовался его личным мнением, просил выяснить позицию Москвы по некоторым вопросам, но все было тщетно. Андропов сам ломал голову над тем, что же все-таки происходит в Москве, поскольку никаких четких ориентировок не получал.

А тем временем опасные для венгерского руководства слухи стали обретать еще более драматическую окраску, продолжая все сильнее будоражить общество. Любые россказни принимались за чистую монету. В результате каждый факт обрастал леденящими душу подробностями, из уст в уста передавались постоянно завышавшиеся цифры репрессированных венгерских граждан. А ведь в самой Венгрии, как и в других социалистических странах, хотя и были нарушения законности, но дело обошлось сравнительно малыми жертвами.

Надо отдать должное Ракоши: он не дал разгуляться репрессиям, устоял перед советским примером.

По официальным данным, в Венгрии с 1949 по 1953 год было незаконно репрессировано в судебном порядке несколько сот человек, из них расстреляно двенадцать, в том числе известный политический деятель Ласло Райк. Это во многом объяснялось тем, что Ракоши числился в любимчиках у Сталина и тот позволял и прощал ему больше, чем многим руководителям других стран.

Обстановка тем временем продолжала накаляться, сказывалось отсутствие решительных действий венгерских коммунистов, которые, вместо того чтобы выработать самостоятельную линию, все еще по привычке продолжали ждать директив из Кремля. Кризис власти приобрел угрожающий характер.

Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, в июне 1956 года Ракоши по настоятельному совету Москвы взял шестимесячный отпуск и выехал на лечение в Советский Союз. Тогда он еще не знал, что навсегда прощается с Венгрией, в которую после многолетней ссылки в Советском Союзе вернется уже мертвым, чтобы быть похороненным в Будапеште на кладбище для заслуженных ветеранов...

...Трагически сложилась судьба этого человека, впрочем, как и многих других видных деятелей мирового коммунистического и рабочего движения. Его слава и личная драма — отражение той сложной эпохи, в жерновах которой погибла целая плеяда замечательных людей, пламенных революционеров, решивших в свое время полностью отдать жизнь борьбе за интересы народа и до конца дней сохранивших верность своим идеалам.

Ракоши был одним из руководителей Коминтерна, работал с Лениным, считался его соратником. Об этом он и сам говорил с неизменной гордостью. В 1924 году Ракоши нелегально перебрасывается из Москвы в Венгрию для организации там партийной работы. Но в том же году его арестовывают и бросают в тюремные застенки. В заключении он проводит целых 16 лет! Держался Ракоши достойно, не раз смотрел смерти в глаза, но не сдался, выстоял.

В то время в Советском Союзе был образован комитет за освобождение Ракоши и его товарищей. Возглавила эту общественную организацию замечательная женщина, якутка по национальности, Феня Федоровна Корнилова.

В 1940 году Ракоши и его товарищи были обменяны на венгерские знамена, захваченные Россией в первую мировую войну. Так Ракоши наконец оказывается на свободе. В Советском Союзе он возглавляет венгерских коммунистов. У нас обретает вторую Родину, обзаводится семьей. Кстати, его женой становится та самая якутка, которая возглавляла когда-то комитет за его освобождение и теперь решила до конца дней разделить нелегкую судьбу мужа.

В 1944 году часть Венгрии была освобождена советскими войсками, и Ракоши возвращается домой. После войны он становится во главе объединенной Венгерской партии трудящихся и до 1956 года бессменно остается на этом посту. Одаренный, широкообразованный, Ракоши производит сильное впечатление на всех, кто с ним работает, просто соприкасается.

В 1947 году на одной из пресс-конференций для венгерских и иностранных журналистов в Будапеште он поражает присутствующих своей образованностью, эрудицией. На семи языках без услуг переводчиков Ракоши свободно отвечает на вопросы (пятью языками — русским, немецким,

французским, английским, итальянским — он владел в совершенстве). Мировая пресса тогда писала, что в лице Ракоши на небосводе коммунистического движения взошла новая яркая звезда.

Рассказывали, что однажды поздно ночью Ракоши застали в его рабочем кабинете поглощенным каким-то занятием. На вопрос, что он с таким усердием делает, Ракоши ответил, что решил выучить румынский язык, возможно, это поможет ему глубже понять эту страну и тем самым добиться улучшения венгеро-румынских отношений. «Нужно лучше узнать друг друга, все-таки соседи», — заметил он.

Будучи даже такой яркой личностью, Ракоши не нашел в себе силы вырваться за пределы жестко насаждаемой нами линии, выйти на простор проведения самостоятельной политики Венгрии с учетом ее особенностей. Да это и сложно было сделать. Он был бессилен перед общим потоком, в который попали практически все европейские социалистические страны, да и не только европейские.

Спустя несколько лет, уже находясь в Советском Союзе, на обвинения тогдашнего руководства Венгрии в том, что его деятельность в стране привела к «извращениям, искривлениям, пренебрежениям национальными особенностями», он саркастически ответил, что только недалекие люди не могут не учитывать наличия в то время общих источников как великих побед, так и совершенных ошибок.

Однако, несмотря на всю свою проницательность, Ракоши до последних дней так и не понял суть и причины событий, произошедших в Венгрии осенью 1956 года. Он винил прежде всего самого себя, но корень зла видел лишь в том, что напрасно поддался давлению Москвы и дал согласие оставить высший партийный пост и покинуть Венгрию. Объективное видение реальностей изменило даже ему, и он продолжал жить в другом, далеком от действительности измерении.

Ошибка одной-единственной личности, а за нее приходится расплачиваться целому народу, всей стране, причем не только ей одной. Хотя, разумеется, нельзя сваливать все на Ракоши: его суждения об общих источниках поразивших страны социализма бед не лишены оснований.

В 1961 году мне, тогда уже сотруднику аппарата ЦК

КПСС, было поручено присутствовать на беседе двух представителей руководства Венгерской социалистической рабочей партии с Ракоши, которая состоялась в Краснодаре (этот город по просьбе венгерского руководства был определен в качестве места жительства для опального политического деятеля). Представителями ВСРП были Иштван Ногради — руководитель Центральной контрольной комиссии Венгерской социалистической рабочей партии и Дьердь Ацел — член ЦК партии.

Беседа длилась более восьми часов, из которых более шести говорил Ракоши. Цель посланцев из Венгрии состояла в том, чтобы высказать Ракоши претензии в связи с фактами его «антипартийной деятельности, подстрекательскими письмами и нежелательными встречами с некоторыми венгерскими гражданами».

Ракоши с ходу отверг все предъявленные ему обвинения, а на угрозу собеседников принять меры по разоблачению его поведения перед венгерской и мировой общественностью бросил фразу, которую я хорошо запомнил и, уверен, точно воспроизвожу по памяти: «Вы не забывайте, что перед вами единственный оставшийся в живых руководитель Коминтерна, работавший с Лениным под его личным руководством. Шестнадцать лет я провел в хортистских застенках в Венгрии, вел себя достойно, не сдался, выдержал все испытания. Во время войны еще раз доказал, что являюсь другом Советского Союза. Под моим руководством в Венгрии победила социалистическая революция, а вот без меня в 1956 году произошла контрреволюция».

Беседа была завершена, представители ЦК ВСРП поняли, что не смогут переубедить Ракоши, что взгляды его останутся неизменными.

Да, действительно, Ракоши до корней волос был революционером в том понимании этого слова, которое было присуще его времени. Но на смену одному этапу исторического развития неизбежно приходит другой, и он несет в себе уже иные понятия и реалии. Далеко не каждому дано осознать это, избавиться от прежних стереотипов, продолжать шагать в ногу со временем. Не был исключением, к сожалению, и Ракоши. Что это? Трагедия, беда человека или неумолимая логика эпохи, жестокая закономерность?

Пройдет время — и история, вернее «мудрые», как всегда, историки, задним числом во всем разберутся, разложат все и вся по нужным полочкам. К сожалению, для многих это будет слишком поздно...

С конца весны 1956 года обстановка в Венгрии накалялась угрожающими темпами. Тон задавала часть творческой интеллигенции, прежде всего писатели, журналисты, деятели искусства. В круговерть социально-политических событий стремительно вовлекалась городская молодежь, в первую очередь студенческая. Все сильнее проявляли себя средства массовой информации. Причем наибольшую активность (как часто все повторяется в этом мире!) нередко демонстрировали именно те, кто еще вчера слыл коммунистом и даже сталинистом.

Такие люди делятся на две категории. Одни прежде искренне заблуждались и теперь под влиянием всплывших на поверхность фактов захотели встать на чистую дорогу в жизни, решили исправить положение дел в стране. Другие же действовали из сугубо карьеристских соображений: однажды уже совершив восхождение в своем общественном и служебном положении в рамках старых порядков, они и теперь вознамерились сделать очередной рывок, отталкиваясь от нового трамплина.

Ставший в июне 1956 года во главе партии Эрнё Герё, не обладая необходимыми личными качествами политического руководителя, сухой по характеру, лишенный какого бы то ни было ораторского дара (а для венгров, да и не только для них, это качество имеет очень большое значение), с самого начала показал свою беспомощность и не только не приобрел влияния на массы, но и растерял последние остатки авторитета партии.

6 октября 1956 года состоялся массовый траурный митинг в связи с захоронением останков необоснованно репрессированных в сталинские времена Ласло Райка и его шести товарищей. В митинге приняло участие до 300 тысяч человек. Это была генеральная репетиция перед основными событиями. Правда, сам митинг прошел организованно, не вышел из-под контроля официальных властей и не отли-

чался особым накалом страстей или экстремизмом. Но именно он положил начало открытой подготовке к решающему выступлению против партии, правительства, самого социалистического строя. Было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах.

Однако и в этой экстремальной ситуации высшее руководство ВНР продолжало бездействовать, вместо того чтобы предпринять хоть какие-то политические акции, дать понять широким массам, что их чаяния, тревоги и заботы понимаются наверху. Разрыв между руководством и народом все увеличивался. Несовершенство государственной системы, зародышевое состояние подлинно демократических институтов, неспособность к искусным маневрам, отсутствие опыта — все это и привело к таким далеко идущим последствиям. А ведь венгерские события по своим глубине и масштабам были первым такого рода кризисом в социалистическом лагере.

Уход в отставку тогдашнего венгерского руководства или хотя бы его основной части уже дал бы необходимый выигрыш во времени и внес бы столь желаемую разрядку в обстановку. Руководство же во главе с Герё хоть и было обречено, но продолжало цепляться за власть, ибо другие подходы были тогда социалистической практике неведомы.

23 октября Герё возвратился из поездки в Югославию. Что означал в такое время этот визит — беспечность или незнание подлинной ситуации в своей собственной стране? Пожалуй, и то, и другое.

Вечером этого же дня на улицах Будапешта начала разыгрываться трагедия. Состоялась демонстрация, затем митинг. В общей сложности на улицах города собралось тогда до 100 тысяч человек. Лозунги произносились самые разные — от социалистических до откровенно фашистских. Просматривалась и антисоветская настроенность, но не у большей части людей. Общим скорее был антисталинский порыв.

Знание венгерского языка позволило мне вместе с другими сотрудниками посольства побывать на улицах и площадях, узнать, что говорилось на митингах.

Около десяти вечера раздались выстрелы в районе ра-

диоцентра: его атаковала группа молодежи. Появились первые убитые и раненые. Солдат, подъезжавших на машинах к радиоцентру, тут же разоружали.

Эту картину я наблюдал лично, оказавшись у здания радиоцентра именно в этот драматический момент.

Начались нападения на магазины, появились крепко подвыпившие молодые люди. Город за час-полтора изменился до неузнаваемости, начали действовать законы толпы, где уже совсем другая, не поддающаяся предсказанию логика.

Толпа двинулась на площадь имени Сталина, чтобы разрушить находившийся там памятник вождю. Спустя три часа удалось свалить статую. Ее низвержение сопровождалось безудержным ликованием собравшихся. Казалось, большего восторга и счастья никто из присутствовавших в своей жизни не испытывал. Сначала памятник с помощью автомашины раскачали из стороны в сторону, а затем, подрезав автогеном часть фигуры чуть выше сапог, тягачами свалили навзничь (так и стоял потом еще несколько дней на площади постамент с одними сапогами на нем, что дало повод жителям Будапешта тут же окрестить это место «площадью сапог»). Повергнутая статуя мгновенно скрылась под телами забравшихся на нее людей. Площадь огласилась каким-то диким ревом.

И вдруг — то ли от еще сохранившегося страха перед этим человеком, то ли просто отрезвев от отвратительной сцены варварства — люди как-то разом притихли и стали поспешно уходить, вернее, даже убегать прочь от зловещих обломков. Через минуту бегство приобрело массовый характер, толпа была буквально охвачена паникой.

В этот момент кто-то запел национальный гимн. Все замерли на месте. Гимн разом привел толпу в чувство, успокоил, хотя люди и продолжали постепенно расходиться. Когда стихло пение, у поверженной статуи осталась сравнительно небольшая инициативная группа, которая и приняла решение организовать «траурный кортеж», с тем чтобы доставить бронзовую фигуру вождя «на родину» — во двор советского посольства — и там похоронить ее.

Уже в пути планы, однако, изменились: статуя была отвезена к берегу Дуная и сброшена в воду. По пути значи-

тельную часть памятника растащили по кусочкам на сувениры.

Здесь уместно вспомнить, что в марте 1953 года Венгрия очень тяжело переживала смерть «вождя народов». Его там в ту пору действительно почитали, причем уважение и любовь к нему в народе были неподдельными.

В ночь на 24 октября 1956 года положение в столице полностью вышло из-под контроля властей. Во многих местах слышалась стрельба, начались повальные грабежи магазинов, учреждений, работа общественного транспорта была полностью парализована, жители стали спешно покидать город. Положение осложнилось активным вовлечением в беспорядки учащейся молодежи.

Венгерское руководство по телефону правительственной связи рвалось в Москву к Хрущеву, настоятельно убеждая советскую сторону оказать необходимую помощь в нормализации обстановки в Будапеште. Несмотря на бесчисленные призывы, Андропов отказался ставить перед Москвой вопрос о вводе наших войск в столицу, поэтому Герё стал решать этот вопрос напрямую с Хрущевым.

24 октября утром советские воинские части вошли в Будапешт. На некоторых направлениях завязались бои с применением орудий, бронемашин и танков.

25 октября Герё наконец-то заявил о своей отставке. Ушли со своих постов и некоторые другие руководители. Но было слишком поздно: этот шаг уже не сыграл своей конструктивной роли.

Выдвижение на пост премьер-министра Андраша Хегедюша — молодого, энергичного, прогрессивного и бесспорно талантливого руководителя — также не спасло ситуацию. В условиях политической неразберихи власть в итоге перешла в руки Имре Надя — этой поистине роковой фигуры в венгерской истории.

Об этом человеке следует сказать особо. Его жизнь была тесно связана с Советским Союзом. Во время первой мировой войны он попал в плен и на целых 26 лет остался в нашей стране. До второй мировой войны Надь принимал активное участие в работе венгерской секции Коминтерна,

особых постов он, правда, там не занимал, но был, как говорится, на виду.

Сталинские репрессии больно ударили по венгерским коммунистам, погиб их руководитель Бела Кун, но Надя они как-то обошли стороной — что ж, не всех ведь постигла тяжелая участь, повезло и ему. Так, по крайней мере, полагали сами венгры.

В 1945 году Надь возвращается в Венгрию, где принимает участие в строительстве новой жизни. Репрессии в этой стране, имевшие место в сталинский период, его тоже не затронули.

После 1953 года Надь занимал ряд высоких постов, в том числе был премьер-министром. Между Ракоши и Надем постоянно возникали серьезные разногласия по принципиальным вопросам социалистического строительства. В числе прочего Надь обвинялся в поддержке сил, выступавших за «буржуазные» порядки, подвергался критике за националистические настроения, непоследовательность в политике. Все подмечали у него склонность к демагогии. Короче говоря, вскоре Надь оказался не у дел.

Когда летом 1956 года обстановка в Венгрии стала накаляться, о нем вспомнили. Инициативу, кстати говоря, проявил Анастас Иванович Микоян.

Надо сказать, что Микоян верил Надю и полагал, что на него можно делать ставку. Правда, поддержки в этом вопросе ни среди советских специалистов, ни у венгров Микоян не находил. Тогда он решил лично убедиться в обоснованности своей позиции.

В июне 1956 года Микоян попросил Хрущева разрешить ему встретиться с Надем в здании советского посольства в Будапеште. Андропов поручил мне (я был тогда пресс-атташе посольства) созвониться с Надем и в случае его согласия привезти гостя в посольство.

На наше предложение о встрече Надь без промедления ответил согласием, и вскоре я отправился за ним. По дороге Надь с теплотой рассказывал о своем пребывании в Советском Союзе, говорил, что привык к советской прессе, особенно к «Правде», регулярно слушает Московское радио. По поводу своей дочери мой спутник заметил, что она вообще больше русская, чем венгерка, как по воспитанию, так и по

языку. Сам Надь по-русски говорил совершенно свободно, без всякого акцента. В машине он ненавязчиво обронил несколько фраз о том, что не мыслит Венгрию без тесного союза с Советским государством, дал понять, что лучше его кандидатуры Москва не найдет, что с ситуацией в стране только он в состоянии справиться.

Как мне рассказывали, беседа Микояна с Надем носила характер глубокого зондажа и завершилась обоюдным выводом о целесообразности взаимного сотрудничества. Но, как отмечали венгерские друзья, Надь часто говорил одно, а делал совсем другое. С одной стороны, он вроде бы давал заверения в сохранении дружбы с Советским Союзом, но наряду с этим продолжал принимать активное участие в подготовке антиправительственных акций.

Когда в конце октября 1956 года он занял пост премьер-министра, его первыми шагами стали выход Венгрии из Организации Варшавского Договора и обращение к Западу за помощью. Прослеживалась явная ориентация Надя на появлявшиеся новые антисоциалистические партии и организации, в его выступлениях звучали призывы к реставрации капитализма. Не преминул сделать Надь и ряд резких антисоветских заявлений.

Но все это стало очевидным потом, пока же Надю удалось заручиться поддержкой Микояна, а тот, в свою очередь, сумел убедить советское руководство в том, что именно Надь способен вывести Венгрию из тяжелейшего кризиса.

Эта ошибка дорого стоила и нам, и нашим венгерским друзьям. Юрий Владимирович рассказывал мне, что 1 ноября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС деятельность А. И. Микояна на венгерском направлении была подвергнута весьма суровой критике, но было поздно, к тому времени Надь успел уже натворить много бед...

30 октября советские воинские подразделения покинули Будапешт, так как их дальнейшее пребывание там, казалось, было лишено всякого смысла.

Действительно, власть к тому времени полностью перешла в руки Надя, Герё и Хегедюш оказались не у дел, а Янош Кадар вообще вынужден был уйти в подполье. Нашим

войскам в этих условиях просто не на кого было опереться. Кроме того, у многих были еще иллюзии насчет того, что венгры смогут сами во всем разобраться и, по крайней мере, навести порядок в столице.

В те самые часы, когда советские воинские части покидали венгерскую столицу, состоялась встреча Микояна с известным политическим деятелем, лидером партии мелких сельских хозяев Венгрии Тильди Золтаном. Беседа проходила прямо на улице — до событий это был проспект имени И. В. Сталина, во время событий — Венгерской молодежи, затем, когда стихли бои, Народной Республики, а сейчас — имени Андраши. Даже по неоднократной смене всего за каких-то два месяца названий этого проспекта — одного из центральных в Будапеште — можно судить о тех бурных изменениях, которые происходили в тот период в политической жизни страны.

Микоян сообщил Тильди Золтану о начавшемся выводе советских войск из Будапешта и выразил надежду, что новым властям удастся самостоятельно навести общественный порядок в городе. Он поинтересовался оценками собеседника перспектив дальнейшего развития обстановки в Венгрии и будущего советско-венгерских отношений.

Тильди Золтан, который явно уже видел себя в роли президента государства, приветствовал уход советских войск из столицы, заверял, что безобразия в Будапеште и других городах страны прекратятся, и сразу же наступят мир и спокойствие. По его словам, отношения между Венгрией и Советским Союзом получат всестороннее развитие. «Конечно, — заметил он, — придется пересмотреть кое-что во внутренней и внешней политике, но венгерская сторона будет активно консультироваться с Москвой». Уверенность исходила от каждого слова собеседника.

Жизнь, однако, не замедлила опровергнуть такой «прогноз». Тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, «агентов Москвы».

В беседах с совпослом Надь говорил о чувстве дружбы к Советскому Союзу, а в своих публичных заявлениях приветствовал улицу, призывал и дальше «развивать револю-

цию». Надо было срочно спасать положение, а этого можно было добиться только одним путем — вернуть назад наши войска, выведенные из Будапешта всего пять дней назад.

И вот 4 ноября части Советской Армии вновь вступили в город, для того чтобы исправить ошибки политиков.

В конце октября — начале ноября 1956 года наступил, пожалуй, самый критический момент. Значительно осложнилась и ситуация вокруг советских учреждений, посольство оказалось в осаде, каждый выход из здания был сопряжен с опасностью. Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах и лишь изредка, да и то только после возвращения наших войск, на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи, которые оставались в жилом доме, расположенном в нескольких кварталах от посольства. Вскоре членов семей, к счастью, удалось эвакуировать в Союз, и с наших плеч свалился тяжелый груз постоянных опасений за их судьбу.

Надо сказать, что для тревоги за жизнь близких были серьезные основания. Ведь первое время жилой дом вообще оставался без охраны, и его несколько раз занимали вооруженные мятежники. Лишь после 4 ноября несколько наших солдат стали постоянно дежурить в здании, обеспечивая хоть и символическую, но все же защиту его обитателей.

Советское посольство работало в те дни в крайне напряженном ритме. Необходимо было давать подробную информацию в Москву, продолжать работать с местными властями, решать массу сложных вопросов, возникавших в той ситуации буквально ежеминутно. Одной из первейших задач, стоящих тогда перед нами, было спасение венгерских друзей, жизнь которых в те дни буквально висела на волоске.

Вспоминаю бессонные ночи, выходы для сбора информации на обезлюдевшие улицы, тайные встречи с венгерскими товарищами, порой при весьма небезопасных обстоятельствах. Мы помогали найти убежище тем, кому угрожала расправа, находили возможность для контактов с дипломатами из посольств других социалистических стран.

Знание венгерского языка позволяло вступать в разговор с венграми, получать свежую информацию прямо из центра событий. Хорошо, если перед тобой оказывался бла-

гожелательный собеседник, но частенько попытки завязать беседу заканчивались тем, что приходилось в буквальном смысле слова уносить ноги, как только по акценту в тебе распознавали русского.

Выполнение официальных поручений, сопряженных с посещением соответствующих учреждений и ведомств, тоже было отнюдь не простым делом, до них ведь надо было как-то добраться, а затем еще с документами вернуться обратно в посольство. Не обходилось, конечно, и без серьезных ЧП. Об одном из них следует рассказать особо.

В ночь на 24 октября 1956 года в Будапешт должен был прилететь А. И. Микоян с группой товарищей. Встречать его на военный аэродром выехал Андропов вместе с военным атташе. На окраине столицы они попали в засаду, были обстреляны, при этом их пробитая пулями автомашина, угодившая к тому же еще в завал из деревьев, полностью вышла из строя. Пассажирам пришлось глубокой ночью в течение более двух часов пешком добираться до своего посольства.

А на улицах Будапешта было неспокойно, бродили толпы возбужденных и вооруженных людей. Андропов шел твердой походкой, даже неторопливым шагом. Не раз на них обращали внимание, несколько раз пытались остановить, но каким-то чудом все обошлось благополучно. Сопровождавшие Андропова лица с восхищением рассказывали о его выдержке и самообладании. Сам же Юрий Владимирович признался потом, что это происшествие стоило ему огромного нервного напряжения.

Для иллюстрации настроений в Будапеште в то время стоит рассказать об одном случае. Больше года я был знаком с одним венгерским другом, довольно известным в стране ученым, доктором наук Ласло Вартаи. Знал хорошо его семью, неоднократно бывал у него дома. Это были нормальные отношения советского дипломата с одним из представителей венгерской науки. Во время встреч речь часто заходила об обстановке в стране, о советско-венгерских отношениях, о путях и перспективах развития венгерского общества. По своему настрою Вартаи был ближе к левым, демократическим силам. К Советскому Союзу относился неплохо, но явно тянулся и к Западу.

Когда начались описываемые события в Венгрии и наши войска вошли в Будапешт, у моего друга это вызвало бурю негодования, он однозначно осудил наше военное вмешательство. Мне показалось тогда, что я потерял его навсегда.

Но вот 30 октября 1956 года советские воинские подразделения покинули венгерскую столицу и сразу же началась настоящая охота на коммунистов, сотрудников органов госбезопасности. Будапешт захлестнули акты насилия и грабежи.

2 ноября в посольстве раздался телефонный звонок, и кто-то, назвавшись незнакомым мне именем, на немецком языке спросил меня. По голосу я сразу понял, что это Вартаи. Намеками договорились о времени и месте срочной встречи, на которой настаивал мой собеседник.

И вот в ночь на 3 ноября мы встретились. Каково же было мое удивление, когда Ласло начал разговор с извинений за свои недавние слова по поводу вмешательства наших войск. Он поведал мне о страшных фактах разгула реакции (так он сам выразился), причем не только в Будапеште, но и в провинции, с волнением говорил о том, что страну утопят в массовых репрессиях, если вовремя не поспеет прямая военная помощь со стороны Советского Союза. Я не верил своим ушам! Всего пять дней назад Вартаи нахваливал Имре Надя, а сейчас называл его не иначе как предателем.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы в душе человека произошла настоящая революция — от осуждения нашего вмешательства до призывов к немедленному оказанию вооруженного содействия! А ведь лично ему, Вартаи, как известному демократу и прозападно настроенному ученому, ничто не угрожало...

За истекшие годы оценка событий в Венгрии менялась неоднократно, но кардинально — лишь дважды. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, последнее слово историей пока еще не сказано. Отнюдь не претендую на такое слово и я. Представляется, что однозначного ответа вообще нет, да и быть не может. Те десятки тысяч, что вышли на улицы Будапешта 23 октября и в последующие дни, едва ли были контрреволюционерами, какой-то реакционной силой. Но разве те, кто на сей раз оказался по другую сторону бар-

рикад и принимал участие в убийствах, грабежах, в других преступлениях, кто насильственно низвергал властные структуры, кто силой принуждал принимать решения, угодные одним и противоречащие интересам других, разве они вправе называть себя истинными революционерами?!

Так уж получилось, что к коммунистам примазывалось немало случайных попутчиков, которые своими действиями нанесли невосполнимый урон всему движению, сплотили против себя мощный фронт сопротивления, куда вошли и те, кто изначально стоял на куда более правильных позициях, нежели сами эти псевдокоммунисты.

В этой связи стоит воспроизвести оценки бывшего члена высшего партийного руководства Венгрии, директора института общественных наук ЦК ВСРП Дьердя Ацела. Этот общественно-политический деятель, ученый, политолог всегда отличался неординарным, самостоятельным мышлением. Он никогда не находился во власти конъюнктурных подходов, отчего нередко испытывал лишения, подвергался критике то слева, то справа. При Ракоши он был репрессирован, осужден и вышел на свободу уже после смерти Сталина. При Яноше Кадаре, на последнем этапе входил в высшее партийное руководство, стоял на социалистических позициях, но последовательно выступал за обновление существовавшей общественно-политической системы, за что стал мишенью для критики слева. А в последнее время, уже после Кадара, за мужественное отстаивание социалистических идей и призывов к сохранению основополагающих начал народной власти подвергался гонениям уже справа. Так что его суждения, даже по одним лишь этим примерам, можно считать вполне непредвзятыми и поэтому заслуживающими особого внимания.

В статье «У демократизации нет альтернативы», опубликованной в июле 1989 года в журнале «Проблемы мира и социализма», Ацел так описывает октябрьские события (1956) в Венгрии: «Сегодня оживились дискуссии о его (митинге 23 октября 1956 года в Будапеште) характере, направленности: революция это была или контрреволюция? Народное восстание или мятеж реакционных сил, сумевших обманом вывести народ на улицы? Но однозначного ответа на эти закономерные вопросы пока нет. Важно учитывать,

что состав участников и объективное содержание их выступлений менялись по мере развития событий. Так, в массовой демонстрации вечером 23 октября определяющим было требование обновления социализма, коренной демократической реформы. Наряду с этим в последующие две недели характерным стало смешение многообразных сил и целей: лозунгам обновления вторили голоса в пользу народно-демократического устройства власти, установленной после 1945 года. Оживились и сторонники старого, свергнутого более десяти лет назад режима, силы, желавшие в несколько модернизированной форме — парламентской демократии западного типа — вернуться к прошлому. Имели место также экстремистские проявления: стали поднимать голову консервативно-националистические и крайне правые, антикоммунистические, хортистские, христианско-националистические силы, вплоть до деклассированных, преступных и реваншистских элементов».

Думаю, эти высказывания Ацела содержат важный ответ на непростой вопрос.

4 ноября 1956 года, когда советские воинские части вновь вошли в Будапешт, Имре Надь с группой своих единомышленников бежал в югославское посольство, где и получил временное убежище. 22 ноября по договоренности между Венгрией, Югославией, Румынией и Советским Союзом он вместе со своими четырьмя сообщниками был вывезен в Румынию, так как югославы по целому ряду соображений были не в состоянии продолжать держать мятежников в своем оказавшемся в изоляции посольстве в Будапеште. Да и венграм пребывание Надя в Будапеште доставляло немало хлопот.

Советская сторона также была заинтересована в скорейшем разрешении этого конфликта в интересах снижения напряженности в стране в целом. Спустя несколько месяцев имренадевцы были, однако, возвращены в Венгрию и переданы в руки властей. В июле 1957 года они предстали перед судом, были приговорены к высшей мере наказания и казнены. А спустя 33 года последовала реабилитация, в столице на государственном уровне состоялась официальная траур-

ная церемония перезахоронения останков Надя и других казненных с ним лиц.

Янош Кадар называл историю с Надем своей личной трагедией. Кадар немного не дожил до того дня, когда стали известны достоверные материалы о причастности Надя к репрессиям против группы венгерских эмигрантов в Советском Союзе в 30-е годы. Как видно из материалов, переданных венгерской стороне в 90-е годы, Надь, будучи агентом НКВД (псевдоним Володя), сделал ложный донос о якобы имевшей место антисоветской деятельности ряда венгерских эмигрантов (в эту группу попало более 200 человек). Многие из них были осуждены, а некоторые даже расстреляны.

Вряд ли кто будет оспаривать, что этот важный штрих в биографии Надя представляет всю историю с ним в совершенно ином свете. Хотел бы подчеркнуть, что ни Ракоши, ни Кадар, ни другие венгерские друзья понятия не имели об этой до последнего времени тайной стороне биографии Надя, хотя кое-какие слухи на этот счет в Венгрии все же циркулировали. Говорил мне об этом как-то и сам Кадар. В Советском Союзе соответствующие документы в архивах КГБ были обнаружены лишь в 1990 году.

К 10 — 11 ноября 1956 года бои в Будапеште утихли, в стране начался сложный и болезненный этап восстановления нормальной жизни. Возглавил этот процесс Янош Кадар — человек необычной судьбы, редких дарований, патриот и в то же время яркий интернационалист, искренний друг Советского Союза. О нем речь впереди, а сейчас очень кратко о том, как Венгрия стала выходить из тяжелейшего кризиса.

В те мрачные ноябрьские дни среди венгров, да и у нас тоже преобладали пессимистические прогнозы. Казалось, процесс нормализации затянется на многие годы, не удастся избежать периодических вспышек социальных конфликтов. Как переломить ситуацию? Как внушить людям, что у правительства Кадара самые добрые намерения, горячее стремление быть вместе с народом, в полной мере учитывать его чаяния?

Созданная в дни событий, в самом начале ноября, Венгерская социалистическая рабочая партия (вместо распущенной Венгерской партии трудящихся) провозгласила содержательную программу обновления общества, его демократизации и опоры на широкие слои населения. Были сняты ограничения на индивидуальную и частно-предпринимательскую деятельность. Правительство пошло на значительное повышение жизненного уровня, рост которого в январе 1957 года составил 22 процента.

Это был, конечно, чрезмерный скачок, что в последующем пагубно сказалось на экономике страны и негативно повлияло на политическую обстановку, порождая у населения все новые и новые запросы и требования повышения заработной платы.

Но в целом ситуация в стране улучшалась, причем даже быстрее, чем предполагали в Венгрии и за ее пределами. Расстановка социально-политических сил в обществе при ее глубоком и объективном анализе в целом была не такой уж плохой. Около 8 — 10 процентов населения активно действовали против власти, до 20 процентов стояли на позициях венгерского руководства, хотя и проявляли себя при этом куда менее активно. Остальные, приблизительно 70 процентов, оставались пассивной массой и тем самым представляли собой как бы резерв для первых и вторых, но все-таки больше симпатизировали социалистическому выбору.

Улучшению политической обстановки, развитию народного хозяйства, расширению и углублению демократических процессов во многом помогали активность, укрепляющиеся связи руководителей всех уровней с народом. Главным в своей деятельности партия определила лозунг «борьбы за массы» и последовательно проводила его в жизнь.

1 мая 1957 года в Будапеште состоялся грандиозный митинг с участием 500 тысяч человек. Такого прежде Венгрия не знала. Кадар произнес блестящую речь. Главное содержание первомайского митинга сводилось к необходимости продолжения строительства социализма, поддержки правительства Кадара, укрепления дружбы с Советским Союзом. Было очевидно, что страна вышла из острейшего

кризиса 1956 года и встала на путь обновления. Такой политике народ оказал внушительную поддержку. Огромная заслуга в этом принадлежала самому Кадару.

Тридцать два года занимал этот человек высшие посты в партии и правительстве. Как и у многих революционеров-коммунистов, у Кадара была непростая судьба, от жизни он нередко получал тяжелые удары, но всякий раз поднимался — порой, казалось бы, уже из политического небытия — и энергично включался в активную партийную и государственную деятельность, неизменно занимая видное положение в обществе.

Янош Кадар родился 26 мая 1912 года в полуславянской бедной семье. Жил с матерью, так как отец ушел к другой женщине. Рано вступил в рабочее движение, в компартию. Из хортистской Венгрии Кадар не уезжал, представляя именно местную часть коммунистического движения Венгрии (в отличие от Ракоши, Герё, Й. Реваи и других, которые возглавляли так называемую промосковскую группу). Между этими частями никогда не было полного мира и согласия, напротив, трения иногда приобретали настолько серьезный характер, что кое-кому это стоило не только постов, но и жизни.

При хортистском режиме Кадар не раз подвергался арестам, но сравнительно легко отделывался. В 1944 году он активно включился в работу по созданию новой Венгрии, казалось, ближе сошелся с Ракоши. В конце 40-х — начале 50-х годов был министром внутренних дел, и именно в это время была арестована группа Ласло Райка. Инициатива ареста принадлежала не Кадару, это известно, и сам он не раз подчеркивал это обстоятельство. Райк попал под жернова сталинских репрессий, их венгерского ответвления.

В 1951 году арестовывается сам Кадар по стандартному обвинению в шпионаже, но в 1954 году он снова на свободе, и все обвинения против него сняты за полной их необоснованностью. Находясь под арестом, Кадар испил до дна всю горькую чашу унижений и мучений, вплоть до бесчеловечных пыток. Это оставило у него глубокую, так до конца дней и не зажившую рану. Он часто в разговорах возвращался к своему аресту, хотя для него эти воспоминания были тяжелой мукой.

Кадар, пожалуй, больше чем кто-либо из руководителей других социалистических стран понимал настоятельную потребность в глубоких и всесторонних реформах общественного развития. Будучи однозначным приверженцем социалистического пути, он тем не менее был сторонником радикальных перемен в подходах к проблемам общественного и государственного строительства, выступал за политический плюрализм, за согласие и сотрудничество всех социальных сил.

Еще в середине 60-х годов Кадар заговорил об исчерпании источников экстенсивного роста экономики, о необходимости повышения гибкости социалистической системы хозяйственного управления, ее всеобъемлющей реформы. С 1968 года в Венгрии действительно стали последовательно проводиться реформы.

В экономике сразу почувствовались глубокие перемены. Предоставление большей свободы предприятиям, наделение их правом самостоятельного выхода на внешний рынок, акцент на экономические рычаги, установление прямой зависимости субъектов производства в промышленности и сельском хозяйстве от эффективности их работы, а также многое другое — вот реальные результаты политики Кадара в этой области.

За Кадаром заслуженно утвердилась слава реформатора. На таких же реформистских, прогрессивных позициях стоял он и в вопросах литературы, искусства, культурной жизни общества в целом. Этого творческого запала хватило Кадару надолго.

В течение первой половины своего пребывания на посту лидера он выступал за периодическую сменяемость руководителей в высших эшелонах власти, причем не просто говорил об этом, но и пытался подать личный пример, подняв в 1972 году на заседании Политбюро ЦК ВСРП вопрос о своем уходе на пенсию. О намерении уйти в отставку Кадар неоднократно говорил Ю. В. Андропову, контактов с которым никогда не прерывал. Делился такими замыслами Кадар и со мной.

Его близкие друзья поняли, что у Кадара действительно созрело такое решение. Вот тут-то и начались песни на ста-

рый, до боли известный мотив: «Что будет с Венгрией, если Кадар уйдет с поста руководителя партии?»

В правовом отношении вопрос о сменяемости высших руководителей, об их уходе с постов по истечении определенного времени тогда отрегулирован не был, такой, казалось бы, нормальной практики не было ни в одной социалистической стране. Поэтому в ход пошли и в конечном счете одержали верх чисто обывательские доводы (подбрасываемые, в частности, и с нашей подачи) — нет, мол, замены, сложный момент (хотя тогда ситуация в Венгрии в общем-то была неплохой), народ не поймет, что скажут в мире, и прочее словоблудие на ту же тему.

В результате решили так: пусть Кадар продолжает занимать свой пост, но работает при этом (с учетом состояния здоровья) ограниченное количество часов в день, для стабильности этого будет, дескать, вполне достаточно. Уговорили на такой вариант и Кадара, который согласился остаться на посту лидера партии, несмотря на все свои благие намерения, и занимал его потом еще целых 16 лет!

Но эти годы уже не шли ни в какое сравнение с предыдущими: не те силы, отсутствие прежней тяги к новому, неспособность сколотить новую, молодую и энергичную команду, привычка к прежнему стилю работы и многое другое. Результат не заставил себя ждать — Венгрия начала заметно терять в темпах и качестве развития.

Руководство, живя лишь старым багажом, стало отрываться, изолироваться от масс, недовольство все острее ощущалось и справа, и слева, и в центре. Кадар еще как-то держался на старом авторитете и на своих личных качествах — таких как честность, порядочность, демократизм, терпимость к инакомыслию, но долго продолжаться это не могло.

Одним из первых шагов Кадара после прихода к власти в 1956 году было дальновидное и по тем временам принципиально новое решение — ввести порядок, согласно которому высшие руководители получали бы сравнительно небольшую зарплату и не имели бы никаких особых привилегий. Питание, жилье, пользование дачами — все должно было оплачиваться руководством, включая и самого Кадара, из собственной зарплаты. Путевки в санатории и дома отдыха, посещение охотничьих хозяйств, квартиры и коммуналь-

ные услуги — все эти расходы также покрывались начальством самостоятельно. А источник один — зарплата.

Надо сказать, Кадар строго следил за соблюдением установленного порядка и сам никогда не нарушал его. Не случайно вопросы этики, честности, проблемы с финансовыми расходами ни в период пребывания Кадара у руководства, ни после его ухода никогда никем не поднимались, хотя к власти в Венгрии пришла оппозиция, которая не преминула бы воспользоваться порочащими своих предшественников фактами, если бы таковые имелись.

На одной особенности характера Кадара следует остановиться особо, поскольку она представляется весьма поучительной. Кадар и как человек, и как политик был, в сущности, одинаков. Все его личные качества находили адекватное выражение в нем как в политическом деятеле. Так, он был исключительно постоянен в отношениях с людьми. Его личные друзья были близкими к нему и по политической деятельности, трудились вместе с ним.

Но Кадар, к сожалению, оказался заложником своих привязанностей. На протяжении многих лет он держал вокруг себя практически одну и ту же команду, мало обновлял ее состав, не приближал к себе свежих людей, деятелей с политическими взглядами, отличными от его собственных. Достойные всяческой похвалы качества Кадара-человека, его отношения с близкими к нему людьми мешали делу, когда речь шла о Кадаре-политике. Личные привязанности сковывали его действия, зачастую тяготили, но освободиться от этой черты Кадар так и не смог.

С этим были сопряжены серьезные издержки. Ведь многие, в том числе и весьма способные люди тянулись к Кадару, относились к нему с искренним уважением, но, видя его нежелание сотрудничать с ними, отходили в сторону или даже оказывались в стане оппозиции.

Еще одна, тесно связанная с первой ошибка заключалась в том, что Кадар и на других людей смотрел через призму личного постоянства, не замечал ни их роста, ни появления у них отрицательных черт, ни даже перерождения некоторых из них. В его представлении люди на каком-то уровне как бы застывали в своем развитии. Впрочем, эта особенность Кадара в последние годы распространялась не

только на людей, но и на его ви́дение обстановки, процессов, происходящих в обществе.

И все-таки Кадара никак нельзя назвать консерватором. Он все время пытался найти какие-то свежие решения в социально-экономической области, демонстрировал неординарные подходы к формам и методам управления. При этом он отнюдь не держался мертвой хваткой за свой пост, продолжал постоянно думать об уходе, о необходимости передачи власти в другие руки, но в решении этого центрального кадрового вопроса был настолько привередлив, что долго не мог сделать свой выбор. В результате такой необходимый шаг запоздал как минимум лет на восемь.

Последние два-три года Кадар руководил страной будучи уже далеко не в лучшей форме, здоровье заметно сдавало. К сожалению, это в той или иной мере было характерно для всех бывших социалистических стран. Пример же, что греха таить, подавали мы сами. Смена лидера выросла в такую проблему, что порой заслоняла собой все остальные интересы государства! За эти ошибки в итоге мы так жестоко и поплатились.

Отношение Кадара к Советскому Союзу всегда отличалось не только искренним чувством дружбы и глубокого уважения, но и неизменной честностью и принципиальностью: он без колебаний доводил до советского руководства свои критические оценки по тем или иным аспектам внутренней и внешней политики нашей страны. Не мог скрывать и своего отношения к некоторым из советских руководителей. До конца дней не потерял своего уважения к Хрущеву, ценил дружбу с Андроповым, а вот с Брежневым так и не сошелся.

В целом же Кадар оставил глубокий след в истории венгерского народа, добрую память о себе и своих делах. Его бескорыстие, самоотдачу высоко ценили не только в стране, но и за рубежом. Беспристрастный взгляд на политический курс и практическую деятельность Кадара за три десятилетия его руководства поможет высветить немало поистине исторических достижений в жизни венгерского общества.

В 1958 — 1959 годах, то есть всего за два года, в Венгрии по инициативе сверху была совершена аграрная революция. Была практически полностью кооперирована деревня, при-

чем без применения насильственных методов. Признавался и допускался только один путь — убеждение крестьян-единоличников в преимуществах коллективной формы ведения сельского хозяйства.

Учет венгерских особенностей, местных условий и традиций, крестьянской психологии, положительный пример действовавших сельскохозяйственных кооперативов и государственных хозяйств позволили, с одной стороны, безболезненно в социально-политическом отношении решить проблему кооперирования, а с другой — избежать падения сельхозпроизводства. В одних производственных кооперативах личный скот содержался в общем стаде, в других коллективное поголовье отдавалось для откорма в приусадебные хозяйства крестьян — членов кооператива. В зависимости от размера обобществленного надела своей земли каждый член кооператива получал пожизненную земельную ренту. С самого начала кооперативам была предоставлена широкая хозяйственная самостоятельность.

Социалистическое сельское хозяйство Венгрии поражало своей эффективностью. Последовательно наращивая объемы производимой сельскохозяйственной продукции, Венгрия уже к концу 70-х годов повысила урожайность пшеницы с 17 до 50, а то и 55 центнеров с гектара, а кукурузы с 26 до 70 центнеров. Благодаря этому валовой сбор зерновых увеличился с 8—9 миллионов до 15—16 миллионов тонн в год. Производство мяса на душу населения достигло 162 килограммов. На внутреннее потребление хватало 80 килограммов, вторая половина шла на экспорт.

Такая же примерно картина и по другим видам сельхозпродукции. Продовольственная проблема в стране в своей основе была решена, причем в кратчайшие сроки. Тяготы жизни хортистской Венгрии, которую обоснованно называли страной «трех миллионов нищих», ушли в прошлое.

Впечатляющими были успехи и в культурной жизни страны. В 80-е годы тиражи газет, журналов и книжной продукции во много раз превышали показатели довоенной Венгрии.

Всего лишь несколько примеров. В 1984 году в стране

выпускалось свыше 1800 печатных органов общим тиражом более 1,4 миллиарда экземпляров. Разовый тираж издаваемых в республике 27 центральных и областных газет превышал 3 миллиона экземпляров, а более чем 30 еженедельных политических и иллюстрированных журналов — многие сотни тысяч экземпляров. Наряду с этим сравнительно широка была сеть религиозных изданий. В Венгрии распространялись многие тысячи газет и журналов из других стран — как социалистических, так и капиталистических.

После себя Янош Кадар оставил в общем-то небедную страну. До него венгры жили намного хуже, а вот как они будут жить в ближайшие годы — надо еще посмотреть. Характерно, что Кадара никогда не поносили в средствах массовой информации, над ним иногда подшучивали, но по-доброму, с чувством уважения.

Случилось так, что как раз в день утверждения на сессии Верховного Совета СССР моей кандидатуры на пост председателя КГБ, 8 августа 1989 года, Венгрия прощалась с Яношем Кадаром. В похоронах приняло участие более 500 тысяч человек, причем люди пришли сами, без каких-либо призывов сверху, чтобы проводить в последний путь этого человека и тем самым отдать дань его неоспоримым заслугам.

Вскоре после смерти Кадара Венгрия сошла с социалистического пути и, что называется, с головой ринулась в водоворот капиталистических преобразований. Под воздействием массированной пропаганды и обещаний богатой, лишенной трудностей жизни значительная часть населения дала себя обмануть, остальные же, а их большинство, оказались в положении безучастных созерцателей смены общественного строя, потеряв всякую ориентацию в бурном водовороте происходящих событий. Боюсь, однако, что иллюзий хватит ненадолго, прозрение наступит, и притом очень скоро.

Свою оценку я хотел бы подтвердить словами английских политологов Г. Шейрса и К. Олсена, которые в 1991 году заметили следующее: «Венгрия — по-прежнему самая яркая звезда в восточноевропейском созвездии, однако не надейтесь, что венгры с этим согласятся. Благодаря тому что представителям данной национальности присущ мрачный

взгляд на вещи, уровень недовольства, судя по итогам опросов населения, высок. По результатам одного из недавних опросов, 84 процента жителей заявили, что уровень жизни становится хуже. Как гласит одна шутка, «в прошлом году был виден свет в конце туннеля. В текущем году виден туннель в конце света».

В порядке комментария можно, пожалуй, напомнить, что в начале 1994 года состоялись выборы в венгерский парламент. Более 40 процентов избирателей отдали голоса социалистам, да к этому еще надо прибавить более 17 процентов сочувствующих. На этом этапе прозрения — цифры весьма показательные.

Есть еще одна проблема, которая наряду с другими будет тяжелым грузом давить на венгерскую экономику. Речь идет о большой внешней задолженности страны, которая в 1991 году составляла порядка 22 — 23 миллиардов долларов. Для населения немногим более 10 миллионов человек — это весьма большая сумма. О внушительности этой цифры говорят и такие данные: только на выплату процентов по кредитам расходуется, по оценкам венгерских экономистов и зарубежных экспертов, половина доходов страны в конвертируемой валюте.

В августе 1959 года моя командировка в Венгрию завершилась, и я возвращался в Москву. Закончился один из весьма насыщенных событиями периодов в моей жизни. Я достаточно обстоятельно узнал и полюбил эту страну, изучил историю, язык, обычаи и культуру венгерского народа. В Венгрии я приобрел хороших друзей из интеллигенции, рабочих, крестьян, близко сошелся со многими венгерскими руководителями. За работу в посольстве, в том числе во время событий осени 1956 года, меня удостоили высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Из Венгрии мы вернулись уже с двумя сыновьями: в 1957 году у нас родился второй ребенок. На родину возвращались с радостью, хотя понятия не имели, что нас ждет впереди: жилья ведь в Москве у нас не было никакого, не знали даже, куда ехать с вокзала. Друзья, однако, заранее по-

беспокоились и сняли для нас номер в гостинице «Бухарест».

И вдруг на следующий день после приезда в Москву неожиданность — меня попросили позвонить в ЦК КПСС, в отдел, которым заведовал наш бывший посол Юрий Владимирович Андропов.

Так я попал на работу в аппарат ЦК КПСС и с того момента уже не распоряжался своей судьбой, трудился на тех участках, куда меня направляли. Конечно, согласие формально спрашивали, но отказываться тогда было не принято. Поэтому все мои последующие назначения осуществлялись сверху, а мне, со своей стороны, оставалось каждый раз лишь благодарить за оказанное доверие.

Первой моей ступенькой в Отделе ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран была должность референта в секторе по Венгрии и Румынии, то есть я продолжал трудиться на полюбившемся мне венгерском направлении.

Должен сказать, что это меня вполне устраивало. В соответствии с действовавшим тогда порядком всеми наиболее серьезными проблемами наших отношений с социалистическими странами занималась Старая площадь. МИДу в этих условиях отводилась довольно скромная роль ведения текущей, по большей части технической работы на двустороннем направлении. Вся кухня большой политики варилась в здании ЦК КПСС. Даже моя скромная должность референта в отделе ЦК открывала доступ к таким вершинам наших отношений с Венгрией, к которым в МИДе допускалось разве что самое высокое руководство. Так что сомнений в правильности выбранного, к тому же и не мной, пути у меня не было и быть не могло.

Помимо прочего, работа в аппарате ЦК позволила быстро решить жилищную проблему: вскоре наша семья из пяти человек получила 2-комнатную квартиру площадью 29 квадратных метров. Радости нашей не было предела! Пожалуй, я был чуть ли не единственным из советских венгроведов, кто получил в те времена отдельную квартиру. Поэтому много лет подряд Новый год и другие праздники мы отмечали с друзьями в нашей семье.

Жена легко нашла работу по специальности — устрои-

лась в соседнюю среднюю школу преподавателем русского языка и литературы. В материальном плане работа двух человек в семье в ту пору гарантировала стабильный достаток. Кроме того, мне удавалось подрабатывать переводами с венгерского, а иногда еще получать гонорары за статьи и брошюры. Пожалуй, впервые мы узнали, что такое нормальная, вполне благоустроенная жизнь.

Работа в аппарате ЦК КПСС давала возможность иметь более полную информацию о положении дел, в том числе и в нашей стране. Часто наиболее откровенная и объективная оценка происходящего поступала из-за рубежа, от руководства братских партий.

К сожалению, то относительное благополучие, в котором мы застали страну по возвращении из командировки, продлилось недолго. Вдруг словно что-то надломилось. Беднее стал ассортимент, прежде всего продовольственных товаров. На колхозных рынках резко повысились цены на мясо и другую сельскохозяйственную продукцию.

Было ясно, что начала сказываться политика Н. С. Хрущева по ограничению, а затем и откровенному зажиму приусадебных хозяйств, сопровождавшаяся передачей скота из личного пользования в колхозы и совхозы. Повсеместно пошел неконтролируемый убой скота и птицы, стали сокращаться площади под индивидуальными садами и огородами. Тогда еще мало кто отдавал себе отчет в том, к каким катастрофическим последствиям приведет такая политика, насколько далеко назад будет отброшено наше сельскохозяйственное производство. Ведь отрицательные последствия хрущевского волюнтаризма мы продолжаем ощущать и по сей день!

Но главное даже не в сокращении производства продуктов сельского хозяйства, а в том, что люди из активных тружеников не по своей воле превращались в чистых потребителей, иждивенцев на шее государства. Крестьянина отлучили от труда во имя утопических идей скорейшего торжества коммунистических отношений на селе. А неполадки (мягко выражаясь) в деревне потянули за собой и промышленность. Беда в том, что заносило Хрущева, к сожалению, не только в этом.

Плод его неуемной инициативы — постоянные реорга-

низации по вертикали и горизонтали, манипуляции с партией, выражавшиеся в попытках разделить ее на городскую и сельскую организации, масштабная химизация, рассматриваемая как панацея решительно от всех трудностей в нашей экономике, удары по металлургии, по кирпичному производству (блочные дома, метко прозванные в народе «хрущобами», до сих пор уродуют вид наших городов), в социальной области — то заигрывания с интеллигенцией, то удары по ее представителям, на внешнеполитическом фронте — сначала многочисленные мирные инициативы, а затем скатывание вплотную к войне с последующим поспешным отступлением ради сохранения мира.

Ведущие политики мира нередко сбивались с толку, пытаясь дать оценку отдельным внешнеполитическим шагам Хрущева и хоть как-то спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Хотя зачастую не было никакого смысла искать глубинные мотивы того или иного нашего шага.

Помню, как-то в ответ на просьбу Кадара дать пояснения по поводу очередного заявления советского лидера Хрущев простодушно признался: «Сморозил я, а мир гадает, что это означает. Да ни хрена не означает!»

Немудрено поэтому, что стабильности и ответственности в стране становилось все меньше и меньше. Нетерпимость ко всему, что не укладывалось в господствующие стереотипы, губила те ростки демократии, которые взошли благодаря политике самого же Хрущева в первоначальный период его правления. Народ устал от нескончаемых перегибов, шараханий и не только не одобрял многочисленные изменения в политике, экономике, государственном устройстве, но толком и не понимал их значения, тем более что жизнь становилась все хуже, росла неуверенность в завтрашнем дне и вместе с ней социальная напряженность.

В этих условиях октябрь 1964 года — смещение Хрущева — лег как бы на созревшую для этого почву. Люди ждали солидной политики, стабильного курса. Никто не верил в широко провозглашенные лозунги с точными сроками построения коммунизма, решения продовольственной, жилищной и других острейших социально-экономических проблем.

Вместе с тем для многих приход к руководству

Л. И. Брежнева также не представлялся идеальным решением. Было очевидно, что это — фигура весьма заурядная, слишком приверженная старому стилю, в сути которого люди уже разобрались и в душе не поддерживали его. Но провозглашенная Брежневым программа все же больше импонировала прежде всего своим спокойным подходом, уверенностью, приземленностью. Намечались совершенно конкретные меры по улучшению жизненного уровня, четко заявлялось о необходимости развития личных подсобных хозяйств. Были отменены меры, вызывавшие у людей наибольшее раздражение и непонимание: упразднены совнархозы, поломавшие сложившиеся вертикальные и горизонтальные связи в народном хозяйстве, сняты ограничения на индивидуальную трудовую деятельность в городе и деревне, прекращено разрушение металлургической промышленности и многое другое.

Брежнев покончил с делением партии на городскую и сельскую (то же самое деление при Хрущеве было осуществлено и для структур советской власти на местах). Все эти меры дали быструю отдачу — жизнь в стране на глазах стала входить в нормальную колею, чему в немалой степени помогало и то, что главное внимание теперь уделялось производству: централизованные и плановые начала еще сохраняли определенные резервы и упор делался на их максимальное использование.

Однако по-прежнему давала о себе знать наша главная ошибка, которая состояла в том, что мы продолжали идти по пути сохранения и усиления административно-командной системы.

Ритмичная работа, относительно четкие планы, активизация внешнеторговых связей, лишенный ненужной эмоциональности подход давали определенные результаты, но все же довольно скромный в целом жизненный уровень народа повышался в основном за счет увеличения продажи другим странам сырья, прежде всего нефти. Получаемую валюту почти целиком тратили на закупки продовольствия и ширпотреба. В общем, шел нездоровый процесс простого воспроизводства и проедания с таким трудом созданных накоплений.

В политике, экономике, практике и теории — повсюду

свирепствовал догматизм, ни о каких серьезных реформах не было и речи. Для многих было очевидно, что мы пожираем самих себя.

Не могло не вызывать озабоченности и то обстоятельство, что государству стало все труднее сводить концы с концами. Поэтому повсюду начали приукрашивать, манипулировать фактами, играть показателями.

Как всегда бывает в таких случаях, появилось стремление компенсировать внутренние трудности за счет чего-то положительного во внешней политике. И здесь, надо признать, многое было сделано. Активизировался процесс переговоров по разоружению, по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе, расширилось наше участие в различного рода международных конференциях.

Надо отдать должное Брежневу — много внимания уделялось отношениям с социалистическими странами, наши связи получили заметное развитие. Регулярно проходили встречи на высшем уровне, активно велись двусторонние переговоры по конкретным направлениям сотрудничества, исключительно широким стал обмен делегациями, опытом. Однако внешнее благополучие не могло скрыть те негативные процессы, которые зарождались как в недрах отдельных союзных государств, так и в соцлагере в целом. В отношениях СССР с другими социалистическими странами нередко возникали трения.

Вспоминается в этой связи один, на мой взгляд, весьма характерный эпизод.

Леонида Ильича Брежнева продолжало волновать сдержанное отношение Кадара к смещению Хрущева. Контакты у Кадара с Брежневым никак не налаживались, сохранялась какая-то взаимная настороженность. А тут еще Кадар все время подливал масла в огонь, продолжая оказывать Хрущеву знаки внимания: время от времени присылал ему к праздникам то фруктов, то хорошего венгерского вина. При этом он пояснял, что считает Хрущева своим товарищем и не собирается отворачиваться от него.

После некоторых колебаний Брежнев решил первым сделать шаг навстречу. В конце февраля 1965 года Брежнев и Подгорный решили нанести визит в Будапешт и обстоятельно побеседовать с Кадаром.

В ту пору я уже работал заведующим венгерским сектором отдела ЦК КПСС и поэтому мне было поручено сопровождать руководство в этой поездке.

Кадар пригласил на официальную встречу с Брежневым еще нескольких товарищей из Политбюро ЦК ВСРП. Складывалось впечатление, что один на один разговаривать он не захотел, и это явно не понравилось Леониду Ильичу.

В ходе беседы обменялись информацией об обстановке в своих странах, подчеркнули намерение и дальше развивать двусторонние советско-венгерские отношения, но — вопреки сложившейся практике — никаких комплиментов в адрес друг друга собеседники не произносили. Вопрос о смещении Хрущева Брежнев не затрагивал, чем хотел подчеркнуть, что рассматривает этот шаг как сугубо внутреннее дело Советского Союза.

После завершения официальной части Кадар пригласил советских гостей поехать на охоту в одно хозяйство на юге страны, под городом Печем. Приглашение было с готовностью принято — Брежнев и Подгорный были заядлыми охотниками.

В путь отправились специальным поездом. В вагон-салоне Кадар старался разговорить гостей, подбрасывал то одну, то другую тему, предлагал в менее официальной обстановке обсудить ряд конкретных проблем, но беседа как-то не клеилась. Всем показалось, что Брежнев, не имея под рукой заранее заготовленных материалов (а существом дела он не владел), просто растерялся. В конце концов, по-моему, понял это и сам Кадар.

Перешли на охотничьи темы, и тут уж беседа пошла вовсю. Особенно был активен Подгорный. У него наготове была масса охотничьих историй, приключившихся будто бы лично с ним. Успел он, правда, рассказать не больше двух-трех, так как краткостью явно не отличался.

Венгерские друзья слушали с показным вниманием, тактично реагировали на россказни, иногда — в порядке подтверждения своего интереса — задавали даже уточняющие вопросы, на которые тут же получали самые исчерпывающие ответы. Так и пролетели все четыре часа путешествия в поезде.

По прибытии на станцию назначения пересели в маши-

ну и через тридцать минут въехали уже на территорию охотничьего хозяйства с приличной, по венгерским масштабам, площадью несколько сот гектаров. Затем уже на повозках, запряженных лошадьми, поехали по лесной дороге к месту охоты. Из густых зарослей кустарника иногда показывались кабаны, то здесь, то там перебегали дорогу косули. Лес вокруг стоял девственный, с могучими деревьями неописуемой красоты.

Вскоре прибыли на место. Наблюдал я охоту впервые, и она мне запомнилась на всю жизнь. Охотники заняли места и изготовились к стрельбе. Я стрелять отказался, сославшись на то, что не охотник.

Егеря тем временем начали выгонять фазанов, которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей, многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами. Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец специально для того, чтобы перезаряжать ему ружья.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников...

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты.

У охотничьего домика разложили трофеи, к фазанам добавили еще нескольких зайцев, двух кабанов. Кадар и его товарищи взяли по одной птице — таков порядок, за следующий трофей надо уже платить коммерческую цену. На гостей, разумеется, эти порядки не распространялись.

Вечером состоялся дружеский ужин. Первым охотником был признан Брежнев, вторым — Подгорный. Как и в поезде, начался обмен впечатлениями, опять пошли бесчисленные охотничьи байки. Впрочем, Кадар все-таки ухитрился затеять серьезный разговор, причем весьма полезный. Речь пошла о реформах.

Он сказал, что Венгрия намерена идти путем реформ, стоять на месте больше нельзя. Венгры должны рассчитывать только на себя, подчеркивал Кадар. Скоро будет решена

проблема производства достаточного количества зерна, что улучшит ситуацию в стране на продовольственном фронте (так оно и произошло!).

Кадар говорил, что следует оживить коммунистическое движение, оно и так застоялось, критически отзывался о работе Совета Экономической Взаимопомощи. Пожаловался он и на плохое качество как венгерской, так и советской промышленной продукции.

Брежнев не спорил, хотя конкретных ответов не давал, отделываясь обещаниями во всем разобраться и обязательно вернуться к этим вопросам в будущем. Мысли его, по-моему, все еще вертелись вокруг недавней охоты, приятные впечатления от которой он не хотел портить никакими серьезными разговорами.

По итогам визита было опубликовано совместное коммюнике. Оно получилось теплым. В общем, лед начал таять. Кадар остался доволен, что все-таки именно Брежнев с Подгорным первыми приехали к нему, самолюбие его было удовлетворено. Брежнев же понял, что не может не считаться с авторитетом, которым пользовался Кадар, в том числе и в Советском Союзе.

Постепенно советско-венгерские отношения полностью вернулись в нормальное русло. Однако заниматься венгерской проблематикой мне оставалось уже недолго: независящие от меня обстоятельства в очередной раз круто изменили мою судьбу.

В 1967 году Андропову неожиданно предложили перейти из ЦК КПСС на работу в КГБ СССР. Сам Андропов узнал об этом лишь в тот день, когда ему было сделано это предложение. Идея назначения на этот пост именно Юрия Владимировича родилась не случайно и явилась следствием тех непростых отношений, которые сложились тогда в высшем руководстве, и в частности, у Л. И. Брежнева с А. Н. Косыгиным.

К тому времени я уже два года работал помощником Андропова (как секретаря ЦК КПСС), что позволяло быть в курсе многих дел, связанных с обстановкой в высших эшелонах власти. Должен сказать, что заседания Политбюро и

Секретариата ЦК КПСС проходили тогда бурно и подолгу. Речь на них часто шла не только о каких-то сугубо конкретных вопросах, но и в более широком плане о путях дальнейшего развитии советского общества.

Брежнев был сторонником постепенных перемен, предлагал проводить их без спешки, без потрясений, без революционной ломки. Косыгин же выступал за путь более радикальных реформ. Отстаивая свои идеи, он проявлял редкостное упорство, не выносил возражений, болезненно реагировал на любые замечания по существу предлагаемых им схем и решений. Экономику он вообще считал своей вотчиной и старался не подпускать к ней никого другого. Этим Косыгин настроил против себя многих членов высшего руководства.

На определенном этапе накал разногласий в Политбюро достиг апогея, и вопрос встал о выборе между двумя подходами к развитию нашего общества. Линия Брежнева взяла верх. Он стал укреплять свои позиции в руководстве, но в порядке уступки Косыгину все же был вынужден согласиться с его предложением о перемещении Андропова с участка социалистических стран и, главное, из аппарата ЦК КПСС.

Надо сказать, что тогда пост секретаря ЦК КПСС, который до своего нового назначения занимал Андропов, являлся весьма влиятельным. Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость. Не раз на это сетовал, кстати, и сам Андропов. Очередная стычка с Косыгиным действовала на него порой просто удручающе.

И все же спор между ними имел явную политическую подоплеку — Андропов опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву нашего социально-политического строя.

Назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР в мае 1967 года Брежнев, с одной стороны, как бы сделал уступку Косыгину, а с другой, значительно укрепил свои позиции, сделав этот важнейший участок полностью безопасным для себя. И действительно, с этого направления

Брежневу до самых последних дней уже ничто не угрожало. Андропов всегда сохранял к нему полную лояльность, стремился всячески помогать.

Помимо выполнения своих прямых обязанностей председателя КГБ, он принимал активное участие в подготовке всех наиболее важных речей и докладов Генсека, готовил многие предложения по вопросам внешней и внутренней политики, причем всегда делал это с полной самоотдачей. Андропов часто спорил даже с Леонидом Ильичом, отстаивал свои взгляды, но неизменно делал это с большим тактом, вел дискуссию исключительно корректно. Если же его удавалось в чем-то переубедить, то он не просто вставал на позицию другой стороны, но и твердо придерживался достигнутой договоренности.

Брежнев понимал значение Комитета госбезопасности, был внимателен к чекистам и хорошо осведомлен о положении дел в органах, черпая информацию от тех сотрудников КГБ, которых лично знал, а также из курировавшего Комитет госбезопасности Отдела административных органов ЦК КПСС. Во всяком случае, кадровую политику в Комитете из своего поля зрения Брежнев никогда не выпускал.

Вместе с Андроповым на работу в Комитет государственной безопасности перешел и я. Предложение Юрия Владимировича не явилось для меня неожиданным, ведь к тому времени мы уже проработали вместе около тринадцати лет и нас связывали не только общие взгляды, но и личные отношения, основанные на взаимном доверии и уважении.

Нет нужды говорить, что до того самого дня я меньше всего ожидал, что когда-нибудь стану чекистом! Еще труднее было предположить, что с КГБ будет связана вся моя последующая трудовая жизнь, что в этой организации я пройду долгий и нелегкий путь от помощника председателя, начальника Секретариата КГБ, заместителя и начальника главка до председателя Комитета!

Глава 3

ГОДЫ В РАЗВЕДКЕ

Долго и даже с некоторыми опасениями думал я над тем, как подойти к описанию своей работы в разведке. До последнего времени ни один руководитель советской разведки не писал мемуаров. Исключение составляют вышедшие в 1992 и 1993 годах две книги сменившего меня на посту начальника Первого Главного управления КГБ СССР Леонида Шебаршина, в которых его работа в разведке описана без претензий на освещение деятельности службы в целом в течение длительного периода и показа ее как одной из структурных составляющих государственности.

Это и понятно — секретный характер организации, невозможность использования сведений, почти целиком представляющих государственную тайну, опасение подвести сотрудников, находящихся еще в строю, раскрыть агентов и помощников, особенно тех, кто сейчас там, за рубежом.

Сейчас, когда я побывал под арестом и мое положение отличается от

положения предшественников, к вопросу о хотя бы кратких воспоминаниях бывшего руководителя советской разведки в 1974 — 1988 годах позволительно подойти иначе. Но не мое положение является определяющим. Кардинально изменилась обстановка в стране, ситуация вокруг органов госбезопасности, в их работе стало больше гласности, перед отечественной и мировой общественностью открылись многие аспекты деятельности специальных органов, в том числе и разведслужб бывшего Союза.

Кстати, в гласность работы органов госбезопасности, и в частности разведки, мне довелось внести вклад, став, как говорится, первопроходцем. Мною было дано немало интервью средствам массовой информации — отечественным и зарубежным, опубликован ряд статей по вопросам деятельности Комитета госбезопасности. Затем следовали многочисленные выступления в печати руководящих и рядовых сотрудников органов в центре и на местах, встречи с представителями общественности.

Разумеется, своими воспоминаниями я не должен причинить вреда никому лично и разведслужбе в целом. Поэтому не буду называть многих имен, опущу ряд конкретных операций, дел и стран. Если кому-нибудь из моих бывших «однополчан»-разведчиков доведется прочитать эти воспоминания, я уверен, они без труда узнают себя и в душе, возможно, дополнят их другими деталями, эпизодами, историями, которые мною опущены то ли в стремлении рассказывать о самом главном, то ли по причине несовершенства памяти.

В Комитете госбезопасности СССР я проработал в общей сложности 24 года и три месяца, из них более 17 лет в разведке: три года был первым заместителем начальника Первого Главного управления и затем в течение 14 лет — руководителем ПГУ. Правда, после августа 1991 года я числился в органах госбезопасности формально, был уволен в отставку 4 октября 1994 года.

До сих пор считаю, что годы, проведенные в разведке, являются самыми яркими в моей жизни. Для меня это был период творческого подъема, становления не только как профессионала, но и как политика. Огромный объем информации, который ежедневно стекался ко мне, позволял не

только быть в курсе международных событий, но и взглянуть как бы со стороны, с разных точек зрения на процессы, происходившие в нашей стране. Думаю, что в этом плане именно разведка предоставляет поистине уникальные возможности.

В Первое Главное управление я пришел по приказу Андропова летом 1971 года, хотя принципиальное решение на этот счет Юрий Владимирович принял задолго до этого, еще в июле 1970 года. Целый год он не решался отпустить меня с должности начальника Секретариата КГБ СССР, все подыскивал, как он говорил, подходящую замену. Да и после того, как на мое место кандидатура была найдена, у председателя все еще оставались сомнения — ведь к тому времени мы проработали с ним бок о бок уже 17 лет, сошлись, привыкли друг к другу, и предстоящее «расставание» для нас обоих было сопряжено с необходимостью преодоления определенного психологического барьера.

Но решение в конце концов все же созрело, этому в немалой степени способствовали постоянные просьбы тогдашнего начальника ПГУ Сахаровского, который собирался уходить на пенсию. Да и заместители председателя Комитета поддерживали его предложение, настоятельно советовали Андропову отпустить меня.

Памятный для меня разговор накануне назначения состоялся июньским вечером 1971 года, когда были завершены все неотложные дела, умолкли телефоны и у Юрия Владимировича, как всегда в такое время, появилась возможность спокойно поговорить по душам.

— Ну что ж, больше тянуть нельзя, пора определяться с твоей дальнейшей работой. На меня давят со всех сторон, да я и сам понимаю, что в ПГУ действительно нужен свежий зам. Ты подходишь со всех точек зрения, хотя и здесь ты мне нужен тоже. Как сам-то думаешь?

Я искренне ответил, что готов на любой вариант: разведка, конечно, манит новизной, привлекает в профессиональном отношении, но мне тоже не по себе от мысли, что работать придется на некотором удалении друг от друга. Я не скрывал от Андропова и испытываемых мной опасений, поскольку нетрудно было представить, как сложна работа в разведке, а позади уже бóльшая часть трудовой жизни. Анд-

ропов промолчал, но я понял, что решение он уже принял, причем еще до нашего разговора.

Вот так я стал разведчиком. Вернее, стал-то я им значительно позже, после того как освоил премудрости этой сложной и весьма необычной (хотя и говорят, что она одна из древнейших) профессии, а пока с головой окунулся в работу, стараясь побыстрее входить в дела.

Знакомство с подразделениями, заслушивание резидентов, других сотрудников резидентур и центрального аппарата, тщательное изучение проводимых операций быстро расширяли мои познания. Складывались первые впечатления о разведчиках. Высокообразованные, компетентные, ищущие, работают не за страх, а за совесть, переживают за дело, за неудачи, а их, с сожалению, у разведчиков случается немало. В случае провала быстро берут себя в руки и идут к новым целям. Почти у всех неплохие знания о стране, по которой работают, хорошее владение иностранными языками.

Но одно качество меня наполняло особенным чувством удовлетворения: ради дела, решения задач подавляющее большинство разведчиков готовы были пожертвовать карьерой, личным благополучием.

С самого начала поставил перед собой цель вникнуть в задачи каждого оперативного работника, во все детали разведывательной деятельности. Тот участок, курировать который мне поначалу поручили — европейские оперативные отделы, архивный отдел, информационно-аналитическое управление, а затем и отдел по сотрудничеству с соцстранами (кроме КНР, Кубы и Вьетнама), — позволил близко познакомиться с важными сторонами деятельности разведки, характерными для работы на других участках, в том числе и на главном направлении, которым всегда считалось американское.

В целом в ПГУ меня приняли хорошо, хотя и с некоторой настороженностью: пришел, мол, человек председателя, будет устанавливать свои порядки (хотя этого как раз я делать и не собирался). Некоторому предубеждению против меня способствовало и то обстоятельство, что сразу же поползли слухи о моем скором назначении на должность начальника ПГУ.

Мне трудно сказать, действительно ли Андропов переводил меня в ПГУ с таким дальним прицелом, но решение на этот счет вскоре действительно у него созрело, и долгое время это оставалось тайной, пожалуй, только для меня. Важнее было другое — преодолеть отношение к себе как к человеку со стороны, не прошедшему азы разведслужбы, никогда не работавшему в поле. Разведка ведь всегда отличалась своей кастовостью и определенным снобизмом.

Работа разведчика сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения физических и интеллектуальных сил, воли, мужества и абсолютного самопожертвования. И это не пустые слова. Разведчик вынужден жить двойной жизнью — та, реальная скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов: даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие подвиги подчас совершает их муж и отец. А вот всю тяжесть провала они всегда испытывают на себе — ведь в лучшем случае за этим следует выдворение из страны, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания. Случается, что платой за поражение является жизнь...

Непременное качество разведчика — высокая общеобразовательная подготовка, интеллектуальный уровень. Наличие как минимум двух высших образований — общегражданского и специального разведывательного — во многом предопределяет личность разведчика, помогает ему в политическом и профессиональном диалоге с иностранными представителями, делает его интересным, привлекательным собеседником.

Делячеcкий подход к разведке неприемлем, более того, пагубен, он намного сократил бы ее эффективность, сузил возможности по привлечению и сотрудничеству лиц, симпатизирующих или, напротив, враждебно настроенных к нашему государству.

Разумеется, всему, что нужно разведчику, не научишь, многие качества должны быть попросту врожденными, но специальная подготовка играет большую роль.

Разведка имеет свой институт по подготовке кадров с давними традициями. Началось с небольшой школы еще до

войны, сегодня это первоклассное высшее учебное заведение, которое готовит кадры с разносторонними знаниями, отличной профессиональной и языковой подготовкой. Институт в определяющей мере удовлетворял потребности органов госбезопасности в кадровых разведчиках. В нем осуществлялась также переподготовка сотрудников Первого Главного управления, велась научно-исследовательская работа. В штате института доктора, кандидаты наук, в его распоряжении многочисленные научные труды, учебные материалы. В 1984 году после смерти Андропова институту было присвоено его имя.

Есть еще один, чисто психологический аспект, который играет важную роль в судьбе разведчика. Ведь ему суждено постоянно нарушать большинство библейских заповедей, действовать вопреки всему тому, чему учили с детства.

Представьте себе «шпиона», который свято следует завету «не укради», или говори только правду, как этого требовали с детства! В том-то и дело, что ему приходится — в высших интересах дела, разумеется, — постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. И тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы.

Должен сказать, что в разведслужбах разных стран эта общая для них проблема решается по-разному, а от этого в общем-то напрямую зависит и результативность их деятельности. Одна лишь грубая сила, беспринципность, лозунг «цель оправдывает средства» не только не могут принести должного результата, но и являются главным уязвимым местом в работе ряда спецслужб, причиной морального разложения кадров, многих поражений. Именно поэтому советская разведка всегда уделяла большое внимание воспитательной работе, мы выработали своеобразный кодекс поведения, правила игры, если хотите, от которых никогда не отступали.

В последнее время с этим стали считаться и наши противники, из арсенала даже самых жестких и беспардонных спецслужб, к числу которых я отношу прежде всего спецслужбы США и ФРГ, мало-помалу стали исключаться наи-

более бесчеловечные методы работы. Думаю, что в перспективе они вполне могли бы уступить место более цивилизованным формам борьбы!

Нет большего заблуждения, чем высказываемая иногда точка зрения, что разведка якобы вносит напряженность в межгосударственные отношения. Разведывательная деятельность действительно может быть причиной эпизодического осложнения в отношениях между теми или иными государствами. С этим согласиться можно. Однако практика показывает, что такие осложнения носят временный характер и существенным ущербом не оборачиваются.

Но вместе с тем именно разведка способна содействовать смягчению напряженности и укреплению доверия, снимая неоправданные подозрения и тем самым внося ясность в сложные ситуации.

Соединенные Штаты всегда выступали за бóльшую «прозрачность» в военной области, добивались на переговорах по разоружению принятия самых строгих мер контроля, отмечая важность этого фактора для предотвращения обхода достигнутых договоренностей и поддержания тем самым стратегической стабильности. В век научно-технической революции для поддержания паритета особенно важно исключить возможность неожиданного появления в руках одной стороны принципиально новых видов оружия с невиданной до сих пор мощью. Но ведь разведка и здесь способна сыграть первостепенную роль.

Наличие разведок уже конституциировано практически во всех странах, где эти службы есть. Контакты между различными странами по линии разведок говорят о наступлении времени, когда их деятельность может быть узаконена межгосударственными соглашениями, что послужит важным шагом на пути к признанию разведслужб институтом международного права и несомненным фактором стабильности. Собственно говоря, речь идет о том, чтобы признать и узаконить давно уже существующую реальность, и не более того.

Под влиянием перемен в мире в последние годы стали устанавливаться контакты между руководителями спец-

служб. Считаю подобную практику нормальным, полезным явлением. Контакты помогают лучше понимать друг друга, смягчать удары, предупреждать неприятные ситуации.

В ходе обмена мнениями по политическим проблемам раскрываются взгляды сторон, тут и совпадения, и совершенно различное видение событий, и несовместимость интересов. Последнее наиболее важно, в итоге оно определяет все остальное.

Естественен интерес к личностям. До прямого контакта думаешь о том, кто по ту сторону, только как о противнике, он ведь работает против тебя, твоя же задача переиграть его в интересах своего государства. Степень его знаний о тебе, твоей организации, как правило, — тайна, и потому неизвестно, кто перед тобой вдруг окажется.

Первый контакт официального представителя советской разведки с руководителем Центрального разведывательного управления США Гейтсом состоялся в декабре 1987 года в Вашингтоне во время посещения этой страны Горбачевым. Тогда я был в числе сопровождавших его лиц.

Неофициальная встреча с Гейтсом состоялась в одном небольшом ресторане с участием в общей сложности шести человек. Когда мы расселись, я в полушутливой форме заметил, что до сих пор мы работали друг против друга под столом, теперь же сидим за столом и ведем оживленную беседу.

О Гейтсе впечатление складывается не сразу. Раскрывается он со временем, часто отмалчивается, вопросы задает прицельные, жестами, обрывками фраз дает понять, что ему известно о собеседнике больше, чем последний думает.

На вопрос, что из спиртного подать к столу, я попросил виски. На это Гейтс заметил, что знает даже сорт виски, который предпочитает начальник советской разведки. Он действительно знал. Я заметил, что это не такая уж важная тайна, но, во всяком случае, он не мог узнать ее от тех из наших, кто перешел на службу к американцам, поскольку ни с кем из них я никогда не выпивал.

Участники встречи избегали разговоров по существенным вопросам, беседа велась вокруг познавательных, но близких нам тем, связанных с Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Спустя пару лет, в 1990 году, Гейтс посетил Москву в качестве гостя американского посольства (Гейтс был директором ЦРУ в 1991 — 1993 годах). У нас состоялась встреча в гостевом доме Комитета госбезопасности в центре Москвы, в Колпачном переулке. Гейтс — специалист по Советскому Союзу, по истории нашего государства, увлекается периодом Ивана Грозного, Петра Первого, имеет научные труды.

Американский собеседник проявил, и это было заметно, повышенный интерес к национальному вопросу. Он прямо спросил, не хочу ли я узнать точку зрения ЦРУ на то, что будет с Советским Союзом в 2000 году — начале будущего века. Из его скупых слов можно было понять, что он сомневается, сохранится ли к тому времени СССР. Гейтс выразил намерение передать нам соответствующий аналитический прогноз, подготовленный в ЦРУ США.

Я, разумеется, сказал, что мы с признательностью восприняли бы передачу такого материала и сообщили бы свою точку зрения на него. Этот материал так и не был передан нам американской стороной, хотя в Вашингтоне мы находили возможность напомнить об этом Гейтсу.

Конечно, такому разговору с Гейтсом было придано большое значение, его серьезность и важность не вызывали сомнений в нашей службе. Думал я о трагическом прогнозе для Советского Союза и тогда, когда произошел его развал. Правда, Гейтс говорил о более позднем сроке: случившееся опередило развитие событий примерно на 10 лет! Нашлись ловкие исполнители, которым оказалось по плечу приблизить трагедию, осуществить ее значительно раньше и масштабнее.

Гейтс — выразитель интересов тех, кому верно служил многие годы, он патриот Америки и воспитывался в годы господства «холодной войны», когда Советский Союз считался врагом США номер один. Гейтс исходил из объективного несовпадения интересов США и СССР, не без основания усматривал в нашей стране главное препятствие на пути Америки по распространению и усилению влияния в мире. Он всегда нелояльно относился к Советскому государству, стоял на экстремистских позициях и впредь будет делать все для усугубления развала Союза и, можно с уверенностью предположить, дальнейшего ослабления и самой России.

По имеющимся данным, Гейтс настороженно относился к возможному тесному сближению СССР и Китая, усматривая в этом опасность для США.

Последнее характерно не только для Гейтса. Опасность развития советско-китайских отношений для Америки усматривали и предшественники Гейтса на посту директора ЦРУ. Тут следует исходить из реального представления в Вашингтоне о линии Москва — Пекин. Надо полагать, что в обозримом будущем в этом вопросе изменений в американской позиции не произойдет.

Встречался я и с бывшими директорами ЦРУ — Колби (возглавлял эту организацию в 1973 — 1976 годах) и Тернером (1977— 1981)— во время их приезда в Москву в 1990 — 1991 годах как частных лиц. И при одном и при другом американская разведка добилась существенных успехов в приобретении агентуры из числа советских граждан, в том числе среди сотрудников наших внешнеполитической и военной разведок. Оба усматривали в Советском Союзе главного противника США, вели огромную работу по бывшим социалистическим странам и в государствах третьего мира. Таким образом, в принципиальном плане различий между всеми тремя названными директорами ЦРУ нет.

Посещение Тернером и Колби Советского Союза было вызвано их желанием лично увидеть главного противника по разведывательной работе и посмотреть, что же с ним происходит. Они проявили неподдельный интерес к идущим у нас процессам, не скрывали своего удивления и непонимания. В центре их внимания опять-таки был национальный вопрос, отношения между республиками. Тернер в то время писал книгу о своей работе в разведке и попросил меня написать короткий комментарий, если мне память не изменяет, ко второму изданию книги, что я и сделал, и он был помещен в книге.

Тернер и Колби положительно отзывались о нашей стране, ее культурной жизни, в частности о театрах. Москва и Ленинград произвели на них впечатление оживленных, красивых, полных содержательной жизни городов. По-моему, они на это не рассчитывали. Примечательна в этом отношении фраза, брошенная Колби в беседе со мной: «А вы знаете, социализм не так уж плох!»

Думаю, что мои встречи с Гейтсом, Тернером, Колби, контакты КГБ с представителями американских спецслужб на разных уровнях положили для КГБ начало более широких связей по этой линии не только с американцами, но и с представителями других стран

Любое государство должно иметь гарантии от неприятных неожиданностей, чувствовать себя уверенным. Без усилий разведок это недостижимо. Другое дело — правила игры, обусловленность: какие методы и приемы в работе допустимы, а за какие рамки переходить нельзя. По этим вопросам возможны и целесообразны переговоры, соглашения, договоренности — пусть даже только джентльменские, лишь бы они соблюдались

На мой взгляд, давно пора договориться по вопросу об использовании средств массовой информации в разведывательной работе, принять решение об отказе от предания гласности деятельности разведчиков, агентов. И это отнюдь не утопия, мы часто на взаимной основе следовали такой практике. Кстати, ничего кроме пользы для обеих сторон это не приносило

Разведка — сложный организм, который живет, действует и развивается в зависимости от конкретных исторических условий, во многом определяемых той внешней и внутренней политикой, которую проводит данное государство. Есть у нее, правда, задачи, которые остаются неизменными на протяжении веков

Главная из них состоит в том, что любая разведслужба — это глаза и уши государства. Жизненно важная информация, как правило, либо поступает к руководству страны по каналам разведки, либо перепроверяется с использованием ее возможностей

Хотя чисто разведывательные сведения, добытые агентурным путем или с помощью технических средств, составляют далеко не весь объем в общем информационном потоке, включающем сведения из открытых или дипломатических источников, тем не менее именно на их основе принимается значительная часть принципиальных решений на политическом уровне.

Все возрастающее значение в последнее время приобретает информационно-аналитическая деятельность спецслужб. Это и понятно, ведь только в их руках может концентрироваться информация из всех источников — как собственных, так и иных, в то время как другие ведомства имеют ограниченный доступ к разведданным, не могут оценить ни степень их достоверности, ни возможность их использования в безопасном для агентуры плане.

Наконец, именно разведслужбы обладают наиболее обширным арсеналом приемов и средств для получения нужных сведений, в первую очередь тех, которые хранятся за семью печатями и составляют государственную тайну.

С развитием международных связей возрастает потребность в защите интересов государства и обеспечении безопасности его граждан за рубежом. И здесь у разведки и ее подразделения — внешней контрразведки особые задачи и возможности. По сути дела, именно она осуществляет основную работу в этом направлении.

На резидентурах и наших представителях за рубежом лежит вся ответственность по охране зданий и персонала дипломатических представительств, обеспечению безопасности шифрсвязи и выполнению многих других связанных с этим задач.

К числу задач разведки относилась передача денежных средств зарубежным компартиям. Возможно, это и не дело разведки, однако других надежных и безопасных путей для этого у нашего государства тогда попросту не было. Не говоря уже о том, что тогда было другое время, существовали иные порядки, другая соподчиненность партийных и государственных органов.

Промышленный шпионаж — довольно развитое явление в странах Запада. Были вынуждены заниматься подобными делами и мы, только в гораздо более сложных условиях. От нас свои секреты оберегали не только конкретные фирмы, на их стороне стояло еще и государство, да плюс к тому международные механизмы, такие как КОКОМ. Как минимум тройной кордон! Но и в этих условиях удавалось достичь ценных результатов, речь о которых пойдет чуть ниже.

И до меня, и при мне в разведке шли острые дискуссии

о дальнейших путях развития службы, формирования оптимальных направлений оперативной деятельности. Только внешне казалось, что в Первом Главном управлении все решается и делается по накатанному пути, без каких-либо дискуссий и споров. В действительности острые и горячие обсуждения проходили на всех уровнях, по служебной, партийной линиям, на производственных совещаниях и научно-теоретических конференциях.

Неизменно возникал вопрос, что является главным, основополагающим в решении оперативных задач? Такой вопрос обсуждался не только у нас, в советской разведке. Споры по нему шли, и довольно открыто, в ЦРУ США, а также в спецслужбах Франции, Англии, ФРГ и других стран.

Под воздействием достижений научно-технической революции, появившимся благодаря этому дополнительным возможностям стала распространяться точка зрения, согласно которой в век столь важных открытий в науке и технике агентурная работа в разведке закономерно должна отойти на второй план. Не обошлось здесь и без активных мероприятий со стороны некоторых западных спецслужб. До нас регулярно доводилась целенаправленная информация о том, что ЦРУ постепенно отказывается от приоритета агентурной работы и делает главную ставку в добыче информации на технические средства, на использование открытых сведений.

Кстати, то же самое происходит и сегодня, что видно из официальных заявлений представителей иностранных спецслужб, аналитических исследований, публикаций в печати. Расчет ясен: дать пищу тем, кто настойчиво старается любым путем ослабить деятельность наших органов госбезопасности и их неотъемлемой части — разведки, если не лишив, то, по крайней мере, принизив значение ее важнейшего оперативного средства — агентуры.

Глубокий и всесторонний анализ этой проблемы, а также опыт работы спецслужб различных стран говорят о том, что агентура была и на обозримое будущее останется основным звеном оперативной деятельности. Именно агентурным путем спецслужбы добывают наиболее ценную информацию. К агентурному проникновению другой стороны следует относиться как к неизменному и вполне закономерно-

му явлению. Вопрос в том, кто наберет здесь, образно выражаясь, больше очков.

В то время как шли дискуссии о значении и роли агентурной работы, решали, сокращать ее удельный вес или нет, и ЦРУ и КГБ темпов оперативной деятельности по приобретению агентурных позиций не снижали. Этого не позволяла делать сама жизнь. Более того, именно в 60—80-е годы, когда особенно активно муссировались слухи о предстоящем уменьшении значения агентурной работы, ЦРУ и некоторые другие западные спецслужбы добились особенно серьезных успехов в приобретении агентуры в Советском Союзе и бывших социалистических странах.

ЦРУ, например, удалось внедриться в ряд советских учреждений, научно-производственных объединений и получить доступ к важнейшим государственным секретам. По подсчетам экспертов, ущерб, который понес Советский Союз в результате агентурной деятельности западных спецслужб, исчислялся многими миллиардами тех полнокровных рублей, особенно в отраслях оборонной промышленности и науки.

Выявление и пресечение деятельности иностранной агентуры всегда требовало исключительно сложной, кропотливой и, как правило, весьма длительной работы. Отправной точкой подчас служил какой-то отдельный сигнал, признаки утечки информации или же просто предчувствие, возникающее при скрупулезном анализе огромного потока информации. Для того чтобы добраться до истины, нужно было осторожно, чтобы не порвать тонкую нить, размотать весь клубок до конца. Почувствуй противная сторона, что мы напали на след, и дело можно считать проигранным — агент ляжет на дно и добраться до него будет уже гораздо труднее.

Как-то мне было поручено посетить одну страну специально для проведения встречи с человеком, являющимся весьма ценным источником информации. Оперативно та встреча была обеспечена на должном профессиональном уровне, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы ни в коем случае не поставить под удар агента. Встреча дли-

лась целых 26 часов! Когда усталость совсем валила нас с ног, тут же и дремали, отводя на это не более двух часов. Не хотели тратить время на сон ни наш зарубежный друг, ни я, ни два наших товарища, которые обеспечивали встречу.

Источник информации сотрудничал с нами на идейной основе, искренне уважал наше государство, был благодарен советским людям за победу в Великой Отечественной войне, которая спасла его и его близких от верной смерти. Он сам никогда не бывал в Советском Союзе и о жизни у нас знал лишь понаслышке. В последние годы агент далеко не по всем вопросам обладал конкретной информацией, но его связи, знания, опыт, характеристики отдельных лиц, глубокие оценки политической и экономической ситуации в стране представляли для нас поистине уникальный интерес.

По ходу разговора им была обронена одна случайная фраза, которая в сочетании с другой информацией, полученной нами ранее совсем из другого источника, явилась ключом к важной разгадке. Последовал целенаправленный поиск, всесторонний анализ, проверка возникших версий, оперативные игры, в результате чего был разоблачен опасный агент, длительное время работавший на зарубежную разведку. Но, прежде чем это случилось, прошло более 10 лет...

О значении агентуры говорит и тот факт, что сведения об агентах — святая святых — самая оберегаемая тайна любой разведслужбы. Ничто, ни методы и приемы разведдеятельности, ни даже конкретные задачи и цели, не охраняются так тщательно, как сами источники получения информации. Зачастую приходится отказываться от реализации полученных важнейших данных, если это может «засветить» агента или просто дать противнику ниточку для его локализации.

Агенты оберегаются столь тщательно, за их деятельностью так пристально следят из центра, что факты их случайной расшифровки чрезвычайно редки. А уж когда речь идет о раскрытии источника информации, скажем, разведслужбой противника, то можно почти однозначно сказать, что причина кроется в предательстве и искать ее нужно у себя

дома. В последнее время появились и такие провалы, которые можно объяснить лишь одним — нашу агентуру выдают, других причин быть просто не может!

Советская разведка всегда работала бок о бок со службами наших ближайших союзников, многие задачи решались нами сообща, в тесном взаимодействии. Но никогда мы не обменивались данными о своих агентурных сетях — таков непреложный закон конспирации.

Как-то раз руководитель разведывательного ведомства одной из социалистических стран предложил передать мне перечень своей агентуры и даже протянул подготовленный документ. Я решительно отказался от этого «подарка», объяснив удивленному коллеге, почему не следует этого делать. С получением такой информации мы не просто взвалили бы на себя огромную ответственность, но и в случае любого провала значительно затруднили бы выявление его причин, ведь для того, чтобы докопаться до истины, потребовалось бы расширить круг поиска до неопределенных пределов.

Сейчас, наблюдая за происходящим, я мысленно крещусь, вспоминая об этом решении. Даже трудно представить, какими последствиями для наших друзей могла обернуться ситуация, если бы в Москве имелись подобные списки!

В самом конце 1974 года решился вопрос о моем назначении на должность начальника Первого Главного управления КГБ СССР, то есть начальника разведки. По традиции со мной должен был побеседовать Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Брежнев принял меня 30 декабря в своем кабинете в Кремле. Там же был и Андропов. Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если Генсек покажется мне не в форме, главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной

и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло. Андропов громким голосом представил меня. Брежнев в ответ только и сказал: «Что ж, будем решать».

Я произнес несколько слов в порядке заверений, и на этом официальная часть процедуры была закончена. Прощаясь, Леонид Ильич снова кое-как встал, обнял меня, пожелал всего доброго и даже почему-то прослезился.

В Комитет мы возвращались с Андроповым вместе. В машине, против обыкновения, всю дорогу ехали молча — все еще находились под впечатлением встречи. Уже в кабинете Юрий Владимирович рассказал мне, что со здоровьем у Брежнева в последнее время стало совсем худо, именно по этой причине и была отменена его поездка по ряду стран Ближнего Востока, хотя официально это объяснялось соображениями политического характера.

Тут раздался звонок по спецсвязи — это был Устинов. Я поднялся, чтобы уйти, но Андропов жестом остановил меня, предложив присутствовать при разговоре. Устинов поинтересовался, как выглядит Брежнев, — видно, хотел проверить собственные впечатления.

— Совсем плохо, вот и на Крючкова его вид произвел удручающее впечатление. Пора, наверное, найти какой-то мягкий и безболезненный вариант постепенного отхода Брежнева от дел. Продолжать и дальше управлять страной в таком состоянии он уже не может физически.

Устинов ответил, что придерживается такого же мнения. Я часто потом вспоминал этот разговор, думая о том, что «постепенный отход» затянулся на целых восемь лет!

Да, это был трудный период в истории нашего государства. Здоровье Брежнева, несмотря на кратковременные просветы, продолжало неуклонно ухудшаться. Он уже ничем и никем не управлял, управляли им. Тягостное это было зрелище, в конечном счете это безвременье и повлекло за собой многие наши последующие беды, создало ту самую затхлую атмосферу застойного периода, в которую свежим ветерком перемен так легко впорхнула потом перестройка.

По мере ухудшения состояния здоровья Брежнева к концу 1974 года пришли в движение, активизировались те члены высшего советского руководства, которые до тех пор

ничем особенным себя не проявляли. Это можно было почувствовать по официальным речам, высказываниям во время встреч с сотрудниками различных советских организаций и ведомств. Каждый старался «набирать очки», всячески пропагандируя прогрессивность своих взглядов. В результате к концу 70-х — началу 80-х годов расстановка сил в высшем эшелоне власти более или менее определилась.

А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Ю. В. Андропов работали в тесном сотрудничестве и всегда находили между собой общий язык. Их объединяла исключительная лояльность к Брежневу.

А. П. Кириленко пытался играть свою собственную роль, опираясь при этом на часть партийного аппарата.

М. А. Суслов активности не проявлял, стоял особняком и ни с кем не был тесно связан ни личными, ни деловыми отношениями.

А. Н. Косыгин олицетворял собой довольно влиятельное совминовское лобби.

В. В. Щербицкий старался быть ровным со всеми, тянулся к Андропову, хотя близко они так и не сошлись.

Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, А. П. Кириленко и В. В. Гришин однозначно стояли на позициях личной преданности Брежневу, однако сколько-нибудь заметной роли в государственных делах они не играли.

Страна хотя и медленно, но верно катилась под гору. Не все, надо сказать, делалось так уж плохо, но тем не менее самая верхняя часть государственной пирамиды была парализована, и это не могло не сказываться на ситуации в стране.

В обществе возник и все больше распространялся опасный вирус апатии и пассивного ожидания перемен в высшем руководстве. Если у кого-то возникали смелые идеи, радикальные предложения, то никто не хотел брать на себя смелость добиваться их реализации. Так все и топтались на месте, пребывая в молчаливом ожидании.

А тем временем в стране созревали потенциальные условия для роста социальной напряженности, усиливались кризисные явления в политике и экономике, свидетельствовавшие о том, что общество поражено серьезным недугом. И этот недуг олицетворял собой прежде всего сам Брежнев.

Умер Л. И. Брежнев в ноябре 1982 года, т. е. спустя во-

семь лет с той памятной для меня беседы в Кремле. И все это время состояние его здоровья оставалось крайне неровным и тяжелым.

И все-таки, подводя итоги правления Брежнева, нельзя говорить лишь о серьезных ошибках и недостатках. Объективный анализ свидетельствует о том, что на многих направлениях удалось достичь и позитивных результатов.

Тогдашнее руководство на протяжении всего периода пребывания у власти твердо стояло на позициях защиты внешнеполитических интересов Советского Союза и в целом не допускало ухудшения положения и ослабления влияния нашей страны в мире. У Л. И. Брежнева в отличие от Хрущева не было чрезмерных иллюзий насчет возможности решительного улучшения отношений с западными странами, США и Японией, хотя попытки активизировать связи с упомянутыми государствами, прежде всего в торгово-экономической области, настойчиво предпринимались.

Немало было сделано для укрепления обороноспособности родины. Тому, кто пытается сейчас возложить на СССР ответственность за гонку вооружений и «холодную войну», не лишне напомнить о том, что именно в брежневский период был достигнут военно-стратегический паритет с США.

Период Брежнева ознаменовался заключением важнейших советско-американских договоров в области ограничения стратегических наступательных и оборонительных вооружений, что привело к некоторой разрядке напряженности.

С другой стороны, политическое, экономическое и военное противостояние с Западом рассматривалось нами как нечто неизбежное и оставалось незыблемым краеугольным камнем нашей внешней политики. Ни одна из сторон не предпринимала сколько-нибудь серьезных попыток радикального смягчения противостояния, хотя столицы ведущих государств отдельными своими внешнеполитическими шагами демонстрировали стремление к сотрудничеству и миру. Пример тому — хельсинкские соглашения по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, которые в отличие от более поздней пустой трескотни по поводу «построения общеевропейского дома» явились в свое время пусть скромным, но все же реальным шагом на пути дли-

тельного процесса оздоровления обстановки не только на Европейском континенте, но и в мире в целом.

США и Советский Союз внимательно следили за тем, чтобы установившийся баланс сил в мире не был опасно нарушен в пользу той или иной стороны. Поэтому реакция на любые посягательства изменить статус-кво не заставляла себя ждать и была довольно решительной.

Советский Союз сохранял свои позиции в Восточной Европе, Азии, на Ближнем Востоке, в ряде стран Африки и Латинской Америки. Это стоило нам определенных расходов в виде прямой, преимущественно военной помощи.

Однако со многими странами шел активный и значительный торгово-экономической обмен, который приносил нам существенные выгоды, во всяком случае, для экономики нашей страны польза была вполне ощутимой. Мы получали валюту, сельскохозяйственные и промышленные товары, крупные заказы на строительство объектов. Наше прочное положение позволяло легко получать кредиты на выгодных условиях, мы не ходили в должниках. Но, разумеется, все это далеко не покрывало реальных потребностей, было несоизмеримо с масштабами нашего государства.

По-прежнему слишком много в нашем экспорте было сырьевых товаров и очень мало готовой продукции — на торговле с нами наживались больше, чем мы получали от нее. В приобретении позиций в третьем мире Советский Союз, да и другие социалистические страны, скорее, видели лишь возможность укрепить свое геополитическое положение, иметь больше друзей, выстоять в глобальном противостоянии, которое в то время было очевидной реальностью. Должных экономических выгод при этом мы не получали, да и целей таких перед собой, похоже, не ставили.

Политика, целиком и полностью основанная на идеологии и лишенная здравого прагматизма, разумеется, не являлась оптимальной и рано или поздно должна была претерпеть изменения. Но это означало бы коррекцию политического курса, отказ от устоявшихся стереотипов мышления. Беда социалистических стран, включая и Советский Союз, состояла в том, что они так и не решились на этот

шаг, не смогли заглянуть вперед, спрогнозировать развитие событий даже на ближайшую перспективу. Этому мешало наше закоснелое мировоззрение, которое с ходу отвергало любые идеи, не укладывавшиеся в строгие рамки чрезмерно идеологизированной официальной доктрины.

Китайская проблема неизменно занимала важнейшее место в сфере внешнеполитической деятельности Советского Союза. Андропов никогда не выпускал ее из поля зрения, много занимался ею. Причины очевидны: Китай — не просто соседнее государство, но и держава, великая по любому параметру.

Неосторожное обращение Хрущева с китайским соседом в конце 50-х — начале 60-х годов дорого обошлось СССР. Конечно, нельзя сводить все только к личности самого Хрущева, к его взглядам и заблуждениям. Были обстоятельства и объективного свойства — потенциально сохранявшийся территориальный вопрос, наличие различных подходов по ряду международных проблем, к примеру по Монголии, Вьетнаму, Лаосу, Камбодже (так, по крайней мере, тогда представлялось), существенные различия во взглядах на строительство социалистического общества.

Китайское руководство весьма щепетильно относилось к советско-американским отношениям. Наши крутые изломы на этом направлении, естественно, вызывали в Пекине негативную реакцию, порождали сомнения в искренности советских устремлений, задевали чувство национальной гордости китайцев. Но все же доминирующими были именно субъективные факторы, которые мы, к сожалению, привыкли почему-то недооценивать. А ведь несовершенство общественно-государственных систем во всем мире волей-неволей обуславливает первостепенную роль и значение личности, особенно оказавшейся во главе государства.

Если в период правления Хрущева наши отношения с Китаем достигли высшей точки накала и стороны, казалось, неудержимо и бесповоротно шли по пути обострения ситуации, то приход к руководству Брежнева положил конец этой тенденции, привнес новые элементы в политику Советского Союза по китайскому вопросу. С нашей стороны начали предприниматься искренние и целеустремленные попытки нормализовать советско-китайские отношения. Проявля-

лись выдержка, терпение, но вовремя остановить начатое еще при Хрущеве сползание к опасной конфронтации было уже трудно.

Отсюда и трагический конфликт в районе острова Даманский в марте 1969 года. Начался он 2 марта расстрелом китайцами девяти советских пограничников и захватом острова, а закончился 15 марта освобождением Даманского, хотя, разумеется, последствия этого военного столкновения имели свое продолжение еще в течение длительного времени.

Военный инцидент на Даманском разразился на небольшом клочке земли и уже по одному этому признаку мог показаться сугубо локальным. Но его значение определялось не географией, а теми принципами, подходами к решению территориальной проблемы, которые продемонстрировало китайское руководство, стремлением китайской стороны во что бы то ни стало показать, что Китай является независимой державой со своим собственным лицом и намерен решать вопросы исключительно по собственному разумению.

Китайские руководители хотели любой ценой заставить считаться с ними. Правда, способ проявить себя в этом качестве выбрали жестокий — ведь конфликт, несмотря на всю его ограниченность, с самого начала принял кровавый характер.

Для советской стороны инцидент в общем-то был неожиданным. После гибели группы пограничников советское руководство оказалось если не в шоке, то в состоянии близком к этому. Начался мучительный поиск выхода из создавшегося положения. Даже локальный конфликт представлял огромную опасность, поскольку в любой момент мог перерасти в полномасштабное военное столкновение.

На узком совещании у Андропова было выработано следующее предложение: во-первых, локализировать конфликт, ограничив его рамками чисто пограничной проблемы, а во-вторых, попытаться урегулировать возникший инцидент только силами пограничников, ни в коем случае не допуская участия в боевых действиях регулярных воинских подразделений. Помню, Юрий Владимирович все время убеждал, что с Китаем надо договариваться, призывал про-

являть максимальную выдержку. Он настоятельно рекомендовал также избегать спешки, просил отвести для решения проблемы побольше времени.

Несмотря на то что существовала и другая точка зрения, сторонники которой предлагали воспользоваться предоставленным китайской стороной поводом для того, чтобы развернуть широкомасштабное наступление и задействовать для этого крупные воинские соединения, Брежнев поддержал мнение именно Андропова. Оба они — и Брежнев, и Андропов — хорошо понимали, что тот успех, который сулила нам крупная военная операция, все равно носил бы временный характер, раны же потом пришлось бы залечивать значительно дольше.

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правильность именно такого подхода. Спустя некоторое время после событий на Даманском советско-китайские отношения стали постепенно нормализоваться. Правда, для этого нужно было отойти в лучший мир Мао Цзэдуну.

Те позитивные перемены в международных отношениях, которых удалось добиться в последний период правления Брежнева, реальные ростки разрядки и снижения напряженности мало отразились на положении нашей разведки. В лице Москвы, несмотря на свои миролюбивые заверения, Запад по-прежнему усматривал источник зла и корень всех бед. Ну а под рукой Москвы всегда подразумевали Комитет государственной безопасности, а вернее, его передовой отряд, действующий в непосредственной близости,— советскую внешнюю разведку. Поэтому острие подрывной деятельности против Советского Союза было направлено на его органы госбезопасности.

До сих пор продолжают муссироваться слухи о мнимой причастности спецслужб Болгарии, а заодно и Советского Союза к покушению в 1981 году на главу римской католической церкви Папу Иоанна Павла II. По сути дела, речь идет о крупнейшей за последние десятилетия политической провокации, развернутой против нас и наших союзников.

В высших эшелонах государственной власти США, Италии, да и многих других стран никто всерьез в так назы-

ваемый болгарский след, по-моему, не верил. Американские и западноевропейские спецслужбы прекрасно знали, что болгары никогда не пошли бы на подобную акцию, тем более что она была лишена всякого смысла, но антисоветскую и антисоциалистическую шумиху тем не менее усиленно подогревали.

Воспользовались целым рядом совпадений, на полную катушку эксплуатировали предубеждения западного обывателя, всюду видевшего руку Москвы, умело обыгрывали и то обстоятельство, что Папа (бывший кардинал Войтыла) был известен своим антисоветизмом, твердо стоял на позициях неприятия социализма.

Должен признаться, что на определенном этапе целенаправленные действия, в первую очередь, американских спецслужб заставили кое-кого даже в Москве засомневаться, а до конца ли искренни наши болгарские друзья, нет ли хоть малейшей, пусть даже опосредованной связи между Софией и тем инцидентом, который произошел в Ватикане. Вопросы эти поднимались в контактах с болгарами на высшем уровне. Мне тоже поручили провести откровенный разговор с министром внутренних дел Болгарии Стояновым, что я и сделал, хотя сам, разумеется, полностью исключал причастность болгарских коллег к покушению.

Дополнительную проверку с использованием наших оперативных возможностей мы все же провели. Вывод был однозначным — болгары здесь ни при чем. Хотя, должен признаться, что масштабы умело раздуваемой истерии достигли таких размеров, что однажды я поймал себя на мысли, что и меня настораживает чрезмерное волнение болгарских коллег после ареста Антонова.

Последовала команда еще об одной проверке, результаты которой уже не оставляли никакого места для сомнений. Со временем доказательств того, что дело Антонова от начала до конца сфабриковано, становилось все больше и больше. Американцы «засветились», когда пытались склонить некоторых своих агентов из числа советских граждан дать ложные показания о том, что к покушению на Папу причастен КГБ,— именно в таком духе обрабатывали в США Виталия Юрченко.

То, что Агджа фигура подставная, сейчас уже очевидно,

хотя, несмотря на все старания, нам в свое время так и не удалось докопаться до всех деталей, получить доказательства, которые однозначно указывали бы на главного организатора этой акции. Но правда об этом происшествии, истинная подоплека всего дела наверняка известна в Ватикане. Не случайно после встречи один на один с осужденным Агджой Иоанн Павел II обронил фразу о том, что теперь он знает правду, но почему-то предпочел не предавать ее огласке.

Грязной выглядит вся эта история, она не делает чести ее организаторам. Мало того что «болгарское дело» в течение длительного периода отравляло международный климат, у него есть и другие последствия. Я имею в виду искалеченную судьбу болгарского гражданина Антонова, его начисто подорванное за годы пребывания в тюрьме и мучительного судебного процесса здоровье, страдания его семьи.

Политика часто перемалывает судьбы людей, но подобная расчетливая жестокость лично у меня всегда вызывала искреннее возмущение и осуждение.

Советский Союз часто обвиняли в связях с международным терроризмом. Комитету госбезопасности, естественно, отводилась роль безжалостного исполнителя этой политики. Приемы использовали чисто шулерские — раз Москва поддерживает национально-освободительные движения, в том числе и те, которые вынуждены прибегать к вооруженной борьбе, значит, она является пособником любого экстремизма, несет ответственность за деятельность ультралевых организаций террористического толка.

При этом тщательно замалчивалось то обстоятельство, что именно последовательное осуждение нами террора в любых его проявлениях являлось не только главным сдерживающим фактором в распространении международного терроризма, но и приводило к тому, что мы сами часто становились мишенью для террористов в качестве «предателей» дела мировой революции и «пособников» мирового империализма.

Кстати, если в наши руки когда-то и попадала информация о готовящемся теракте, мы использовали все возможности для того, чтобы предотвратить его — независимо

от того, против кого была направлена акция. Это хорошо знали и сами террористы, поэтому они тщательно охраняли свои секреты, в том числе и от нас.

Помнится, мы оказывали посильную помощь американцам при освобождении заложников в Бейруте, предоставляли им сведения об угрозе совершения покушений на Буша и Рейгана в третьих странах. Американская сторона благодарила за эту информацию, но сама, насколько я помню, с нами подобными данными никогда не делилась. Может быть потому, что не располагала такими сведениями.

Для подтверждения мифа о жестокости и коварстве советской разведки часто ссылаются на историю исчезновения в конце 1975 года бывшего советского военно-морского офицера Артамонова, известного также под фамилией Шадрин, который еще в 1959 году, будучи командиром эсминца, входившего в состав нашей эскадры в Гданьске, бежал на военном катере в Швецию, а затем, перебравшись за океан, стал работать на Разведывательное управление министерства обороны США (РУМО).

Утверждается, что КГБ похитил и намеренно ликвидировал этого перебежчика с тем, чтобы наказать его за измену Родине, а заодно и преподать урок другим предателям. Во всех красках история с похищением Ларка (псевдоним Артамонова) была расписана Калугиным, который в свое время как раз и был непосредственным руководителем нашей опергруппы, получившей приказ принять захваченного в Вене Артамонова на австрийско-чехословацкой границе и доставить его (живым и невредимым, замечу!) в Прагу. При этом используется избитый прием — вроде бы в целом правдиво рассказывается о «деле Артамонова-Шадрина» (привирается разве что по мелочам), приводится масса животрепещущих подробностей, но преднамеренно опускается несколько «мелких» деталей, которые проливают на это происшествие совсем иной свет.

Итак, Артамонов действительно нарушил присягу, бежал на Запад и стал работать на американские спецслужбы против СССР. За это преступление он в соответствии с дей-

ствующим законодательством был заочно осужден и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

В начале 70-х годов нашей разведке удалось выйти на Атамонова, установить с ним в Вашингтоне контакт, на который он поначалу пошел неохотно. Перед ним открылась возможность искупить свою вину перед Родиной, и Артамонов согласился работать на советскую разведку. Однако мы никогда не расценивали это как «крупное достижение вашингтонской резидентуры», прекрасно понимая, что имеем дело с предателем, который в любой момент может изменить еще раз.

Не буду отрицать, что в течение определенного периода мы склонялись к тому, что Ларк искренне раскаялся и сможет оказаться нам полезным, хотя подозрения все же оставались. Затем эти подозрения не только переросли в уверенность, но и были подтверждены оперативным путем. Вскоре в его настроении произошла заметная перемена, он вдруг активно потянулся к нам, стал форсировать отношения с советским разведчиком, что несколько настораживало, но не более того. А вскоре были получены достоверные данные о том, что американцы затеяли с его помощью игру с нами с далеко идущими провокационными целями.

Тогда-то и встал вопрос о том, чтобы выманить предателя и доставить его в центр, разумеется, отнюдь не для того, чтобы просто привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ему еще в 1960 году. Во-первых, мы давно отказались от подобных методов, а во-вторых, слишком уж сложный это вариант для такого случая, как говорится, овчинка выделки не стоит. Просто были обстоятельства, требовавшие беседы с Артамоновым в Москве, о некоторых из них Калугину, кстати, знать не полагалось... Ради этого и планировалась вся операция.

При разработке ее рассматривалось несколько вариантов того, как избежать сопротивления Артамонова и безопасно переправить его в Чехословакию, причем именно этой стороне дела придавалось ключевое значение. Предлагалось вообще не прибегать к медицинским препаратам, либо, в крайнем случае, ограничиться безобидным хлороформом. На этом настаивали все разработчики операции, вклю-

чая медперсонал. Были веские основания полагать, что для успеха операции этого будет вполне достаточно.

За применение «более эффективных» медицинских средств решительно выступал один Калугин. Несмотря на прямое поручение, чисто технические детали в должной мере им проработаны не были, что и привело к провалу операции в задуманном варианте. Не были приняты во внимание и настоятельные предупреждения медиков, в том числе и врача, сопровождавшего «пациента». Во время транспортировки ему не были созданы необходимые условия «комфорта» (тепло, отсутствие физических нагрузок, введение препаратов, снимающих воздействие хлороформа и т. п.).

Принимающая группа на границе оказалась слишком далеко от места передачи, и подопечного пришлось метров 200—300 волоком тащить по снегу (кстати, никаких носилок, вопреки утверждениям Калугина, под рукой не оказалось). Долго, минут 10—15, ждали подхода застрявшей машины, оставив человека лежать на снегу. В единственную легковую машину набилось шесть человек, «пациенту» досталось место на холодном металлическом полу, где он и пролежал еще более часа. Все это и привело к неожиданному для нас летальному исходу.

По заключению медицинской экспертизы, даже с больным сердцем (о чем мы, естественно, не знали) Артамонов при выполнении всех требований врачей пережил бы транспортировку нормально.

Обо всем этом мне сразу же подробно доложил мой заместитель Усатов, который, вылетев в Прагу, руководил оттуда проведением операции. Усатов обратил особое внимание на то обстоятельство, что все участники принимавшей группы тяжело переживали случившееся, за исключением одного Калугина, который — и это заметили даже его товарищи — как будто был даже удовлетворен таким исходом.

Задуманная операция окончилась неудачей. Мы не только не получили Артамонова для работы с ним в центре, но и вызвали неприятный для нас международный резонанс — ведь советские спецслужбы обвинялись в похищении человека на территории суверенного государства и совершении преднамеренного убийства. Разумеется, доводы о том, что речь идет о предателе, приговоренном к смертной

казни советским судом в строгом соответствии с действующим законодательством, в расчет никем не принимались. Да, впрочем, этот аспект мог явиться разве что смягчающим обстоятельством и никак не снимал с нашей службы ответственности за допущенную ошибку. Но и наказывать участников операции оснований тоже не было.

В конце концов главной причиной смерти явилось непредвиденное обстоятельство — больное сердце Артамонова, о чем мы не знали, упомянутые же выше технические просчеты при проведении операции не оказались бы фатальными для здорового человека. Кстати, при вскрытии обнаружилось, что у Артамонова был еще и рак печени в довольно запущенной стадии, так что жить ему оставалось, по оценкам врачей, максимум полгода...

Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что погиб преступник, фактически дважды предавший Родину. Этот момент тоже играл не последнюю роль. Непосредственных участников операции было решено все же наградить, включая и Калугина, в отношении которого было признано нецелесообразным делать какое-то исключение, хотя именно на нем лежала главная ответственность за допущенный сбой. Ну а рассказанную им «трогательную» историю о том, что ему якобы самому было предложено выбрать себе орден, иначе чем бреднями не назовешь.

Мы ни разу не использовали недозволенных методов в работе против наших противников, решительно порвав с практикой прежних лет, когда принцип «око за око» служил оправданием нарушения норм международного права и законности. К сожалению, взаимностью нам не отвечали — с нашими людьми не церемонились, позволяя себе грубые провокации, сопровождавшиеся жесткими мерами не только психологического, но подчас и физического воздействия.

В арсенале средств, используемых западными спецслужбами против Советского Союза, было и такое, как массовые выдворения советских работников из ряда стран. Эти акции всегда сопровождались усиленно раздуваемой антисоветской истерией и приводили не только к резкому ухуд-

шению двусторонних отношений, но и похолоданию международного климата в целом.

Поводом — не причиной, подчеркиваю, а именно поводом — для таких эксцессов мог послужить любой инцидент — будь то провал агента, предательство или что-нибудь еще в этом же роде. Цель ослабления нашей резидентуры в данной стране носила при этом скорее побочный характер — в конечном счете уехавшие из страны работники заменялись на новых, хотя, конечно, это был непростой процесс и мы несли большие потери в оперативном плане — обрывались многие связи, отменялись намеченные операции и так далее. Все это сопровождалось временным снижением нашей активности на каком-то направлении.

Местные спецслужбы использовали массовые выдворения для того, чтобы избавиться от наиболее активных и потому представлявшихся им опасными работников в наших представительствах за рубежом, независимо от того, являются ли они разведчиками или, скажем, «чистыми» дипломатами, журналистами и торговыми представителями. Хотя, конечно, в первую очередь под прицелом были наши работники и сотрудники Главного разведывательного управления Советской Армии (ГРУ).

Часто при принятии решения о высылке руководствовались и просто низменным чувством мести, ведь реальная отдача от этой акции чаще всего была невелика, к тому же можно было нарваться и на ответные меры. Так что главной целью при проведении подобных акций надо однозначно назвать политику — стремление во что бы то ни стало подорвать позиции Советского Союза в мире, отравить международный климат.

Подобные приемы имели место на протяжении всего периода существования Советской державы, но то, что происходило в 70 — 80-е годы, превзошло все, что было ранее. В 1971 году изменил Родине сотрудник разведки Лялин, работавший в Англии под прикрытием торгового представительства. Особо важных секретов он не знал, поскольку был на рядовой работе, но тем не менее даже косвенные сведения, переданные им противнику, наносили нам существенный оперативный и политический ущерб.

Воспользовавшись этим предательством, правительство

Великобритании объявило персоной нон-грата 105 сотрудников совзагранучреждений в этой стране, включая и тех, кто работал там в прошлом. По своей масштабности предпринятая Лондоном акция не знала аналогов. Дело происходило в августе 1971 года, спустя всего две недели после того, как я начал работать в разведке в качестве заместителя начальника службы, курирующего, в частности, английское направление. Так что боевое крещение получилось не простым. Опыт, который я тогда приобрел, к сожалению, потребовался мне еще не раз.

Наша ответная реакция была откровенно слабой и неадекватной — советская сторона, по существу, пропустила удар. Выдворенные сотрудники вместе с членами семей эвакуировались на специально присланном для этого корабле под щелканье фото- и телекамер и улюлюканье возбужденной пропагандой и непривычным зрелищем толпы.

Все зарубежные средства массовой информации долго еще в оскорбительном для нас тоне смаковали эту историю... Предатель, надо сказать, поработал старательно: английская сторона решила пойти на крайне жесткие меры, сверх всякого мыслимого уровня. Следует заметить, что в числе выдворяемых сотрудники КГБ и ГРУ составляли меньшую, даже незначительную часть.

Вслед за Англией серию антисоветских акций провели и другие страны Европы, Латинской Америки и Африки: по всему миру прокатилась волна выдворений.

Нами принимались меры по локализации конфликта и снижению ущерба, но в свете нашей вялой ответной реакции на политическом уровне их эффективность была весьма ограниченной. Разведке, по существу, пришлось самостоятельно выпутываться из этой сложной ситуации. Последствия такой линии не заставили себя ждать — в штабах иностранных спецслужб уже вынашивались новые планы.

Тогда мы не знали, что в разведке действовала внедренная ранее агентура противника, которая снабжала иностранные спецслужбы необходимой информацией для организации подобного рода провокаций.

Размах шпиономании достиг такого уровня, что дело доходило до курьезов — в Боливии одним махом объявили персоной нон-грата 116 человек. Поскольку такого числа со-

трудников, да и вообще советских граждан в этой стране у нас вообще никогда не было, в список включили даже туристов, сугубо частных лиц, в разное время посетивших ее. Так, в числе советских «шпионов» оказался, например, поэт Евгений Евтушенко, который когда-то, да и то проездом, имел неосторожность несколько часов провести в этой стране.

В последующие годы акции по выдворению, хотя и не такие значительные, с завидной регулярностью проводились то в одной, то в другой стране. Советская сторона отвечала тем же, но в полную меру сделать это было невозможно из-за малой численности сотрудников в посольствах этих стран в Москве. А сколько-нибудь действенных мер политического характера руководство страны предпринимать почему-то по-прежнему не решалось — вместо того чтобы хоть раз проявить решительность и тем самым положить конец этой порочной практике, к чему мы, кстати, хоть и с большим опозданием, но все же пришли. Тогда предпочитали сдержанную реакцию, мотивируя это иллюзорными интересами сохранения разрядки.

В марте 1983 года разразился очередной крупный скандал. Франция, воспользовавшись очередным предательством, объявила о выдворении из страны и лишении права на въезд в нее в будущем 47 советских сотрудников, бóльшая часть которых никакого отношения к разведке никогда не имела. Французы проявили здесь элементарную мстительность.

Так что же вызвало у французов такое раздражение? А поводом послужило разоблачение нами завербованного французскими спецслужбами сотрудника Первого Главного управления Ветрова.

Грязная это история. К тому же от нее за версту попахивает вульгарной уголовщиной — на чем, кстати, и попался ее «герой».

Вот краткая суть этого дела. В 1982 году Ветров предложил своей подруге (тоже, кстати, работавшей в этом же управлении) совершить небольшую прогулку в окрестностях Москвы. Между ними произошло бурное объясне-

ние, вызванное тем, что Ветров отказался от ранее данного обещания развестись с женой и узаконить отношения со своей новой пассией. Помимо неприятностей чисто бытового характера расставание с любовницей представляло для Ветрова и другую, куда более грозную опасность, потому что она, как он полагал, догадывалась о его второй жизни. Поэтому, когда они оказались в достаточно уединенном месте, Ветров попытался убить свою спутницу, нанеся ей удар бутылкой по голове.

На свое несчастье, рядом оказался случайный прохожий, который попытался вмешаться в конфликт. Заметая следы, Ветров нанес ему удар ножом. В результате женщина получила тяжелое ранение, а невольный свидетель был убит.

Спустя какое-то время убийца решил проверить, не осталась ли в живых его недавняя любовница, и вернулся на место преступления. Его тут же опознали и арестовали.

Вина Ветрова была полностью доказана, и суд приговорил его к десяти годам лишения свободы. Никаких других обстоятельств, кроме попытки покушения на жизнь любовницы и убийства, на суде не фигурировало, хотя у нас имелись основания полагать, что степень морального падения осужденного зашла дальше того, за что он был наказан.

Насторожил и тот факт, что в ходе следствия Ветров слишком уж охотно признавал свою вину и подробно описывал все подробности содеянного. Росло подозрение, не является ли это попыткой скрыть другое, возможно еще более тяжкое преступление. Но тогда это так и осталось лишь версией, не нашедшей своего подтверждения. Прямых доказательств шпионской деятельности Ветрова получить тогда так и не удалось, хотя именно эта версия по целому ряду причин активно нами разрабатывалась. Поэтому Ветров и в камере продолжал оставаться под пристальным наблюдением.

Улик накапливалось все больше, а вскоре Ветров совершил роковую для себя ошибку, дал следствию необходимое доказательство, собственноручно написав письмо жене с просьбой проинформировать своих французских друзей обо всем случившемся с ним. Он опасался, как бы французы не начали разыскивать своего неожиданно пропавшего агента и тем самым не «засветили» его.

Письмо было нами перехвачено. Все стало на свои места. Остальное, как говорится, было уже делом техники. Ветрова срочно этапировали в Москву, где он под тяжестью неопровержимых улик дал подробные показания по поводу своей шпионской деятельности.

Выражаясь профессиональным языком, он был инициативником, то есть в свое время сам предложил услуги французским спецслужбам. В конце 1984 года Ветров был приговорен за измену Родине к высшей мере наказания.

В ходе расследования выяснилось, насколько топорно работали французы с Ветровым в Москве! За одиннадцать месяцев они провели с ним 12 личных встреч! Более того, контакты осуществлялись в одни и те же часы, практически в одном и том же, да плюс еще крайне многолюдном месте — в районе одного из московских рынков. При этом проверка вообще не осуществлялась, не была отработана система вызовов, а передача материалов происходила самым примитивным образом — из рук в руки.

Остается только диву даваться, как все это просмотрела наша контрразведка! Кстати, полученный урок был в полной мере использован для того, чтобы сделать соответствующие выводы насчет эффективности системы наружного наблюдения в Москве, и французы (и не только они) сразу же почувствовали это на себе.

Ветров справедливо опасался, что, потеряв связь с ним, французы могут предпринять расшифровывающие его шаги. Его недавние покровители, нимало не заботясь о его судьбе, поспешили реализовать полученную от него информацию, чтобы нанести удар по нашим позициям в Париже, и пошли на массовое выдворение из Франции сотрудников советских учреждений. Типичная история предательства, которая, мягко говоря, не украшает ни одно из действующих в ней лиц!

Высшее политическое руководство СССР после долгих колебаний решило в конечном счете — к великому удивлению даже французской стороны — на ответные меры вообще не идти, ограничившись лишь заявлением резкого протеста.

До сих пор не могу понять мотивов подобного решения, принятого, кстати, Андроповым, ставшим к тому времени

Генеральным секретарем ЦК КПСС. Возможно, он полагал, что в случае ответных мер его, как бывшего председателя КГБ, могли заподозрить в небеспристрастном подходе, другого объяснения дать просто не могу. Тем более что МИД СССР и сам Громыко занял правильную позицию и выступал за ответные меры, хотя и носящие ограниченный характер.

Когда в Париже наконец поверили, что советская сторона отказалась от ответных мер, то причины такого решения поставили всех в тупик. От нас, видимо, ожидали какого-то подвоха и даже пытались в неофициальном плане получить разъяснения по поводу столь странного поведения советской стороны. А когда все немного успокоились, то по всему миру прокатилась очередная волна выдворений, сопровождавшихся к тому же ограничением численности и прав сотрудников советских учреждений за рубежом.

Вот и все «дивиденды», которые принесло наше благородство и сдержанность!

В сентябре 1985 года на очередную крупную провокацию вновь пошли англичане, теперь уже в лице правительства Тэтчер, предложив 31 советскому сотруднику, якобы уличенным в недозволенной деятельности, срочно покинуть страну. Поводом послужило предательство изобличенного нами сотрудника ПГУ Гордиевского, которого английской резидентуре в Москве к тому времени удалось нелегально вывезти из Советского Союза.

Надо отдать должное Горбачеву — он ответил, как говорится, по полной: на следующий день Москва объявила о выдворении из Советского Союза 31 английского сотрудника.

Тогда Лондон, решив, по всей видимости, испытать нас на прочность, назвал еще шесть советских сотрудников, которым предлагалось покинуть пределы Англии. Советская сторона ответила тем же. Причем Горбачев во время обсуждения сложившейся ситуации предложил и далее отвечать строго адекватными мерами вплоть до того, как он выразился, чтобы пойти по нулям, т. е. до последнего сотрудника.

Столкнувшись с такой непреклонной позицией Моск-

вы, Тэтчер, которая в то время находилась с визитом в Египте, сделала в Александрии официальное заявление о том, что Англия прекращает акции по выдворению советских сотрудников и считает инцидент исчерпанным.

Достойная позиция Москвы сыграла положительную роль в дальнейших переговорах с Лондоном по урегулированию возникшей проблемы. Характерно, что другие страны на этот раз не проявили солидарности с англичанами и, вопреки практике прежних лет, воздержались от проведения подобных акций в отношении представителей Советского Союза.

Во всех наших внешнеполитических ведомствах такая решимость советского руководства была воспринята с явным одобрением. Особое удовлетворение она, естественно, вызвала в Первом Главном управлении и в среде наших военных коллег. Разведка ведь не может рассчитывать на снисходительное отношение к себе, с ней будут считаться лишь в том случае, если она не только сильна сама по себе, в частности кадрами, опытом, высоким профессионализмом, но и если за ней стоит государство, на поддержку которого она всегда может рассчитывать.

После этого случая был еще один поединок, который советская сторона выиграла. На этот раз инициатором стали Соединенные Штаты Америки, которые до этого сами не прибегали к подобной практике, ограничиваясь науськиванием и подстрекательством своих союзников.

В ответ на массовое выдворение советских дипломатов нами был предпринят нетрадиционный, но крайне эффективный шаг: из посольства США в Москве был отозван весь обслуживающий персонал, состоящий из советских граждан. Буквально в считанные дни работа посольства была полностью парализована, и американская сторона начала лихорадочно искать пути к урегулированию конфликта. Мало того что наши ответные меры оказались такими действенными, администрация США стала мишенью весьма едких насмешек собственной прессы.

Пожалуй, впервые предпринятая Вашингтоном антисоветская акция привела к критике действий американской стороны с тыла, причем в самой уничижительной форме. Многие до сих пор вспоминают остроумный и едкий фелье-

тон Арта Бухвальда, в котором высмеивается ситуация тех дней вокруг посольства США в Москве: американский резидент, несмотря на окрики из Вашингтона, отказывается предоставить политическое убежище мифическому советскому генералу ввиду того, что в здании после ухода советских специалистов отсутствуют элементарные условия для проживания.

Каждый случай выдворения, особенно массового, становился предметом специального разбирательства и тщательного анализа. Выводы могли быть самыми разными. Когда речь идет об элементарной провокации — тут все ясно, нужна ответная реакция, и чем она жестче, тем лучше.

Но ведь бывали ситуации, когда провал настолько очевиден, что оспаривать его нет никакого смысла. Становиться в позу, когда ты действительно сам во всем виноват, было даже вредно, при любых обстоятельствах нужно сохранять чувство собственного достоинства. Хотя и здесь противник не вправе перебарщивать, допускать некорректность и пользоваться оскорбительными приемами, тем более рассчитывая при этом на безнаказанность. Разведслужба — это не подпольная организация, а вполне официальное учреждение, являющееся к тому же одним из важнейших атрибутов государства.

Говоря о подрывной деятельности иностранных держав и их спецслужб против СССР, необходимо учитывать то обстоятельство, что она не являлась каким-то абстрактным политическим процессом, — речь идет о конкретных действиях, которые были направлены против государства и острие которых проходит по живому — по судьбам людей, про которых не ради красного словца говорят, что они находятся на передовой.

Выдворение из страны, шельмование — это, пожалуй, самое легкое из того, что подстерегает разведчика в его повседневной жизни. Хотя и это является весьма ощутимым ударом — как правило, на долгие годы человеку закрывается въезд не только в эту, но и во многие другие страны, а значит, насмарку идут долгие годы подготовки, сужаются воз-

можности применения сил на наиболее интересном участке оперативной работы.

Однако последствия бывают и куда более серьезными, особенно когда разведчик сам допускает оплошность и дает в руки противника хоть малейший повод для провокации. Тут уж пускается в ход весь незатейливый, но порой весьма эффективный арсенал спецслужб — вербовочные подходы, угрозы, запугивание, шантаж, — любые методы, лишь бы они привели к желаемому результату, помогли сломить человека.

Здесь особенно важно, чтобы разведчик до конца верил, что за его спиной стоит его собственная служба, на помощь и поддержку которой он всегда может рассчитывать. Именно поэтому человеческий фактор имеет такое огромное значение, без его учета любая, даже самая строгая дисциплина бессильна в условиях жестокой тайной войны.

Еще в самом начале моей карьеры в Первом Главном управлении произошел один довольно характерный случай. В 1973 году в Тунисе была совершена провокация в отношении нашего молодого сотрудника, работавшего в этой стране под журналистским прикрытием. Его арестовали с применением грубого физического воздействия, в течение двух суток без перерыва допрашивали, бросили в общую камеру с уголовниками, в тюрьме вновь жестоко избили и даже имитировали расстрел.

Наш товарищ вел себя достойно, стойко выдержал все издевательства, не пал духом и не поддался на запугивания, хотя провокация стала возможной именно из-за нарушения им самим элементарных норм поведения и служебной дисциплины — он пошел на встречу с малознакомым человеком без разрешения своего непосредственного руководителя. Уже после он рассказывал, что испытывал определенные сомнения, но надеялся на оперативный успех и не предвидел столь грубой провокации.

Тунисские власти внушали арестованному, что совпосольство отказалось от него и не намерено добиваться его освобождения. С большим трудом нам все же удалось сообщить попавшему в беду товарищу о предпринимаемых нами мерах.

В конце концов решительные протесты, ответные меры,

в частности выдворение из Советского Союза лица, в котором была заинтересована тунисская сторона, наш демарш на высшем уровне и угроза международного скандала по поводу провокационных действий в отношении советского сотрудника дали результат — через два месяца арестованный был освобожден.

По возвращении попавшего в переделку сотрудника в Союз с ним пожелал встретиться председатель КГБ Андропов. Перед ним предстал молодой, еще не закаленный ни работой, ни жизнью разведчик, который в своей первой командировке попал в такую переделку. Он не без волнения рассказал о случившейся с ним истории, не пытаясь скрыть своих ошибок и просчетов. Он понимал, что попал в беду по собственной вине, грубо нарушив нормы оперативной работы, и этим, конечно, причинил службе и оперативный, и политический ущерб. Его оправдывали молодость, желание добиться успеха и необстрелянность во всех отношениях.

Андропов, несмотря на это, занял непреклонную позицию, в нехарактерной для него жесткой манере заявил, что сотруднику нет оправдания, что он заслуживает самого серьезного наказания, а в заключение вообще выразил сомнение в возможности его дальнейшей работы в разведке.

Парень и этот удар снес молча, хотя, видимо, не рассчитывал, что получит столь резкую оценку на таком высоком уровне. Как мне показалось, особенно больно задело его то обстоятельство, что мужественное поведение в тюрьме вообще не было принято во внимание.

Как только мы с Андроповым остались наедине, я счел необходимым высказать свое отношение как к тональности состоявшейся беседы, так и к принятым председателем решениям.

— Юрий Владимирович, а за что, собственно, вы предлагаете уволить парня из органов? Что он такого натворил, если разобраться? Да, нарушил дисциплину, ошибся, не распознал ловушку. Но ведь от подобных ошибок не застрахован ни один разведчик, даже самый опытный! Как будто мы в первый и последний раз горим на этом. А что касается нарушения режима, то он, во-первых, за это уже получил сполна еще в тунисской тюрьме, а во-вторых, сделал это в общем-то ради дела, в надежде получить положительный

результат. Ну, допустим, доложил бы он о своих планах резиденту, и что дальше? Все равно данных о том, что намечается провокация, не было, скорее всего, встречу ему все равно бы санкционировали и итог был бы почти таким же.

— Так что ты предлагаешь, по головке теперь его гладить? Завтра же у тебя все начнут вытворять, что им заблагорассудится, а мы только и будем делать, что вызволять их из каталажек да объясняться по этому поводу с Громыко! Так что ты этот свой либерализм оставь для более подходящих случаев!

— Если мы за каждый проступок будем гнать работника в шею, — стоял я на своем, — то начисто отобьем у людей охоту вообще что-то делать. Этот как раз получил урок на всю оставшуюся жизнь, могу ручаться, что второго такого прокола у него уже не будет. Моя бы воля, так я еще и орденом наградил бы его за проявленное мужество!

— Ладно, не горячись, пусть пока работает, а там видно будет, — ворчливо пошутил Андропов.

Спустя несколько дней Юрий Владимирович вновь вернулся к этой теме:

— Знаешь, я тут подумал еще раз над всем эти делом и решил, что ты, наверное, прав: я действительно перегнул тогда в разговоре. Ты как-нибудь доведи до него эту мысль, но только так, чтобы он не воспринял это как полное прощение...

Для меня эта давняя тунисская история послужила хорошим уроком. Я понял, что нельзя допускать даже тени несправедливости к тем, кто попал в беду — пусть даже из-за собственной грубой ошибки, но затем искупил вину.

Я считал и считаю, что битый разведчик вправе рассчитывать на реабилитацию, критика его действий не должна носить обидный и тем более унижающий человеческое достоинство характер, только при этом условии она будет иметь воспитательное значение. Ни в коем случае нельзя создавать у сотрудника комплекс вины, постоянно напоминать о его грехах, оставлять на душе тяжелый осадок необоснованных подозрений.

В своей дальнейшей работе в разведке, а затем и на посту председателя Комитета госбезопасности я никогда не

позволял добивать провинившегося, возвращаться к критике товарища, который, однажды совершив проступок, уже понес наказание, извлек из этого уроки.

До сих пор сожалею о том, что руководство Комитета госбезопасности не пошло тогда на представление к правительственной награде попавшего в беду частично по своей вине сотрудника, но в итоге выдержавшего суровое испытание. Ошибка, к сожалению, тогда перевесила мужественное поведение и стойкость.

В чем-то похожая, хотя гораздо более сложная и запутанная история произошла и с Виталием Юрченко. К моменту моего перехода на должность председателя КГБ в октябре 1988 года вопрос с Юрченко уже окончательно прояснился, и сейчас можно рассказать о том, что же произошло на самом деле, за исключением той части, которую и сегодня по оперативным соображениям раскрывать пока нельзя. Однако сути случившегося это никак не исказит.

2 ноября 1985 года уже под вечер у дежурного советского посольства в Вашингтоне раздался телефонный звонок. Мужской голос скороговоркой сообщил, что звонит Юрченко, попросил срочно открыть ворота в жилой комплекс посольства и приготовиться к его встрече.

Юрченко, до этого долго работавший офицером безопасности в нашем посольстве в Вашингтоне, прекрасно ориентировался в расположении зданий, знал все входы и выходы, поэтому конкретность, с которой он изложил свою просьбу, сомнений в личности звонившего не вызывала.

Дежурный сразу же доложил о необычном звонке, который вызвал переполох в резидентуре, но ворота, несмотря на опасения провокации, все же открыли и приготовились к встрече. Через 15 минут из темноты, еще более сгустившейся из-за сильного дождя, вынырнула фигура человека в плаще с поднятым воротником и в низко опущенной шляпе. Сомнений не оставалось — встречавшие тотчас опознали полковника Юрченко, сотрудника Первого Главного управления КГБ СССР, тремя месяцами ранее, казалось бы, бесследно исчезнувшего в Риме, куда он был направлен для выполнения специального задания...

Пропал Юрченко 1 августа, когда все дела уже были завершены и он готовился к отлету домой. Напоследок пошел прогуляться по вечному городу и в посольство не вернулся.

Спустя несколько часов его хватились, начались поиски, но все впустую. Подключили итальянские власти, но и это не дало никакого результата — человек словно в воду канул. Наиболее правдоподобное объяснение было одно: что-то произошло — то ли несчастный случай, сердечный приступ, то ли Юрченко стал жертвой преступления. В возможность его перехода на сторону противника никто сначала не верил.

Первичная проверка в Москве ничего подозрительного тоже не выявила: на работе и в семье вроде все нормально, с женой и сыном видимых проблем нет. Насторожил один, на первый взгляд, незначительный штрих — в последнее время Юрченко частенько жаловался на здоровье, проявляя при этом явно ненормальную мнительность. От медицины эта деталь ускользнула, о ней знали лишь самые близкие.

Этот факт тут же был взят на заметку. Пусть и слабая зацепка, но она все же заставляла попристальней взглянуть на версию добровольного ухода к противнику, хотя и под несколько иным углом зрения...

Спустя несколько дней итальянцы намекнули: нельзя исключать, что Юрченко добровольно покинул пределы Италии и находится в другой стране, например в США, не стоит ли поискать его там.

Первые запросы к американской стороне результатов не дали. Лишь наши повторные настойчивые обращения в государственный департамент, а также запрос по конфиденциальному каналу КГБ — ЦРУ в конце концов дали эффект, и нас проинформировали, что Юрченко действительно находится в США, причем прибыл туда якобы по своей воле.

Полученное известие наводило на серьезные размышления: ведь совсем недавно анализ имевшихся у нас сведений о Юрченко, мнения сослуживцев о нем, сводили к нулю вероятность тривиального предательства. Конечно, сомнения в правдоподобности навязываемой нам версии ухода оставались, но полностью сбрасывать со счетов этот самый неблагоприятный для нас вариант мы также не имели права.

От наших источников в итальянской столице, а затем и в Вашингтоне вскоре поступили сведения, позволившие довольно точно воссоздать истинную картину его исчезновения. Она, кстати, во многом совпала затем и с рассказом самого Юрченко, который мы услышали спустя три месяца после его возвращения С его слов, дело было так.

Во время прощальной прогулки по Риму Юрченко вдруг почувствовал себя плохо, присел отдохнуть и потерял сознание. Когда очнулся, увидел склонившихся над ним незнакомых людей. Остальное помнит как в тумане самолет, уединенный двухэтажный дом уже, как он понял, в Штатах.

Затем начались допросы, сопровождавшиеся интенсивным применением медицинских препаратов На какое-то время воля была полностью парализована, и Юрченко с трудом отдавал себе отчет в том, что происходит Временами наступали прояснения и вместе с ними осознание всего трагизма ситуации, в которой он оказался Были моменты, когда Юрченко считал, что все кончено и обратного пути у него уже нет. Эти настроения почувствовали работавшие с ним американцы и решили, что главные трудности у них уже позади...

Но Юрченко все же нашел в себе силы не сдаться. Он задумал, казалось бы, невероятное вырваться к своим — и стал целенаправленно готовиться к этому Для начала необходимо было скорректировать свое поведение, с тем чтобы полностью усыпить бдительность опекавших его сотрудников ЦРУ и ФБР.

Трюк удался, и режим содержания постепенно становился все менее суровым Вскоре в сопровождении своих «новых коллег» Юрченко позволили выезжать в город, посещать рестораны, магазины. совершать прогулки Разумеется, опека все еще оставалась довольно плотной, но это уже был шанс.

То ли Юрченко действительно настолько вошел в доверие к американцам, то ли те просто пытались покрепче привязать его к себе, но ему стали оказывать внимание на очень высоком уровне Однажды его даже пригласил на обед бывший тогда директором ЦРУ Кейси

Юрченко превосходно знал Вашингтон и решил, что без труда сможет незаметно добраться до посольства, если толь-

ко сумеет оторваться от своих покровителей. Спустя пару месяцев у него окончательно созрел план побега и он приступил к его поэтапной реализации.

Прежде всего установил близкие, даже доверительные отношения с постоянно сопровождавшим его сотрудником, а затем наметил для очередного посещения тот ресторан, который хорошо знал и который находился в двух шагах от жилого комплекса нашего посольства. Субботний день тоже выбран был не случайно — это только у нас спецслужбы работают, невзирая на выходные...

В ресторанах Юрченко уже давно позволяли одному отлучаться на короткое время: то ли действительно притупилась бдительность, то ли просто ленились вместе с ним ходить в туалет. Все остальное было делом техники — короткий звонок в посольство и побег через запасной выход, который был примечен еще в прежние времена.

Как оказался Юрченко у своих, читатель уже знает. Через час после его появления шифровка об этом лежала у меня на столе. В воскресенье, 3 ноября 1985 года, в здании нашей разведки в Ясеневе собрались все руководители ПГУ, имевшие отношение к делу Юрченко. На совещание приехал и председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков — ситуация ведь весьма необычная, подобного оборота дела никто не ожидал. Нужно было срочно готовить письменное сообщение Горбачеву с детальными предложениями о наших дальнейших шагах.

Вновь проанализировали все известные центру обстоятельства, обстановку вокруг советских учреждений в Вашингтоне (наблюдение за ними американцы тотчас же усилили). Вопросов возникало много — как и когда вывозить Юрченко на родину, каких действий можно ожидать со стороны американских властей, что сообщать в средствах массовой информации, поставить ли в известность семью Юрченко еще до появления первых публикаций в печати и передач в эфире и т. п.

Было решено немедленно поставить перед госдепартаментом США вопрос о безотлагательном и беспрепятственном выезде Юрченко из страны. Поддержали и предложение совпосольства о проведении в Вашингтоне пресс-конферен-

ции Юрченко, в ходе которой он должен был рассказать о том, что с ним произошло

Американцы, судя по всему, пребывали в состоянии шока и поставили лишь одно условие, потребовав личного появления Юрченко в госдепартаменте. С нашими предложениями о выезде Юрченко они согласились.

Пресс-конференция в посольстве и процедура в госдепартаменте прошли успешно, американцы, все еще не оправившись от растерянности, реагировали на все происходящее на удивление вяло, без присущей им напористости. Оперативность, с которой мы действовали, отличная координация усилий Министерства иностранных дел и Комитета госбезопасности СССР обеспечили успех операции по вывозу Юрченко из Штатов, не дали возможности американской стороне затянуть это дело

Настало время рассказать об одной, образно выражаясь, попутной операции, которую мы осуществили, воспользовавшись ситуацией с Юрченко Дело в том, что мы давно установили утечку информации к противнику из нашей вашингтонской резидентуры и с большой долей достоверности вычислили агента, завербованного ЦРУ из состава оперативных работников

Проверочные мероприятия полностью подтвердили самые худшие подозрения. Вопрос, однако, состоял в том, как вывезти этого человека в Союз

По имевшимся данным, в ЦРУ догадывались, что мы если еще и не локализовали полностью их агента, то, во всяком случае, достаточно близко подобрались к нему Поэтому при малейших признаках опасности агенту был бы обеспечен немедленный уход Вот мы и решили воспользоваться сложившейся ситуацией и организовать выезд предателя в Союз в числе сопровождавших Юрченко лиц Потребовалось, таким образом, создать специальную оперативную группу только ради того, чтобы включить в нее единственное интересующее нас лицо

Мы понимали, что после объявления о предстоящей поездке сотрудник попросит разрешения сходить на квартиру, чтобы собрать вещи и подготовиться к отъезду Заранее бы-

ло решено не препятствовать этому, дабы не вызывать никаких подозрений, хотя мы прекрасно понимали, что он использует это время для связи со своими шефами в ЦРУ и получения от них соответствующих указаний.

Так оно и вышло. Об этом он сам потом рассказал, когда уже находился под арестом в Москве. Но можно себе представить, чего стоили всем нам эти часы томительного ожидания, пока Мартынов (именно так звали предателя) совещался со своими хозяевами из Лэнгли и не появился наконец в посольстве!

Американцы, как мы и предполагали, посоветовали ему лететь и попытаться узнать, что же все-таки произошло с Юрченко, не был ли он с самого начала специально заслан советской разведкой и каким образом, с чьей помощью он оказался в советском посольстве. Соблазн для наших коллег из американских спецслужб узнать эти так интересующие их подробности воистину был слишком велик, раз уж они решили рискнуть своим агентом. Собственно, на это мы и рассчитывали!

Таким образом, в самолете пришлось оберегать не Юрченко, тут проблем никаких не было, а «сопровождавшего» его Мартынова.

В промежуточном аэропорту Гандера в Канаде было дано указание из самолета никому не выходить. Пассажирам пояснили, что возможна, мол, провокация и рисковать не стоит, лучше всем остаться на борту.

Вот тут наш «сопровождающий» и занервничал, но было уже поздно. В полете у него было теперь достаточно времени, чтобы обо всем как следует поразмыслить. По прибытии в Москву он был арестован прямо в аэропорту, психологический шок был настолько велик, что он тут же стал давать подробные показания. Оказалось, что лететь в Москву Мартынов с самого начала боялся, чуяло, как он выразился, сердце, но хозяева из ЦРУ были неумолимы, сказали, что лететь все равно придется.

В Москве Юрченко сообщил нам массу сведений, представлявших значительный оперативный интерес. В политическом плане операция с делом Юрченко также оказалась выгодна Советскому Союзу, остудила пыл западных спецслужб, наглядно продемонстрировав, что безнаказанно осу-

ществлять провокации против советских сотрудников за рубежом не удастся.

История с Юрченко, изложенная в его интерпретации, в частности об обстоятельствах его перемещения из Италии в США, в общем-то совпадает с теми данными, которые были получены нами по другим каналам. Но были и нюансы. О некоторых из них он откровенно рассказал мне в ходе многочасовой беседы с глазу на глаз.

Но есть ли смысл затрагивать эту деликатную тему, выворачивать наизнанку всю подноготную жизни человека? Главное, как мне представлялось тогда и в чем я убежден сегодня, состоит в том, что уход от американцев и возвращение в Союз были сознательно осуществлены самим Юрченко. Это стало возможным благодаря его смелым и решительным действиям и в этом плане имеет огромное положительное значение.

Руководство разведки подошло к Юрченко без предвзятости, с точной оценкой баланса положительного и негативного, а первое в итоге несомненно перевешивало второе. Он продолжал работать в службе, хотя и не в прежнем качестве.

Еще перед тем как случилась эта история, Юрченко был отмечен ведомственной наградой — знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», который по возвращении и был вручен ему в торжественной обстановке. Полученные от Юрченко оперативные сведения были активно использованы в работе и принесли ряд интересных результатов.

Но главное, пожалуй, даже не в этом. И без того изломанная судьба человека, подчеркнутое презрение со стороны некоторых сослуживцев, которое до сих пор сопровождает Юрченко, — более чем достаточная кара за его прегрешения. Вместо того чтобы добивать споткнувшегося, нужно протянуть ему руку, тем более что ее действительно есть за что пожать!

Вообще разведчики заслуживают более бережного отношения к себе. Я уже говорил об опасностях, которые подстерегают их буквально на каждом шагу

Хочу рассказать об одном случае. В конце 70-х годов в Ливане было совершено террористическое нападение на ма-

шину, в которой находились сотрудники советского посольства в Бейруте, в том числе и один наш работник, армянин по национальности, Роберт Мартиросян. Пуля лишь слегка задела один из шейных позвонков, но ранение оказалось для него роковым. В результате были парализованы нижние конечности и пострадавший навсегда остался прикованным к постели.

Он стойко переносил тяжелый недуг, и мы решили не увольнять его на пенсию по состоянию здоровья. Как и положено, сотрудник повышался по должности, хотя работал преимущественно дома, занимаясь в основном аналитическими исследованиями. Причем проявил себя на этом поприще с самой лучшей стороны: его уму и работоспособности оставалось только удивляться. Часто болезнь обострялась, принося неимоверные страдания, но он все равно держался, не падал духом.

Как-то я навестил его в больнице, там увидел его жену и двух чудесных ребятишек. Каждый, включая и самого пострадавшего, понимал, что болезнь рано или поздно одержит верх, но оптимизм и исключительная воля человека помогали ему выжить. Любимая работа, чувство, что он еще нужен, в сочетании с заботой и вниманием, которой он был окружен в семье и среди сослуживцев, оказались лучше всяких лекарств!

Но в 1991 году состояние его здоровья резко ухудшилось и нашего товарища не стало. Мы сделали все, чтобы облегчить ему жизнь, помочь семье, но были бессильны перед лицом неумолимого недуга...

Вспоминаю, что во время одной финансовой проверки нам было сделано замечание — нарушаем, дескать, закон, держим на работе инвалида первой группы. Я объяснил ситуацию, заявив, что мы сознательно пошли на этот необычный шаг, что намерены и впредь придерживаться выбранной линии. Никто, конечно, наше решение не отменил и наш товарищ так и оставался до конца своих дней в рядах действующих разведчиков.

История разведки изобилует полными трагизма человеческими судьбами. Когда говорят о нашей работе, на ум человека со стороны приходит прежде всего овеянная ро-

мантикой жизнь разведчиков-нелегалов. Да, в какой-то мере это верно! Есть и романтика, и окутанные завесой глубокой тайны биография, яркие дела. Буквально считанные люди знают об их существовании, тем более видели в лицо. Человек есть, а вроде бы его и нет. Вместо него на виду совсем другой — вернее, тщательно отработанная ходячая легенда.

Работа разведчика-нелегала невероятно трудна и опасна. В случае провала самое легкое, что его ожидает, — это выдворение из страны, а в худшем случае — и тюрьма. Процесс вызволения путем обмена, как правило, затягивается на годы, которые конечно же дорого обходятся нашим товарищам и их семьям.

Впрочем, у нелегала зачастую вообще нет семейной жизни, по крайней мере в нормальном понимании этого слова: нередко он возвращался из командировки с уже взрослыми детьми, которые не знают не только родного языка, но и то, что они советские люди. Бывало и так, что перевоспитать их уже невозможно, и возникала не просто проблема отцов и детей, но и непримиримая вражда...

Становится ясным, какими уникальными качествами должен обладать нелегал, насколько глубоко преданным он должен быть по отношению к своей Родине!

Длительное время возглавлял эту службу опытный, влюбленный в свою профессию генерал-майор Дроздов. В прошлом сам был на нелегальной работе, однажды сыграл роль фашистского офицера. Знал каждого сотрудника лично, гордился ими, их успехами, переживал неудачи, когда попадали в беду, делал все, чтобы выручить. У него почти никогда не сдавали нервы. Недавно ушел на заслуженный отдых.

Свой опасный путь разведчики-нелегалы выбирают сознательно, в полной мере отдавая себе отчет в том, какие испытания и опасности поджидают их впереди. И как бы трагически порой ни заканчивались их судьбы, я не встречал ни одного из них, кто пожалел бы потом, что избрал для себя такой нелегкий путь. И дело не только в поистине нечеловеческих условиях работы — вдали от Родины, от родных и близких, без привычных условий жизни, в постоянном напряжении, когда расслабиться нельзя ни днем, ни ночью, и так порой десятки лет — ведь любая, даже самая незначи-

тельная оплошность может стоить не только свободы, но и жизни.

Об одной трагической судьбе, которая глубоко врезалась мне в память, я и хочу рассказать. Эта история часто возвращала меня к размышлениям о людях этой профессии и всякий раз только усиливала чувство глубочайшего уважения к ним.

Подошел срок окончания подготовки нашего разведчика для выезда в загранкомандировку на многие годы, может быть, и на всю жизнь. Отправляться в путь пришлось в срочном порядке и, едва увидев своего новорожденного ребенка, через два дня он был уже в самолете на пути к цели. Лишь спустя шесть лет ему представилась возможность проездом побывать в Москве и в течение нескольких дней повидаться с сыном. Затем вновь потянулись долгие годы разлуки.

А сын тем временем по-прежнему рос без отца и почти отчаялся когда-нибудь увидеть его снова. Обстоятельства складывались таким образом, что прервать пребывание нашего разведчика за рубежом все никак не удавалось — такой уж важной оказалась занимаемая им позиция, малейший перерыв в работе мог обернуться для нас серьезными издержками, да и для него самого даже кратковременное отсутствие было бы сопряжено с большим риском.

Тем не менее в конце концов нам все же удалось изыскать возможность вызова разведчика в одну европейскую страну, откуда он тайно перебрался в соседнюю, где мы организовали для его сына отдых в пионерском лагере. К тому времени парню минуло уже 16 лет. Две недели, отведенные для свидания отца с сыном, были самыми счастливыми в их жизни — они ни на минуту не отходили друг от друга, казалось, хотели наговориться за все прошлые годы.

Время пролетело быстро, и вот уже настала пора прощаться. Отец уверял расстроенного сына, что через год, максимум два вернется домой и тогда уже ничто не сможет разлучить их. Но какое-то смутное предчувствие грядущей беды никак не оставляло разведчика — на душе словно лежал тяжелый камень.

Разведчик вернулся «домой», а его сын продолжал свой отдых. Мы хотели хоть как-то скрасить жизнь юноши, сгла-

дить горечь расставания. Но случилось непоправимое — во время купания в озере мальчику вдруг стало плохо — у него свело судорогой ноги и он утонул. Его быстро нашли, пытались откачать, но все было тщетно, врачи оказались бессильны...

Каждый из нас воспринял это как личную трагедию. Отцу тотчас же сообщили о постигшем горе и разрешили немедленно прервать командировку. К моменту, когда он сумел вернуться в Союз, сын уже был похоронен. У меня до сих пор в горле стоит ком, когда я представляю, как он, стоя на коленях, обнимал еще свежий могильный холмик...

На следующий день мы встретились в служебном загородном доме под Москвой. Долго сидели молча, затем вспоминали былое, всю жизнь нашего боевого товарища. Конечно, много говорили о постигшем его горе, но слова утешения помогали мало — своих слез не стыдились ни он, ни я.

Бесценные результаты его работы, проявленный им героизм и стойкость при выполнении важнейшего задания были высоко оценены — ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Если бы существовала более высокая награда, он был бы достоин и ее!

Спустя полгода наш герой опять выехал в заграничную командировку и пробыл там около пяти лет. Затем вернулся в Советский Союз и больше уже никуда не выезжал.

У разведчика-нелегала особое ощущение Родины, особая тяга к ней. Сколько мыслей, раздумий там, на чужбине. Какая тоска по белой березке, по родным и друзьям, по родной земле. А ведь жизнь-то одна, и когда нелегал оказывается на своей земле, то он никогда не проводит свое время лишь в стенах московской квартиры.

Он стремится выехать в другие города, села, жадно всматривается в жизнь, оценивает происшедшие перемены, бурно переживает недостатки, трудности, с которыми сталкивались советские люди, черпает новые силы для дальнейшей борьбы. Он лучше начинает понимать, в чем нуждается страна, отчего его работа становится результативнее.

Можно привести множество добрых дел, совершенных разведчиками-нелегалами на благо Родины. Обо всем не расскажешь, объем книги не вместит их. Но кое о чем всетаки хотелось бы еще поведать читателям.

...В конце апреля 1986 года в стране случилась большая беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Тогда мы еще до конца не представляли масштабы трагедии.

Усилиями нелегальной разведки еще за несколько лет до чернобыльской аварии мы получили уникальный доступ к иностранным материалам по проектированию, строительству и эксплуатации атомных станций. Удалось вывезти несколько чемоданов документации по указанным проблемам.

Особый интерес представляла информация по обеспечению безопасности атомных станций. Кстати, эта часть информации нам досталась труднее, с осложнениями, пришлось пойти на риск, в результате чего нашему сотруднику вскоре пришлось спешно покинуть страну пребывания. Добытая информация получила во всех центральных организациях положительную оценку.

За все надо платить, в том числе и за безопасность. Так вот, гарантия полной безопасности атомной станции обходилась примерно в 15 процентов ее стоимости. Решение простое — все опасные блоки, части станции сооружаются под землей, предусматриваются также другие меры предосторожности. Соответственно меняется конструкция и технология.

Несмотря на положительные оценки полученной информации, нам стало известно, что ее не собираются использовать в отечественной атомной промышленности. Тогда по своей инициативе разведка вышла на ряд ученых в некоторых удаленных от центра областях с целью получения их оценки и заключения. Отовсюду — только положительные отзывы.

Была организована встреча нелегала с небольшой группой советских специалистов, в ходе которой последние получили весьма квалифицированные разъяснения. Однако в реализацию информация не пошла.

Уже после Чернобыля в начале 1987 года мне позвонил министр энергетики СССР Майорец. Он сказал, что министерство вновь вернулось к нашей информации, признало ее исключительно ценной, особенно ту часть, которая касается

безопасности. Министр принес извинения за прежнее руководство, которое допустило явный просчет, отказавшись от ее использования.

Кстати, наш разведчик был награжден орденом Красного Знамени, который в скромной обстановке вручил ему автор этих строк.

1988 — 1991 годы для разведчиков, особенно нелегалов, были исключительно трудным временем. Они старались работать активно, проявляли инициативу, стремились в полном объеме выполнять поставленные задания. Какие тревожные, тяжелые письма они направляли в центр! Сколько в них было переживаний, непонимания!

Как сейчас помню начальные строки одного письма: «Уважаемый Владимир Александрович! Что происходит с нашей страной, с моей Родиной? Куда мы идем? Здесь в открытую говорят, что скоро не будет Союза. Злорадствуют по этому поводу. Я вне себя от отчаяния».

Это письмо относилось к началу 1990 года и было доложено руководству страны. Да ведь и мы понимали, куда идем, что-то старались делать, но увы, Союза уже нет, и того разведчика-нелегала наверняка будоражит мысль: «Я ведь писал».

Еще один нелегал из другой страны с болью писал, что ему тяжело слушать, как недруги, потирая от удовольствия руки, говорят, что все спецслужбы мира, вместе взятые, не сделали бы с Советским Союзом то, что русские сами творят со своей страной.

Нахлынувшие воспоминания в который раз заставляют горько задуматься над тем, как можно сейчас, после всего того, что произошло с нашей Родиной, смотреть в глаза таким людям, отдавшим ей все самое ценное, что было в их жизни!

Работа разведчика полна опасностей, порой совсем неожиданных. Главная опасность — провал. Часто это происходит вообще по независящим от него обстоятельствам — из-за предательства, небрежности или провала другого развед-

чика или агента, а порой и в силу простой случайности, предугадать которую трудно.

Конечно, бывает и так, что работник «засыпался» сам, совершил ошибку или просто недооценил опасность. Причин может быть много, но результат один.

Хорошо, если разведчик работал под дипломатическим прикрытием, здесь в большинстве случаев особых проблем не возникает: выдворение, как я уже говорил, — это самая меньшая из всех возможных бед.

Сложнее, когда дипломатическим иммунитетом не прикроешься и приходится отвечать по всей строгости местных законов. Длительный срок тюремного заключения в таком случае можно считать гарантированным.

Мы никогда не бросали на произвол судьбы своих попавших в беду людей — независимо от того, шла ли речь о гражданине нашей страны либо об агенте. Какие только операции не проводились, чтобы вызволить из неволи наших товарищей! Попытки в случае необходимости предпринимались неоднократные, лишь бы был положительный результат. В подавляющем большинстве случаев в конечном счете все же удавалось добиться успеха — за последние два-три десятка лет не было ни одного случая, чтобы разведчик остался отбывать свой срок на чужбине.

В последние годы установилась и все шире использовалась практика обмена задержанными разведчиками. Правда, не всегда на равной основе, но тут уж все зависит от обстоятельств и от того, как удастся договориться.

Часто наших «хватали» специально для того, чтобы обменять на интересующее противную сторону лицо. В таком случае обмен совершался довольно быстро.

Но бывали случаи, когда менять было просто не на кого, тогда на выручку приходили друзья-коллеги из бывших социалистических стран, чаще всего из Германской Демократической Республики. Для освобождения попавших в беду товарищей ни они, ни мы никогда не жалели усилий, шли на любые финансовые затраты, иногда прибегали к ответным мерам в отношении лиц, причастным к спецслужбам противника — задерживали и предавали их суду.

В подавляющем большинстве случаев наши разведчики

попадались на «подставе» — способе внедрения «своего» человека в агентурную сеть противной стороны, с самого начала организуемой спецслужбами с целью раскрытия нашего работника. При этом задержание со всеми вытекающими последствиями применялось независимо от того, совершались ли разведчиками какие-либо уличающие их действия или нет.

Ну что ж, борьба есть борьба. Часто вопрос решался исходя из жестокого, неумолимого подхода: кто — кого. На грубые провокации и мы отвечали адекватно — иначе было просто нельзя, но первыми такие методы никогда не применяли.

Аналогичную корректность не проявляли, к сожалению, наши противники. Правила хорошего тона были для них лишь исключением.

И все же наибольшей беспардонностью и жестокостью отличались спецслужбы США и ФРГ — часто они действовали, даже не пытаясь хоть как-то завуалировать истинную цель своих акций, шли на «подставы», невзирая на то что порой это было сопряжено с передачей ценных материалов. А уж о таких приемах, как грубый шантаж и запугивание, прямое склонение к измене Родине, — говорить и вовсе не приходится.

Одним психологическим прессингом, впрочем, дело почти никогда не ограничивалось, в ход шло и физическое воздействие, а также сочетание обоих методов — в виде, например, помещения в одну камеру с уголовниками.

В мае 1978 года в Нью-Йорке были арестованы два сотрудника представительства СССР при ООН и один чиновник этой организации. Все они были нашими разведчиками и попались на «подставе», умело организованной американской контрразведкой.

Сомнения в источнике, на контакт с которым выходили, были, принимались максимально возможные меры предосторожности, обеспечивалась подстраховка. Но американцы работали у себя дома, где в отличие от нас им и стены помогали.

По пути к месту операции разведчики заметили пролетавшие на небольшой высоте самолет и вертолет, возникли сомнения из-за необычности их появления, да к тому же

прямо на маршруте. Посчитали совпадением, а после случившегося еще раз вспомнили, что в разведке мелочей нет.

Тем не менее улик против наших товарищей не было, но американская контрразведка обошлась и без них. Одного нашего товарища — сотрудника ООН, обладавшего дипломатическим иммунитетом, отпустили сразу. Других ожидали арест и тюрьма, бесконечные допросы, шантаж, склонение к измене Родине, обещания хорошей жизни и т. п. В случае согласия работать на американцев гарантировали даже оказание помощи для достижения «успеха» в оперативной деятельности.

Наши товарищи держались стойко, ни на какие угрозы не поддались.

Начались переговоры об условиях обмена, который получился довольно сложным. Поначалу дело продвигалось туго. Тогда подключились друзья из ГДР и Болгарии. За двух наших сотрудников предлагалось семь человек, в числе которых были лица, представлявшие интерес для ФРГ.

В результате многосторонних переговоров оба наших сотрудника через несколько месяцев были освобождены из тюрьмы, а спустя год вернулись на родину. Они были выпущены под залог с обязательством прибыть на суд. На суд, конечно, не явились (для этого и были уплачены деньги!) и были заочно осуждены на 50 лет лишения свободы каждый.

Ряд аналогичных дел имел место и в ФРГ. Наши сотрудники задерживались там на срок от нескольких дней до года. Немецкая сторона никогда не шла на равный по числу обмен — всегда требовала от нас многократного превышения, так как знала, что в обмене все равно будут участвовать наши друзья из ГДР, а в их руках всегда находились люди, в которых была весьма заинтересована западногерманская сторона.

Немцы и здесь проявляли свою неизменную педантичность, строго оговаривая не только условия и порядок обмена, но и весь сценарий его осуществления, вплоть до мельчайших деталей. Мы, разумеется, тоже опасались подвохов и потому были не менее педантичны, чем немцы.

Сложнее всего было вызволять разведчиков-нелегалов — им и в этом вопросе было труднее других. Они в отличие от других разведчиков не только не имели никакого

официального прикрытия, но и вообще находились в той или иной стране, в сущности, совершенно незаконно, по подложным документам.

Было время, когда разведчик-нелегал ни при каких обстоятельствах не имел права открывать свою принадлежность к СССР и в случае ареста должен был действовать по обстановке, полагаясь только на собственные возможности (они были весьма скромными). Это диктовалось как бы высшими государственными интересами и в то время, пожалуй, действительно было жестокой необходимостью.

В последние два десятка лет мы, однако, от такой практики решительно отказались. Теперь любой наш сотрудник в случае, если он сочтет это для себя полезным, мог рассчитывать на советский флаг и встать под защиту своего государства.

Казалось бы, совершенно естественное решение, но еще совсем недавно наши разведчики и не помышляли о таких «благах», знали, что в случае ареста рассчитывать на открытую помощь родины не придется. И стойкости тем не менее у них от этого не убавлялось!

Когда в 1973 году я перешел на работу в Первое Главное управление, положение дел в разведке в общем-то было неплохим. Накопленный опыт, хорошо подготовленные кадры и отлаженная система работы давали положительные результаты. Разведка в целом справлялась с теми задачами, которые в то время на нее возлагались. Правда, ощущался какой-то застой, слишком уж многое делалось по старинке, по раз и навсегда заведенным правилам. А вот новые, причем очень важные направления разведывательной деятельности, вытекающие из современной обстановки, на мой взгляд, должного развития не получали, что приводило к явным перекосам и нарушению приоритетности в работе.

Разговоры о необходимости развития разведслужбы велись довольно активно, решений на этот счет принималось тоже немало, однако отсутствие четкой линии толкало на принятие поспешных и мало продуманных решений, порождало однодневные концепции.

Одни утверждали, что наступил век решения разведыва-

тельных задач преимущественно техническими средствами, и потому ратовали чуть ли не за полный отказ от агентурной работы.

Агентуристам возражали аналитики, которые считали, что всесторонний и скрупулезный анализ открытых материалов, поднятый на качественно новый уровень, может вполне компенсировать значительное сокращение традиционной разведывательной деятельности и т. п.

Жизнь быстро опровергала подобные взгляды и все ставила на свои места. Но дело от этих шараханий из стороны в сторону явно страдало, становилось все очевиднее, что наша разведка не в полной мере соответствовала задачам сегодняшнего дня, не была сориентирована на реальные потребности политической и экономической жизни страны.

Необходимо было органичнее вписать разведывательный аппарат в структуру государственного механизма, наладить более тесную обратную связь с другими организациями и ведомствами. Устранение недостатков такого рода — вещь очень непростая: мало правильно наметить цели и задачи, нужно еще произвести соответствующую перестройку работы конкретных направлений разведки, скорректировать ее структуру.

Все это требовало глубокого и всестороннего анализа и соответствующих условий, поэтому я с самого начала твердо решил избегать скоропалительных выводов и не допускать неуместной спешки.

Разведка была неотъемлемой частью системы органов госбезопасности, но как-то сложилось, что между Первым Главным управлением и другими подразделениями Комитета, и прежде всего контрразведкой, отношения были далеки от идеальных. Имели место взаимные нарекания, разговоры о том, кто лучше и больше сделал, кто профессиональнее работает.

Сотрудников Первого Главного управления называли белой костью, упрекали в высокомерии, стремлении выделиться, оторваться от общего чекистского коллектива.

Мои личные наблюдения еще с позиции начальника Секретариата КГБ уже тогда убеждали в том, что все это беспочвенно. А что касается отношений между коллективами разведки и контрразведки, то многое, если не все, зависело

от того, какую позицию избрали руководители подразделений и партийных организаций, на которых лежала основная ответственность за воспитание сотрудников и моральный климат в коллективах.

Был, конечно, элемент зависти: сотрудники Первого Главного управления чаще имели возможность выезжать за границу, то ли на постоянную работу, то ли во временные командировки, и это, конечно, делало их служебное положение более привлекательным, ставило их в более выгодное материальное положение.

Попав в разведку, я сразу ощутил неприятные отзвуки таких настроений и твердо решил сделать все от меня зависящее, чтобы положить конец и создать условия для здоровых товарищеских отношений между разведчиками и контрразведчиками, а также сотрудниками других подразделений Комитета.

Мы инициировали регулярные встречи между руководством разведки и контрразведки, активизировали рабочие контакты на разных уровнях, уделяли внимание более частому и системному проведению совместных операций и акций за рубежом и в Советском Союзе. По инициативе Первого Главного управления в разведку был направлен ряд сотрудников контрразведывательных подразделений, а в последние мы командировали на работу группу разведчиков.

Это сразу сказалось на общей атмосфере взаимоотношений между подразделениями. Правда, до конца эта проблема так и не была решена. Дело в том, что не было разработано положение, точно регламентирующее функции, круг задач, решаемых разведкой с одной стороны и контрразведкой — с другой.

Но уже после первых шагов заметно усилились координация между разведкой и контрразведкой, эффективность оперативной работы.

Об одном контрразведчике хотелось бы упомянуть. В 1979 году в разведку, первым заместителем начальника управления был направлен один из заместителей начальника Второго Главного управления Маркелов. Он имел более чем сорокалетний опыт работы в органах госбезопасности, отличался трудолюбием, порядочностью в отношениях с товарищами, преданностью делу и долгу. При всем многообразии

проблем умел выделить главное и, как правило, находил оптимальные пути выполнения задач.

В ПГУ он занялся вопросами внешней контрразведки, и тут его опыт пригодился. Коллектив разведчиков отнесся к нему с доверием.

В свою очередь, Маркелов был чуток к товарищам, не кичился своим опытом, прислушивался к мнению сослуживцев. Люди видели, что это шло от души.

В 1986 году Маркелов вернулся в контрразведку и был назначен начальником Второго Главного управления. С этого момента никаких трудностей во взаимодействии между разведкой и контрразведкой не возникало. С пользой для дела он использовал опыт работы в разведке и контрразведке. К сожалению, возраст, ухудшение здоровья сделали свое дело, и в 1990 году Маркелова не стало.

Важнейшим в деятельности разведки оставалось политическое направление. В международных отношениях сохранялась напряженность, стороны активно вооружались, что, естественно, само по себе уже являлось серьезным источником опасности.

Лучшие умы, новейшие достижения науки и техники отдавались в распоряжение военной машины. СССР и США настолько запугали друг друга, что любые миролюбивые заверения воспринимались лишь как попытки усыпить бдительность противника.

Запад предпочитал действовать с позиции силы, постоянно наращивая усилия по подрыву ситуации в Советском Союзе и других социалистических странах, возводил все новые барьеры на пути развития торгово-экономических отношений капиталистических стран со странами социалистического содружества.

Надо признать, что в существовавшей тогда международной напряженности была доля и нашей вины. Часто у нас не хватало выдержки перед лицом политических и военных вызовов. Мы неоправданно сужали круг тех политических сил и отдельных лидеров в капиталистических странах, с которыми можно было договариваться на базе взаимных уступок.

Наталкиваясь в очередной раз на попытки разговаривать с нами языком силы и отказ Запада учитывать наши законные интересы, мы разом сворачивали дальнейшие усилия по поиску компромиссов. В итоге — новый виток международной напряженности и осложнение отношений Советского Союза с ведущими западными странами.

Логика неизбежности противостояния двух мировых систем неизменно диктовала и методы политической борьбы.

Добываемые разведкой материалы говорили о подготовке стран НАТО к войне.

Конечно, мы понимали, что между подготовкой к войне и ее возможным началом — дистанция огромного размера, но в большой политике пренебрегать такими факторами непозволительно, тем более что в нашей истории уже был печальный опыт недооценки военной угрозы. Поэтому к войне готовились и мы, хотя у нас никогда и не было намерения ее начать.

Бремя военных расходов становилось для нас все более непомерным, и США вместе со своими союзниками умело использовали это обстоятельство для того, чтобы и дальше выматывать нашу и без того не столь уж безупречную экономику. Нас втягивали то в один, то в другой дорогостоящий виток гонки вооружений. Порочный круг этого бесконечного марафона все туже затягивался петлей на нашей шее...

В 70-е годы структура разведки и основные направления ее деятельности были достаточно устоявшимися и во многом традиционными для подобных служб во всем мире. Ключевой являлась политическая разведка, построенная по весьма простому принципу — географическому.

Общее руководство резидентурами осуществлялось географическими отделами. Это означало, что у каждой загранточки в центре есть свой куратор.

Научно-техническая разведка сформировалась как отдельное направление и в последние годы переживала бурное развитие, набирала темпы, укреплялась кадрами. Результаты ее работы все в большей мере чувствовала наша экономика, действовала обратная связь, количество заявок от министерств и ведомств постоянно увеличивалось.

Далеко не все они принимались к исполнению, речь могла идти только о тех, которые действительно имели значение для нашей экономики.

Внешняя контрразведка прошла длительный путь становления и в итоге также оформилась в самостоятельное направление. Оно было призвано выявлять и пресекать деятельность иностранных спецслужб против Советского государства и его граждан. Обеспечение безопасности КГБ, и в частности его Первого Главного управления, также вменялось в обязанности управления внешней контрразведки.

В ПГУ работала обладавшая, пожалуй, наиболее давними традициями нелегальная разведка. Это особо засекреченное, я бы сказал, элитное подразделение отличалось высоким профессионализмом, собственными формами и методами работы, спецификой подготовки кадров.

Важным звеном, постоянно работающим в напряженном ритме, по существу формирующим внешний облик разведслужбы, являлось информационное подразделение. Сначала это была всего лишь небольшая группа, затем она стала отделом, службой, а в итоге оформилась в Управление разведывательной информации. Это управление привлекало к своей работе лучших аналитиков, обладающих к тому же и большим опытом оперативной работы.

Весь этот хорошо отлаженный разведывательный механизм работал как единое целое, все его звенья тесно взаимодействовали между собой. Сбой только лишь на одном участке сразу же сказывался на всех остальных направлениях.

Это и понятно, ведь структура, которую я описал, складывалась годами, была тщательно выверена и обеспечивала наибольшую эффективность работы разведки в целом. Поэтому когда в камере «Матросской тишины» я услышал по радио об упразднении подразделения, которое занималось, как было сказано диктором, дезинформацией (по нашей терминологии — Служба «А»), я был просто ошарашен.

На самом деле речь идет о службе активных мероприятий.

В мировой практике все спецслужбы широко используют проведение акций, которые содействуют созданию наиболее благоприятных условий для решения тех или иных государственных — политических, экономических и воен-

ных — задач. Не менее активно пользуются этим и частные компании, фирмы и другие организации. В мире противоречивых интересов, когда противостоящие силы идут на использование неофициальных приемов и методов ради достижения своих целей, защита по своему характеру вправе быть адекватной.

Служба дезинформации, о которой речь шла в радиопередаче, не раз оказывала нам неоценимые услуги, а иногда даже позволяла разрядить ситуацию, предотвратить опасное развитие событий в той или иной стране и даже в целом регионе, как это было, например, в случае с Кипром, о чем, пожалуй, следует упомянуть отдельно. Тогда достичь своей цели удалось давно известным и сравнительно простым способом, который тем не менее не раз доказывал свою эффективность.

В августе 1974 года была совершена попытка государственного переворота в Никосии. Президентский дворец, где находился глава государства архиепископ Макариос, был подвергнут мятежниками массированной бомбардировке с воздуха и получил сильные повреждения. Под обломками здания погибло много людей, еще больше было раненых.

Нападавшие передали по радио сообщение о том, что в ходе бомбардировки был убит и сам Макариос. Смерть президента означала падение самого режима, тем более что в руках у Макариоса была сосредоточена не только светская, но и церковная власть в стране.

В Москве информация о предпринятом штурме была получена спустя час-полтора после его начала.

Нам сразу же показалось странным то обстоятельство, что сообщение о смерти Макариоса было передано по радио слишком уж поспешно. Расчет был понятен: внести дезорганизацию и панику в ряды сторонников законного президента, с тем чтобы с ходу полностью овладеть ситуацией на острове.

Реагировать нужно было, не теряя ни минуты.

Мы приняли единственно правильное в этой обстановке решение: инспирировать от имени Макариоса радиосообщение о том, что он жив и призывает своих сторонников,

всю греческую общину дать решительный бой заговорщикам.

Предпринятый нами шаг дал немедленный эффект: силы, стоявшие за Макариосом как в Никосии, так и в Афинах, активно включились в борьбу за сохранение законной власти. Мятежники получили достойный отпор и потерпели поражение.

Каково же было наше удивление, когда спустя несколько часов вдруг выяснилось, что Макариос действительно остался в живых, каким-то чудом уцелев под руинами дворца, и вновь приступил к исполнению своих обязанностей! Не трудно предположить, какая участь ожидала его, не появись вовремя сообщение, опровергавшее его гибель.

На первый взгляд все кажется очень просто: одно лишь послание в эфир — и такой эффект! Только не стоит забывать о том, что сначала нужно было столь оперативно получить всю необходимую информацию, хорошо знать расстановку сил не только в стране, но и за ее пределами, располагать средствами для проведения активных мероприятий. А за всем этим стоит многолетняя кропотливая работа и бесценный опыт сотен людей!

Когда впоследствии Макариос узнал, от кого на самом деле исходило сообщение о том, что он остался в живых, он был просто поражен тем обстоятельством, что в момент передачи в эфир мы не располагали решительно никакими данными о его судьбе — лишь смутные подозрения, вызванные слишком поспешным объявлением о его «гибели»...

Этот пример, не говоря уже о многих других операциях, говорит сам за себя, свидетельствует о необходимости иметь в разведке такую, к сожалению, ныне упраздненную бездарными руководителями службу. Так сколько же еще дел натворят дилетанты — бакатины и им подобные — в своем «реформаторском» порыве?!

Время от времени появляются желающие подсчитать и поспекулировать на том, каково соотношение в разведке и контрразведке руководящего и рядового состава. В этом вопросе очень легко можно заблудиться.

Аппарат этих служб от руководителей до рядовых явля-

ется работающим, добывающим и реализующим информацию. Все, невзирая на должность, приобретают источники, поддерживают с ними контакты, в равной мере отчитываются о проделанной работе, готовят информационно-аналитические материалы.

Игнорировать специфику — значит лишить значительную часть сотрудников возможности продвигаться по служебной лестнице, не говоря уже о том, что в этом случае не был бы использован и оценен в полной мере их политический и оперативный потенциал.

Подобный вывод можно пояснить на многих примерах. В разведке, к примеру, работает немало ярких умов, которым под силу сложные операции, требующие политического и оперативного опыта, всесторонних знаний, интеллекта, соответствующих личных качеств и, не в последнюю очередь, огромного напряжения, самоотдачи.

На небольшой оперативной должности более трех десятков лет назад начал работать в разведке молодой одаренный сотрудник Николай Леонов. Он пробовал силы на оперативном направлении, информационно-аналитическом, и везде у него получалось.

В процессе работы завязывались полезные связи. Леонов бережно относился к своим партнерам, и когда со временем некоторые из них оказались на высоких политических постах, прежние отношения получали развитие.

Он продолжал работу со своими давнишними знакомыми, более того, был часто приглашаем ими на встречи. В числе его партнеров были и столь высокопоставленные, что оказывали влияние на целые регионы мира. Получаемая информация была уникальна, весьма значима по своему содержанию. Получить сведения от компетентных лиц, глубоко разбирающихся в обстановке и проблемах, всегда считалось оперативной удачей.

Память людей старшего и среднего поколения я хотел бы вернуть к апрелю — маю 1963 года. Тогда Советский Союз с официальным визитом посетил Фидель Кастро. Все увиденное в нашей стране поражало его, наполняло незабываемыми впечатлениями. Позже он часто говорил об этом.

Фидель впервые в жизни увидел снег — белый, пушистый, брал его в руки, тер им лицо, по-юношески радуясь

испытываемому ощущению. Он побывал на атомоходе «В. И. Ленин», на атомной подводной лодке. Восторгался научно-техническими решениями, филигранностью и масштабами работы, царившим тогда порядком на флоте. Ознакомился с заполярным Мурманском, имел встречи и беседы с его жителями.

В майский погожий день на стадионе в Лужниках состоялся многотысячный митинг. С яркой речью выступил высокий кубинский гость.

Присутствовавшие, да и все советские люди, по достоинству оценили выступление Кастро и с тех пор еще больше полюбили его. Выразительный, эмоциональный перевод речи кубинского лидера помог донести до участников митинга и до всех, кто слушал и смотрел встречу по радио и телевидению, глубину и значимость высказываний Фиделя Кастро.

Блистал даром слова наш кубинский гость, но понравился всем и перевод его речи. Переводчик тогда был молодым человеком, и один мой товарищ сказал: «Какой молодчина паренек!» Так вот это и был Николай Леонов, уроженец русской деревни Алмазово, затерявшейся на Рязанщине.

У Леонова проявились глубокие, всесторонние аналитические способности, причем концептуального плана, они нашли применение и были эффективно использованы не только в разведке, но и в масштабах всего Комитета госбезопасности. Его одержимость, способности проявлялись в серьезных научных изысканиях. Думаю, что если бы Леонов оторвался от оперативной работы и превратился в чистого руководителя, то и служба, и он потеряли бы многое.

В разведке вообще много парадоксов. Ее можно хвалить с утра до вечера и, наоборот, ругать чуть ли не ежедневно. Каждый день — удачи и поражения. Первых больше, но, к сожалению, хватает и вторых. Это и понятно: на войне как на войне. Работали мы, но и против нас шла постоянная борьба, причем куда большими силами.

Нам удалось добиться серьезного прорыва на некоторых направлениях и по целому ряду стран. Были получены важнейшие документальные материалы о военно-политиче-

ских планах США и НАТО. Они могли бы составить честь любой разведслужбе. Сведения раскрывали планы наших противников на ближайшие годы и более длительную перспективу. Они получили высочайшую оценку Министерства обороны. Прежде подобных материалов нам добывать не удавалось.

Должен сказать, что разведка, помимо всего прочего, является, пожалуй, наиболее рентабельной структурой в стране. Ее затраты окупаются сторицей, и когда мы научимся действительно считать деньги, извлекать прибыль из получаемых по ее каналам уникальных сведений, разведке будет выделяться ровно столько средств, сколько она в состоянии освоить. А у нас, к несчастью, добытые с таким трудом материалы отнюдь не всегда использовались подобающим образом.

Только одна из проведенных совместно с друзьями операций по оценке весьма компетентной комиссии дала нашей экономике не менее 500 миллионов долларов. Информация касалась космических проблем. Позже разведчик, сыгравший главную роль в проведении операции, был раскрыт и арестован. Опять же с помощью друзей из ГДР нам удалось выручить его.

Наша медицина остро нуждалась в препарате для лечения и предупреждения такого тяжелого и широко распространенного недуга, как диабет. Покупка лицензии на производство инсулина вылилась бы в кругленькую сумму, равную одному миллиарду долларов, а импорт лекарства обошелся бы еще дороже. Но главное даже не в этом — не решалась сама проблема и сохранялась зависимость от зарубежных поставщиков. Научно-техническая разведка сумела добыть документацию, необходимую для производства инсулина, истратив на это всего-навсего 30 тысяч долларов!

В 70 — 80-е годы во всем мире в сельском хозяйстве стали все шире применяться биостимуляторы. В 1981 году разведка получила достоверные данные о типах используемых на Западе биостимуляторов, способах их применения, эффективности, стоимости. Речь шла о биостимуляторах для повышения плодородия почвы, силосования зеленой массы кукурузы, сохранения свежести силоса, обеспечения

микробиологических реакций, предупреждения гнилостных процессов.

Поначалу информация о производстве биостимуляторов была неполной: нужны были образцы и технологии на разных этапах производственного цикла. Задача была непростая, но и ее удалось решить.

Интерес у наших специалистов к информации был огромен. Правда, прошло пять лет, прежде чем было дано добро на промышленное производство и применение отечественных биостимуляторов — все изучали их возможное воздействие на человека. А в стране, где были приобретены материалы, биостимуляторы продолжали с успехом применяться в сельском хозяйстве и уже появилось следующее поколение этих препаратов.

Существенный вклад научно-техническая разведка вносила во многие отрасли промышленного производства, но особенно в развитие электроники. Все попытки Советского Союза получить официальный доступ к новейшим технологиям производства электронно-вычислительной техники оказывались безрезультатными — ни одно государство не отваживалось нарушить запрет КОКОМ.

В сотрудничестве с разведками некоторых социалистических стран нам удалось приобрести не только документацию по производству изделий электроники, но даже и отдельные технологические линии.

Были случаи, когда объемы доставляемой разведкой в Союз, например, компьютерной техники и оборудование для производственной линии по их выпуску были настолько значительны, что для их доставки приходилось фрахтовать морские суда. Это были сложнейшие и крайне рискованные операции, в благополучном исходе которых мы не были уверены до тех пор, пока суда не ошвартовывались у наших причалов.

Мы, как говорится, лезли из кожи вон, добывая жизненно необходимые для страны материалы и технологии, а некоторые наши ученые-корифеи тем временем вели пустопорожние диспуты на тему о том, следует ли использовать добытую документацию и образцы, или же в науке и технике нужно действовать полностью автономно от Запада и выходить к сияющим вершинам самостоятельно...

В области военной техники западные страны вели разработки более масштабно и с большим заделом на будущее. Они намного опережали Советский Союз по лазерным технологиям, по авиации, военно-морскому флоту, некоторым видам обычных вооружений.

Наши затраты не шли ни в какое сравнение с их расходами. Одни США выделяли на военные цели куда больше средств, чем Советский Союз и социалистические страны, вместе взятые. Да и американские союзники были побогаче наших.

Вооруженные силы США обладали большими возможностями для создания и оснащения передовой техникой сил быстрого реагирования — один лишь их авианосный флот представлял как по числу авианосцев, так и по качеству их вооружений внушительную силу с колоссальными возможностями. Они активнее нас вели военное освоение космоса, полностью используя свои преимущества в экономике и общем уровне развития страны. Война в Персидском заливе наглядно продемонстрировала возможности и высокий уровень научно-производственного и технологического потенциала США.

В этих условиях на разведку падала ответственная задача не только по отслеживанию военных приготовлений американцев, но и по добыче документации и образцов зарубежной военной техники, с тем чтобы по мере возможности не допускать опасного качественного отставания в отечественной оборонной отрасли.

Бесценные материалы были приобретены по геологической тематике для нефтяной промышленности. За эти сведения советская сторона готова была платить валютой, причем не считаясь с расходами, но система эмбарго напрочь перекрывала для нашей страны каналы получения ее легальным путем.

Большой личный вклад в развитие научно-технической разведки внес ее руководитель с 1975 по 1992 год Леонид Зайцев, энтузиаст, разносторонне образованный, хороший оперативник. Он имел три высших образования, знал три языка, из них два в совершенстве. Опыт работы в центре и за рубежом, отменное знание механизма взаимодействия

разведки с министерствами и ведомствами страны позволяли Зайцеву успешно решать многие задачи.

Насколько было сложно добывать информацию, настолько же порой нелегко было добиваться ее реализации, давать ей путевку в жизнь. Был очевиден системный характер трудностей.

В последние годы все же удалось создать государственный механизм формирования заданий, их финансирования, оценки и реализации. Но, к сожалению, после 1991 года созданный с таким трудом механизм был разрушен.

Многое сделал для обработки и реализации ценнейшей информации прирожденный аналитик, патриот этого направления разведки Юрий Баринов. Он обладал исключительной работоспособностью, усердием и, я бы сказал, дотошностью. На счету аналитической службы, где работал Баринов, сотни блестящих информационных исследований с серьезными выводами и прогнозами. По многим из них были приняты важные решения директивных органов. Уверен, что если бы разведка поставила свою работу на коммерческую основу, то только за информационно-аналитические материалы она могла бы получать значительные денежные средства.

На базе этой службы в 1970 году был создан информационно-аналитический институт научно-технической разведки ПГУ. В июле 1979 года он был преобразован в Научно-исследовательский институт разведывательных проблем (НИИРП). Институт занимался анализом и подготовкой информационно-аналитических записок по крупным проблемам в ЦК КПСС, Совет Министров, Академию наук СССР, министерства и ведомства.

Институт прошел большой путь в своем развитии, в нем сложился высококвалифицированный коллектив аналитиков и оперативников, которому под силу стала подготовка материалов, нередко содержащих свои, отличные от других организаций оценки состояния и перспектив развития по актуальным политическим и научно-техническим проблемам государственного и международного значения. Материалы освещали такие вопросы, как процесс интеграции в Европе, его значение для судеб не только континента, но и мира; роль трех мировых центров — США, Западной

Европы и Японии, основные направления развития этих центров и характер взаимоотношений между ними; научно-техническая революция и ее влияние на расстановку политических сил в мире; используемые пути и методы развития сельскохозяйственного производства; положение и перспективы развития обстановки в Африке, Латинской Америке, Азии; ислам и его влияние на мировую политику и в отдельных регионах и т. д.

Помню, какой большой интерес вызвала записка института о формах и методах стимулирования труда в Японии, — казалось бы, тема, не свойственная разведке. Материал был разослан во многие министерства, ведомства, профсоюзы. Один из важнейших ее выводов сводился к тому, что в Японии высокая дисциплина труда является естественным состоянием работающего и что она формируется и поддерживается целой системой мер. К этому японец готовится в семье, школе, к этому его подталкивает вся окружающая обстановка.

Начальником Научно-исследовательского института разведывательных проблем с самого начала его образования, с 1979 года, и по ноябрь 1991 года был Эдуард Яковлев. Он вложил в работу института, в его развитие душу и отдал ему здоровье.

Яковлев проявлял большую заботу о творческой стороне дела. Инициировал и создал ряд важных научно-исследовательских направлений в институте, постоянно совершенствовал его работу и реализовал идею соединения в один поток оперативных и аналитических начал.

Институт наладил деловые контакты с аналогичными подразделениями в других ведомствах и министерствах, а также с научно-исследовательскими институтами, занимавшимися схожими проблемами.

С самого начала было обращено внимание на приток в институт свежих кадров с разносторонней профессиональной подготовкой и знаниями, опытом информационно-аналитической работы, знающих и понимающих нужды государства. Спустя примерно три-четыре года институт представлял собой подразделение, вобравшее в себя немало интересных специалистов с ярким умом и желанием заниматься творческой деятельностью. Если прежде в научно-

исследовательские подразделения, информационно-аналитические службы и группы оперативные работники шли неохотно и рассматривали это как ссылку, ущемление их профессионального достоинства, то вскоре люди потянулись в НИИРП.

Спустя какое-то время сотрудники института возвращались на работу в оперативные подразделения. Короче говоря, была налажена ротация кадров, что очень важно, поскольку это вносило свежую струю и в работу института, и в работу оперативных подразделений. В масштабах страны институт был уникальным подразделением, поскольку располагал закрытой и открытой информацией.

Любые успехи разведки, в том числе и те, о которых я рассказал выше, были бы попросту невозможны, не располагай мы агентурной сетью за рубежом. Одними нелегалами, число которых довольно ограничено, все задачи выполнить невозможно. К тому же трудно предугадать, какие сведения потребуются завтра, и заранее внедрить наших разведчиков на все необходимые позиции. У разведчиков же, работающих в стране под официальным прикрытием, возможность добывать интересующие нас сведения только одна — через местных граждан и граждан других стран. А когда речь идет о целенаправленной информации, тем более носящей секретный характер, то достичь ожидаемого результата можно только с помощью агентуры. Даже самая современная техника здесь оказывается малоэффективной. Поэтому важнейшей составляющей в деятельности разведки по-прежнему является агентурная работа. На этом направлении успехи советской разведки неоспоримы.

Многие из наших агентов работали на советскую разведку, руководствуясь своими убеждениями, в других случаях превалировал чисто меркантильный интерес, по крайней мере в начале сотрудничества. Что касается материальных затрат на оплату работы наших источников, то они, я считаю, были минимальными.

Материальная сторона дела вообще не была определяющей в наших отношениях с агентами. Расходы на оплату услуг ценнейших источников информации окупались с лих-

вой. Однако ни наша служба, ни тем более сам агент не допускали небрежности в передаче и расходовании полученных от нас средств, отлично сознавая, что этот деликатный момент таит в себе немало опасностей.

Часто американцы пытаются утверждать, что выявление того или иного нашего агента явилось результатом его неосторожного обращения с денежными средствами, привлекшего внимание соседей или соответствующих налоговых органов. Могу с уверенностью сказать, что это весьма неуклюжий способ скрыть истинную причину провала агента.

В случаях с ценнейшей агентурой причиной провала почти на сто процентов является предательство в нашей среде или, что тоже бывало, хотя и редко, донос кого-то из ближайшего окружения агента, включая его родственников. В этом мы убедились не на одном примере, и потому в последние годы каждый провал исследовался прежде всего исходя из подобных предположений.

Есть, конечно, еще одна опасность. В ходе длительной работы волей-неволей притупляется бдительность, появляется чувство безнаказанности, и провал может произойти из-за элементарной неосмотрительности. Но этого никогда не случалось с наиболее ценными и потому особо оберегаемыми нами источниками — ведь все понимали, что ставкой в этой рискованной игре чаще всего является сама жизнь.

У нас был один ценнейший агент, который работал на советскую разведку около 40 лет. Многое было сделано им для укрепления нашей обороноспособности. Он работал, не считаясь с риском, и при этом наотрез отказывался от какого-либо вознаграждения. Будучи в душе искренним другом Советского Союза, тем не менее среди своих сослуживцев и даже дома он слыл оголтелым антисоветчиком, в таком же духе воспитал и своих детей.

Одной нашей резидентурой были получены достоверные данные о том, что среднего уровня чиновник, имевший доступ к весьма ценной военно-политической информации, попал в крайне тяжелое материальное положение и испытывает в связи с этим серьезные трудности. Прямой выход на

него советского разведчика вряд ли имел бы шансы на успех из-за патологической ненависти чиновника к Советскому Союзу. Поэтому было признано целесообразным использовать в работе с ним чужой флаг.

Усилиями резидентуры в сопредельной стране были созданы условия для более глубокого и всестороннего изучения объекта вербовки и подведения к нему нашего опытного разведчика-нелегала под видом гражданина третьей страны. Первый контакт посеял у нас немало сомнений в реальности достижения поставленной цели — иностранец воспринял зондаж довольно холодно.

Тем не менее работа с ним была продолжена, и благодаря мастерству и находчивости нашего разведчика дела постепенно стали налаживаться, более того, со временем удалось перевести начавшееся сотрудничество в плоскость близких личных отношений.

В какой-то момент у нашего нового помощника возникли подозрения насчет принадлежности оперативного работника к той стране, от имени которой он выступал. Чтобы развеять их, приходилось регулярно подпитывать разведчика свежей информацией, в том числе и сугубо местного значения, разработать для подкрепления его легенды целый комплекс других мер.

Наши усилия увенчались успехом: контакты получили нужное развитие и сотрудничество — якобы на третью страну — пошло как и положено.

Шло время, работа продолжалась к взаимному удовлетворению обеих сторон. И тут произошло непредвиденное: один переданный источником материал, имевший особую важность и срочность, без согласования с нами был реализован Министерством иностранных дел в печати.

По этой публикации наш агент сразу понял, на кого он работает в действительности. Последовало бурное объяснение, после которого у нашего разведчика, да и в центре возникли опасения, что мы можем потерять ценного агента. Но все, к счастью, обошлось, сотрудничество не прекратилось, интенсивность передачи материалов не снизилась, скорее наоборот, а тематика поступающих от агента данных была скорректирована в нужном для нас направлении.

Спустя несколько лет агент ушел в отставку и лишился

возможности добывать нужные для нас сведения. Однако мы продолжали оказывать ему помощь, что воспринималось им, надо сказать, с большой признательностью.

За время сотрудничества с нами у этого человека в корне изменились взгляды в отношении Советского Союза — он стал не просто агентом, но и нашим соратником. Возникал даже вопрос, не организовать ли ему закрытую поездку в Советский Союз в знак нашей признательности за оказанную помощь? Но в конечном счете решили все-таки не искушать судьбу и от этой затеи отказались.

Несколько лет советская разведка поддерживала контакт с одним важным источником информации. Это был довольно необычный случай. Дело в том, что агент, хотя давно и активно работал на нас, тем не менее не раскрывал перед нами своего имени. Более того, мы даже не знали его в лицо!

На контакт с ним выходили дважды в год, причем время и место проведения операции он также всегда подбирал сам. Каждый раз он видел нас, а вот мы его нет.

Но однажды наш разведчик, прибыв на очередную встречу с этим необычным агентом, заметил у назначенного места наружное наблюдение. Операцию тут же отменили и стали дожидаться запасного варианта. Но и на следующей встрече заметили опасность — опять осечка.

Мы с большим трудом подали об этом сигнал нашему источнику, спасли его, но надолго потеряли контакт с ним. Одно время мы даже полагали, что он больше вообще не выйдет на связь. Но в советской разведке неукоснительно действует принцип: главное — безопасность источника. Кто начинал работать с нами, вскоре убеждался в этом. Кстати, такой подход оказывал благотворное моральное воздействие на наших помощников.

К числу интересных приобретений советской разведки в 80-е годы следует отнести Эдварда Ли Ховарда, гражданина США, бывшего сотрудника ЦРУ, которого планировали использовать под прикрытием посольства США в Москве для поддержания контактов с ценной американской агентурой в

нашей стране. Однако перед самой отправкой в Советский Союз Ховард повздорил с начальством и вконец испортил отношения со своим ведомством.

В ЦРУ сочли невозможным оставлять Ховарда в разведке, и он вынужден был распрощаться с прежней работой. Случившееся настолько задело самолюбие опального разведчика, что он стал подумывать о том, чтобы покинуть Соединенные Штаты и переехать на жительство в другую страну.

О выезде в Советский Союз он поначалу и не помышлял. По причинам, которые я не буду здесь обсуждать, Ховард случайно попал под подозрение американской контрразведки. Она не только не выпускала Ховарда из виду, но и установила за ним плотное наружное наблюдение.

Обнаружив слежку, Ховард принял окончательное решение покинуть США и направиться в Советский Союз. В сентябре 1985 года в одной из европейских стран наша служба установила с ним контакт и помогла благополучно добраться до Москвы.

Начался непростой период адаптации Ховарда к условиям жизни в Советском Союзе. Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, обладал крайне неустойчивой психикой, был легко раним. Тяжело переживая разлуку с семьей, прежде всего с женой и сыном, к которым был искренне привязан, Ховард часто впадал в депрессию. Настроение его менялось по нескольку раз на день, причем, казалось бы, без всякой на то причины.

От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность. В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему люди.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед нами вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно прислушивающийся к советам и пожеланиям, досконально выясняющий все интересующие его вопросы.

Ховард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесмен он, как говорится, вообще от Бога. Имея денежные сбережения на

счетах западных банков, Ховард активно играл на разнице курсов валют и почти никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Ховарда несколько советских специалистов были ознакомлены с его методикой и приемами извлечения выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. Практическую ценность имели и предоставленные им сведения о практике работы со вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран. Пожалуй, лишь к политике он не только не питал никакого интереса, но даже испытывал какое-то отвращение.

Ховарда с полным на то основанием можно назвать смелым человеком, но с явным налетом авантюризма и любви к бесшабашному, не всегда оправданному риску. Несмотря на привязанность к жене и сыну, Ховард через некоторое время общения с ними начинал испытывать потребность в смене обстановки, ему нужны были новые впечатления.

Он охотно совершал поездки по стране, старался лучше познакомиться с Советским Союзом, побывал на Кавказе, Украине, в Сибири, Прибалтике.

Конечно, по своим личным данным и моральным качествам Ховард явно не подходил для работы в ЦРУ, он это и сам понимал. Но и ему ЦРУ нравилось не больше: правдоискателю, вечно борющемуся с несправедливостью, претила сама природа этой организации, формы и методы ее работы.

А вот для советской разведки Ховард представлял значительный оперативный интерес. За многие годы это был первый сотрудник ЦРУ, готовившийся для работы в американской резидентуре в Москве, который пришел к нам по личной инициативе. Потому-то наше сотрудничество и оказалось столь эффективным.

Желание Ховарда побывать на Западе и решить там некоторые личные дела, привело к тому, что он несколько раз под чужой фамилией выезжал в другие страны, с удовлетворением отмечая отменное качество изготовленных нами документов, которые выдерживали самую строгую проверку. Более того, Ховард посетил даже Соединенные Штаты, что он расценил, по-моему, как поистине упоительное приключение. Ему, как он сам признавался, доставило большое на-

слаждение в очередной раз провести ФБР. Правда, пробыл он в Штатах недолго — не стоило испытывать судьбу.

Ховард, несомненно, был патриотом своей страны, любил родину, тяжело переживал разлуку с ней. Он решился на отъезд в Советский Союз, до глубины души оскорбленный несправедливостью, которая, по его мнению, была допущена по отношению к нему. Его и в самом деле лишили заработка, расторгли договор, поломав тем самым все материальные расчеты семьи.

Ховард скрупулезно подсчитал нанесенный ему ущерб и в разговорах не раз возвращался к этой теме.

Вообще Ховард всегда крайне болезненно реагировал на ущемление своих прав. Поэтому за долгие годы жизни в нашей стране он так и не смог привыкнуть к некоторым сторонам нашей действительности, например к нашей сфере обслуживания, которая возмущала его с самого первого дня. Он частенько устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать нашим продавцам такой понятный для американца принцип, что клиент всегда прав.

Сейчас Ховард лишился заботливого покровительства в нашем лице, и я не могу исключать того, что в один прекрасный день его могут сдать, так же как это сделали с целым рядом других помощников советской разведки. Именно поэтому я и не говорю о конкретных моментах нашего общения с этим человеком, могу только сказать, что оно явилось для нас поистине бесценным, помогло решить несколько действительно крупных проблем.

Просто для размышления могу сказать, что деятельность в пользу американской разведки бывшего сотрудника одного из наших научно-исследовательских институтов нанесла государству ущерб, исчислявшийся миллиардами долларов. Ущерб же от передачи сведений, наносящих ущерб безопасности государства, вообще не поддается какой-либо оценке, поскольку невозможно сказать, сколько стоит сама безопасность. А с помощью Ховарда нам удалось перекрыть опасные каналы утечки жизненно важной для безопасности СССР информации.

Сведения на агентуру во всех спецслужбах — наиболее оберегаемые оперативные данные. Лишь весьма ограничен-

ный круг лиц в разведке и контрразведке может быть осведомлен о действующих агентах. А о наиболее важном агенте в спецслужбе, как правило, знают всего несколько человек: три-пять, не более. Только таким образом можно снизить до минимума риск утечки.

Но в любой самой строгой системе есть свои изъяны и слабые места. По ходу работы хотя бы косвенные данные об агентах неизбежно становятся известными более широкому кругу сотрудников. Всю эту механику хорошо представляют себе в любой спецслужбе и используют малейший промах противника для того, чтобы проникнуть в его святая святых, получить доступ к информации о его агентуре.

Приобретение в последнее время нужных источников на этом направлении, то есть агентов непосредственно в спецслужбах противника — несомненно огромная удача советской разведки и контрразведки, плод усилий всего коллектива.

Оперативный аспект работы с агентурой из числа сотрудников спецслужб особенно важен и сложен. Здесь нужно прежде всего остерегаться провала. Ведь в случае подозрения сотрудника спецслужбы в измене для проверки этой версии применяют весь арсенал средств, причем с учетом того, что приходится иметь дело с профессионалами, работа эта ведется особо филигранно. Кроме того, есть все возможности организовать тонкую проверку, в ходе которой представляется шанс выявить, является ли данное лицо каналом утечки информации или нет.

Поэтому к работе по спецслужбам привлекаются самые опытные сотрудники, наделенные необходимыми для этого качествами, и для них работа с источником из спецслужб становится как бы второй жизнью.

Именно благодаря агентурной работе по спецслужбам противника нам удалось выявить довольно разветвленную агентурную сеть в нашей стране. При этом первостепенное значение придавалось сведениям по агентуре противника из числа сотрудников органов госбезопасности и Главного разведывательного управления Министерства обороны.

Те, кто вышел на ценные источники из числа сотрудников спецслужб и закрепил с ними отношения, заслуживают самой высокой похвалы. Они были щедро вознаграждены и

внутренне имеют все основания испытывать чувство законного удовлетворения. Но открытая слава, публичное признание придет к ним значительно позже, быть может, уже не при их жизни.

Помимо несомненных успехов, которые имела наша разведка, были, конечно, и провалы, тяжелые поражения. Это происходило в условиях все усиливающейся подрывной деятельности западных спецслужб и нашей «податливости» и уступчивости в политике по многим вопросам.

Предательство — это самое тяжелое, самое страшное событие для органов госбезопасности, и особенно для их разведывательных служб. Ущерб от такого предательства может достигать значительных масштабов, иногда исчисляется миллиардами рублей и оборачивается, соответственно, не меньшим приобретением для государства, на которое работает агент.

Наиболее трудная задача по пресечению агентурного проникновения — получение сведений хотя бы о малейших признаках деятельности источника противной стороны. Добыча же прямых, конкретных данных на агентуру — дело вообще исключительно трудное. В истории советских органов госбезопасности таких удач было не так уж много, и эти разоблачения по праву считаются нашим крупнейшим оперативным завоеванием.

В конце 70-х годов руководство советской разведки решительно отказалось от продолжения ряда конкретных разработок по поиску агентуры противника ввиду их явной бесперспективности. Отдельные из таких оперативных дел велись по инициативе бывшего руководителя внешней контрразведки Первого Главного управления Калугина.

Не хочу утверждать, что Калугин сознательно направлял усилия советской разведки по ложному следу, однако не вызывало сомнений другое — очевидная бесперспективность таких разработок; и при этом велись дела, которые для многих представлялись никчемными, хотя усилий на них затрачивалось немало.

Помню одно из таких дел. После очередного доклада Калугин внес предложение о возбуждении уголовного дела в

отношении одного сотрудника Первого Главного управления, который, по его мнению, мог быть связан с одной из западных разведок, причем, опять же по его мнению, оснований для таких подозрений было достаточно. В случае его ареста, утверждал Калугин, дело кончится положительным результатом: подозреваемый не вынесет психологических нагрузок и даст признательные показания.

Внимательное ознакомление с делом убедило меня в том, что такое утверждение не имеет под собой никакой серьезной почвы. Я решительно выступил против и предложил вообще прекратить дальнейшую разработку.

Спустя некоторое время сотрудник, в отношении которого Калугиным предлагалась такая мера, внес существенный вклад в работу на одном из важных направлений внешней контрразведки и помог в разоблачении агентуры противника.

Конечно, это наводило на размышления. Я неоднократно прокручивал в памяти этот случай и не мог отделаться от горького ощущения, что в случае принятия предложения Калугина мы не только пошли бы по ложному следу, но и поломали бы судьбу человека, что в конце концов обернулось бы трагедией для сотрудника и серьезными издержками для службы.

Лишь в начале 80-х годов ценой огромных усилий советской разведки и контрразведки удалось выйти на обширную агентурную сеть в Советском Союзе, получить не только косвенные данные, но и конкретные имена. Речь идет о разоблачении десятков агентов западных спецслужб, вербовка которых состоялась в разное время — от одного года до тридцати лет назад.

Помимо активно действующих предателей были и такие, кто по возрасту уже отошел от дел, а некоторых к тому времени и вовсе не было в живых.

На этом, однако, работа не закончилась. Наши предположения о серьезном, глубоком проникновении западных спецслужб в органы госбезопасности, военную разведку, научные центры, на важнейшие объекты промышленного производства и в некоторые другие организации, к сожалению, получали новые подтверждения, всплывали новые имена. Заново были подвергнуты основательному объективному

анализу поступившие в разведку и контрразведку сигналы об агентурной деятельности противника.

Были изучены также появившиеся в разные годы публикации в средствах массовой информации, изданные за рубежом книги, а также доклады, представленные спецслужбами парламентам и руководству тех или иных стран.

Естественно, нас и раньше настораживали трудно объяснимые провалы советской разведки и контрразведки, накладки, возникавшие в ходе отдельных операций, неудачные попытки, казалось бы, вполне реального проникновения в соответствующие структуры ведущих капиталистических стран. Косвенных данных о наличии предателей накопилось множество, но ниточки, ведущие к источникам, размотать до конца никак не удавалось.

Безуспешные попытки разоблачить агентуру, разумеется, доставляли нам немало беспокойства. Появилась нервозность, от сознания собственного бессилия у некоторых буквально опускались руки.

В таких условиях важно было прежде всего сохранить моральный климат в коллективе, не дать разгуляться волне шпиономании, избежать необоснованных подозрений в отношении честных сотрудников, а главное, не ослаблять усилия и продолжать целенаправленную работу по выявлению агентуры в наших рядах.

Я, как руководитель разведки, пытался успокоить товарищей, призывал проявлять выдержку, стремился вселить в них веру в успех, хотя и сам находился под гнетом тяжелых раздумий.

Кстати, не лучшие времена переживала и наша внутренняя контрразведка. Ее сотрудники также отдавали себе отчет в том, что в Советском Союзе действует агентура противника — соответствующие сигналы поступали и к ним. Были на счету контрразведки и отдельные разоблачения, но они погоды не делали. Солидных же успехов и у них, однако, тоже не было.

Среди контрразведчиков появилась даже довольно любопытная теория, согласно которой нашим контрразведывательным подразделениям как в центре, так и на местах якобы удается пресекать попытки агентурного проникновения в нашу страну в самом начале и тем, дескать, не допускать бо-

лее глубокого внедрения агентуры в государственные структуры. Для меня же было абсолютно ясно, что подобная точка зрения является всего лишь попыткой как-то объяснить отсутствие результатов в борьбе с действующей агентурой, и не более того.

Действительно, наша контрразведка ежегодно разоблачала по нескольку инициативников, которые стремились установить контакты с представителями западных стран, в основном работавшими в посольствах. В ходе таких контактов инициативники предлагали подчас представляющие интерес для Запада материалы, однако далеко не все из них представляли серьезную опасность для нашего государства. Но эти разоблачения не могли объяснить, например, фактов многочисленных провалов, с которыми сталкивалась разведка.

Итак, не вызывало сомнений, что требуются дополнительные согласованные усилия разведки и контрразведки, а точнее, постоянное более тесное взаимодействие между ними для того, чтобы выявить каналы агентурного проникновения в нашу страну, ликвидировать уже существующую шпионскую сеть и, опираясь на полученные результаты, надежно перекрыть пути проникновения западных спецслужб в будущем.

Стоит отметить вклад бывшего начальника внешней контрразведки ПГУ Анатолия Киреева в выявлении иностранной агентуры.

Под руководством Киреева в конце 70-х — начале 80-х годов в ПГУ работала группа опытных оперативных работников специально по выявлению агентуры. Это исключительно сложная, кропотливая, требующая длительных по времени усилий работа. В распоряжении оказывался подчас небольшой отрывочный признак, сигнал, отталкиваясь от которого оперативный работник по неведомым лабиринтам разработки добирается до цели.

Киреев лично провел ряд весьма успешных, высокопрофессиональных операций, был настойчив и целеустремлен, вкладывал много сил и старания. Смело отбросил шаблоны, по-новому подошел к оценке и анализу когда-то проверявшихся и положенных на полки сигналов. Несколько лет назад он умер, тяжелая болезнь подкосила его.

К середине 1985 года появились первые ощутимые успехи на этом пути. Перед нами встал вопрос о том, чтобы оптимальным образом решить две главные задачи: во-первых, обеспечить безопасность каналов получения нами этой информации и, во-вторых, в полной мере реализовать добытые материалы.

Обе задачи были тесно взаимосвязаны, но в какой-то мере и исключали одна другую. На первое место, как и всегда в таких случаях, ставилась задача обеспечения безопасности нашей собственной агентуры. Это диктовалось не только интересами службы, но и морально-нравственными соображениями, продиктованными нашими обязательствами перед источниками. Реализация материалов поэтому осуществлялась поэтапно, по мере того как были предприняты все необходимые меры по выведению из-под удара того или иного нашего агента.

По предложению разведки было строго оговорено, что контрразведка не вправе самостоятельно реализовывать полученные от нас данные, предпринимать какие-либо шаги без согласия Первого Главного управления. Эта договоренность в принципе соблюдалась, хотя и были достойные сожаления промахи, которые доставили нам немало хлопот и привели к серьезным издержкам.

Был случай, когда пришлось проводить очень сложную и рискованную операцию для спасения одного нашего весьма ценного источника только из-за того, что контрразведка не проявила должной выдержки и решилась на необдуманный шаг по реализации полученных от нас материалов, даже не предупредив заблаговременно разведку о готовящейся акции.

И все же, несмотря на всю сложность этой масштабной операции, в целом она проходила успешно. Органы контрразведки, а затем и следствие провели огромную работу по составлению довольно полной картины деятельности завербованных лиц, определению и локализации причиненного ущерба и принятию мер по предупреждению подобных рецидивов в будущем.

Для аналитической работы был получен богатейший материал: ранее имевшиеся косвенные сведения, отдельные

сигналы, мимо которых иногда просто проходили, сопоставлялись с имеющимися теперь доказательствами.

Предварительное и судебное расследование по сугубо конкретным делам также давали богатую пищу для анализа, определения оптимальных путей дальнейшей оперативной работы. Удалось составить поучительный портрет предателя, генезис явления предательства как такового.

Стали очевиднее изъяны в нашей кадровой работе. Почти во всех случаях выявлялась одна печальная истина: ущерб мог бы быть значительно меньшим, если бы строго соблюдались установленные нормы оперативно-служебной деятельности, секретного делопроизводства, если бы в учете и обработке информации, а также при ее реализации неукоснительно соблюдались все правила конспирации.

Причины лежали не в самой системе, а в той расхлябанности, небрежности, потере бдительности, которые, к сожалению, проявлялись у многих наших сотрудников. Что и говорить, оценки были нелицеприятными, но должные выводы из них мы сделали.

В огромной работе по преодолению последствий культа личности и массовых нарушений законности, по оздоровлению морально-политического климата в обществе давали о себе знать и перегибы в другом направлении — общее ослабление дисциплины и правопорядка, пренебрежение элементарными требованиями бдительности. Искореняя шпиономанию и чрезмерную подозрительность, раскрепощая отношения между людьми, мы не всегда соблюдали чувство меры.

В результате это привело к усилению аморфности общества, его определенному разложению, что и создавало благоприятные условия для проникновения иностранных спецслужб. Именно в это время западные спецслужбы и приобрели в Советском Союзе такие серьезные агентурные позиции. Можно только догадываться о том, какого размаха может достичь этот процесс в наше время!

Хочу отметить, что в 80-е годы благодаря совместным усилиям разведки и контрразведки в Советском Союзе было разоблачено больше агентуры специальных служб ино-

странных государств, чем за все предыдущие годы советской власти, вместе взятые. Надо признать, что это была широкая агентурная сеть, которая позволяла противнику получать важнейшую информацию, относящуюся к безопасности нашей страны, совершенно секретные сведения о деятельности многих государственных органов, армии, научных достижениях, военно-политических планах и т. д.

Одновременно был получен богатейший материал о подрывной деятельности иностранных спецслужб, приемах и методах их работы. Мы не только освободились от застарелого недуга, но и получили в руки мощнейшее профилактическое средство, которое могло бы стать, если бы не последующие события, происшедшие в нашей стране, надежным барьером на пути новой эпидемии.

Начавшаяся перестройка напрочь перечеркнула полученный солидный задел. Все наши дальнейшие попытки извлечь уроки из прошлого оказались обреченными на провал! А ведь конец агентурной сети в нашей стране не был виден...

Первое Главное управление осуществляло тесное взаимодействие с разведывательными службами социалистических стран. Многие годы оно было честным, глубоким, всесторонним и взаимовыгодным. Особенно полезен был обмен мнениями, оценками, информацией об устремлениях западных спецслужб в отношении социалистических стран и внутреннем положении в них.

Разведка регулярно информировала руководство страны о назревании негативных тенденций в бывших социалистических странах и роли в этом спецслужб западных стран, да и не только спецслужб. В странах социалистического содружества возник ряд проблем, отрицательно влиявших на внутреннее положение. Многие трудности носили субъективный характер, другие уходили своими корнями в общественную систему, в ее изъяны, являлись следствием допущенных просчетов и ошибок.

К сожалению, серьезной оценки и соответствующего обсуждения положения на уровне первых руководителей этих стран не было. Обмен мнениями часто носил общепо-

литический, а то и вовсе протокольный, ни к чему не обязывающий характер, без поиска решений.

Ни в одной социалистической стране не было легальной, правовым путем оформленной оппозиции. Волюнтаризм действий государственного и партийного руководства той или страны не имел ограничений, игнорирование настроений масс стало нормой, мнение социально-политического меньшинства в обществе в расчет не принималось. Руководители всех уровней так и не освоили науку политический борьбы, в то время как оппозиционные силы в совершенстве овладели этим искусством.

Разведка вовремя заметила использование Западом, его спецслужбами, радикальными организациями и центрами таких факторов, как национализм, недовольство отдельных слоев населения, недостатки в социальной сфере, отставание от жизненного уровня ведущих капиталистических стран.

В 1978 — 1980 годах началось массированное заигрывание извне с интеллигенцией, влиятельными представителями в социалистических странах, ловко эксплуатировались перегибы в исторической науке, допускавшееся пренебрежение обычаями, традициями, особенностями уклада жизни народов.

В полную меру были использованы последствия репрессий в годы сталинского правления, допущенных во всех бывших странах социализма. Словно грибы после дождя, легально и нелегально вырастали различного рода антисоциалистические и рядившиеся в тогу социализма организации — клубы, кружки, научные центры, исторические школы, образования по интересам, профессиям, возрастному признаку, объединения религиозного характера и т. п. Было очевидно, что целью многих из них ставилась смена общественного строя, восстановление капитализма, а вовне — переориентация с Востока на Запад, т. е. с одних ценностей на другие.

Об этом разведка полно и объективно информировала руководство КПСС и Советского государства. Беспокойство проявляли и наши друзья. Хонеккер, Кадар, Живков, Чаушеску и другие видели назревание кризиса, приближение трагедии, но после 1985 года упирались в глухую стену неприятия тревоги и озабоченности или слышали пустые за-

явления о необходимости перемен, «развития социализма», движения в ногу со временем и другие отвлекающие от сути проблем славословия. Социалистические страны пытались поодиночке выйти из кризисного состояния и в результате потерпели поражение.

В целом я не стыжусь сотрудничества с друзьями, переживаю за них, им сейчас тяжело, уверен, что и они переживают за своих советских товарищей. Их награды, полученные мною, памятны и дороги для меня. Они символизируют дружбу и сотрудничество, а эти категории нетленны.

Об одном из своих единомышленников, боевом товарище, я хотел бы рассказать подробнее.

В конце августа 1991 года бывший руководитель разведки бывшей Германской Демократической Республики Маркус Вольф выехал из Советского Союза в Австрию с намерением попросить там политического убежища. Австрийские власти отказали ему в этом. Думается, что Вольф ожидал такого решения. Тогда он объявил о своем намерении поехать в ФРГ и там сдаться властям, которые давно уже объявили о возбуждении против известного разведчика уголовного дела и немедленном аресте, как только он объявится в Германии.

Вольф действительно был задержан при пересечении австрийско-германской границы, а спустя несколько часов арестован. Через несколько дней Вольф был освобожден под залог 50 тысяч германских марок до суда. Ему было предъявлено обвинение в подрывной деятельности против ФРГ.

Так закончилась целая эпоха в жизни Маркуса Вольфа — этого необычного человека с необычной биографией, — но не только в жизни этой личности. Мир — свидетель окончания поучительной страницы в истории Германии и начала новой со многими неизвестными... Случай с Вольфом — всего лишь эпизод, правда, волнующий и заметный, связанный с существованием в течение 40 лет целого государства — Германской Демократической Республики.

Сейчас, когда мы все оказались в стремительном водовороте острейших событий, вряд ли кто в состоянии объективно оценить происшедшее. Нет! Должно пройти время,

кое-что выпадет в осадок, поменяет свои цвета, выйдет наружу вся или почти вся правда, тщательно кое-кем сегодня скрываемая или искажаемая, станут известными фактические аспекты происшедшего, и перед миром предстанут различные пружины, события, лица, ныне пока еще закулисные факторы, и люди, возможно, содрогнутся от узнанного и ставшего явью, от бессилия что-то исправить или хотя бы подправить. Горькая реальность унесет нас в пережитые вчера и переживаемые сегодня дни, откроет перед нами промахи, ошибки, заставит пожалеть о случившемся.

«Да как же это так?!» — скажем мы сами себе. Но увы, как говорят, поезд ушел и скрылся за горизонтом.

Но вернемся к нашему герою. Он пошел по стопам своего отца Фридриха Вольфа — писателя, драматурга и, пожалуй, главное, — революционера, антифашиста. Этот путь его сын Маркус избрал сознательно и шел по нему до последнего. Уверен, что и сейчас он не свернет с него.

Во время второй мировой войны Вольф был в Советском Союзе, куда приехал еще до ее начала вместе с родителями. Был пропагандистом, диктором на радио, писал для передач на Германию, разоблачал фашизм. Вместе с советскими людьми переносил все тяготы и лишения. Об этом он вспоминал с гордостью. Именно тогда полюбились ему советские люди. Многие из них стали его личными друзьями. Осели на жительство в нашей стране его родственники. Советский Союз стал его второй родиной.

Вскоре после окончания войны Вольф был направлен на работу в органы госбезопасности. Около 35 лет был руководителем разведки Министерства госбезопасности ГДР. Искусство разведчика познал блестяще, показал способности организатора, политика, разведчика. На его личном счету много блестящих разведывательных операций. По задумкам и исполнению они соответствовали его интеллекту, профессиональной подготовке.

Высокопрофессиональным, боеспособным был и аппарат разведслужбы молодого немецкого государства. На Западе Вольфа побаивались, но и уважали. С ним считались!

А как Вольф (у нас многие звали его просто Мишей, чем он гордился) относился к Советскому Союзу, что он сделал для нашего государства?

Из нашего лексикона, к сожалению, почти исчезло понятие интернационалист. А он был им. Его уважение к нашей стране было не абстрактным, а совершенно конкретным. Это находило выражение в том огромном вкладе, который наши боевые друзья — разведчики ГДР вносили в укрепление Советского государства, в развитие его экономики, науки, в повышение обороноспособности.

Целые отрасли промышленности, науки получили у нас развитие в значительной мере благодаря усилиям немецких друзей по линии разведки. Материалы по фундаментальным исследованиям, новейшие технологии, технические образцы передавались нам безвозмездно в рамках сотрудничества. За десятки лет сотрудничества, если это можно перевести в денежное измерение, мы получили от друзей ценностей на десятки миллиардов долларов.

От друзей поступала политическая информация. Она учитывалась при разработке важных внешнеполитических мероприятий, в том числе упреждающего характера.

Гордо и стойко занимала ГДР позиции форпоста социализма. Она признавала историческую оправданность установленных послевоенными соглашениями восточных границ с Польшей по Одеру и Нейсе. Это было непростым делом для немецких друзей. Для Польши это имеет неоценимое значение. Для новых властей Германии отход от такой позиции будет делом деликатным. ГДР стала членом ООН и начала играть все более заметную роль в мировом сообществе.

Не все делалось оптимально в лагере бывших социалистических государств, в том числе и в Советском Союзе. В политике этих стран немало было догматического, косного. От кажущейся незыблемости общественного строя появились самоуверенность, зазнайство, обозначился крен в направлении количественного развития в ущерб качественному, к волюнтаристским методам управления.

Разведка и вообще органы безопасности, в том числе и Германской Демократической Республики, улавливали этот негатив, информировали руководство своих стран. Все было исправимо! Но беспечность пронизывала все.

Как много разговоров было у меня с Вольфом на эту тему. Разведкам удавалось заглядывать вперед куда дальше,

чем некоторым стратегам из высшего руководства. Однако положение разведслужб было не настолько влиятельным, чтобы оказывать решающее воздействие на большую политику.

Сотрудничество между спецслужбами наших стран носило многосторонний и братский характер. Понятие «братский» у нас тоже ушло в небытие, а оно было наполнено глубоким смыслом.

Сколько наших разведчиков, попавших в тюремные застенки западных стран, выручили немецкие друзья, и в частности, служба Вольфа! Они всегда были готовы оказать помощь. Поиски адвокатов, выходы на спецслужбы западных стран, обмен и т. д. Иногда за одного советского разведчика друзья отдавали по 10 — 12 человек, в которых была заинтересована противная сторона.

Они оказывали нам бесценную помощь в обеспечении безопасности советских учреждений и граждан за рубежом. Помогали предупреждать нападения, похищения людей, провокации. Мы тоже не оставались в долгу, старались помогать со своей стороны, и все-таки надо признать, что разведка ГДР делала для нас куда больше.

Друзья щедро делились с нами опытом. В прошлом мы стремились всех «учить», будучи как бы постарше и имея за плечами опыт работы в течение многих лет. Но с годами все пришло в норму и обмен опытом приобрел взаимный характер. Обмен информацией, аналитическими материалами помогал раздвигать горизонт видения. Сколько поиска, споров, серьезных, интересных выводов, прогнозов и предложений! Все это ни на какие деньги не переведешь, но польза для всех была очевидна.

В самые трудные времена, и пожалуй, особенно в такие моменты, разведслужбы старались быть вместе. Степень откровенности была высокой.

Незадолго до распада ГДР Вольф ушел на пенсию, активно занялся творческой работой, писал книги. Но не прервал связи с Советским Союзом. Даже стал чаще бывать у нас, был в гуще событий, чему помогали совершенное знание русского языка, нашей действительности, большое число друзей в различных сферах советского общества.

Вольф имеет наши высокие правительственные награды. Он гордился ими.

Иногда в российских средствах массовой информации определенной направленности писали о нем с издевкой, а после ареста даже со злорадством. Мол, бывший глава разведки ГДР «выворачивается», укрывается от германского правосудия, сколько времени он еще будет на свободе и т. п.

Можно ли так поступать с друзьями, с теми, кто сердцем и душой был предан нам безгранично? Когда не стало ГДР, Вольф перебрался в Советский Союз, как он незадолго до этого выразился, в «последнее прибежище». Он опасался за развитие событий в нашей стране, за само государство, за Союз.

Нет, он не клял Германию, никогда не винил Советский Союз за то, что произошло в ГДР и вообще с нею. Осознав жестокую реальность, он вернулся в Германию, в свой родной город Штутгарт, чтобы там, на родине, доказать германским властям, что его нельзя судить по предъявленному обвинению.

Да, он вел разведывательную работу против ФРГ, будучи руководителем соответствующей службы другого государства — Германской Демократической Республики. Но он выполнял свой государственный долг, а это в Германии, кажется, всегда признавалось как нечто значащее.

От него требовали назвать имена конкретных лиц в Германии, которые когда-то работали на ГДР. Он отказался сделать это по морально-нравственным мотивам. Его же заверения в том, что никто из бывших агентов уже ни на какую страну не работает, власти в Германии посчитали недостаточными.

Наша страна переживает тяжелое время. Дошли ли мы до низшей точки — никто не осмелится сказать. Но трагедия общегосударственная несет в своем потоке трагедии личные.

Особенно близка и понятна мне трагедия Вольфа и многих его товарищей и наших друзей в бывшей ГДР. Некоторые из них арестованы, других, возможно, вскоре постигнет эта участь. Что такое заключение — я знаю. Не думаю, что российская тюрьма лучше германской. Страдания и там, и здесь.

Но тем мучительнее, если подвергаешься наказанию за справедливое дело, которому оставался верен, которому посвятил всю свою жизнь, когда оно связано с самым священным — Родиной. Так проникнемся же благородством, благодарностью и просто человечностью к своим друзьям, таким как Маркус Вольф, и хотя бы в этом останемся людьми.

И еще про себя подумаем: как жаль, что обстоятельства не позволяют нам помочь попавшим в беду друзьям. Мы действительно лишены такой возможности, и пусть хоть это будет нам утешением... Кстати, именно немецкие товарищи — самые преданные наши друзья — терпят от властей самые суровые гонения и репрессии.

Ну а Вольф? Дает ли ему борьба, жизнь, все случившееся в его стране, других социалистических странах, и прежде всего в Советском Союзе, а потом в России право распорядиться своей судьбой так, как он сочтет нужным? Свободен ли он в своем выборе? По сути, он сделал выбор, вступив в единоборство с германским правосудием.

В 1993 году Вольф был приговорен германским судом к 6 годам лишения свободы, однако под стражу не был взят, поскольку решение суда не прошло все инстанции. Вольф ведет себя мужественно, стойко, не поддается на провокации, и когда судья объявил ему приговор, он сказал, что не сомневается в том, что историей будет оправдан.

Вольф может быть уверен: симпатии его друзей, особенно тех, которые вместе с ним сражались по одну сторону линии фронта, в одних рядах, — на его стороне.

В конце 1995 года из Германии пришла хорошая весть: решением Конституционного суда дела в отношении Вольфа и других граждан бывшей ГДР подлежат прекращению, поскольку они действовали по законам существовавшего тогда государства.

К середине 70-х годов правящие круги западных стран и прежде всего США окончательно определились в своей стратегической линии в отношении Советского Союза. Они пришли к выводу, что путем только внешнего воздействия, каким бы сильным оно ни было и какие бы формы ни приобретало, глобальных задач по Советскому Союзу и другим

социалистическим странам решить невозможно. Единственным оставался путь подрыва изнутри.

На этот счет разведка получала достоверные данные. Да, собственно, такой расчет особенно и не скрывался. Трудностей в социалистических странах действительно было немало, да их еще и искусственно раздували, так что почва была вполне благоприятной. Ну а приход к власти Горбачева и вовсе предопределил исход дальнейшей борьбы.

У нашей системы, как оказалось, была своя ахиллесова пята: мы были абсолютно беззащитны перед лицом предательства в высшем эшелоне власти. Так что теперь приходится только отдать должное западным стратегам — в выборе средств они не ошиблись.

В то же время советская разведка стала получать данные о том, что спецслужбы США и некоторых других капиталистических стран приступили к созданию сети агентов влияния в советском обществе. Это была целая программа действий, рассчитанная на длительный период.

Американцы, да и не только они, приобрели огромный опыт в культивировании своего влияния во многих странах. Но на первое место по уникальности и масштабам таких акций несомненно следует поставить Советский Союз. Со временем эта работа стала проводиться уже в открытую, без какого-либо камуфляжа.

В течение ряда лет разведка регулярно информировала об этом руководство страны, предупреждала о назревании негативных тенденций и процессов у нас в стране и в бывших социалистических странах, наглядно демонстрировала роль, которую играли при этом спецслужбы западных государств. Разведка, в частности, вовремя заметила использование Западом, в том числе и его спецслужбами, таких факторов, как национализм; обращала внимание на целенаправленные попытки оказания влияния на интеллигенцию, заигрывания с нею; заостряла внимание и на деморализующих армию договоренностях в военно-политической области, и на многом другом.

Картина, особенно взятая в комплексе, получалась очень тревожной. Обо всем этом разведка достаточно полно и объективно информировала руководство КПСС и Советского государства.

Беспокойство проявляли и наши друзья, но их обращения к советскому руководству неизменно наталкивались на глухую стену непонимания, вернее, нежелания понять, к чему ведут эти опасные тенденции. Все это оставляло на душе тревожный осадок, особенно в свете носящей чрезвычайный характер информации, которую в 1990 и 1991 годах нашей разведке удалось получить сразу из нескольких источников... Но об этом речь пойдет ниже.

Когда в 1988 году я получил новое назначение и покидал разведку, то оставлял, считаю, хорошо налаженное «хозяйство». Многое удалось сделать в плане повышения результативности и эффективности ее работы. Возрос авторитет нашей службы, поговаривали даже о целесообразности ее выделения в самостоятельную организацию, против чего я, кстати, всегда возражал, доказывая, что именно в качестве неотъемлемой части Комитета госбезопасности разведка может принести гораздо больше пользы. Тем более что статус Первого Главного управления и так повысился, его начальник впервые за всю историю стал одновременно и заместителем председателя КГБ.

Но если вариант выделения ПГУ в отдельную службу еще имел хоть какие-то основания в условиях Советского Союза, то в нынешних условиях создание самостоятельной Службы внешней разведки, уверен, ослабило не только разведку, но и органы госбезопасности в целом. Впрочем, похоже, сегодня это мало кого волнует, вернее, этот шаг и сделан-то был именно с таким дальним прицелом.

А ведь мощная и эффективная разведка нужна сегодняшней России! Нет больше Советского Союза, но появилось 15 самостоятельных государств, их скоро может стать еще больше. Сильная и процветающая Россия будет так же мешать США, как и прежде Советский Союз.

Лишь совсем наивный человек не заметит, что подрывная деятельность наших традиционных противников не только не ослабевает, но в условиях абсолютной безнаказанности еще больше ужесточается. Слабость обескровленной и разворованной страны лишь поощряет агрессоров. Вряд ли западные страны, Япония и некоторые другие оставят про-

странство бывшего СССР без своего пристального разведывательного внимания.

Какие бы заявления ни делались о значительном сокращении деятельности разведывательных служб или даже возможности ее полного прекращения, в обозримом будущем этого не произойдет. Ни одно государство, которому небезразлична собственная безопасность, на такой риск не пойдет.

С какой ситуацией столкнется в перспективе Россия в мире, и в частности, на своих границах?

Без разведывательных данных и их всестороннего анализа мы не сможем верно ориентироваться в обстановке и, следовательно, правильно формировать свою политику. Сейчас уже можно с уверенностью прогнозировать, что наши бывшие союзники — Польша, Чехословакия и Венгрия (и, вполне возможно, Румыния и Болгария) проведут перевооружение своих армий по западному образцу и тем самым полностью выйдут из орбиты России в военно-техническом плане, окончательно попадут в сферу западного влияния. А ведь у Польши и Венгрии, например, есть территориальные претензии к Украине и Белоруссии, и как этот фактор зазвучит в новых условиях, покажет уже самое ближайшее будущее.

Проблемы могут возникнуть по всему периметру российских, да и бывших союзных границ. Одно дело, когда они сваливаются неожиданно, и совсем другое, когда планы на этот счет, конкретные средства их реализации известны заранее.

Кто возьмет на себя смелость утверждать, что в решении спорных, в том числе и территориальных вопросов с Россией и другими суверенными государствами, образованными на территории бывшего Советского Союза, силовые методы уже навсегда исключены историей? Военные конфликты — реальность современной международной жизни и в обозримом будущем, к сожалению, таковыми и останутся.

После развала Советского Союза положение России резко ухудшилось. В перспективе оно будет все более усложняться. Интерес специальных служб капиталистических

стран к России и другим бывшим союзным республикам будет лишь усиливаться. С этой реальностью придется считаться. Методы работы против нас были, есть и будут самыми различными: от обычных разведывательных устремлений до так называемых «тайных операций» с их жестким прессом, силовыми приемами, радикальностью. Нет никаких признаков, указывающих на отказ Соединенных Штатов и их союзников от так называемых «тайных операций».

Тайные операции — термин настолько широкого понятия, что невозможно точно обозначить границы его применения. Все — до косвенной или прямой поддержки, и даже руководства крупными военными операциями на иностранных территориях.

Цель тайных операций состоит в стремлении повлиять на политику ключевых зарубежных деятелей, групп и стран в интересах государства, проводящего такие акции. Вместе с тем характер их проведения не должен давать повод для обвинения в открытом вмешательстве в дела других стран, а в случае провала давать возможность дезавуировать свою причастность.

Можно привести многочисленные примеры проведения тайных операций Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов. Так, с санкции правительства и администрации Никсона в период с 1970 по 1973 год было израсходовано более восьми миллионов долларов на тайную деятельность ЦРУ в Чили. Цель этих акций заключалась в лишении президента Альенде возможности управлять страной. В сентябре 1973 года Альенде был убит во время военного переворота.

В середине 70-х годов в Соединенных Штатах Америки была создана комиссия сената и комиссия палаты представителей для разбирательства вопросов, связанных с тайными операциями. Сенатскую комиссию возглавлял сенатор Черч, а комиссию палаты представителей — конгрессмен Пайк. Разоблачения были ошеломляющими. Однако никаких судебных мер не последовало.

Примечательно высказывание сенатора Черча по итогам работы упомянутой комиссии. Вот что он сказал в конце 1974 года: «Ни одна страна не была слишком маленькой, ни один лидер не был слишком второстепенным, чтобы ус-

кользнуть от нашего внимания. Мы направили смертельный токсин в Конго, с тем чтобы погубить Лумумбу; мы вооружили местную оппозицию в Доминиканской республике, чтобы убить Трухильо; мы участвовали в военном перевороте, свергшем то самое правительство Южного Вьетнама, которое мы обязались защищать, а когда премьер Дьем оказал сопротивление, то он и его брат были убиты теми самыми генералами, которым мы заплатили деньги. Многие годы мы пытались убить Фиделя Кастро — операция, растянувшаяся на три администрации».

Поясню, что премьер Дьем — тот самый вьетнамский премьер, на которого американцы делали длительное время ставку, но когда Южный Вьетнам терпел поражение от Северного Вьетнама, он оказался ненужен.

По признанию известного американского политолога Тейлора Бранча в 60 — 70-е годы США осуществили около 900 операций по вмешательству за границей, вели тайные войны по всему миру и негласно оказывали давление на некоторые иностранные правительства до такой степени, что превращали их государства в страны — клиенты Штатов.

В мае 1984 года бывший помощник президента Рейгана по национальной безопасности Роберт Макфарлейн в телевизионном выступлении прямо заявил, что Соединенные Штаты нуждаются в проведении все большего количества тайных операций, поскольку они служат альтернативой войне или бездействию, то есть являются третьим вариантом.

К числу тайных американских операций следует отнести операции по Ирану. Этот пример весьма примечателен во многих отношениях. В 1983 году ЦРУ «подкинуло» режиму Хомейни списки примерно 200 человек, которые якобы являлись советскими агентами в Иране. Хомейни лично поблагодарил Аллаха за «чудесное» откровение, которое привело к аресту «предателей», бесчеловечным истязаниям и казни большинства из них.

Так действовали Соединенные Штаты, не считаясь ни с чем тогда, когда их интересы требовали подобных решений.

На одной из стен парадного вестибюля штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли сделана надпись, выложенная мозаикой, крупными буквами, так чтобы она бросалась в глаза. Надпись гласит: «И ты познаешь правду, и правда сделает тебя

свободным». Но эта правда, как свидетельствует опыт, вся деятельность ЦРУ, идеология этой организации, воспитание кадров,— добывается любым путем, любыми средствами. И вряд ли в будущем положение кардинальным образом изменится.

Я далек от мысли рекомендовать следовать американскому примеру и встать на путь проведения тайных операций, связанных с гибелью политических деятелей, попытками вмешиваться в дела других стран с целью изменения политического строя или смены руководства. Обеспечение интересов России любым путем, любыми средствами, не считаясь при этом с морально-этическими нормами? Нет и еще раз нет! Но реальность такова, что та сторона может пойти на это, да она, собственно говоря, никогда не прекращала заниматься тайными операциями, и мы должны с этим непременно считаться для того, чтобы противостоять, разоблачать, стремиться не допустить тяжелых последствий для нашего государства.

Опыт работы американской разведки для нас важен и поучителен. И здесь есть смысл остановиться еще на одной стороне иранской истории. Свержение иранского шаха в 1979 году, победа исламской революции выявили серьезные просчеты в политике Вашингтона и деятельности ЦРУ. Этот урок имеет актуальное значение в силу некоторых особенностей.

Вашингтон устраивала фигура иранского шаха Пехлеви, и он не мыслил себе другого варианта: шах полностью шел в фарватере американской политики. Он поддерживал американский политический курс и опирался на него, закупая огромное количество американского оружия, тем принося большие выгоды Соединенным Штатам.

Иран превратился в форпост США в своем регионе, и все, казалось бы, шло как нельзя лучше для Вашингтона. Официальный курс шаха устраивал не одного американского президента, и ЦРУ, желая подстроиться под это желание, сообщало в официальных информациях только то, что нравилось Вашингтону, конкретному президенту. Короче говоря, ЦРУ вторило официальной американской и иранской политике.

Американская разведка не могла не видеть, что прибли-

жается конец правлению шаха, что его политика более не отвечает интересам Ирана, имеет оппозицию в светской и особенно в церковной власти, что для Ирана является исключительно важным фактором. Еще в 1973 году один из сотрудников ЦРУ — Лиф в анализе положения Ирана обстоятельно показал, что власть шаха покоится фактически на шаткой основе, что время его правления сочтено. Лифа посчитали в ЦРУ фантазером.

Кстати, в то время разведывательные органы Соединенных Штатов допустили не только эту ошибку. Они, например, не предсказали арабо-израильскую войну 1973 года. Всего лишь за несколько часов до начала боевых действий руководство разведывательных служб заявляло, что войны не будет. Начавшиеся боевые действия были для них полной неожиданностью.

Отдельные сотрудники государственного департамента и Центрального разведывательного управления были бессильны в стремлении довести до американского президента подлинную информацию о положении дел в Иране и вокруг иранского шаха.

Допустил просчет и Збигнев Бжезинский, бывший тогда советником президента по национальной безопасности и не обративший внимания на то, что из-за миллиардных закупок оружия у американской стороны шах сталкивается с растущими и все более обострявшимися военными, социальными и экономическими проблемами, которые рано или поздно катастрофически должны сказаться на всей стране, и в частности, на положении самого Пехлеви.

Соединенные Штаты в своем отношении к иранскому шаху исходили из того, что они ничего не имеют против диктатуры, пока это их диктатура. Такова была философия, в частности, ЦРУ. Американское руководство считало, что Америке нужен именно шах, забывая при этом, что куда большее значение имеет страна, а не личность. Отсюда грубые ошибки, просчеты.

Главными американскими источниками информации и оценок ситуации были донесения, основанные на заявлениях официальных лиц в Иране, сводках САВАКА (тайная полиция), которые душой и телом служили иранскому шаху и часто снабжали американскую сторону сведениями, дале-

кими от истины. В итоге США лишились Ирана как союзника. Это было одно из самых серьезных поражений Вашингтона в послевоенный период.

Тем не менее Вашингтону пришлось сделать выводы из иранской истории. В американской политике по отношению к другим странам и регионам личности по-прежнему играют заметную, а порой определяющую роль. Но в последнее время американцы демонстрируют большую готовность отказаться от поддержки руководителя другого государства, если того потребуют интересы самих Соединенных Штатов.

Поэтому очень важно не упустить момент, когда американцы совершают переход от ориентирования с одной личности на другую. Применительно к России мы уже были свидетелями этого. Соединенные Штаты, да и другие страны, в одно прекрасное время оценили Горбачева как отработанный пар, как отыгранную карту и откровенно взяли курс на другого человека. Однако если американские интересы потребуют смены и нового лидера, в данном случае Ельцина, то ни у кого не должно быть сомнений в том, что Соединенные Штаты, не задумываясь, сделают очередной зигзаг.

Сегодня специальные службы России не только ослаблены изнутри, но и лишились дружественной помощи со стороны аналогичных организаций в других странах. В обозримом будущем российская разведка может опираться только на собственные силы. На горизонте благоприятной в этом отношении перспективы для нас тоже пока не вырисовывается.

Обретать новых друзей, когда еще совсем недавно мы, по существу, предали всех старых, дело почти безнадежное. Впрочем, новые союзники, даже если они когда-нибудь и появятся, скорее всего предстанут перед нами уже совсем в ином качестве. Такого сотрудничества, какое было у нас с социалистическими странами раньше, нам уже не видать.

Трудно сказать, как сложатся отношения российской разведки с разведывательными службами стран ближнего зарубежья. Если возобладает отчужденность, враждебность, настороженность, нежелание работать вместе, то это поро-

дит дополнительные трудности, которые будут сказываться на деятельности российской разведки в целом.

В то время как мы остались одни, противостоящее нам западное разведывательное сообщество значительно укрепилось, расширилось, имеет достаточные материально-технические и штатные возможности, огромный опыт работы, отлаженную систему взаимодействия. Теперь нам противостоят не только спецслужбы Соединенных Штатов Америки и их ближайших союзников по НАТО, но и ряд других, в том числе и тех стран, которые в недавнем прошлом входили в сферу нашего влияния.

Фронт действий против нас со временем станет еще шире и мощнее, что приведет к еще большему неравенству сил. В этих условиях России как никогда необходимо выработать верную тактику и стратегию.

Конечно, разведка — это лишь островок в системе государственности, и все будет зависеть от того, как дальше будут складываться дела в России, по какому пути пойдет развитие ее отношений со странами ближнего зарубежья. Именно здесь нужно искать не только корень многих наших нынешних бед, но и пути выхода из кризиса.

И еще. Разведка — обширнейшая область, через ее призму можно глубже посмотреть на многие проблемы, осветить изнутри отдельные стороны развития международной жизни, политики бывшего Советского Союза, ныне России, заглянуть в будущее и кое-что даже предсказать. Хотелось бы подробнее поделиться накопившимися впечатлениями о работе разведки, ее людях, делах и заботах. Однако это требует специальной книги. Возможно, мне удастся написать ее, если, разумеется, обстоятельства позволят. Оснований для такого желания достаточно.

80-е годы были для советской разведки исключительно значимыми, содержательными, результативными. Они войдут в ее историю как время заметных достижений. Конечно, имели место и провалы, предательства, ущерб от чего был огромен. Но тем не менее именно на этот период приходится наибольшее число разоблачений агентуры западных спецслужб. В этом проявились здоровые начала в деятельности коллектива разведчиков, их способность к самоочищению.

Пройдут годы, время позволит откровеннее рассказать о многом, и люди из конкретных фактов узнают об основополагающем вкладе Первого Главного управления в разоблачение значительной агентурной сети в нашей стране, и в том числе, к сожалению, в органах госбезопасности.

В этот период разведка приобрела внушительные позиции на многих ключевых направлениях и добывала важнейшую политическую, экономическую, военную, научно-техническую и иную информацию.

Правда, благодаря заботе государства разведчики работали несравненно в более выгодных условиях, чем их предшественники — именно в 70 — 80-е годы разведывательная служба получила солидную материально-техническую базу, возможность расширить подготовку кадров, укрепила правовую основу взаимодействия с соответствующими министерствами и ведомствами, начала формироваться как органически неотъемлемая часть государственности. Это была заслуга всего коллектива — профессионально подготовленного, целеустремленного, верного своему долгу и преданного Родине, работавшего с полной отдачей сил и самопожертвованием.

Глава 4

АФГАНИСТАН

Участие в урегулировании афганской проблемы явилось последним проявлением той внешней политики, которую в условиях глобального противостояния двух мировых систем была вынуждена проводить, будучи великой державой, наша страна.

Начало развала СССР, которое сегодня можно точно датировать приходом к власти Горбачева, совпало с заключительным этапом афганской эпопеи и привело к тому, что мы потеряли все, чего добились за долгие годы этой не проигранной нами войны.

В том, что мы ее не проиграли, я глубоко убежден: к моменту вывода наших войск мы решили главные задачи, которые ставили перед собой в Афганистане, хотя и заплатили за это немалую цену. Впрочем, так было не только с Афганистаном, достаточно вспомнить условия и обстоятельства вывода наших войск из Германии, когда у многих сложилось впечатление, что спустя пятьдесят лет мы без единого выстрела проиграли вторую мировую войну...

...В апреле 1978 года в Афганистане неожиданно произошла революция. Был свергнут президент Афганистана Дауд, родственник последнего короля Афганистана Захир Шаха, которого тот же Дауд убрал пятью годами раньше. Мало кто ожидал революции в Афганистане, тем более революции, которая с самого начала провозгласила социалистические цели. Она была явно преждевременной с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Страна была отсталой по всем показателям. Феодальные, полуфеодальные отношения были господствующими. В отдаленных местностях уклад жизни носил даже дофеодальный характер. Афганистан жил по закону племен, одни из которых, преимущественно слабые, признавали Кабул, подчинялись ему, другие, наоборот, выступали против центральной власти, и столица сама их боялась, ломала шапку перед мятежными вождями. Каждое племя руководствовалось своими собственными традициями, которые и определяли весь уклад его жизни.

Исламская религия в Афганистане определяет все — и образ жизни, и быт, и культуру, она является единственной господствующей силой. В стране очень слабо развито промышленное производство, сельское хозяйство тоже весьма примитивное. Ростки культурной жизни пустили едва заметные корни, да и то лишь в нескольких крупных городах. Неграмотность населения почти тотальная — в период описываемых событий всего около 4 его процентов умело читать и писать.

На огромной территории страны в 760 тысяч квадратных километров проживает около 16 — 17 миллионов человек, в том числе до 8 миллионов пуштунов, 4 миллиона таджиков, 3 миллиона узбеков, около 600 тысяч туркменов, 200 тысяч белуджей и ряд других национальностей. У каждой народности свои история, обычаи, взгляды на жизнь и собственные представления о будущем.

Конечно, то, что произошло в апреле 1978 года, не было революцией в классическом толковании этого понятия. Это был дворцовый, верхушечный переворот, в ходе которого одни лишились власти, а другие взяли ее.

По целям, по устремлениям в апрельском выступлении

были, конечно, признаки и революционного характера. Однако в нем не принимали участия широкие массы, совершили переворот одиночки без четкой программы, люди наивные, недостаточно цельные по своим взглядам, в действиях которых проявилось слишком много эмоциональности и отсутствовал трезвый расчет. Это были деятели с разными политическими убеждениями, идейными позициями, не имевшие каких-то определенных представлений о путях построения нового общества. Многими из них двигали чисто карьеристские устремления, другие по своему характеру попросту являлись авантюристами.

Такая довольно пестрая палитра наблюдалась, несмотря на то что участники апрельского выступления принадлежали к одной Народно-Демократической партии Афганистана (НДПА). Эта партия всегда страдала от отсутствия единства, в том числе и организационного.

Она была создана в 1965 году, но вскоре в ней появилось два довольно обособленных крыла — «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»). Первая вобрала в себя значительную часть интеллигенции, отличалась более терпимым отношением к иным политическим взглядам. Вторая опиралась на военнослужащих, на людей труда, была более догматична, отличалась жесткой дисциплиной и крайне радикальными взглядами на пути строительства нового общества.

Сторонники этой группы ратовали за социалистический путь, не считаясь с имевшимися в стране объективными условиями. В 1977 году, правда, состоялось объединение обеих фракций, но оно оказалось чисто формальным, вражда между ними так и продолжалась.

К апрелю 1978 года обстановка в стране крайне обострилась. Дауд видел угрозу для своего режима со стороны НДПА и всячески стремился ослабить ее.

В апреле во время митинга в Кабуле был убит один из лидеров «Халька» Хайбер. Обстановка в стране накалялась и грозила вылиться в стихийное выступление против режима. Похороны Хайбера состоялись при огромном стечении возмущенных людей.

События развивались стремительно. Дауд счел нужным приступить к реализации своего плана по устранению руко-

водящего звена НДПА и арестовал группу лиц из его состава. В этих условиях оставшиеся на свободе руководители партии, почувствовав прямую угрозу своей жизни, решили начать вооруженное выступление против Дауда.

27 апреля 1978 года Дауд, его близкие родственники и приближенные были схвачены в королевской резиденции и там же расстреляны. Власть перешла в руки революционного командования. Афганистан был провозглашен Демократической Республикой.

Переворот прошел быстро, всего за два дня, и без особого кровопролития. Еще раз была подтверждена истина, что взять власть гораздо проще, чем удержать ее.

Президентом был провозглашен 60-летний Нур Мухаммед Тараки — видный общественно-политический деятель, поэт, писатель, а премьер-министром — Хафизулла Амин — карьерист, человек исключительно авантюрного склада характера, жестокий, не стеснявшийся в средствах для достижения своих амбициозных целей.

Следует отметить, что апрельская (или, по афганскому наименованию месяца, саурская) революция 1978 года в Афганистане произошла без какой-либо инициативы и поддержки со стороны Советского Союза, более того — вопреки его позиции. Афганские революционеры поставили нас перед свершившимся фактом, испытывая от этого неподдельное чувство гордости. Вот-де, мол, посмотрите, какие мы смелые, независимые и умные! Весь 1978 и 1979 годы они на весь мир трубили о победе афганской революции и были одержимы иллюзией быстрого победоносного шествия социализма по афганской земле.

Саурская революция в Афганистане сразу же поставила перед Москвой множество проблем. Что же все-таки на деле происходит в Афганистане? Каковы истиные цели нового руководства этой страны на ближайшее время и в перспективе? Как теперь строить советско-афганские отношения в новых условиях, на кого опираться?

Много возникло и более частных вопросов, сугубо практических, в том числе довольно срочных, не терпящих отлагательства. Например, как вести себя по отношению к мно-

гочисленным афганцам, обучавшимся в Советском Союзе, и прежде всего к тем из них, кто не признал новую власть. Поэтому было принято решение послать в Афганистан с зондирующими поездками представителей различных советских ведомств и организаций.

В июле 1978 года в Кабул отправилась делегация Комитета госбезопасности СССР. Возглавлял ее я, как начальник Первого Главного управления.

В самолете по пути в Кабул я вспомнил свое первое соприкосновение с Афганистаном. Было это задолго до описываемых событий, еще в октябре 1961 года, когда в составе группы лекторов ЦК КПСС мне довелось побывать в Таджикистане.

В один из дней я оказался в городе Пяндж. Утром знакомились с городом и районом, состоялись беседы с местными руководителями, встречи с трудящимися, а во второй половине дня — мое выступление перед местным активом. К концу дня я попросил свозить меня на границу с Афганистаном. Она от города находится совсем близко — в каких-то двух километрах и проходит вдоль одноименной реки Пяндж, так что дорога много времени не заняла.

На другом берегу лежала чужая страна, с которой меня в будущем крепко и на многие годы связала судьба.

Сопровождавшие нас пограничники рассказали, что живут афганцы крайне бедно, в стране почти полная неграмотность. Жители приграничных районов с благодарностью принимают от наших пограничников помощь в виде продуктов питания или медикаментов. Охотно посещают афганцы и нашу территорию (изредка их местные власти дают на это свое согласие).

За разговором мы и не заметили, как быстро спустилась темная южная ночь. Что меня тогда поразило, так это кромешная тьма на территории Афганистана, хотя эта местность, по словам пограничников, была достаточно густо населена. Лишь где-то в предгорьях мерцал костер афганских чабанов, хижины же крестьян оставались погруженными во тьму.

Пришло время возвращаться. Мы повернулись и увидели горящий от электрических огней горизонт. Впечатление осталось на всю жизнь: мрак и свет!

Через десять минут мы уже ехали по ярко освещенным улицам Пянджа. В беседах с местными аксакалами поделились впечатлениями от поездки. Они рассказали, что до установления советской власти жизнь таджиков почти ничем не отличалась от той, которую мы только что увидели по ту сторону границы. Резкий отрыв произошел и продолжает увеличиваться лишь в годы советской власти.

И вот спустя семнадцать лет у меня впервые появилась возможность побывать в Афганистане, поближе познакомиться с этой страной, причем в такой переломный этап в ее истории. Я тогда и не предполагал, что теперь буду столь частым гостем в Кабуле, что за первой командировкой последует еще множество других, что за последующие двенадцать лет придется накатать по фронтовым дорогам Афганистана, налетать вертолетами и самолетами в его небе не одну тысячу километров.

Находились мы в афганской столице четыре дня. За это время у нас состоялась серия встреч с руководством страны и афганских спецслужб. Мы совсем не знали друг друга, поэтому для этих первых переговоров была характерна взаимная настороженность, нежелание раскрывать все карты. Нам были неведомы планы и намерения новых властей. Да и афганцы, судя по всему, не знали, как мы отнесемся к свержению Дауда, с которым у Советского Союза до последнего времени сохранялись неплохие отношения.

По всему чувствовалось, однако, что наших новых афганских друзей просто распирало чувство гордости за одержанную победу. Победители как-то совсем не задумывались над тем, что власть-то они взяли практически только в столице, но тогда им, наверное, казалось, что все остальное придет само собой...

На третий день после прибытия в Кабул меня принял президент Тараки. Это был широко образованный, обладающий большим жизненным опытом человек, наделенный к тому же недюжинным природным умом. Эти его неоспоримые качества сочетались тем не менее с явной политической близорукостью, которая в конечном счете стоила ему жизни.

Тараки рано начал проявлять склонность к литературе, написал много рассказов, очерков и статей, увлекался поэ-

зией. Впрочем, на литературном поприще особой славы Тараки так и не приобрел — почти все его время и силы уходили на чиновничью работу.

Он бывал за рубежом, более года состоял на службе в американском посольстве в Кабуле, рано включился в общественно-политическую деятельность. В последние годы перед революцией Тараки возглавлял крыло «Хальк» в Народно-Демократической партии Афганистана.

Он был в довольно близких отношениях с Х. Амином, а вот с Бабраком Кармалем расходился в политических взглядах. Такой расклад в отношениях между этими тремя людьми в итоге обернулся трагедией не только лично для Тараки, но и для всего афганского народа.

Беседа с Тараки состоялась в старинном королевском дворце. Я передал привет от Л. И. Брежнева, поздравления от имени советского руководства в связи с победой апрельской революции, но при этом прямо сказал, что в Москве не без тревоги следят за развитием обстановки в Афганистане и предвидят серьезные трудности на пути нового афганского руководства. Трудности эти носят объективный характер, поскольку условия для намеченных революционных преобразований не созрели, а объявленная цель построения социализма в столь короткие сроки, да еще в такой стране, как Афганистан, вызывает большие сомнения. Попросил поделиться соображениями афганского руководства на этот счет, рассказать о его планах, отметив, что такая информация несомненно с интересом будет воспринята в Москве.

Все сказанное Тараки произвело на меня тяжелое впечатление — оно было пронизано революционной романтикой, верой в социалистическое будущее и оптимизмом, за которым скрывалась неопытность политика и, я бы даже сказал, какая-то детская наивность.

Я слушал и просто диву давался: прошло всего каких-то три месяца после апрельской революции, а афганское руководство, включая президента, уже вознеслось до небес, потеряло всякое чувство реальности.

Тараки рассуждал о том, что НДПА, решившись на революцию и добившись победы, была права исторически, а вот Москва со своим скептицизмом — как раз нет. «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, в

Афганистане будет осуществлено за пять лет», — восклицал президент. На вопрос, какой будет позиция новой власти в отношении ислама, последовал примечательный ответ: «Приезжайте к нам через год — и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми».

Пожалуй, одного этого заявления было достаточно для того, чтобы понять: новый режим обречен.

Потом я неоднократно вспоминал эти высказывания Тараки и все отчетливее понимал всю глубину его заблуждений, подоплеку возникших из-за этого проблем. А ведь за ошибки недальновидных лидеров пришлось расплачиваться афганскому народу, ввергнутому в затяжное кровавое противоборство.

Тараки был пуштуном по национальности, родом из небольшого одноименного племени тараки, насчитывавшего около 50 тысяч человек. Постоянные распри с соседними племенами, споры из-за пастбищ, воды и дорог, личная вражда, каждодневные стычки при отражении бандитских нападений — вот те атрибуты повседневной жизни родного племени, которые новый президент должен был впитать с молоком матери. Казалось бы, ему, как никому другому, следовало понять, что никакая власть не в состоянии за короткое время изменить складывавшийся веками уклад жизни, что для этого нужна длительная и кропотливая работа, смена нескольких поколений.

Межплеменные отношения — одна из проблем, недооценка которой дорого обошлась новому режиму в Афганистане, а может быть, явилась даже определяющей в его поражении.

Своими поспешными действиями, негибкостью, грубостью центральная власть умудрилась сразу открыть несколько фронтов борьбы — с духовенством, торговцами, предпринимателями, землевладельцами. Обострились и межнациональные отношения. Легкость и быстрота взятия власти в Кабуле вскружила голову руководству нового режима, решившему кавалерийским наскоком разрубить тугой узел противоречивых проблем и начать заново, как бы с чистого листа, писать историю страны.

В ходе той же поездки встретился я и с Х. Амином. На первой, носящей скорее протокольный характер встрече

присутствовала вся советская делегация. Амин был по-восточному учтив и любезен, блистал красноречием. Он произвел хорошее впечатление своей кажущейся демократичностью, подробно рассказал о подготовке и ходе апрельской революции, пытался обосновать ее неизбежность с позиций марксистско-ленинской теории. Он всячески выделял при этом свою собственную роль, но пару раз упомянул и о заслугах Тараки, подчеркивая свое самое теплое и дружеское отношение к этому человеку.

Тепло говорил Амин и о Советском Союзе, заявляя, что не мыслит себя и Афганистан без тесных связей с нашей страной. «Мы хотели бы всегда и во всем быть вместе с советскими друзьями», — не раз повторял он. Короче говоря, первое впечатление об Амине сложилось вполне благоприятное: такой молодой, энергичный, смелый и открытый собеседник иного мнения о себе оставить и не мог.

Однако вторая встреча с Амином носила уже более предметный характер, и нам бросилось в глаза, что наш собеседник совсем не тот, за кого выдавал себя в первый раз. Вел себя жестче, временами был даже резковатым в оценках, чувствовалось, что он не терпит возражений, явно пытается показать, что именно он является хозяином в стране. Более того, Амин как бы мельком обронил фразу о том, что возникающие проблемы в Афганистане следует решать военным путем. Короче, наше мнение об Амине стало меняться не в его пользу.

Третья встреча с Амином состоялась уже по нашей инициативе в день отлета на родину. Я спросил, не хотел бы он что-либо передать в Москву в дополнение к сказанному ранее? Амин сразу начал с изложения своего видения того, как нужно бороться с врагами в Афганистане. Противников, убеждал Амин, необходимо уничтожать, власть должна быть сильной и беспощадной к тем, кто поднимает на нее руку.

Мне сразу стало ясно, откуда дует ветер. Дело в том, что накануне у нашей делегации состоялась встреча с руководством афганских спецслужб. К этому моменту к нам уже поступили данные о начавшихся в Афганистане репрессиях — участившихся случаях арестов, о применении МВД и службой безопасности мер физического и психологического воздействия на заключенных.

Мною было дано указание нашим представителям выразить решительный протест по этому поводу и заявить о нашем однозначном осуждении подобных методов. К тому же я запретил нашим представителям даже обсуждать вопрос об оказании содействия в задержании ряда лиц афганской национальности на территории СССР и ориентировал товарищей на то, чтобы они на всех уровнях ясно дали понять, что мы не просто осуждаем бесчеловечные методы в работе спецслужб — в случае продолжения такой практики ни о каком сотрудничестве между нами в принципе не может идти и речи.

В последней беседе с Амином мы твердо придерживались этой линии и, несмотря на резкость и безапелляционность его высказываний, прямо заявили, что не разделяем его подхода и осуждаем любую жестокость.

Рано или поздно, предупредил я Амина, политика репрессий бумерангом ударит по новому режиму и лишь усугубит те проблемы, которые стоят сейчас перед ним. Без широкой социальной поддержки революция обречена на провал. Репрессии же способны лишь оттолкнуть массы от правительства и лишить его последней опоры.

Анализируя материалы наших переговоров, мы все сошлись во мнении, что личность Амина представляет собой реальную угрозу для судьбы афганской революции. К сожалению, не все в Москве разделили такие оценки, но последующие события полностью подтвердили правильность наших мрачных прогнозов.

Первым шагом Амина было удаление из руководства всех парчамистов во главе с Бабраком Кармалем. Укрепления власти Тараки Амин стал добиваться путем уничтожения политических противников, причем как действительных, так и мнимых.

На страну обрушилась волна жестоких репрессий. При острейшей нехватке кадров уничтожались военные, в первую очередь офицеры, сотрудники государственных учреждений, партийные работники, руководители политических организаций, представители племен и религиозные деятели.

Был случай, когда в Кабул по приглашению властей якобы для переговоров прибыло около 500 руководителей племен, и все они были безжалостно уничтожены.

Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что, постоянно расширяя круг репрессируемых, Амин не щадил даже халькистов, вплотную подбираясь к ближайшему окружению самого Тараки.

Так, например, по каналам разведки мы получили достоверные данные о том, что Амин решил расправиться с видными представителями движения «Хальк» Ватанджаром, Гулябзоем и Сарвари. Ватанджар вообще был ближайшим другом и соратником президента, которого он называл не иначе как отцом (кстати, Тараки платил ему ответной отцовской любовью и тоже при всех обращался как к сыну).

Было очевидно, что на очереди теперь уже сам Тараки. Разумеется, мы не могли оставаться безучастными наблюдателями готовящейся расправы над патриотами, над искренними друзьями Советского Союза.

Ватанджара, Гулябзоя, Сарвари и еще одного афганца советским разведчикам удалось уберечь от аминовской охранки буквально в последний момент. По указанию центра сотрудники нашей резидентуры в Кабуле посадили всю четверку в автомашину и, специально попетляв по улицам, чтобы «засветиться», имитировали их вывоз за город. На самом же деле афганцев доставили на нашу конспиративную квартиру, находившуюся буквально под носом аминовских спецслужб почти в самом центре Кабула. Использовавшийся для этого автомобиль был разобран по частям и разрезан сварочным аппаратом, а его остатки закопаны в землю.

С помощью этого приема и дезинформации, подкинутой службам Амина, погоню удалось направить по ложному следу: палачи долго потом рыскали по всей стране, но, разумеется, так никого и не обнаружили.

Первоначально планировалось вывезти Ватанджара и его товарищей в цинковых гробах под видом тел умерших советских специалистов, но затем был найден менее театральный, но тоже вполне надежный вариант — их погрузили в самолет в ящиках с каким-то оборудованием и отправили не в Союз, а в одну из соцстран, где они и пробыли несколько месяцев, прежде чем перебрались в Москву. Амин так ни-

когда и не узнал, куда подевались его несостоявшиеся жертвы.

В октябре 1979 года, как мы и предполагали, был смещен с поста президента, а затем зверски убит Тараки.

Когда незадолго до этого он по пути из Гаваны с конференции Движения неприсоединения сделал кратковременную остановку в Москве, Брежнев на основании данных, полученных по каналам советской разведки, лично предупредил его о грозящей опасности. Тараки поблагодарил за сообщение, сказал, что примет необходимые меры предосторожности, и все же решил, несмотря на все уговоры, лететь в Кабул. Это было всего за две недели до его гибели.

Нельзя сказать, что Тараки не поверил той информации, с которой ознакомил его Брежнев. В беседе с нашим послом, состоявшейся после возвращения в Кабул, он прямо говорил, что отнесся к ней очень серьезно. Да и поведение Амина должно было рассеять все сомнения, даже если они еще оставались: на все предложения о встрече премьер отвечал отказом и даже не являлся по вызову президента. А Тараки, со своей стороны, никаких попыток изолировать Амина или хотя бы отстранить его от исполнения обязанностей не предпринимал, верил, что тот в конечном счете одумается, да еще уповал на свой авторитет в обществе. Эти заблуждения стоили ему жизни.

Устранением Тараки по приказу Амина руководил начальник президентской гвардии генерал Якуб. Для начала он взял под контроль резиденцию президента, затем поместил Тараки под домашний арест, объясняя его отсутствие для внешнего мира болезнью. Спустя несколько дней в комнату, где содержали узника, ворвались четверо заранее подобранных Якубом гвардейских офицеров, бросили на пол матрац, повалили на него свою жертву и, придавив сверху подушкой, хладнокровно задушили.

Один из убийц вспоминал потом, что «пришлось помучиться не меньше пятнадцати минут», прежде чем наступила смерть...

Тараки тихо похоронили на кладбище в Кабуле, официально объявив, что он умер от сердечного приступа. Никто, разумеется, в эту версию не поверил, но все молчали — дворцовые перевороты были ведь здесь не в диковинку.

Во время одного из моих очередных визитов в Кабул Бабрак Кармаль водил меня по королевскому дворцу, показывал комнату, где разыгралась эта трагедия, как, впрочем, и то место, где полутора годами раньше расстреляли семью Дауда...

Трое непосредственных исполнителей этого грязного преступления, имена которых известны, вскоре бежали, сначала в Иран, затем в другую страну, где их следы затерялись, а вот четвертый после ввода наших войск вдруг объявился, и не где-нибудь, а в советском посольстве в Кабуле!

На прием к дежурному дипломату — сотруднику МИД СССР — пришел глубоко взволнованный, на грани истерики человек и объявил, что он один из убийц Тараки. Плача и дрожа, он без устали причитал, что глубоко раскаивается в содеянном и хочет рассказать о том, как все происходило на самом деле, ответственному представителю посольства. Дежурный вовремя не сориентировался и заставил посетителя более сорока минут ждать в приемной, пока он разыскивал действительно ответственное лицо. Когда в холл вбежал наконец наш работник, след таинственного визитера уже простыл.

Двое главных виновников злодейства — Амин и Якуб — ненадолго пережили свою жертву. Спустя два месяца оба были застрелены афганскими патриотами при попытке оказать вооруженное сопротивление при аресте.

После расправы над Тараки вся власть в Афганистане перешла в руки Амина. Террор продолжал усиливаться. Прогрессивные силы ушли в глубокое подполье, многие деятели оппозиции выехали за пределы страны.

Из традиционно дружественной нам страны Афганистан превратился в опасный очаг напряженности и источник постоянной нестабильности в регионе. Амин отдавал себе отчет в том, что в его лице Советский Союз не приобрел друга и никогда не захочет иметь с ним дела, поэтому он, не колеблясь, сжег все мосты — началась расправа с просоветски настроенными людьми в Афганистане. Разгул кровавых репрессий, развязанных Амином, охватил всю страну.

Тем временем в Афганистане нарастало недовольство,

усиливалась оппозиция фашистскому режиму Амина. К советскому руководству от различных афганских деятелей стали поступать обращения с просьбой об оказании помощи.

Лидер оппозиции Бабрак Кармаль находился тогда в эмиграции в Чехословакии и оттуда пытался организовать борьбу с Амином. Советское руководство поддерживало с ним контакты, и в декабре 1979 года было принято политическое решение помочь прогрессивным силам Афганистана в их борьбе с террором и произволом, оказать содействие в нормализации обстановки в стране.

Решение о вводе войск в Афганистан было, пожалуй, одним из самых трудных и драматических в послевоенной истории нашего государства. Вопрос в такой плоскости встал неожиданно, бурное развитие обстановки в Афганистане не оставляло времени для долгих раздумий.

До апреля 1978 года, т. е. до саурской революции, казалось, ничто не предвещало каких-то осложнений в советско-афганских отношениях. И вдруг в соседней стране, с которой мы имели протяженную сухопутную границу, пришли к власти крайне левые радикалы, которые в считанные дни полностью изменили ситуацию не только в самом Афганистане, но и во всем регионе. Вместо традиционно дружественного Советскому Союзу государства на нашем южном фланге реально замаячила перспектива появления крайне опасного, враждебного нам соседа.

До этого времени афганское общество, хотя и было глубоко религиозным, тем не менее не отличалось исламским фундаментализмом, что было для нас крайне важным, поскольку не создавало основы для политического экстремизма. Однако аминовские репрессии вызвали джихад — священную войну, быстро распространившуюся по всей территории страны. В результате фундаменталистский фактор не только вставал на повестку дня, но и мог оказаться доминирующим.

Какой должна была быть реакция Советского Союза?

В Москву потоком шли обращения от оппозиционно настроенных афганцев с просьбой об оказании помощи. То, что Амин и группа его приближенных не представляет сколько-нибудь значительной части населения, сомнений

не вызывало. Поэтому ставка на него, особенно учитывая его бесчеловечную антинародную политику, была делом не только бесперспективным, бессмысленным, но и глубоко аморальным.

Трудно в деталях воспроизвести ход обсуждения афганской проблемы в высших эшелонах власти Советского Союза и рассказать, как конкретно принималось решение о нашем военном вмешательстве: эти обсуждения носили закрытый характер и проходили в узком составе. Правда, об их результатах председатель КГБ Ю. В. Адропов, являвшийся к тому же членом Политбюро ЦК КПСС, периодически информировал руководство Комитета. Таким образом я был в курсе принимавшихся решений. Категорически утверждаю, что речь неизменно шла о стратегических государственных интересах Советского Союза, которые, по глубокому убеждению советского руководства, совпадали с национальными интересами самого Афганистана, его народа.

Чем же все-таки руководствовались члены Политбюро ЦК КПСС, принимая решение об оказании военной помощи в борьбе с антинародным режимом Амина?

Москва не могла безразлично относиться к тому, что происходило в Афганистане и вокруг него. Огромная протяженность совместной границы — около 2,5 тысяч километров, почти половина населения — таджики, узбеки, туркмены, родственные народам, проживающим в республиках Средней Азии, значительные общие водные ресурсы в пограничных реках, достаточно широкие торгово-экономические связи, выгодные для обеих сторон.

Совместная советско-афганская граница имела большое стратегическое значение — она могла быть границей мира и сотрудничества и, напротив, линией раздора и междоусобиц. К Афганистану, особенно к его северным районам, проявляли интерес США, Англия, Германия и некоторые другие страны. Они предпринимали постоянные и все возраставшие усилия по ослаблению влияния и позиций Советского Союза в Афганистане.

По линии КГБ и ГРУ поступали тревожные данные о далеко идущих военных замыслах США по использованию территорий, непосредственно прилегающих к нашей южной границе. Здесь уместно вспомнить ту жесткую конфронта-

цию, которая была характерна для этого периода, ведь мы, по существу, были в самом разгаре «холодной войны». Все это и создавало ту атмосферу, в которой принималось решение о вводе наших войск в Афганистан.

В Москве понимали, что для нейтрализации угрозы с южного направления Советскому Союзу пришлось бы дополнительно держать в республиках Средней Азии не одну армию, создавать дополнительные оборонительные рубежи с дорогостоящей инфраструктурой, практически создавать боеспособную систему ПВО. О том, что наши самые худшие опасения имели под собой реальную почву, свидетельствуют события сегодняшнего дня.

Беспокоил исламский фактор. В Москве исходили из того, что возобладание исламского фундаментализма в Афганистане быстро перекинется и на среднеазиатский регион Советского Союза. Мусульманская часть населения СССР крайне неоднородна. Подавляющее большинство верующих ведет себя довольно пассивно.

Но не это молчаливое большинство определяет социально-политический климат в республиках, тон как раз задает меньшинство — активное в религиозном плане и весьма агрессивное политически. Именно оно является зачинщиком и организатором политических выступлений мусульман. В арсенале действий религиозных фанатиков широкий диапазон средств — вплоть до силовых.

Опыт показывает, что фундаменталисты не останавливаются перед самыми решительными действиями и этим буквально парализуют пассивное большинство. По оценкам специалистов-востоковедов, появление на наших границах исламского государства Афганистан во главе с экстремистски настроенными фундаменталистами должно было очень быстро сказаться на положении в советских республиках Средней Азии. Неизбежные процессы, связанные с этим, создадут взрывоопасную ситуацию; последствия могут быть вообще катастрофическими: реально возникновение кровавых конфликтов, распад отдельных среднеазиатских республик, вплоть до их выхода из Советского Союза.

Негативное воздействие исламского фундаментализма не ограничится лишь Средней Азией. Оно перекинется на другие районы Советского Союза с мусульманским населе-

нием, на Кавказ. Кстати, уже в 1979 году четко просматривалось, как одно из последствий, и такое явление, как отток некоренного населения из этих регионов. О том, насколько точно оправдались впоследствии и эти прогнозы, говорить не приходится.

Что касается перспективы ухудшения экономических отношений с Афганистаном, то в то время они не оценивались как определяющий фактор, хотя торговые связи Советского Союза с Афганистаном сулили очень большие выгоды для обеих сторон.

По моим наблюдениям, Андропов не был инициатором ввода советских войск в Афганистан. Вряд ли кого вообще можно назвать автором такого решения. Скорее, тогда существовало общее понимание, что стратегические интересы Советского Союза, самого Афганистана, советско-афганских отношений делали этот тяжелый шаг неизбежным.

Последнее слово при этом конечно же оставалось за Брежневым. Надо сказать, что Леонид Ильич не проявлял какой-то поспешности в этом вопросе. Напротив, он выжидал, тщательно взвешивал все «за» и «против». Андропов спокойно ждал решающего слова Брежнева, не оказывая на него никакого нажима.

Как-то в середине декабря 1979 года я случайно присутствовал при телефонном разговоре Андропова с Брежневым. Последний интересовался новостями из Афганистана. Андропов информировал, что ничто, к сожалению, не меняется к лучшему: по-прежнему в стране идет волна репрессий, особенно против духовенства, Комитет госбезопасности продолжает тщательно отслеживать развитие обстановки.

Брежнев попросил держать афганскую ситуацию под особым контролем, не упускать из виду даже малейших деталей.

Надо сказать, что, отлично понимая важность для нас Афганистана в стратегическом плане, Брежнев, будучи по натуре человеком преданным в дружбе, добрым и даже, я бы сказал, легко ранимым, очень тяжело переживал смерть Тараки, в какой-то мере воспринимал ее как личную трагедию. У него сохранилось какое-то чувство вины за то, что именно он якобы не уберег Тараки от неминуемой гибели, не отговорив от возвращения в Кабул. «Ведь данные, что ты мне

принес, я даже показывал ему, говорил, что разведка ручается за их достоверность», — не раз в разговоре с Андроповым сокрушался Леонид Ильич. Поэтому Амина после всего происшедшего он вообще не воспринимал.

К тому времени Амин уже неоднократно обращался к советскому руководству с просьбой рассмотреть вопрос о вводе в Афганистан наших воинских подразделений, прямо ссылаясь на непрочность своего положения, на потерю контроля над значительной частью территории страны. Он уже понимал свою обреченность и невозможность устоять перед широким фронтом самых разнообразных сил, который, по сути дела, сам же и создал против себя своими действиями и политикой.

Присутствие советских войск, по его замыслу, решило бы все проблемы — с одной стороны утихомирило бы оппозицию, а с другой — нейтрализовало бы явное недовольство Москвы действиями самого Амина.

Советское руководство, однако, не спешило с ответом, поскольку тогда еще не было принято принципиального решения в отношении нашей политической линии в афганской проблеме.

В то же время к нам постоянно поступала информация об усилении активности некоторых западных стран в Афганистане. Причем в их действиях четко просматривался и становился доминирующим антисоветский аспект. Не заметить этого было просто невозможно.

В Афганистан из-за рубежа стало поступать оружие самых различных видов. Активно работали в Кабуле резидентуры западных держав и некоторых соседних государств, заметно активизировались спецслужбы Индии и Китая.

Амин, преследуя свои сугубо амбициозные планы, явно хитрил и изворачивался. Спекулируя на сохраняющихся формальных отношениях с Советским Союзом, он продолжал политику репрессий, ежедневно сотнями отправлял на тот свет своих противников, но их, надо сказать, меньше от этого не становилось, оппозиция постоянно пополняла свои ряды.

Постоянный нажим оказывали на советское руководство и представители прогрессивных сил Афганистана, находящиеся как в стране, так и за ее пределами. Приближался

критический момент: или обстановка в Афганистане перерастет в широкомасштабный кризис с непредсказуемыми последствиями, или в стране к власти должны прийти прогрессивные силы, способные покончить с произволом и вывести Афганистан из тупика. Даже оставаясь на глубоко националистических позициях, эти силы были сторонниками развития дружественных, равноправных, взаимовыгодных отношений со своим северным соседом.

Совершенно очевидно, что для Советского Союза было отнюдь не безразлично, по какому из двух возможных путей начнет развиваться обстановка в Афганистане.

Таковым был ход мыслей у Андропова, а также у всех тех, кто тогда непосредственно занимался афганской проблемой — у Брежнева, Громыко, Устинова. Никто не отговаривал друг друга от оказания прямой военной помощи Афганистану, были лишь две разные точки зрения на то, как ее осуществить.

Одна состояла в том, что ввести надо относительно небольшой контингент советских войск, который оставался бы в Афганистане вплоть до полной нормализации обстановки, другая — оказать как бы разовую помощь здоровым силам путем переброски в Кабул одного подразделения десантных войск на сутки-двое, не больше.

В последнем варианте некоторые усматривали слишком большой риск, доказывая, что только длительное присутствие в стране наших войск, пусть даже небольших по численности, сможет гарантировать успех дела.

Нужно отметить, что специалисты из Министерства обороны и Комитета госбезопасности были сторонниками второго варианта. Сейчас, когда минуло много лет и произошло столько событий, нужно признать правоту тех, кто выступал за оказание разовой кратковременной помощи. В их числе были Н. В. Огарков, С. Ф. Ахромеев, В. И. Варенников и я.

Наряду с этим рассматривался и вопрос об осуществлении силовой акции с целью устранения Амина и передачи власти в руки патриотически настроенной оппозиции.

Политбюро заранее поручило КГБ и Минобороны разработать соответствующую операцию на случай, если в этом возникнет необходимость. Ее подготовка заняла немногим

более одного месяца. Был составлен детальный план, предусматривавший взятие штурмом дворца Амина и захват ключевых объектов, прежде всего в афганской столице.

Основная роль в проведении этой акции отводилась спецподразделениям Министерства обороны и КГБ, хотя в состав атакующих сил была включена и группа афганцев. Непосредственно во дворце должны были действовать в основном бойцы из спецподразделений «Каскад», «Зенит» и «Альфа».

Власть в стране решено было передать в руки Бабрака Кармаля, которого следовало доставить в Кабул из Чехословакии.

Я заранее вылетел в Прагу, чтобы переговорить с Бабраком и привезти его в Москву. Но когда я был уже на месте и готовился к встрече, мне вдруг позвонил Андропов и сказал: «Слушай, я тут подумал и решил, что тебе не нужно самому встречаться с Кармалем. Надо еще посмотреть, что из этого получится, а тебя мы можем сжечь. Да и вообще, стоит ли сразу выходить на уровень начальника разведки».

Так мы и не познакомились тогда с Кармалем.

Примерно за сутки до начала операции, как мне рассказывал Андропов, состоялось закрытое заседание Политбюро ЦК КПСС, а после него совещание в еще более узком составе, в котором приняли участие Брежнев, Громыко, Устинов и Андропов. Это было 24—25 декабря 1979 года.

На заседании Политбюро и было принято принципиальное решение об оказании прямой военной поддержки прогрессивным силам Афганистана: о вводе в страну сравнительно небольшого контингента войск, порядка 30 тысяч человек, а также о проведении, если того потребует обстановка, операции по захвату дворца Амина.

Голосовали единогласно, ни у кого, включая и Горбачева, никаких возражений это не вызвало. Ни о какой оккупации Афганистана речи не шло, все исходили тогда из варианта оказания кратковременной и ограниченной по своим масштабам помощи. Подразделения Советской Армии предполагалось ненадолго дислоцировать в ряде пунктов страны и в кратчайшие сроки после нормализации обстановки вернуть обратно в Союз.

Решение о вводе советских войск в Афганистан было

последним такого рода шагом в деятельности руководства Советского Союза, продиктованным, как были убеждены его инициаторы, не только нашими высшими национальными интересами, но и одновременно интересами (правда, в нашем понимании) другого государства. Это одновременно было и последним решением, которое было продиктовано необходимостью выполнения нашего интернационального долга.

Такое понятие, как интернациональный долг, не было тогда пустым звуком — к нему относились вполне серьезно. Впрочем, сейчас кое-кому даже трудно себе представить, что раньше были такие ценности, как дружба, союзнические обязательства, равно как и многое другое, о чем сейчас остается только напоминать... Но желание обезопасить южные границы Советского Союза, из которых почти две с половиной тысячи километров приходилось на границу с Афганистаном, когда грядущая опасность с этой стороны просматривалась достаточно четко, должно быть понятным и сегодня, если только мы еще полностью не отрешились от таких понятий, как государственные интересы и национальная безопасность.

Формально решение ввести в Кабул группировку наших войск было принято как бы по просьбе самого Амина (долгое время именно так мы официально оправдывали свою акцию, что в общем-то соответствовало действительности). Правда, задачи, которые при этом решались нами, не имели ничего общего с замыслами Амина: мы, разумеется, и не помышляли о том, чтобы помогать Амину в осуществлении его преступной антинародной политики.

С другой стороны, с просьбой о вводе наших войск обращалась к нам и оппозиция, возглавляемая тогда Бабраком Кармалем. То есть получалось, что нашего военного присутствия в Афганистане добивались обе политические силы, только каждая из них отводила Советской Армии прямо противоположную роль в урегулировании кризиса.

Советские воинские части были переброшены по воздуху в Кабул и на военный аэродром Баграм, находящийся примерно в 70 километрах от афганской столицы.

25 декабря вся операция по переброске войск была завершена.

Амин счел первый этап своего плана выполненным и обрушил на оппозицию новые, еще более сокрушительные и жестокие удары.

В этих условиях в Кабуле назревало открытое выступление против Амина. В нем готовились принять участие сторонники Бабрака Кармаля, Нур Мухаммеда Тараки, а также те, кто еще недавно был вместе с Амином.

В Москве было принято решение оказать им помощь и осуществить заранее спланированную операцию.

Подразделения специального назначения Министерства обороны и Комитета госбезопасности в ночь на 27 декабря 1979 года вместе с группой афганцев захватили резиденцию, где находился Амин и его приближенные. Штурм самого здания и территории вокруг него продолжался около часа. В ходе боевой операции Амин был убит, хотя в наши планы входило лишь его задержание (несмотря на то, что буквально накануне штурма афганская оппозиция вынесла Амину смертный приговор за совершенные им массовые преступления).

Операция по взятию аминовского дворца была хорошо подготовлена и проведена на высоком профессиональном уровне, хотя сложностей в ходе ее осуществления возникло немало. Сам дворец находится на одном из холмов на окраине Кабула, и подходы к нему крайне затруднены. Вся местность вокруг хорошо просматривается, наверх ведет только одна извилистая дорога, к тому же довольно крутая и узкая, по которой движение возможно лишь в одном направлении. Поэтому от штурмующих отрядов требовалось особое умение, быстрота маневра и реакции. Да и сами помещения дворца представляли не меньше трудностей: лабиринты залов, комнат и подсобных помещений, бесконечные лестницы, переходы и коридоры, буквально забитые многочисленной и хорошо вооруженной охраной.

Но мы были готовы к любым неожиданностям, в окружение Амина была заранее внедрена наша агентура и штурмующие подразделения действовали не вслепую. Кроме того, мы с самого начала исключили возможность оказания организованного сопротивления — непосредственно перед началом штурма Амин вместе со своим ближайшим окружением был усыплен. Снотворный порошок незаметно под-

мешал в еду один наш нелегал, который работал «под крышей» в президентской охране.

Взятие дворца, пожалуй, явилось единственной операцией в Кабуле, которая потребовала проведения активных боевых действий. В ней мы потеряли убитыми восемь человек — это были наши первые потери в Афганистане.

В ходе штурма погиб и руководитель отряда сотрудников КГБ полковник Григорий Бояринов. Уже когда все было, казалось, кончено, он вышел на площадку перед дворцом. Неожиданно сверху раздался выстрел — стрелял охранник Амина, которому удалось спрятаться в здании. Пуля попала в шею, как раз над бронежилетом, рана оказалась смертельной... Мы потеряли не просто мужественного бойца, опытного руководителя, но и человека редкой души, беззаветно преданного делу, за которое он отдал свою жизнь. Бояринов посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Весной 1980 года я приехал на его московскую квартиру, где в присутствии нескольких товарищей по работе (тогда ведь вся операция по штурму дворца Амина держалась в строгой тайне) вручил жене и сыну Григория Бояринова Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина.

Помимо дворца Амина предстояло взять под контроль Кабул, аэродром Баграм, ряд других городов и населенных пунктов, а также основные автомагистрали. В столице нужно было освободить и нейтрализовать более двадцати важных объектов: резиденцию Амина, королевский дворец, здания правительства, министерства обороны, внутренних и иностранных дел, телефонную станцию, телевидение, аэропорт, тюрьму и другие.

Удаленность их друг от друга исчислялась десятками километров. На каждом объекте была военная охрана, защитные технические сооружения и система оперативной связи с ближайшими воинскими частями.

Так вот вся операция по Кабулу и Баграму была проведена за 6 часов. В течение двух суток в заранее определенных местах страны были размещены советские воинские гарнизоны с необходимой техникой и тыловым обеспечением. Общие потери спецчастей, проводивших операцию, соста-

вили 18 человек убитыми, из них 9 были сотрудниками Комитета госбезопасности.

Были и небоевые потери: во время переброски воинских подразделений в Кабул над гористым районом из-за ошибки пилотов потерпел катастрофу транспортный самолет. Погибли находившиеся на нем солдаты и офицеры — всего около 50 человек.

Еще накануне на аэродром Баграм личным самолетом Андропова был доставлен Кармаль. Его возвращение в Афганистан едва не закончилось трагически. Когда самолет ночью заходил на посадку, афганцы, словно почуяв что-то неладное, неожиданно вырубили всю электроэнергию — пришлось экипажу сажать машину в кромешной тьме, практически вслепую.

Специалисты говорили потом, что удачную посадку на неосвещенную полосу с выключенными аэродромными радиомаяками, локаторами и другим оборудованием можно рассматривать как чудо. Спасло Кармаля, да в какой-то степени и исход всей столь тщательно спланированной операции, высокое мастерство пилотов, награжденных потом высокими правительственными наградами.

На следующий день 28 декабря 1979 года Афганистан проснулся уже при другой власти.

Весть о свержении Амина мгновенно распространилась по Кабулу и облетела всю страну. В столице и других городах спонтанно собирались толпы людей с единственной целью высказать свою полную поддержку и одобрение смещению этого узурпатора и палача. В народе ведь было известно, что именно Амин убийца Тараки. Так что помимо страха и ненависти народ ничего другого к нему не испытывал.

Стихийные демонстрации прокатились по всей стране, и в первую очередь, конечно, по самой столице. Их кульминацией было освобождение из находившейся в 15 километрах от Кабула центральной тюрьмы Поли-Чархи более пяти тысяч политзаключенных. Никаким экстремизмом выступления масс не сопровождались, и обстановка в стране нормализовалась буквально в один день.

В истории Афганистана наступил новый этап, который открыл перед афганским народом реальную возможность начать достойную жизнь.

...Но, к сожалению, история распорядилась по-иному.

Дальнейшие события в Афганистане не пошли по тому сценарию, который вырисовывался в самом начале. Тому был ряд причин как объективного, так и субъективного характера.

Когда в 1979 году решался вопрос о вводе советских войск в Афганистан, никто не предполагал, что их пребывание в этой стране затянется на целых 10 лет. Небольшой советский воинский контингент, вопреки нашему желанию, втягивался то в одну, то в другую конфликтную ситуацию со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Вместо того чтобы лишь оказать помощь афганцам, мы, по существу, взвалили на свои плечи всю основную нагрузку.

Много потребовалось времени для того, чтобы в Москве осознали наконец ошибочность такого подхода и взяли курс на «афганизацию» конфликта.

В общей сложности за эти годы в Афганистане побывало около 900 тысяч советских военнослужащих различных родов войск. Их численность в отдельные периоды колебалась от 30 тысяч до немногим более 100 тысяч человек. С 1979 по 1986 год активность наших войск была довольно высокой и лишь в последующее время их участие в боевых действиях резко снизилось.

В 1981 — 1984 годах был проведен ряд крупных военных операций с участием советских и афганских армейских подразделений, в том числе против бандформирований Ахмад Шаха в долине Панджшер. Мощная артподготовка и массированные удары с воздуха ничего не дали.

Буквально на следующий день после одного нашего наступления мы с маршалом Соколовым посетили места боев. На вертолете перелетели в северо-западную часть ущелья и с высоты двух километров среди отвесных скал опустились на крохотный пятачок земли на берегу горной реки.

Здесь в небольшом селенье совсем недавно находилась одна из штаб-квартир Ахмад Шаха. Теперь деревня лежала в руинах, чудом уцелел только один дом. Все жители, за исключением глубокого старца из уцелевшей хижины, вместе с моджахедами заблаговременно покинули ущелье, так что все наши старания пропали даром.

Мы провели совещание с командирами воинских час-

тей, подробно разобрали ход и результаты операции. Соколов честно признал ее неэффективность.

Как только наши войска спустя неделю покинули ущелье, в него вернулись бандиты и первым делом расстреляли старика, в доме которого проходило наше совещание.

Так было и в других местах: ни одна из подобных операций не заканчивалась полным разгромом противника — значительная часть моджахедов уходила в горы, рассеивалась по труднодоступной местности, а затем вновь возвращалась в банды. Классические методы ведения современного боя не давали должного эффекта: регулярные войска зачастую были бессильны в партизанской войне.

В последние годы это обстоятельство было учтено. Куда более результативными оказались применяемые на более позднем этапе локальные операции в сочетании с политическими шагами и мерами, предпринимаемыми по линии органов госбезопасности.

Вообще на плечи советских чекистов в афганских делах падала исключительно большая нагрузка. Их труд не был так заметен, но в Афганистане они постоянно были «на передовой», ежедневно рисковали жизнью, совершили немало ярких подвигов.

Агентурное проникновение в бандформирования, выявление баз моджахедов не только в Афганистане, но и на территории соседнего Пакистана, поиски путей поставок и складов оружия, боеприпасов, отслеживание военных приготовлений и получение достоверной информации о противоречиях в стане непримиримой оппозиции — вот далеко не полный перечень задач, которые стояли перед нашими чекистами. Каждый успех позволял избежать многих потерь на фронте, реально приближал нас к конечной цели.

Особое значение имела и работа по укреплению органов госбезопасности, МВД и царандоя (милиции), повышению эффективности их работы, а также помощь в создании Народной армии Афганистана, способной вести самостоятельную борьбу с вооруженным противником.

Нам повезло на представителей КГБ СССР при афганских органах безопасности, которые трудились в этой стране начиная с 1978 по 1991 год включительно. Вот их имена:

Леонид Павлович Богданов, Виктор Николаевич Спольников, Николай Егорович Калягин, Борис Николаевич Вoскобойников, Владимир Павлович Зайцев, Валентин Алексеевич Ревин. Все они достойно выполняли свой долг, в нелегких условиях с риском для жизни работали день и ночь. Наши представители установили добрые отношения со своими коллегами-афганцами, внесли определяющий вклад в утверждение законности в работе службы безопасности Афганистана.

Длительное время мы безуспешно пытались установить связь с вождем хазарейцев. На то были свои причины: жесткое отношение Кабула к хазарейским племенам, их вражда с пуштунами, обособленный образ жизни хазарейцев, которые обитали в труднодоступных районах далеко в горах.

Хазарейцы жили бедно, подвергались постоянным набегам со стороны других племен, их не раз обманывали, предавали. Помимо этого, они принадлежат к шиитской ветви ислама, тогда как бóльщая часть населения Афганистана принадлежит к суннитам.

Задача установления контакта с хазарейским лидером была поручена Ревину. Хазарейцы отнеслись к нашему предложению весьма настороженно — они вообще подозрительно относились ко всяким внешним контактам, не без оснований опасаясь провокаций, — и поэтому заранее обозначили условия, на которых могла состояться встреча.

Так вот Ревин за много километров до места переговоров с хазарейским руководством должен был оставлять машину с водителем и идти дальше пешком, причем в одиночку. Только через два-три часа ходьбы по горной тропе он добирался до места. Спустя сутки таким же путем нужно было возвращаться назад к машине, которая подъезжала за Валентином Алексеевичем к условленному часу. Понятно, что при такой схеме гарантий безопасности не было никаких, риск был огромным, но обстоятельства вынуждали идти на это.

Результатом не одной такой ходки явилось установление полезных контактов с этим племенем и предупреждение военного конфликта в районах, примыкающих к афганской столице.

...Специальные службы Советского Союза и Демократической Республики Афганистан были достаточно хорошо осведомлены о положении в оппозиционных вооруженных формированиях. В наиболее крупных группировках, в том числе и в крайне экстремистских бандах успешно действовала наша агентура. Через нее удавалось получать важную информацию, проводить активные мероприятия, склонять вооруженные отряды к переходу на сторону народной власти.

Наряду с нашими нелегалами в этой работе активно участвовали афганские друзья. Были здесь и тяжелые потери, связанные с разоблачением наших агентов. Обычно это происходило из-за предательства в центральных ведомствах. Заканчивалось это трагически — пытками и убийствами.

Наиболее трудными для проникновения были формирования таджикского оппозиционного лидера Ахмад Шаха Масуда, который организовал неплохую контрразведывательную работу в своих подразделениях и имел своих людей в Кабуле. В результате этого несколько попыток министерства безопасности ДРА по внедрению агентуры в окружение Ахмад Шаха, предпринятые в 1983 — 1988 годах, оказались раскрытыми, а агенты уничтоженными.

Особое внимание уделялось нами созданию структур органов внутренних дел и государственной безопасности, как центральных, так и на местах. Они начали работать в большинстве провинций и уездов (районов) и, по сути, стали опорой центральных и местных властей, а кое-где представляли саму эту власть.

Следует отметить, что именно органы госбезопасности были самым надежным звеном государственности Афганистана. Их численность вместе с приданными воинскими подразделениями достигала 70 — 80 тысяч человек, но основу составлял офицерский костяк, который выгодно отличался своей общей и профессиональной подготовкой, опытом и, самое важное, преданностью.

Среди них практически не было случаев измены или коррупции, в своей повседневной работе и в ходе боевых операций сотрудники афганских органов госбезопасности проявляли образцы мужества и героизма, демонстрировали

высокий профессионализм. На их счету предотвращение многочисленных терактов, диверсионных операций, попыток агентурного проникновения в госаппарат, армию. Они проводили огромную работу в племенах, среди полевых командиров, помогали обеспечивать безопасность советских людей, находившихся в Афганистане.

Неплохие позиции сотрудники МГБ приобрели в зарубежных афганских организациях, проводивших враждебную кабульскому режиму деятельность.

Кадры для афганских органов безопасности готовились с нашей помощью как в Кабуле, так и в Советском Союзе — в Москве и других городах, на краткосрочных курсах продолжительностью по 2 — 6 месяцев, а также в специальных учебных заведениях, в том числе высших, с более длительным сроком обучения — до 2 лет.

За 10 лет, с 1980 по 1989 год, такую подготовку прошли в общей сложности около 30 тысяч человек — сотрудников органов госбезопасности и военнослужащих МГБ. Афганские слушатели, получившие у нас соответствующее образование, как правило, в последующем оправдывали оказанное им доверие.

Огромная работа проводилась советскими чекистами с помощью наших афганских коллег по вызволению попавших в плен советских и афганских военнослужащих. Об одном случае хочу рассказать и приоткрыть некоторые детали, о которых, пожалуй, мало кто знает.

4 августа 1988 года советский летчик полковник А. В. Руцкой был сбит ракетой, выпущенной с истребителя пакистанских ВВС, когда он совершал патрульный полет в воздушном пространстве Афганистана вблизи границы с Пакистаном. В результате прямого попадания самолет потерял управление, и Руцкой катапультировался. Ветром летчика отнесло в пределы пакистанской территории, на которой он и приземлился.

Правда, граница там довольно условная и с уверенностью утверждать, что это была земля Пакистана, нельзя.

Ушибы, ранение руки и вообще вся ситуация не сломила воли этого человека, он не потерял самообладания и при-

готовился к встрече с теми, кто попытался бы его захватить. Пять суток, отстреливаясь, уходил от преследования, получил еще одно ранение. На шестые сутки был схвачен. В плену также вел себя мужественно — говорю это объективно, отдавая должное Руцкому, несмотря на то что годы спустя судьба поставила нас с ним по разные стороны баррикад и именно он руководил моим арестом.

В Москве узнали о случившемся спустя 4 — 5 часов. Пропажа самолета, да еще пилотировавшегося летчиком довольно высокого звания, — событие серьезное. Ясно было, что с самолетом что-то произошло и нужно срочно выяснять судьбу пилота: душманы в таких случаях были скоры на расправу.

Прежде всего необходимо было узнать, жив ли Руцкой. Первое Главное управление КГБ вместе с Главным разведывательным управлением Генштаба немедленно подключилось к розыску пропавшего летчика.

Вскоре по радиоперехвату прошло сообщение о том, что над территорией Пакистана был сбит советский самолет (по другим сообщениям проходило, что самолет потерпел катастрофу) и что летчик погиб. Не верить этим сообщениям у нас оснований не было, но мы все же продолжали поиски, хорошо осознавая, что если пилот уцелел, то его жизни угрожает серьезная опасность.

Кстати, такого подхода и Москва, и командование наших войск в Афганистане придерживались всегда, не только в случае с Руцким, история с которым не является исключением. Я могу привести множество других подобных примеров, когда боролись за наших людей, попавших в беду, до самого конца. Говорю это потому, что лично мне глубоко оскорбительны утверждения о том, что советская сторона якобы относилась к попавшим в плен воинам как к потенциальным предателям и даже предпринимала попытки их физического устранения. К сожалению, подобные инсинуации иногда подхватывались и весьма авторитетными людьми, как это имело место, например, в случае с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Итак, несмотря на первые неутешительные сообщения, мы продолжали активную работу. Для начала была инспирирована передача в эфир информации о том, что советская

сторона располагает достоверными данными о судьбе летчика, который удачно катапультировался и остался в живых. Вся ответственность за его судьбу ложится теперь на пакистанскую сторону.

Попутно для выяснения истинного положения были задействованы все каналы нашей разведки. По линии ПГУ мы обратились к афганской стороне с просьбой предпринять все возможные шаги через ее контакты в пуштунских племенах, населявших район предполагаемого падения самолета.

Начали действовать также по оперативным каналам Комитета госбезопасности СССР и министерства государственной безопасности Афганистана в Исламабаде, Карачи и Пешаваре. Обратились и к нашим индийским партнерам с просьбой оказать содействие в выяснении судьбы летчика и в случае, если он жив, помочь в его вызволении.

По линии МИД СССР был предпринят официальный демарш перед пакистанскими властями с требованием немедленного возвращения пилота.

Тем временем в Москве воцарилось тревожное ожидание: всех волновал вопрос, жив летчик или погиб. И вот вскоре после начала операции одновременно получили обнадеживающую весть сразу из двух источников — по линии ПГУ из Исламабада и от афганских друзей в Пешаваре.

В эфир тотчас же полетело еще одно организованное нами сообщение о том, что советский пилот находится в руках военного формирования одного из племен. Как потом выяснилось, небесполезными оказались и наши контакты с резидентурой ЦРУ в Карачи, в ходе которых наряду с предупреждением об ответственности американской стороны за судьбу Руцкого мы попросили оказать содействие в его освобождении и возвращении в Союз.

Во всей этой истории нам очень помог вождь одного пуштунского племени, находившегося в Пакистане. Мы связались с ним через афганских друзей сразу же после поступления информации об исчезновении самолета Руцкого. Именно этот человек по нашей просьбе вступил в переговоры с вождем того племени, на территории которого находился Руцкой. В итоге вопрос разрешился как нельзя лучше — через полтора месяца летчик был освобожден и возвращен советской стороне.

За проявленную солидарность и братскую помощь несколько сотрудников афганских органов безопасности были удостоены орденов, а труды вождя пуштунского племени, который принимал непосредственное участие в вызволении Руцкого, были щедро вознаграждены.

К сожалению, не все подобные операции заканчивались так успешно. Были и тяжелые неудачи, но могу сказать одно: мы никогда не оставляли людей в беде, всегда действовали по морскому закону, согласно которому поиски потерпевших бедствие прекращаются, лишь когда уже не остается ни одного шанса на их спасение.

С главными действующими лицами этой истории, имен которых я, по понятным соображениям, привести пока не могу, жизнь и до этого, и впоследствии сталкивала меня не раз. Так, например, с упомянутым выше вождем пуштунского племени я познакомился задолго до описываемых событий. В один из моих многочисленных приездов в Кабул афганские друзья организовали мне личную встречу с ним. Хорошо запомнилась наша многочасовая беседа и сам этот человек, дипломатическому искусству которого во многом обязан своей жизнью Александр Владимирович Руцкой.

Вождю, когда мы с ним познакомились, было всего лет сорок пять, хотя выглядел он гораздо старше. На встречу он пришел в традиционной пуштунской одежде. Каждая деталь одеяния что-то означала: род, местность, религиозную и племенную принадлежность, миролюбие или воинственность, вид землепашества, семейное положение и еще многое другое.

Оказалось, что у моего собеседника четыре жены и шестнадцать детей. Один из его сыновей учился в Германии, другой — в Карачи, а третьего, кстати сказать, в конце нашей беседы вождь попросил устроить на учебу в Советский Союз (я обещал помочь и, разумеется, сдержал свое слово).

Племя у нашего знакомого вождя небольшое — девять тысяч человек, но родственников, как он выразился, и того меньше, всего около шести тысяч (а это весьма важный показатель — чем больше родни, тем надежнее племя). В племени сохранились старинные обряды и обычаи, в нем царит

строгий порядок и военная дисциплина. Все до одного мужчины и даже часть женщин находятся под ружьем.

Посвящение юношей в воины — один из самых торжественных ритуалов.

Женщины находятся в полном подчинении у мужчин, но в то же время свято оберегается и их честь. Так, если мужчина покушается на достоинство женщины племени, то он подвергается «строгой каре».

На мой вопрос, в чем заключается эта кара, вождь пояснил: «Если посторонний мужчина бросил плотский взгляд на женщину, то он уже не жилец на этом свете!»

На протяжении всей беседы собеседник усиленно приглашал посетить его племя. «Вы узнаете, насколько теплым и дружеским является пуштунское гостеприимство», — повторял он.

На наше шутливое замечание о том, что мы опасаемся кары, если не удержимся от соблазна посмотреть на славящихся своей красотой пуштунских женщин, вождь торжественно заверил, что для советских друзей будет сделано исключение.

Была и еще одна, мало кому известная сторона совместной деятельности советских и афганских спецслужб. Корни ее уходят в далекое прошлое, к традициям ЧК времен Ф. Э. Дзержинского. Речь идет о детях-сиротах и беспризорниках, искалеченные судьбы которых становятся едва ли не самыми тяжкими последствиями любой войны.

По инициативе Комитета госбезопасности СССР при активном участии министерства госбезопасности Афганистана была проведена большая работа по организации среднеобразовательных интернатов в Советском Союзе и отбору в них афганских детей-сирот, родители которых погибли в борьбе за народную власть. Таким образом, на учебу в Союз только в 1984 — 1985 годах было направлено 2 тысячи афганских ребят. После окончания интерната им предоставлялась возможность продолжить учебу в высших учебных заведениях, с тем чтобы они вернулись в Афганистан хорошо подготовленными к новой жизни специалистами.

Ситуация в Афганистане требовала постоянного и при-

стального внимания со стороны Москвы. Часто возникала необходимость разобраться и принимать решения на месте.

Все эти долгие годы мне пришлось вплотную заниматься афганской проблемой и, конечно, часто совершать поездки в эту страну. О первом моем визите в Кабул в 1978 году я уже упоминал, а последняя командировка туда состоялась в 1990 году.

В общей сложности я летал в Афганистан около тридцати раз. Продолжительность одной поездки составляла от двух-трех дней до двух и более недель. Времени, чтобы изучить страну, было вполне достаточно. Помимо Кабула не раз бывал в Джелалабаде, Кандагаре, Герате, Мазари-Шерифе, Кундузе, Гильменде, Шинданде и других местах.

Состоялось много памятных встреч с афганцами — от высшего руководства страны, армии и служб безопасности до простых людей, рядовых бойцов, от вождей племен, духовенства до главарей бандформирований. Запомнились, конечно, и встречи с советскими людьми — чекистами, армейскими офицерами и генералами, дипломатами.

Совместные поездки с нашими советскими представителями, товарищами по службе позволили лучше узнать людей: в сложных условиях сразу чувствуешь, кто есть кто, какой человек закваски, чем он дышит, на что способен в боевой обстановке.

Именно на земле Афганистана мне посчастливилось близко узнать многих своих замечательных соотечественников. Мог бы много рассказать об этих смелых, со всех точек зрения достойных людях. Упомяну лишь о тех, с кем больше всего довелось поработать «в одной упряжке», — о трех военачальниках: Сергее Леонидовиче Соколове, Сергее Федоровиче Ахромееве и Валентине Ивановиче Варенникове.

С. Л. Соколов подключился к решению афганской проблемы вскоре после ввода туда советских войск и продолжал заниматься ею вплоть до ухода в отставку в 1987 году.

Конечно, может быть, правы те, кто говорит, что Сергею Леонидовичу не доставало глубины видения важнейших проблем Афганистана, что иногда он не проявлял должной

гибкости, бывал нетерпеливым, слишком полагался на силу. Все это так. Но этот человек бесспорно обладал организаторскими способностями, являлся способным военачальником, был до конца самоотвержен, предан делу и воинскому долгу, честен, самокритичен. За время, проведенное в Афганистане, Сергей Леонидович не раз бывал в самых горячих точках, на передовых, не жалел времени и сил, целиком отдавался работе. За ним прочно закрепилась репутация бесстрашного человека.

Вспоминаю случай, который произошел во время одной нашей совместной поездки в Кандагар.

Мы должны были посетить один военный объект, который находился на некотором удалении от города. Местное руководство предложило воспользоваться БТР. Маршал Соколов решительно отказался и заявил, что поедет на обычной «Волге». Я поддержал Сергея Леонидовича и, несмотря на уговоры афганских друзей, которые рассказали, что буквально накануне на маршруте нашей поездки была обстреляна машина «Волга» и находившиеся в ней два человека получили ранения, мы все же настояли на своем и на БТРе не поехали.

Уже в машине на мой шутливый вопрос, в чем причина такого нежелания боевого маршала прокатиться на военной технике, Соколов ответил, что он просто хотел вселить уверенность в афганских друзей, а заодно подчеркнуть, что советские коллеги верят в их способность обеспечить нашу безопасность.

Будучи человеком прямым, Соколов не мог скрывать своих симпатий и антипатий, что было причиной его достаточно сложных взаимоотношений с афганскими представителями.

Надо, однако, заметить, что почти все советские представители в Афганистане страдали этим недостатком — невольным стремлением действовать исходя лишь из собственных мерок и представлений. Соколов, к сожалению, не был исключением.

Вообще должен сказать, что в организации работы советников, специалистов, всех советских представителей была допущена одна серьезная ошибка: все они считали, что имеют доступ к политике, в результате чего на головы бед-

ных афганцев обрушивался мощный поток советов и рекомендаций, которые нередко воспринимались афганскими друзьями как директивы. Эта особенность относилась и к нашим военным товарищам. Правда, в последние несколько лет этот перегиб в значительной мере удалось устранить.

Хорошо был я знаком и с Сергеем Федоровичем Ахромеевым, Маршалом Советского Союза, начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР, который был основным разработчиком и исполнителем операции по вводу наших войск в Афганистан. Кстати, эту операцию по праву называют блестящей — переброска войск, занятие ими ключевых объектов и размещение гарнизонами по всей стране заняли всего 48 часов, причем это было сделано почти без потерь. Ахромеев также не один год провел в Афганистане.

Как я уже упоминал, он принадлежал к числу тех, кто не считал ввод советских войск в Афганистан оптимальным решением. Он хорошо понимал, что военным путем афганскую проблему не решить, здесь нужен комплексный подход.

Хотелось бы отметить одну, на мой взгляд, важную особенность в отношениях Ахромеева с афганскими представителями, включая и высших руководителей этой страны. Я имею в виду его неизменную принципиальность. Он не стеснялся возражать, когда это было нужно, никогда не соглашался с ошибочной позицией, независимо от того, на каком уровне она высказывалась. При этом он умел убедительно аргументировать свою точку зрения.

Ахромеев быстро усвоил афганскую специфику, без учета которой строить военную политику вообще было невозможно. Наверное, именно поэтому он был одним из тех, кто самым активным образом стремился найти выход из сложившегося положения на путях национального примирения и согласия.

С Валентином Ивановичем Варенниковым я, пожалуй, провел в Афганистане больше времени, чем с кем-либо из других своих боевых друзей. Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, Валентин Иванович где-то рядом: он, как и я, тоже узник «Матросской тишины»... Арест Варенникова лично я воспринимаю, как вопиющую, да просто преступ-

ную несправедливость! Боюсь, что общество, которое так поступает со своими героями, обречено...

В Афганистане его знали как толкового военачальника, способного организатора, заботливого командира, храброго и самоотверженного генерала. Днем и ночью он был на посту, всегда там, где горячо, опасно. Варенников легко находил общий язык с офицерами и солдатами. В нем гармонично сочетались высокая требовательность и неизменная чуткость.

Валентин Иванович активно выступал за формирование политики национального примирения в Афганистане. Как показало время, он был абсолютно прав, когда подчеркивал важность установления контактов с полевыми командирами моджахедов, в частности с руководителем одной из наиболее влиятельных группировок противоборствующей стороны Шахом Ахмадом Масудом.

Генерал Варенников принимал непосредственное участие в подготовке и проведении ряда боевых операций. При этом у него на первом плане всегда была забота о жизни солдат и офицеров.

В 1986 году под руководством Варенникова было успешно осуществлено одно из наиболее крупных наступлений в местечке Джаварра на востоке Афганистана, вблизи границы с Пакистаном.

Этот район в течение ряда лет основательно укреплялся моджахедами и, по существу, представлял собой хорошо защищенную крепость в скалистых горах. Всего за несколько дней боевых действий крепость Джаварра была взята, причем с минимальными потерями с нашей стороны. Афганцы высоко отзывались о мужестве и воинском искусстве генерала Варенникова.

Как-то Наджибулла мне сказал, что афганские военные чувствуют себя уверенно, когда рядом с ними находится Варенников.

Шли годы нашего прямого участия в афганской войне, а долгожданный мир никак не приходил на эту многострадальную землю. Общественность — наша и международная — требовала определиться с дальнейшим пребыванием

советских войск в этой стране, скорректировать степень вовлеченности Советского Союза в афганские дела.

В советском руководстве и среди лиц, имевших отношение к афганской проблеме на самых разных уровнях, доминировала в общем-то одна точка зрения — пора выводить войска. Альтернативы этому варианту не было.

В целом первый период советского военного присутствия в Афганистане с 1980 по 1985 год был неоднозначным. Новая власть медленно завоевывала позиции, не так быстро, как этого хотелось, расширяла свое влияние.

В упомянутые годы удалось пройти значительный путь в создании армии, органов безопасности и внутренних дел Демократической Республики Афганистан. Вместе в отрядами самообороны (ополчения) вооруженные силы насчитывали до 340 тысяч человек, из них на службе в регулярной армии состояло до 200 тысяч бойцов. На своем вооружении афганская армия имела авиацию, танки, бронетранспортеры, артиллерию и многие другие виды современной боевой техники.

Одним из главных недостатков этой армии, который так и не удалось преодолеть до конца, была ее низкая мобильность. А ведь именно это качество имело особое значение для эффективной борьбы с небольшими летучими бандами моджахедов, наносившими то здесь, то там неожиданные удары и мгновенно рассеивавшимися затем по окрестным горам и селениям.

С одной стороны, вроде бы и шел процесс создания институтов народной власти, законодательную ветвь которой представлял Революционный Совет Демократической Республики Афганистан, а исполнительную — правительство в центре и губернаторы в провинциях. Существенно укрепились влияние и авторитет Народно-Демократической партии. К 1985 году она насчитывала уже до 220 тысяч членов, что для такой относительно отсталой страны было, бесспорно, не так уж и мало. Молодежная организация по численности была значительно меньше и не превышала 100 тысяч человек, но и эта цифра кое-что значила по масштабам Афганистана.

Впервые в истории была создана Всеафганская женская организация с высокой степенью политической активности.

Несколько позже появились крестьянская организация, объединение предпринимателей. Все эти структуры действовали как в Кабуле, так и в большинстве провинций, однако степень их влияния на широкие массы продолжала оставаться слабой.

Главным пороком, мешавшим становлению афганской государственности и нормальному развитию общества, попрежнему являлось постоянное стремление забегать вперед, попытки слепо копировать советский опыт без учета местной специфики. Многие афганские руководители придерживались крайне радикальных и опасных взглядов, заявляя, что даже опыт советских среднеазиатских республик мало подходит для афганского общества, поскольку будет, мол, лишь тормозить развитие. В качестве более подходящего примера для подражания они называли немусульманскую Россию.

Неимоверно трудно было переубеждать наших афганских друзей, доказывать всю ошибочность и вредность таких сверхреволюционных взглядов и порывов!

После прихода Горбачева к власти в 1985 году у него было вполне объяснимое желание побыстрее завершить войну в Афганистане. Поначалу он намеревался достичь этой цели преимущественно военным путем и даже подвергал критике Министерство обороны за пассивность и неэффективное ведение боевых действий. Однако такой подход был крайностью, поскольку решение афганской проблемы предполагало осуществление целого комплекса мер, и прежде всего политического характера.

Все это требовало взвешенных шагов, определенного времени и усилий, а терпение у Горбачева как раз всегда было в хроническом дефиците.

Спустя полгода новое шараханье, но уже в другую крайность. Ничего не добившись от военных, он вдруг вообразил, что афганская проблема — чуть ли не единственное препятствие на пути «нормализации» отношений между Советским Союзом и США, которое необходимо устранить любым путем. Отсюда вывод — уходить, причем как можно скорее.

Непредсказуемость в действиях Горбачева сбивала с толку афганских друзей и руководство тех стран, которые

были вместе с нами на стороне кабульского режима. Бросалось в глаза, что многие афганцы, накрепко связавшие свою судьбу с нашей страной, первыми почувствовали опасность, все чаще на разных уровнях пытались выяснить, не бросит ли их Москва на произвол судьбы.

Тогда подобные опасения наших друзей казались просто наивными...

С 1986 по 1992 год пост министра госбезопасности Афганистана занимал сравнительно молодой генерал Якуби. Это был исключительно порядочный человек, верный друг. Он обладал редким даром организатора и аналитика, верно оценивал ситуацию в Афганистане и перспективы ее развития.

Стоит рассказать о моей необычной встрече с ним весной 1988 года в Дели.

Его и мой приезд в Индию случайно совпали по времени. Целью его поездки была подготовка предстоящего визита Наджибуллы в эту страну, я же прибыл туда для конфиденциальной встречи с Радживом Ганди.

Наши товарищи пригласили Якуби для беседы с московским гостем, заранее не сообщив, о ком именно идет речь. Он охотно согласился. Войдя в помещение нашей резидентуры и увидев там меня, Якуби от неожиданности буквально потерял дар речи, ведь моя поездка держалась в строжайшей тайне и мало кто знал о ней даже в Москве.

Якуби был очень образованным человеком, помимо пушту и таджикского владел английским и французским языками. Исходя из этого и подготовили переводчика. Обращаясь к генералу с приветствием, я произнес на немецком: «Как жаль, что вы не знаете этого языка!» В ответ услышал на чистейшем немецком: «Как же, я могу изъясняться и на нем». Так у нас появилась возможность остаться наедине и переговорить с глазу на глаз.

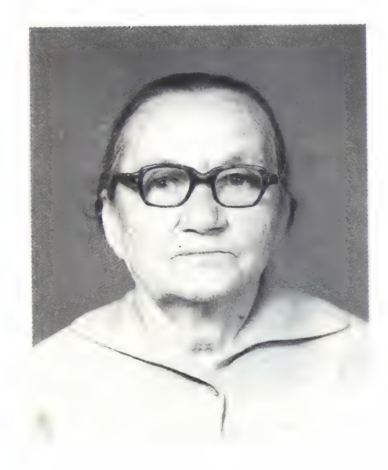
В то время мы с Якуби хорошо понимали, что советские войска надо выводить из Афганистана, и чем скорее, тем лучше. Мы сходились во мнении, что народный Афганистан выстоит, оппозиция не сможет объединиться, а кабульский режим будет продолжать постепенно расширять свое влияние в стране. «Но только при условии, — подчеркивал собеседник, — если Москва не бросит нас совсем!»

Моя первая рабочая специальность — разметчик на заводе № 92 имени И. В. Сталина. Горький, 1942 г.

Жена, Екатерина Петровна Крючкова, студентка Сталинградского педагогического института. 1949 г.

Моя мать, Мария Федоровна Крючкова, 1896 года рождения. Умерла на 91-м году жизни

Посол СССР в Венгерской Народной Республике Ю. В. Андропов. Будапешт, 1955 г. (публикуется впервые)

Пресс-атташе посольства СССР в ВНР. Будапешт, 1956 г.

На отдыхе с женой. Гагра, 1961 г.

Референт по Венгрии в аппарате ЦК КПСС. Москва, 1959 г.

Появились внуки: новые радости, приятные заботы. Москва, 1987 г.

На охоту! За егерем идут Л. Брежнев, Н. Подгорный, Я. Кадар. ВНР, 1965 г.

Л. Брежнев и Н. Подгорный после охоты. ВНР, 1965 г.

Л. И. Брежнев в Кремле вручает правительственную награду. Москва, 1980 г.

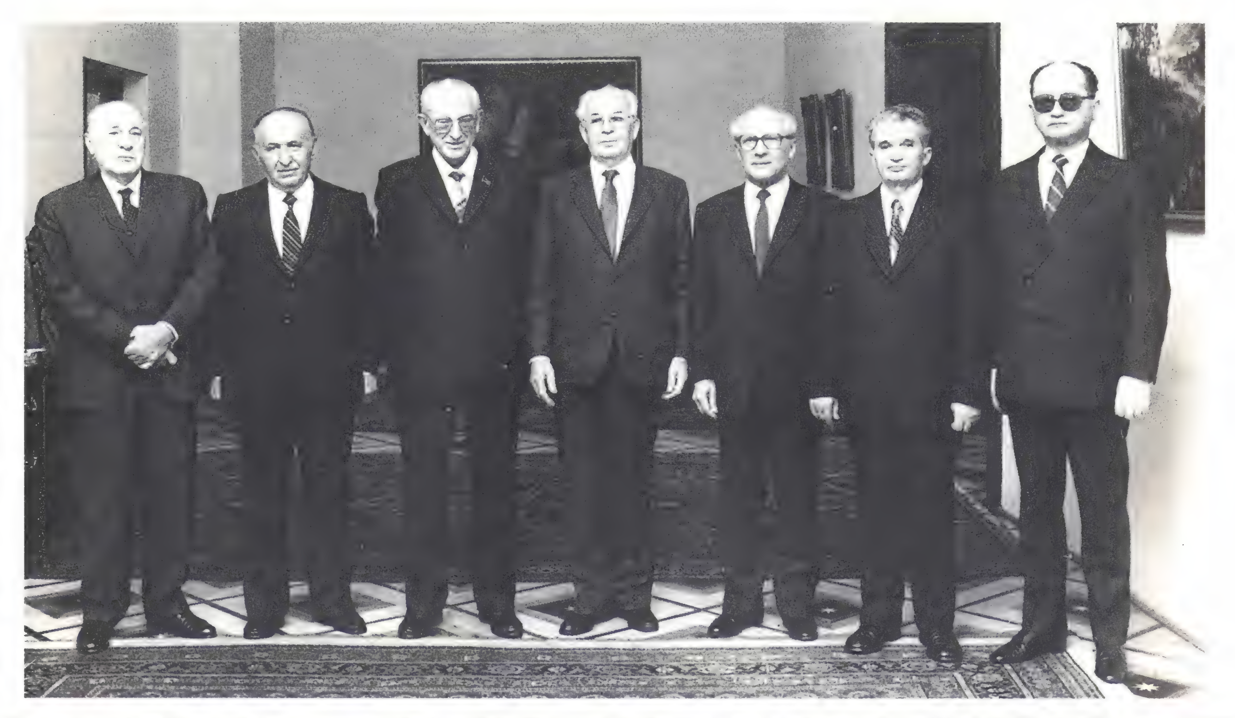
Встреча в Шереметьевском аэропорту делегации МВД ВНР. На первом плане слева направо: Н. Щелоков — министр МВД СССР, Ю. Андропов, Андраш Бенкеи — венгерский министр. Москва, 1977 г.

А. М. Сахаровскому, бывшему в течение 15 лет начальником Первого Главного управления КГБ СССР,— 70 лет. Москва, Музей советской внешнеполитической разведки, 1979 г.

Ким Филби (в первом ряду под зонтом) у памятника чекистам-разведчикам в штабе советской разведки в Ясеневе. Москва, 1978 г.

Встреча руководителей стран — участниц Варшавского Договора. Слева направо: Янош Кадар, Тодор Живков, Юрий Андропов, Густав Гусак, Эрих Хонеккер, Николае Чаушеску, Войцех Ярузельский. В конце 1995 г. пятерых уже не было в живых, Т. Живков — осужден судом и находился под домашним арестом, В. Ярузельский — в опале. Прага, 1983 г.

Во время визита делегации КГБ СССР во главе с председателем КГБ В. Чебриковым на Кубу. Гавана, 1987 г.

В Афганистане. Справа — Маршал Советского Союза С. Л. Соколов.
Герат, 1980 г.

Встреча с муллой афганского оперативного батальона. Джелалабад, 1988 г.

У входа в древнейшую афганскую мечеть. Мазари-Шериф, 1989 г.

Переговоры председателя КГБ СССР Ю. Андропова с руководителем органов госбезопасности Демократической Республики Афганистан Наджибуллой. Вручение памятного альбома. Москва, 1981 г.

Встреча Ю. Андропова с представителями руководства ПГУ в Музее советской внешнеполитической разведки. Москва, 1978 г.

Встреча Э. Мильке в аэропорту Внуково. Слева от Мильке: Ю. Андропов, С. Цвигун — первый заместитель председателя КГБ СССР, Г. Григоренко — заместитель председателя, начальник Второго Главного управления (контрразведка) КГБ СССР. Москва, 1981 г.

Совещание руководителей разведок социалистических стран. Москва, 1982 г.

Открытие для широкой общественности Музея чекистской славы в КГБ СССР. Москва, 1989 г.

Встреча в КГБ СССР с советскими и зарубежными журналистками «Клуба-33». Москва, 1989 г.

Верховный Совет СССР утвердил меня председателем КГБ СССР, после чего пришлось долго отвечать на вопросы депутатов. Москва, 1989 г.

Посещение штаб-квартиры советской разведки в Ясеневе первым секретарем Свердловского обкома КПСС Ю. Петровым и председателем Свердловского областного совета О. Лобовым (третий и четвертый слева). Москва, 1986 г.

Доклад 6 ноября по случаю 72-й годовщины Октябрьской революции. Это традиционное торжественное собрание стало последним. Москва, 1989 г.

Мысль о том, что такое может произойти, явно беспокоила Якуби. Все мои попытки рассеять эти, как мне тогда казалось, напрасные опасения успеха не имели. Это было заметно.

Я часто вспоминал потом эту нашу беседу, особенно когда в конце 1991 года Горбачев вместе с уже ельцинским режимом бросили-таки наших друзей в Кабуле...

С горечью думаю о том, что это проклятое «если» прозвучало тогда в Дели из уст Якуби каким-то зловещим пророчеством.

В начале 1992 года Якуби покончил жизнь самоубийством. Как рассказали мне уже позже, непосредственным поводом к тому послужило решение Наджибуллы, которому Якуби до конца оставался верен, покинуть Кабул. Уверен, однако, что истинные причины лежат гораздо глубже...

К весне 1986 года уже стало ясно, что попытка военного решения афганской проблемы полностью бесперспективна. Советское руководство твердо решило взять курс на постепенное сокращение нашего военного присутствия в Афганистане и на проведение более активной политики национального примирения по возможности всех, даже самых крайних противоборствующих сторон.

Это, однако, не было проявлением какой-то новой горбачевской линии, к такому выводу давно уже пришли почти все, кто отвечал за афганские дела.

В апреле 1986 года был предпринят первый шаг в этом направлении. Дело в том, что к тому времени у Бабрака Кармаля возникли серьезные разногласия с большинством членов высшего афганского руководства, которое склонялось к необходимости его ухода в отставку. Цель состояла в том, чтобы укрепить руководство, сделать его более динамичным и, самое главное, расширить социальную поддержку режима.

Уже тогда в воздухе витало имя Наджибуллы, пользовавшегося авторитетом энергичного и достаточно гибкого политика. Не менее важно было и то, что Наджибулла по национальности был пуштуном, а это тоже многих устраивало.

Афганское руководство обратилось к Горбачеву с просьбой переговорить с Кармалем и постараться убедить его добровольно уйти в отставку. Сам Кармаль в это время находился в Москве на отдыхе и лечении.

В связи с этим было решено обсудить афганский вопрос на заседании Политбюро ЦК КПСС, которое состоялось 27 апреля. Меня тоже пригласили присутствовать на этом заседании. Политбюро решило поддержать линию на активизацию политики национального примирения в Афганистане. Горбачеву поручили встретиться с Кармалем, прозондировать его отношение к дальнейшему сокращению нашего военного присутствия в Афганистане, а самое главное, убедить добровольно уйти в отставку.

Было решено также направить меня в Кабул для углубленного изучения положения в стране, бесед с афганским руководством и для последующей подготовки — совместно с руководителями других советских учреждений в Кабуле — развернутых предложений по афганской проблеме.

30 апреля Горбачев отправился в так называемую «кремлевскую» больницу в Кунцево, где на лечении по поводу обострившейся болезни печени уже довольно давно находился Кармаль. Вернулся он в крайне подавленном настроении — вопреки его непонятно откуда взявшимся радужным ожиданиям, беседа, как он выразился, «не получилась». Кармаль и слушать не захотел об отставке, а идти с ним на конфронтацию конечно же было нельзя.

Горбачев тут же перепоручил продолжение этой работы мне. Помимо наших давних весьма доверительных отношений с афганским лидером, сыграло роль и то обстоятельство, что он сам изъявил желание обсудить эту деликатную тему именно со мной.

1 мая 1986 года я вылетел в Кабул. Почти одновременно со мной туда прибыл и Кармаль, который после памятной беседы с Горбачевым сразу же решил прервать лечение и вернуться домой.

Я еще раз убедился в необходимости сворачивания нашего военного присутствия и активизации поиска политических путей урегулирования афганской проблемы; соответствующие рекомендации на этот счет были представлены в Политбюро ЦК КПСС.

Но наиболее напряженными и насыщенными в ходе этой поездки оказались встречи с Кармалем, которые продлились в общей сложности свыше двадцати часов. В течение первых двух недель мая мне дважды пришлось летать в Кабул, второй раз специально для того, чтобы завершить переговоры с Кармалем.

Первая беседа происходила практически в форме его (поначалу даже гневного) монолога. Зная характер собеседника, я почти не прерывал, давая ему возможность выговориться до конца. Вскоре, однако, произошел курьезный эпизод, позволивший мне несколько охладить пыл оратора.

С улицы послышался шум прибывающей толпы, до нас стали долетать отдельные выкрики и здравицы в честь вождя.

Кармаль подвел меня к окну, показал на демонстрацию кабульской молодежи, в основном школьного возраста, и театрально воскликнул: «Вот видите, как относится ко мне народ, как я могу идти против их воли?»

Я ответил, что этот организованный по указке сверху спектакль не производит на меня никакого впечатления, и предложил вести разговор в более деловом ключе. «Вот если бы, — заметил я, — с площади перед дворцом убрали охрану и действительно позволили населению открыто выражать свое мнение, через час здесь была бы добрая половина Кабула, причем совсем с другими лозунгами, и президенту это известно не хуже, чем мне!»

Кармаль заметно смутился и тут же при мне отдал распоряжение прекратить демонстрацию — через пять минут шум за окнами полностью стих.

Вторая и третья беседы носили уже более конструктивный характер, Кармаль теперь внимательно прислушивался к моим аргументам, не так болезненно воспринимал оценки и советы. И все же решающего перелома удалось добиться лишь с пятого или шестого захода, а окончательным согласием передать власть в руки Наджибуллы заручиться в ходе повторного визита в Кабул.

Итак, в середине мая новым президентом Афганистана стал в прошлом соратник Бабрака Кармаля доктор Наджи-

булла — молодой, энергичный, образованный, не по годам умудренный жизненным опытом человек.

Приход Наджибуллы внес свежую струю во внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. Проявляя гибкость и вместе с тем последовательность, Наджибулла существенно расширил социальную базу народной власти, ему удалось укрепить связи с духовенством, частным сектором. Он провозгласил политику национального примирения, против которой выступать было просто невозможно.

Наджибулла внес серьезные коррективы в политику по отношению к полевым командирам, совершенно верно оценив это направление деятельности кабульского руководства как ключевое. Политика в отношении племен стала активным фактором, без успеха которого нечего было и думать о каком-либо продвижении вперед.

Наджибулла отбросил догмы, перегибы в политике и пошел по линии поддержки частной собственности, опоры на исламскую религию, многопартийности, уважения прав всех национальностей, предоставления возможности участвовать в политической жизни всем общественным силам, стоящим на позициях национального примирения, налаживания добрых отношений с соседними государствами.

Как-то в беседе с Наджибуллой я полушутя сказал, что у него есть два недостатка — чрезмерная цивилизованность и молодость. Чрезмерная цивилизованность может подтолкнуть его перескочить какой-то этап в развитии афганского общества, как это уже было с его предшественниками, и тогда последствия не заставят себя ждать. Что касается молодости — сорок лет, — то для такой восточной страны, как Афганистан, где почтенные годы уже сами по себе являются свидетельством мудрости, этот фактор может повлиять на авторитет руководства. Должен сказать, что оба этих «недостатка» Наджибулла с лихвой компенсировал своими куда более многочисленными достоинствами.

Заслуги Наджибуллы перед собственным народом неоспоримы. Пройдет совсем немного времени, и об этом человеке начнут вспоминать с признательностью, и не только на его родине.

Что бы ни случилось в Афганистане, Наджибулла войдет в его историю как деятель крупной величины. Терпи-

мость к инакомыслию, человечность, умение прощать ошибки, стремление понять другую сторону, полная самоотдача в работе, честность будут высвечивать его образ в течение жизни не одного поколения афганцев.

К Советскому Союзу, к советским людям Наджибулла всегда относился с чувством уважения. Ни словом, ни поступком он ни разу не дал ни малейшего повода усомниться в этом.

С каждой новой поездкой в Афганистан я все больше убеждался в том, что ставка лишь на силу заведет нас в тупик.

Помню, летом 1986 года я посетил Гильменд — центр одноименной провинции на юге Афганистана. Это обширная территория с огромными водными запасами, большой площадью плодородных земель. Одна эта провинция, по оценке специалистов, могла прокормить десятки миллионов человек, да плюс еще обеспечить их высокосортным хлопком и шерстью. Население состояло из пуштунов и белуджей.

Там мы познакомились с губернатором провинции, известным в стране государственным деятелем Шах Назаром. Ему было 67 лет, однако по телосложению и внешнему виду выглядел он намного моложе. До 1978 года Шах Назар был членом парламента, к Народно-Демократической партии не принадлежал, но сочувствовал ей. К новому режиму относился по меньшей мере лояльно.

По словам Шах Назара, обстановка в провинции Гильменд была спокойной главным образом потому, что ни одна из сторон не положила начало стрельбе. Руководители племен и кланов в провинции договорились не трогать друг друга, проявлять взаимную терпимость. Нарушение этого соглашения влекло за собой самое строгое наказание. По его мнению, перемены в Афганистане будут идти, но очень медленными темпами, и с этим надо смириться. Начать же ускорять развитие событий — значит погубить все дело.

Шах Назар стремился развивать торговлю, экономическое сотрудничество с Советским Союзом, предлагал поставлять хлопок, шерсть, растительное масло. При условии советской помощи (не бесплатной) готов был довести продажу хлопка до сотен тысяч тонн в год.

Провинция имела выгодные торгово-экономические предложения от западных стран, в том числе от США.

Американцы в последние годы предпринимали реальные попытки проникнуть в эту южную часть Афганистана и основательно там закрепиться. Они построили в Гильменде современный аэропорт, автодорогу, широкую сеть ирригационных сооружений, но начали свое проникновение с постройки мечети — самой современной в Афганистане. И надо отметить, что жители Гильменда больше всего оценили именно этот жест.

Губернатор Гильменда поддерживал тесные отношения с советской воинской частью, но к военной помощи старался не прибегать.

На протяжении ряда лет в области успешно действовал небольшой советский отряд по связям с населением. Он состоял из военнослужащих технических специальностей и врачей. Отряд оказывал населению медицинскую помощь, принимал участие в проведении ремонтных работ в городе и на ирригационных сооружениях. Население платило советским воинам дружелюбием и благодарностью.

Однажды наш отряд оказался в далеком селении и намеревался там заночевать. Ночью к командиру пришли местные жители и предупредили его о намерении одной из действовавших в окрестностях банд совершить на отряд внезапное нападение. Они же и помогли солдатам уйти из опасного района (а в отряде были женщины-врачи), причем сделали это с большим риском для собственной жизни.

Вскоре после нашей встречи была организована поездка Шах Назара с женой и двумя детьми в Советский Союз. Пребывание в Москве и Ташкенте произвело на губернатора неизгладимое впечатление. Он лишний раз убедился в том, что следует твердо придерживаться курса на развитие отношений с Советским Союзом, но сокрушался при этом, что Афганистану потребуется не один десяток лет, чтобы достичь такого же уровня жизни, как в нашей стране.

К тому времени, когда вопрос о выводе наших войск перешел в практическую плоскость, а это был уже 1988 год, советские военные части, по сути дела, прекратили боевые операции: войска стояли гарнизонами, армии Афганистана нами оказывалась лишь воздушная поддержка, да и то в ог-

раниченных масштабах. Наши потери были сведены на нет. Афганцы же явно набирали силу, они ощутили ответственность, понимали, что впредь на прямую военную помощь советских подразделений в боевых действиях им рассчитывать уже не придется.

В общем-то интересы Советского Союза по афганскому вопросу сводились к тому, что мы хотели видеть Афганистан подлинно независимым, самостоятельным, территориально единым государством.

При объективном, всестороннем анализе нетрудно прийти к выводу, что советские интересы в полной мере совпадали с интересами этого региона в целом и с интересами каждой страны, входящей в него.

На практике это выливалось в следующее. Между Индией и Советским Союзом было полное взаимопонимание, у Ирана тоже не было оснований опасаться советской политики в отношении Афганистана.

Что касается Пакистана, его отношений с Афганистаном с точки зрения исторического фактора, современного положения обеих стран, пакистано-индийских отношений, — именно независимый, самостоятельный Афганистан в полной мере отвечал внешним и внутренним интересам Пакистана.

Кроме того, решалась пуштунская проблема, притом что ни пакистанская, ни афганская стороны не чинили бы препятствий для передвижения пуштунов, проживающих по обе стороны линии Дюранда. Независимый Афганистан имел бы всесторонние экономические, политические, научные, технические, культурные и иные отношения с любым государством мира, включая Соединенные Штаты Америки, западные страны, Китай и Японию.

Правительство Китайской Народной Республики небезразлично относилось к тому, что происходит в Афганистане и вокруг него. Оно проявляло сдержанность и, в конце концов, как нам казалось, у Китая и Советского Союза к моменту вывода советских войск из Афганистана каких-то взаимоисключающих точек зрения на афганскую проблему не было.

Советский Союз не строил и не собирался строить взаимоотношения с Афганистаном в ущерб развитию его связей с другими странами. Другое дело, если какая-нибудь держава вознамерилась бы преследовать далеко идущие цели установления политического или экономического господства над Афганистаном. Тогда Советский Союз, разумеется, не мог бы оставаться в стороне.

Было бы наивно объяснять политику Советского Союза в отношении Афганистана имперскими замашками. Даже представители влиятельных политических кругов в Афганистане хорошо понимали, что суть политики Советского Союза ни в коей мере не противоречит коренным интересам афганского народа, его чаяниям и надеждам, его желанию идти по пути прогресса во всех областях жизни.

Вопрос о том, что будет с Афганистаном после нашего ухода — удержится ли там режим Наджибуллы или на смену ему придет другой, — не мог, конечно, не волновать советскую сторону. Позади было почти десять лет войны, счет за которую мы оплачивали прежде всего невосполнимыми людскими потерями, явными политическими издержками, материальными расходами.

Неотступно стоял вопрос: если в Кабуле после нашего ухода режим все же поменяется, то каким он будет — дружественным (пусть даже просто лояльным) или враждебным Советскому Союзу?

Принимая решение о выводе войск, советское руководство, естественно, исходило из важности сохранения своего южного соседа на дружественных нам позициях. Намерения бросить Афганистан на произвол судьбы открыто никто не проявлял, хотя определенный разброс во мнениях, разумеется, присутствовал. В итоге все же было признано необходимым продолжать и далее оказывать Наджибулле всестороннюю помощь, сведя при этом к минимуму людские потери с нашей стороны. Такой позиции, по крайней мере внешне, долгое время придерживался и Горбачев.

Отдельно стоит остановиться на линии поведения в этом вопросе А. Яковлева. Он и здесь держался особняком. С самого начала его позиция сводилась к следующему: немедленно и без каких бы то ни было условий вывести наши

войска из Афганистана, а там — будь что будет! Любопытна и тактика достижения этой цели.

До вывода войск Яковлев говорил, что наш уход можно было бы компенсировать увеличением поставок военной техники и снаряжения («Сколько надо, столько и дадим!» — с жаром повторял он), обеспечением проводки конвоев по афганским дорогам и даже оказанием воздушной поддержки с территории Советского Союза. Он высказывался за создание на территории Афганистана военных баз и учебных центров.

Но это были только слова! Самое главное для «идеолога» перестройки было добиться вывода наших войск из Афганистана, а затем бросить на произвол судьбы эту страну, а заодно с ней и интересы Советского Союза. А ведь не мог Яковлев не отдавать себе отчета в том, что Афганистан в случае такого предательства с нашей стороны станет легкой добычей для своих собственных, да и наших общих противников!

Женевские переговоры и соглашения по Афганистану, предусматривавшие полный вывод советских войск к 15 февраля 1989 года и одновременное прекращение военных поставок из Советского Союза, Пакистана и других стран, с самого начала были лишь ширмой, видимостью конструктивного решения проблемы, слабо прикрытым желанием сохранить наше лицо в условиях полной политической капитуляции.

Советская сторона послушно выполняла и даже старательно перевыполняла условия женевских соглашений, в то время как американцы всем своим поведением доказывали, что свои собственные обязательства они попросту игнорируют и ждут лишь одного — скорейшего и окончательного ухода наших войск из Афганистана.

Соединенные Штаты Америки шли к своим целям в Афганистане прямым путем, особо их не скрывая. Цель у них была свергнуть режим Наджибуллы и привести в Кабул правителей другого толка, которые отвечали бы в полной мере интересам западных стран и ни в коей мере не интересам Москвы.

США громко говорят о своих национальных интересах применительно к событиям то в одной, то в другой стране.

Не удовлетворяла политика М. Бишопа в Гренаде — и последняя была оккупирована. Не понравился президент Панамы Норьега — и это государство было захвачено, а его президент был отдан под американский суд и осужден на умопомрачительный срок тюремного заключения.

Соединенные Штаты Америки не остались в стороне от событий в Сальвадоре, Никарагуа, продолжают постоянно грозить Кубе. Возник ирако-кувейтский конфликт, и Вашингтон посчитал нужным и возможным вмешаться в этот конфликт на стороне Кувейта, обрушить всю свою военную мощь на иракские вооруженные силы.

Могут сказать, что Америка действовала на стороне Кувейта, потому что такое решение было принято Организацией Объединенных Наций, однако для каждого ясно, что если бы США не сочли нужным выступить на стороне Кувейта, то ООН ни при каких условиях не пошла бы на применение силы в этом регионе.

Впрочем, выступи Россия в Совете Безопасности ООН против вмешательства западных стран под флагом ООН в ирако-кувейтский конфликт, то трудно сказать, в каком направлении пошло бы развитие событий в этом регионе.

Значит, Соединенные Штаты позволяют себе под предлогом защиты своих национальных интересов осуществлять прямое военное вмешательство в события в том или ином регионе, даже на тысячи километров удаленных от своих границ.

А Советский Союз лишался такого права, даже когда речь шла о соседнем государстве, граница с которым небезразлична с точки зрения интересов безопасности такого огромного региона, каким являлась советская Средняя Азия.

Надо вещи называть своими именами. Москва предала своих афганских друзей, они, естественно, были вынуждены прекратить борьбу, но мир в Афганистане, как и предполагалось, не наступил.

Почти все политики, особенно специалисты по афганской проблеме, предрекали, что после того, как советские войска уйдут из Афганистана, а народный режим Наджибуллы будет брошен, не только Кабул, но и весь Афганистан превратится в одно кровавое месиво, в котором будут пере-

малываться судьбы целых народов, тысячами гибнуть ни в чем не повинные люди. Так оно и произошло.

Жертвы, принесенные Советским Союзом в ходе военного конфликта в Афганистане, тем более давали нам право требовать учета нашего голоса в урегулировании афганской проблемы, в достижении такого мира, который принимал бы во внимание и интересы северного соседа. Мы заплатили слишком большую цену, наши интересы были непосредственным образом задеты, поскольку нас связывали с Афганистаном определенные договоры и соглашения. Мы действительно были заинтересованы в мире и спокойствии не только в Афганистане, но и в регионе в целом и потому вправе были заявлять о необходимости считаться с нашими интересами, тем более что они ни в коей мере не противоречили нуждам самого афганского народа.

Было очевидно, что с Москвой ведут откровенную игру. А наша дипломатия тем временем продолжала делать вид, что развитие обстановки вокруг Афганистана идет в соответствии с духом женевских соглашений.

В сущности, история женевских переговоров и соглашений свидетельствует о том, что с нашей стороны шла прямая сдача союзника по всем направлениям. Во время переговоров в Женеве и после них советская сторона делала одну уступку за другой, ничего другого не оставалось и афганским друзьям.

Находившийся на переговорах в Женеве министр иностранных дел Афганистана Вакиль в знак протеста однажды даже объявил голодовку, но спустя два дня уступил, потому что идти против СССР было бессмысленно.

Как только вывод советских войск был завершен, Яковлев стал открыто выступать против дальнейшего оказания помощи Афганистану, настаивал на полном ее свертывании. Ни о каком сохранении позиций, нашего влияния в Афганистане с его стороны уже не шло и речи. На напоминания о прежних высказываниях он отвечал лишь колючими взглядами. О советской Средней Азии, об интересах ее безопасности Яковлев не хотел даже слышать.

И вот настало время пожинать плоды этой политики! Мы пришли к тому, чего, судя по всему, некоторые наши

деятели и добивались. Бывший советский союзник Афганистан, оставшись без всяких поставок из России, немедленно был захлестнут новой волной гражданской войны, его народ подвергся новым трагическим испытаниям.

Хлебнули горя и наши среднеазиатские республики: постоянные нарушения границы, массовая переброска оружия, многочисленные конфликты, тысячи убитых и раненых, сотни тысяч беженцев.

По некоторым данным, в ходе гражданской войны в Таджикистане, вспыхнувшей в 1992 году, погибли сотни тысяч человек. Всем очевидно, что детонатором этой войны являются реакционные силы Афганистана. А ведь это только начало!

Проблемы в этом регионе исключительно сложные. Так, в Таджикистане проживает около трех с половиной миллионов таджиков, а в Афганистане их более четырех миллионов. Фундаменталистские настроения есть и здесь, и там, отсюда происходит усиление экстремизма, который проявляется прежде всего в политике. Подогреваются настроения в пользу воссоединения братьев-таджиков обоих государств. Но какой тяжелой и дорогой ценой это может обернуться для всех нас?

В конце XX века таджики, населяющие этот регион, разделены не только границей: их отличают два противоположных уклада жизни, несовместимость диаметрально противоположных общественных и государственных систем. В несколько иной степени, но примерно то же самое можно сказать об Узбекистане и Туркмении.

Конечно, проблемы в регионе были и прежде, но ситуацию удавалось контролировать. Сейчас же в пылу политических страстей и противоборства эти особенности одними игнорируются, недооцениваются, а другими, напротив, используются для разжигания розни.

Так что впереди нас ждут новые потрясения. По мере ослабления российского влияния обстановка будет еще более обостряться. Рано или поздно Россия и среднеазиатские государства придут к осознанию необходимости объединения усилий в борьбе за восстановление мира в этом регионе, но какие жертвы потребуются для этого осознания?

...15 февраля 1989 года последний советский воин покинул Афганистан. Вопреки многочисленным прогнозам кабульский режим не пал через один-два месяца, а продержался в течение почти трех лет и, более того, за это время даже укрепил свои позиции. И это несмотря на то, что ситуация изменилась: не стало Советского Союза, сократилась наша помощь, а с 1 января 1992 года наши военные поставки в Афганистан вообще были полностью прекращены.

В конечном счете поражение кабульского режима произошло отнюдь не потому, что он был объективно обречен изнутри, а в силу внешних причин, в первую очередь связанных с развитием ситуации в Советском Союзе. Достаточно сказать, что мы фактически признали другую воюющую сторону, и одно это конечно же в корне изменило всю ситуацию, связанную с афганской проблемой.

Впрочем, когда в январе 1989 года почти все предрекали скорый конец кабульского режима, мало кто предполагал, что наша политика в отношении Афганистана пойдет по пути полной сдачи этой страны.

22 февраля 1989 года вместе с Э. Шеварднадзе я должен был вылететь в Кабул для обсуждения с афганским руководством новой ситуации и перспектив развития в этих условиях советско-афганских отношений. Но, к сожалению, из-за болезни я не смог участвовать в поездке.

Впечатления группы Шеварднадзе от Кабула были неутешительными: месяц, от силы два — и режим Наджибуллы падет. Правда, сам Шеварднадзе был более оптимистичен.

Я же был в полном одиночестве, когда говорил, что новый Афганистан может выстоять.

Прошел месяц, второй, а Кабул стоял и, более того, положение вокруг столицы даже укрепилось. Спустя полгода стали свободными для транспорта дороги на Кандагар (юг страны) и на Герат (запад). Практически без перерывов функционировала автострада на Джелалабад — город на востоке страны, недалеко от границы с Пакистаном. Попытки отдельных оппозиционных сил организовать наступление на некоторых участках довольно быстро и эффективно пресекались. Для многих такое положение явилось полной неожиданностью.

У Наджибуллы, всего руководства поднялось настроение, возросла уверенность в победе.

В Кабуле возобновляли деятельность закрытые перед выводом советских войск посольства ряда стран. Заметно улучшалось отношение жителей к советским сотрудникам, находившимся в Афганистане.

Помню, позвонил мне Ахромеев (это было осенью 1989 года) и сказал, что, к большому своему удовлетворению, он ошибся в мрачном прогнозе — народный режим не только не рухнул, но, судя по всему, даже укрепился, так что Афганистан по-прежнему остается на дружественных Советскому Союзу позициях.

Проходили месяцы, а жизнь в стране продолжала медленно, но верно идти в благоприятном направлении. Кабулу удавалось все более овладевать обстановкой в некоторых районах страны, активизировались контакты с полевыми командирами, что явилось важнейшим, а в тех условиях, может быть, даже решающим фактором стабилизации обстановки в стране.

В практическую плоскость встали вопросы развития и укрепления наших торгово-экономических связей. Возобновилась подача газа в Советский Союз.

Огромную тягу к торговле с нами проявляли афганские крестьяне. Они предлагали широкий ассортимент товаров — хлопок, шерсть и изделия из нее, мясо, растительное масло, высоко ценящиеся в мире изюм и сухофрукты, а также многие другие товары.

Стал проявляться еще один немаловажный и крайне благоприятный для Кабула фактор — всегда имевшие место разногласия в вооруженной оппозиции не только не ослабевали, но даже начали усиливаться. Благоприятные подвижки происходили и в позициях группировок, опозиционных к кабульской власти.

Контакты с противной стороной постоянно расширялись, особенно на уровне полевых командиров, представителей местных властей, духовенства.

Увеличивалось число беженцев, возвращавшихся из Пакистана и Ирана. В Кабуле население отлично понимало, что принесет им падение режима и приход к власти оппозиции — междоусобицы, массовые грабежи, возврат унижаю-

щих человеческое достоинство порядков, от которых люди за годы новый власти успели отвыкнуть.

Конечно, это вовсе не означало, что проблем у Наджибуллы совсем не стало, их число просто несколько поубавилось, хотя трудностей оставалось еще немало, да плюс к тому возникало много новых вопросов. Режим Наджибуллы еще не добился коренного перелома, который однозначно решил бы вопрос: кто — кого?

Процесс национального примирения был лишь в начальной стадии. Межнациональные конфликты все еще отличались опасной жестокостью и размахом, они нередко выливались в вооруженные столкновения не только с правительственными войсками, но и между различными отрядами самой оппозиции.

Оставалась открытой граница на востоке, юге и западе страны, и просачивание боевых группировок моджахедов с территории соседнего Пакистана было практически беспрепятственным и непрерывным. Доступ у вооруженной оппозиции к зарубежным источникам поставок оружия и живой силы, несмотря на женевские соглашения, оставался беспрепятственным.

В самом афганском руководстве, правда, так и не удалось достичь единства, оно раздиралось противоречиями по кадровым и политическим вопросам. Афганские друзья так до конца и не смогли освободиться от стремления перескочить неизбежный исторический этап развития своего общества и государственности. Видимо, они осознали свои ошибки только тогда, когда им всем пришлось смотреть смерти в глаза.

В Советском Союзе насчитывается около одного миллиона воинов-интернационалистов, которые почти за 10 лет прошли суровую школу мужества в Афганистане. Им нечего стыдиться, скрывать свою принадлежность к воинам-«афганцам». Они вели себя достойно, пользовались уважением у большей части населения, которое до сих пор сохраняет в своих сердцах чувство дружбы и признательности к советским бойцам.

Жители Кабула навсегда запомнят, как переброшенные

из Пакистана группы террористов ночью обстреливали город, убивали мирных жителей, а днем советские воины из машин, на улицах раздавали голодающим людям муку. По целям и задачам миссия советских воинов-интернационалистов в Афганистане была благородной. Но война есть война. Она неизбежно оборачивается многочисленными жертвами и разрушениями.

Я категорически против утверждения, что мы «проиграли войну в Афганистане». Говорить так — это не просто грешить против истины, но и, по моему глубокому убеждению, оскорблять память павших, всех тех, кто честно прошел через ратный труд в этой войне! Поражение потерпели другие — авторы преступной и предательской политики, в результате которой Афганистан был брошен на произвол судьбы.

Общие наши потери за 10 лет — убитыми, умершими от ран и болезней, включая небоевые потери, — составили 13 тысяч 300 человек. Количество раненых — около 30 тысяч. Пропало без вести 311 человек, из них большая часть попала в плен. Лишь единицы перешли к противнику добровольно.

По мнению военных специалистов — советских и зарубежных, — с учетом продолжительности пребывания советских войск в Афганистане, особенностей и условий этой страны, такие потери не оцениваются как большие. Но дело, конечно, не в цифрах, а в самом факте гибели людей, получении ими ранений.

Нелишне вспомнить, что Соединенные Штаты Америки за три года активных боевых действий потеряли во Вьетнаме 54 тысячи человек только убитыми.

Во время корейской войны в 1951 — 1953 годах над Северной Кореей было сбито более 1250 американских боевых самолетов, потери одного только летного состава определяются приблизительно 4 тысячами человек.

Невероятно жаль наших ребят! Однако их подвиг невозможно переоценить. Они сражались и погибали с верой в то, что делали это в интересах Родины, ради защиты ее безопасности.

Было бы в высшей степени несправедливо лишать прошедших Афганистан воинов славы, доставшейся им по пра-

ву, выстраданной кровью и лишениями. Героев среди наших ребят было много. Не запятнали себя позором и те, кто попал в плен и кому пришлось пережить там тяжелейшие испытания.

Итак, позади афганская война, десять труднейших лет в истории нашей страны. Нет уже того государства — Советского Союза, — которое в 1979 году пришло на помощь соседнему афганскому народу, ушла в прошлое и завоеванная с таким трудом народная власть в этой стране. Колесо истории остановилось, а затем, набирая обороты, стало раскручиваться в обратном направлении.

Афганский фундаментализм уже почувствовали не только в Кабуле, но и в некоторых регионах бывшего СССР — он напомнил о себе постоянными нарушениями наших границ, бандитскими нападениями, новыми убитыми и ранеными с нашей стороны, полуразрушенными городами и селами, согнанными со своих родных мест таджиками, узбеками, русскими и многими нашими согражданами других национальностей. Тысячами гибнут ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети.

Недружественный нам Афганистан со своим растущим исламским фундаментализмом прямо или косвенно разрушает среднеазиатские республики, медленно, но верно затягивая их в круговорот гражданской войны.

Сейчас события красноречиво говорят о том, что граница бывшего Советского Союза с Афганистаном стала границей тревог, лишилась безопасности, не обеспечивает спокойную жизнь Таджикистана, Узбекистана и Туркмении, потому что на этой границе происходят кровавые конфликты, она постоянно нарушается группами экстремистов, боевиков из Афганистана.

Афганские боевики доставляют в Таджикистан оружие, боеприпасы, совершают террористические акты. Хотелось бы предостеречь от наивного представления об этих событиях как о преходящих, которые в скором времени оставят о себе лишь печальные воспоминания. Нет, проблема гораздо глубже.

В ходе многочисленных бесед с самыми различными афганскими представителями мне довелось не раз слышать о том, что определенные силы в Афганистане вынашивают

весьма серьезные территориальные претензии к Советскому Союзу. Те, кто привержен идее исламского фундаментализма, считают, что узбеки, таджики, туркмены, проживающие в Афганистане, имеют историческое право на воссоединение с этнически родственными группами населения, проживающими в Средней Азии, причем на основе присоединения последних к Афганистану.

В случае, если подобным планам было бы суждено сбыться, нетрудно представить себе, какие лишения и горе, неисчислимые жертвы выпали бы на долю бывших советских людей — туркменов, таджиков, узбеков, не говоря уже о представителях других национальностей. Речь пошла бы об их жизни и смерти, поскольку семь десятков лет советской власти сделали их, или, по крайней мере, значительную часть их, совершенно «непригодными» для образа жизни исламских фундаменталистов.

Имелось ли все это в виду, когда в конце 1979 года принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и оказании прямой военной помощи Кабулу? Да, конечно. Самые последние события подтвердили, что у таких опасений были все основания.

Еще раз хочу подчеркнуть, что формы оказания советской помощи Афганистану могли бы быть иными. Это другой вопрос. Но нельзя не учитывать суть афганской проблемы, заключающейся в необходимости учета интересов Советского государства, что в эпоху тогдашнего противостояния в мире делало это весьма серьезным аргументом.

Если некоторые полагают, что с противостоянием покончено раз и навсегда, то они глубоко ошибаются. Свидетельство этому — многочисленные военные конфликты, которые и сегодня происходят в мире. Прежде чем человечество избавится от войн, больших или малых военных конфликтов, от междоусобиц, от жесткой борьбы на мировых рынках, от политического противоборства, от силового давления, пройдет еще немало времени, и будет ли это время исчисляться десятками или сотнями лет, никто сейчас с точностью ответить не сможет.

Афганская проблема нуждается в более глубоком исследовании, в более веских и основательных оценках, в выводах, которые учитывали бы интересы всех сторон, в той или

иной мере участвовавших в афганских делах на самых различных этапах их возникновения и развития, выводах, которые учитывали бы и реалии сегодняшнего мира.

Наши парни, сложившие голову за то, чтобы предотвратить трагическое развитие событий, предаются забвению, тех же, кто уцелел, превращают в «потерянное поколение». А тем временем каждый день на границе и даже в глубоком «тылу» гибнут все новые и новые мальчишки, такие же юные, как и те прежние, но только они в отличие от тех не знают, кто и зачем вложил в их руки автоматы, за какое дело они отдают свои жизни, в чье теперь небо смотрят их безжизненные, остановившиеся глаза...

Глава 5

ПЕРЕСТРОЙКА: «АРХИТЕКТОРЫ» И «ПРОРАБЫ»

После Андропова к руководству страной пришел Черненко, всей своей предыдущей жизнью не подготовленный и не предназначенный для этого деятель, к тому же совершенно больной человек.

Старая гвардия, а она составляла в руководстве большинство, решила хотя бы на немного отсрочить свой исторический, да и физический конец. На что же рассчитывала? Видимо, на срочный подбор нового руководителя, который обеспечил бы преемственность. Но какую?

Ради объективности следует сказать, что у руководителей старшего поколения были опасения и тревоги за судьбу Отечества. Пережив историю с Хрущевым, фигурой неоднозначной по своим качествам, политическим целям и делам, они опасались прихода к власти человека авантюрного склада, непредсказуемого, способного совершить действия с далеко идущими отрица-

тельными последствиями для государства. Ведь именно Хрущев внес немалый вклад в начало разрушения государственности и Союза.

Многие члены высшего советского руководства испытывали подобные опасения и в отношении Горбачева, тем более что Андропов так и не обозначил своего возможного преемника.

Сложилось так, что после ухода из жизни Андропова в высшем эшелоне власти действительно не было бесспорной личности, которая устраивала бы всех или большинство и на которую можно было бы смотреть с доверием и надеждой. Руководители преклонного возраста не могли выделить из своих рядов человека — приемлемого в тех условиях лидера партии и государства. Молодые деятели не проявляли себя, или им не позволено было это сделать. Поэтому выбор пал на Черненко, о котором говорили: «Старый конь борозды не испортит».

По мнению старой гвардии, выдвижение Черненко на пост руководителя партии и государства давало какое-то время для определения подходящего лидера. При этом исходили из того, что Черненко слыл человеком порядочным, не способным на подлость, авантюризм. В общем, был предсказуем.

Уже тогда витала в воздухе кандидатура Горбачева, но одни его знали плохо, другие слишком хорошо. И у тех, и у других по Горбачеву было немало вопросов. Никто не был уверен в нем на сто процентов.

Вот в таких условиях и оказался на вершине власти Константин Устинович Черненко.

Вспоминаю один свой разговор с ним в феврале 1984 года. Тогда в связи с 60-летием со дня рождения меня наградили вторым орденом Ленина (в те годы еще практиковалось награждение по случаю юбилейных дат, но позже от такой практики отказались, как изжившей себя и вызывавшей многочисленные нарекания). С товарищами отмечали награду. Разговорились.

Раздался звонок. Черненко — тепло поздравил, спросил, чем живет советская разведка и ее сотрудники.

Я ответил, что в принципе международная обстановка не настораживает, и все же есть над чем подумать во внеш-

них делах, заметил, что торговать с нами в бо́льших объемах Америка не собирается, на отмену эмбарго не пойдет, а вот Европа склонна развивать с нами торгово-экономические отношения. Воспользовался случаем и посетовал на то, что разведывательная информация — как политическая, так и научно-техническая — плохо реализуется, в достаточной мере не учитывается, а она, по мнению разведки, исключительно важна.

Черненко обещал рассмотреть этот вопрос и слово сдержал. Вскоре проблема стала предметом обсуждения в ЦК КПСС, и принятые решения несколько улучшили прохождение информации и ее реализацию.

Говорил Черненко медленно, тяжело дышал, его мучил кашель, так что продолжать разговор с моей стороны было просто неудобно. Этим откровенно поделился с товарищами по работе.

Все хорошо понимали ситуацию и переживали. Пришел больной человек, а страна вся в проблемах. Молва о Черненко шла как о хорошем человеке. Последнее время у нас в стране быть «хорошим человеком» стало, как говорится, профессией, а ведь в государстве, где все сфокусировано на одном лице, за которым фактически право последнего решения, такое положение — если речь идет о лице первом — ничего доброго не сулило. Все жили в ожидании перемен, и такое мучительное состояние длилось еще целый год.

История с Черненко была еще одним доказательством серьезной болезни нашего общества, всей системы. И если мы как-то еще выдерживали, то не благодаря ли огромным потенциальным возможностям, резервам социалистического строя? Почему-то мы редко задумывались над нашей историей, действительностью, способностью и возможностями общества именно с этой стороны.

В 1984 году я был избран народным депутатом Верховного Совета СССР (в Совет Национальностей) по Минскому сельскому избирательному округу Белорусской ССР. До этого депутатом от этого округа был А. А. Громыко. Для меня избрание депутатом было большой честью, я испытывал чувство гордости, был по-человечески счастлив.

Активно взялся за депутатскую работу, регулярно выезжал в округ, посещал колхозы, совхозы, различные учреждения. Встречи с избирателями давали мне невероятно много ценного, поучительного. Передо мной открывался как бы новый мир — мир труда, жизни простых по своему положению людей, умных, чистых и честных, пытливых, скромных и непритязательных.

Мне довелось часто бывать за рубежом, в десятках стран, встречаться с самыми различными людьми. Не хочу сказать о них ничего плохого. Они заслуживают уважения. Но наши советские люди по своему содержанию, образованности, чисто человеческим качествам выгодно отличаются. Воспитание в духе патриотизма, интернационализма, гуманизма сказывалось.

Долго думал над этим, и мне кажется, подобный вывод объективен. Они выдержали многое, выстояли в Великую Отечественную войну, до нее и после испытывали тяжелые лишения, но не поступились ни честью, ни достоинством.

Советские люди были способны на бескорыстную помощь нуждающимся, что говорит о многом. В наших людях всегда поражала тяга к знаниям. Отсюда их начитанность, образованность, желание послушать, задать вопросы и получить на них ответы.

И еще: советский человек по своему подходу к жизни — философ, он много размышляет, как правило, оригинален в своих суждениях. Но есть одна черта, из-за которой все мы страдаем, — наша доверчивость. А еще — мы порой, где надо не проявляем решительности, не можем сказать: «Нет!»

Конечно, наше общество не было свободно от некоторых морально-психологических и социальных комплексов. Один из них — еще сохранявшаяся в ту пору безусловная вера во власть, в печатное слово. Отсюда, видимо, и та огромная роль средств массовой информации, которую и тогда, и поныне они играют в нашем обществе.

Должно пройти время или свершиться что-то невероятное для того, чтобы человек разобрался и принял действительно верное решение, а не то, которое ему навязывается. Запас такой веры иссякает, все труднее и труднее манипулировать настроениями масс, и чем скорее будет пройден этот порог, тем здоровее станет общество. Сегодня общество как

никогда нуждается в трезвой оценке событий и решений, принимаемых руководителями самых различных уровней.

Хотелось бы поделиться некоторыми зарисовками из увиденного в Белоруссии в своем избирательном округе. В 1984 — 1986 годах промышленное и сельскохозяйственное производство в Белоруссии было на подъеме. С размахом шло строительство, хорошели города и деревни, архитектура стала ярче, разнообразнее, с элементами «роскоши». Главное — богаче стали жить люди-труженики, занятые непосредственно на производстве — в промышленности, сельском хозяйстве, науке, появился достаток. Люди прилично одевались, хорошо выглядели, в них чувствовалась какая-то внутренняя уверенность, прочность своего положения.

Как-то раз весной 1985 года, помню, в колхозе имени Гастелло зашли в магазин, смешанный — промтоварный и продовольственный. Изобилие товаров поразило. В мясном отделе десятка полтора сортов колбасы, мясо — баранина, говядина, свинина — от 50 копеек до 1,80 рубля за килограмм, все свежее, парное. В молочном отделе чего только не было — масло нескольких сортов, сыры, творожная масса, молоко в различных упаковках, сметана в огромном бидоне вразвес, гастрономия — все что душе угодно, все в красивой расфасовке.

Рядом секция «Хлеб» — черный, серый, белый, батоны, караваи, плюшки, рогалики, пирожные, огромных размеров торты. Цены на все низкие, больше на копейки, чем на рубли. Изюм, сушеные фрукты, орехи, свежие фрукты, соки, консервы соответственно во всех отделах.

Люди в магазине были, но не так много, чувствовалось, что они к этому пригляделись, привыкли. Разговорились с покупателями. Настроение хорошее, жизнью довольны. «Пусть будет так!» — говорили они. Жаловались на трудности сбыта продукции их личных подсобных хозяйств.

Зашли в промтоварную часть магазина. Там несколько другие краски. Товаров много, самые различные, но качество, внешний вид красотой, изяществом не отличался. Особенно много было костюмов, брюк, пальто и обуви. Товары уцененные по нескольку раз. Многое лежало просто навалом. Были импортные изделия, но существенно дороже.

Покупателям предлагалось и немало из того, о чем сей-

час мечтают: мебель, постельное и нижнее белье, чулки, носки, хлопчатобумажные ткани по невероятно низким ценам, шерстяные вещи и многое-многое другое. Хозяйственный отдел, казалось, ломился от товаров. Сельский магазин, а всего не опишешь.

Последний раз посетил Белоруссию весной 1989 года. И тоже заходил в магазины. Накоротке заглянул и в описанный выше. Картина была уже иная, намного беднее, от былого изобилия мало что осталось. Потом мне рассказывали, что положение резко изменилось в 1990 — 1991 годах.

Уже в то время меня все больше и сильнее мучили вопросы: так что же случилось? Нет ли ошибки, просчета? А может быть, на пути «к вершинам изобилия» мы где-то сбились с дороги и по инерции плетемся дальше, но уже втемную, прямо в пропасть? Зачем же так больно падать, чтобы потом с трудом подниматься? А если все это закончится трагически для народа, страны, если этот эксперимент слишком дорого обойдется нам?

В голове вертелась фраза, сказанная бывшим директором ЦРУ США: «Господин Крючков, а социализм-то не такой уж плохой».

Тем временем новоявленные «демократы» всех мастей разносили социализм в пух и прах. Критика достигала апогея в 1989 — 1991 годах. Сторонники социализма практически не сопротивлялись. Социализм обвиняли во всем, даже в победе в Великой Отечественной войне.

Над социалистической идеей издевались, глумились и одновременно превозносили до небес капиталистический рай. Там, в обществе капитала, все хорошо, все отлично, люди счастливы, живут без проблем. О его изъянах вдруг перестали говорить совершенно.

Мир удивлялся нашей антисоциалистической пропаганде. Ниспровергатели социализма, казалось, были уже на высоте: еще немного — и новое капиталистическое общество в Советском Союзе, а затем в России докажет, как плох был социализм, какие беды он принес народу и какой рай сулит капиталистическое общество.

А дела становились все хуже и хуже, люди говорили о перестройке с отвращением, понимали, что это путь в тупик. Преступность, нищета, трудности, невзгоды лавиной обрушивались на голову простого человека.

Люди стали прозревать, сначала единицы, потом группы, затем целые слои, сразу оказавшиеся обездоленными. На митингах раздавались требования: «Верните нам дешевые детские сады! Где пионерские лагеря, в которых отдыхали наши дети? Где бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, где дешевые квартиры, общественный транспорт, проезд на железнодорожном и воздушном транспорте?»

И волей-неволей неизбежно вставал вопрос, что социализм действительно был не так уж плох, как это пытаются изобразить.

Стоит бросить взгляд на нашу историю. После октября 1917 года мы пошли социалистическим путем, причем в стране, лишенной необходимых условий для этого. Социализм, советская власть как политическая форма нашего государственного устройства прошли у нас только первоначальную стадию своего логического развития и в широком, правовом отношении не достигли определенного уровня зрелости.

И вот на эти еще не сформировавшиеся, не окрепшие социально-политические институты обрушился страшный культ личности. Наши основы, надстройки не выдержали, затрещали по швам, а затем все это обвалилось на нашу страну тяжелой трагедией — миллионами репрессированных, кровью.

И если тем не менее на счету социализма, советской власти такие исторические свершения, как вывод страны на высокий уровень промышленного развития, победа в Великой Отечественной войне, быстрое восстановление разрушенного хозяйства, прорыв в космос и многое другое, то разве не говорит это о потенциальных возможностях социалистического производства и советского образа жизни людей?

Один пример. Известно, что в результате военных действий был полностью разрушен Сталинград. На западе предлагали не восстанавливать город, считая это практически невозможным, а сделать из него город-музей.

Действительно, после войны Сталинград производил

ужасное впечатление, не было ни одного уцелевшего дома, сплошные руины. Однако на смену лозунга «Мы отстоим тебя, родной Сталинград» пришел другой лозунг «Мы восстановим тебя, родной Сталинград». Сталинград за короткие сроки был отстроен.

В 1949 — 1950 годах из руин возник новый город, он стал еще краше, лишь отдельные дома и кварталы напоминали о войне. Они были оставлены в таком состоянии, в котором находились после освобождения.

Мир удивился героизму сталинградцев и восхищался ими, когда перед ним предстал отстроенный заново город. Правда, и защищать, и восстанавливать Сталинград помогала вся страна. Разве это не проявление коллективизма?

Нещадный поток критики обрушился на Ленина, как будто он до наших дней являлся лидером партии, главой государства или правительства и несет ответственность за все происходящее в настоящее время. Учение Ленина, а также Маркса, как верно писал академик Румянцев, имеет диалектический характер, оно развивается во времени, несет в себе эпохальное значение в том понимании, что оно создавалось и предназначалось для определенного исторического периода. В последующем не время должно приспосабливаться к этому учению, а учение ко времени, к условиям и обстоятельствам. И не более того! Во всем остальном наследие Маркса, Ленина может учитываться, в какой-то мере преломляться, использоваться как связующее между историческими этапами, как составное интеллекта, знаний, но ни в коем случае не быть ответственным за наши сегодняшние дела.

Не пора ли понять это и прекратить глумление над социализмом?! Ведь мы издевались над социализмом, а не он над нами. Не было серьезной попытки раскрыть, развить его возможности. Самое страшное — не допускалось оппонирования социализму в лице других научных подходов и систем. Поэтому наш социализм не оттачивался, не приспосабливался к условиям, окружающим его, он был тепличным. Человечество идет к социализму как к закономерно возникшей идее. Однако идея и способ ее реализации, находясь во внутреннем единстве, — разные категории.

В последние годы нахождения у власти Брежнева и за

короткое время правления Черненко страна, все наше общество переживали состояние какого-то оцепенения. Свежие мысли, соображения гасли, не успев дать всходы, качественных изменений происходило мало. Люди привыкли к социализму, о другом строе не мыслили, минимально необходимое получали, при этом какая-то часть населения могла особенно и не утруждать себя работой и заботами.

И все же резервы дисциплины и ответственности, веры и надежды в советскую власть имели достаточный запас прочности. Общество таило в себе огромный потенциал созидания, желания и готовности распрямиться и пойти вперед, но ради идеи стоящей, сильной, привлекательной.

Март 1985 года пришел как будто бы неожиданно, хотя все видели и понимали неизбежность прихода свежего лидера, а вместе с ним перемен, наступления чего-то нового в жизни. Что за перемены, каким должно быть новое, никто толком себе не представлял.

Так повелось, что все происходящее в увязке с человеком, лидером, а он однозначно не просматривался. Правда, в декабре 1984 года Горбачев, выступая перед студентами в МГУ, говорил о потребности нашего общества в демократическом развитии, новых подходах к решению социально-экономических проблем, критически, но еще робко и весьма завуалированно оценивая состояние дел в стране. Насколько подобная речь отдавала новизной, понять было трудно, поэтому, как и прежде, к этим заявлениям отнеслись хоть и с интересом, но вместе с тем с известной долей недоверия и даже скептицизма.

И все же избрание Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС было встречено с одобрением: тут и интерес, и любопытство, и ожидания. Однозначно приветствовался приход молодого лидера, как прорыв после длительного пребывания на этом посту лиц преклонного возраста.

Но, пожалуй, примечательно другое. Прорыв молодого лидера стал возможен благодаря решительной поддержке представителя старшего поколения руководителей — А. А. Громыко, человека бесспорно мудрого, опытного, спо-

собного правильно ориентироваться в критические моменты.

Мне известно, что, когда началось обсуждение кандидатуры на пост лидера партии, Громыко первым назвал Горбачева. Он начал с того, что хватит играть в игры, что среди руководства есть молодой, энергичный человек и надо выбирать его. Позиция Громыко предопределила ход обсуждения, его поддержали другие, вопрос был решен.

Известно мне и другое. Вскоре Громыко стал высказывать сожаление по поводу сделанного им выбора и внесенного предложения об избрании Горбачева на пост лидера партии. В конце своей жизни он уже громко сетовал по этому поводу, считал, что крупно ошибся, обманулся в Горбачеве. Чувствовал себя виноватым в том, что из-за человека, которого он предложил и на кандидатуре которого настоял, в стране начались процессы, опасные для нашего государства и общества.

В январе 1988 года указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено воинское звание генерала армии. Указ был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко. Андрей Андреевич позвонил мне и тепло поздравил.

Состоялся необычно откровенный разговор, учитывая сдержанный характер Громыко. Вспомнили Андропова, Устинова. Андрей Андреевич заметил, что в их лице он потерял друзей-единомышленников. Особенно высоко отозвался о Юрии Владимировиче.

По ходу разговора Громыко обронил фразу, что ему, видимо, придется уходить на пенсию, но на душе неспокойно. «Боюсь за судьбу государства. В 1985 году после смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой», — заключил он.

Я внимательно слушал, понимая, что не все в стране идет гладко.

«Яковлев и Шеварднадзе, — не те люди, куда зайдут они вместе с Горбачевым?» — несколько неожиданно для меня сказал Громыко.

Я ответил, что многое действительно настораживает, но пока еще можно поправить положение.

В ответ, как мне показалось, полные тревоги слова: «Кто и как это может сделать?»

Такие опасения можно было услышать от разных лиц все чаще и чаще. Отдельные негативные высказывания о Горбачеве со временем обретали новое качество, отражали его полное неприятие.

Отношения между Горбачевым и Громыко тоже становились все более натянутыми, и вскоре наступил момент, когда Горбачев всем своим видом стал показывать, что не может дальше работать с ним.

Каждое предупреждение Громыко о том, что то или иное решение может привести к крайне нежелательным последствиям для Советского государства, воспринималось Горбачевым болезненно, в штыки. Он стал раздражать Горбачева.

Многие видели это и поэтому считали служебную карьеру Громыко законченной. Время играло не на Андрея Андреевича, его жизнь и служебная деятельность были в прошлом, к будущему, тем более горбачевскому, он имел мало отношения. Историей и обстоятельствами спор между Горбачевым и Громыко был предрешен.

Размышляя над обстоятельствами удаления Громыко от непосредственного руководства внешнеполитическим ведомством, уже позже я пришел к однозначному выводу — Громыко был слишком тверд и последователен во внешних делах, «неуступчив» с точки зрения Запада, его надо было заменить податливым министром и с помощью последнего реализовать так называемое новое мышление в международных делах.

Таким удобным человеком оказался Шеварднадзе. Громыко олицетворял, защищал принципы, интересы Советского государства, был неприступным для западной дипломатии, непреклонным в отстаивании советских позиций, что создавало массу «неудобств» для Горбачева, в своих помыслах вставшего на чуждый нашему народу путь.

Вскоре Горбачев, убрав с дороги преграды в лице Громыко, стал «творцом» и исполнителем нового курса в совет-

ской внешней политике — курса разрушения, сдачи позиций и предательства.

Спустя год Громыко не стало. Прощаясь с ним в Доме Советской Армии (не в Колонном зале Дома Советов, где обычно отдавали последние почести людям такого ранга, не попавшим в силу каких-то причин в опалу), я вспомнил его пророческие слова...

Полную оценку роли Горбачева в развитии современной истории еще предстоит дать. К концу 1991 года он, как Президент СССР, лишился почти всей власти и уже практически ничего не решал. Когда возникла угроза существования Советского Союза, нужна была твердость, но для этого Горбачев был совершенно неподходящий человек, если бы он даже захотел что-то предпринять.

Последствия его пребывания у власти тем не менее продолжают сказываться до сих пор. Никто или, по меньшей мере, мало кто возьмет на себя смелость сказать о положительных аспектах его деятельности.

Но важнее другое — никто из его единоверцев не пожелал взять на себя даже частицу ответственности за то, что случилось с нашей Родиной, да и не только с ней, свидетелями и невольными участниками чего мы являемся. Они отмежевываются от Горбачева, силятся доказать свою непричастность.

И еще один момент: до Горбачева в течение 20 лет — при Брежневе, Андропове и Черненко — сногсшибательных обещаний, по сути, не делалось. Напротив, отказались от многообещающих заявлений, сделанных в свое время Хрущевым, в частности от его заявления о том, что в 1980 году советские люди будут жить при коммунизме.

Умеренный подход к перспективам развития общества и государства вносил успокоение в массы, не будоражил людей, внушал доверие к принимаемым решениям, призывам партийного и советского руководства.

После 1985 года атмосфера изменилась. Из уст Горбачева посыпались, словно град, обещания кардинальным образом изменить жизнь, в кратчайшие сроки улучшить ее, сделать высокорентабельным промышленное и сельскохозяйственное производство, поднять материальную заинтересованность людей и на этой базе обеспечить более высо-

кое их благосостояние. Приводились сравнения с тем, как обстоят дела на Западе, разумеется, в пользу последнего. Людей убеждали в том, что до сих пор все было плохо, что они шли (или их вели) по ложному пути и что сейчас руководство партии и государства примет меры к тому, чтобы быстрейшим образом исправить создавшееся положение.

Это сопровождалось усиливающейся, уничтожающей, сокрушающей критикой всего сделанного до сих пор. Получалось так, что до Горбачева никто не хотел и не умел, а он, Горбачев, может и умеет.

За все это советские люди заплатили впоследствии весьма дорогую цену. Шли годы, а положение не только не менялось к лучшему — оно ухудшалось, и люди чувствовали это буквально на всем.

Стало падать промышленное и сельскохозяйственное производство, снижаться жизненный уровень. Люди все сильнее ощущали недостатки, лишения, неудобства и, разумеется, делали соответствующие выводы. К 1991 году ситуация настолько изменилась в худшую сторону, что были все основания говорить о наступлении глубокого кризиса общества и государства, хотя, разумеется, тогда мы еще не отдавали себе отчета в том, что этот кризис спустя короткое время углубится в особо опасных масштабах и в конце концов приведет к развалу государства, смене общественного строя.

Можно сказать, что наступил период безответственных обещаний. Обещания стали политикой, с помощью которой демагоги, авантюристы, некомпетентные лица приходили к власти, управляли страной, заводя ее в еще больший тупик.

Первым радикальным лозунгом Горбачева был призыв к ускорению. В нем было больше количественных параметров, чем качественных. Он не содержал целей, очевидных путей движения. Примитивен был призыв, примитивно было и его исполнение. Все оставалось как бы по-старому, только работать надо было быстрее и больше.

Очень скоро люди разобрались в пустоте, отсутствии содержания в этом призыве и говорили о нем с явной насмешкой. Для Горбачева это был первый настораживающий звонок. Положение спасло то, что пока ничего не разрушалось.

Стало ясно — на путях ускорения никакого обновления

общества не произойдет. Тогда появляется следующий лозунг: «Перестройка!» В мире стали мучительно думать над переводом замысловатого для них слова.

Вспоминается один разговор с Кадаром в 1985 году по поводу смысла слова «перестройка». Венгерский лидер, рассуждая, спрашивал, что же означает это замысловатое выражение: «Перестраивать в смысле усовершенствовать или все строить заново?» В конце концов не без горькой иронии он заметил: «Боюсь, что все мы запутаемся».

У нас вкладывали в термин «перестройка» различный смысл: все ломать, а затем заново создавать, не разрушать, но радикально совершенствовать, менять структуры управления, осуществлять децентрализацию, отказаться от плановых начал и т. д., и т. п.

Никакой программы перестройки не было. Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собой этот замысловатый лозунг. Попытки выяснить, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные текущие и перспективные задачи решаем, наталкивались на малопонятное многословие Горбачева, а то и на глухую стену молчания. Недостатка не было лишь в призывах Горбачева «идти путем обновления, перестраиваться, изменять».

Ни статьи, ни многочисленные выступления Горбачева, даже его объемные труды по вопросам перестройки не вносили ясности в этот вопрос, более того, еще дальше запутывали его. А перестройка все очевиднее носила характер профанации.

К тому времени, будучи депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, я присутствовал на многих ответственных совещаниях и все более убеждался в том, что мы идем не тем путем, что следует остановиться, разобраться в том, какой дорогой следует двигаться дальше, чего мы, собственно говоря, хотим, и только после анализа и осмысления идти на реорганизацию, обновление, но не по пути разрушения и сноса всего того, что создано было не только за годы советской власти, но и многими предшествующими поколениями.

Горбачев начал раздражаться, нервничать, и было видно, что проявляет он нервозность от бессилия, стремительного роста настроений против его политики, от того, что сам

не знает, что, собственно говоря, ждет страну в самом ближайшем будущем, не говоря уже о более отдаленной перспективе. Но главное, что вызывало у него тревогу, — это ослабление его личной власти, прочности его положения.

Короче говоря, в то время я думал, что Горбачев заблуждается, запутался. Но вскоре он призвал, т. е. повторил один из лозунгов Мао Цзэдуна времен «культурной революции», «бить по штабам». Под штабами он разумел партийные организации различных уровней, прежде всего республиканские, областные и городские. Он призывал бить сверху, чем будет заниматься он, и снизу, чем должны были заниматься массы.

Кстати, в этом проявилась и низменность его натуры. Со всех сторон острее и острее раздавалась критика в адрес Горбачева, наиболее чувствительной она была именно со стороны партийцев. Вот их-то он и призывал бить.

Горбачев не мог не понимать одного — партия в то время была стержнем общества, на ней многое держалось, от нее многое зависело. И бить по штабам, бить по партии — значило бить по стержню, на котором, хотели мы того или нет, держалась советская власть, держава, правопорядок и, если хотите, от работы которой во многом зависели дела и в промышленности и в сельском хозяйстве и обстановка в стране в целом.

Мне довелось не раз присутствовать при разговорах в узком кругу Горбачева, в том числе с теми, кто его активно поддерживал в перестройке, что обычно располагало к откровенности. Мною все сильнее овладевала мысль, а со временем я пришел к убеждению, что Горбачев только делал вид, что знает, к чему ведет державу. На самом деле он сознательно вводил людей в заблуждение.

Создавалось твердое мнение, что Горбачев в лучшем случае действует на авось. И чем больше я убеждался в этом, тем больше мне становилось не по себе. Особенно это стало понятным для меня, когда я вошел в состав Политбюро ЦК КПСС и стал принимать непосредственное участие в рассмотрении отдельных вопросов и проблем в высшем органе партии, который в то время был и высшим руководящим органом в стране, где рассматривались основополагающие

вопросы и где в общем-то решались судьбоносные проблемы державы.

Горбачев твердил, что надо во что бы то ни стало расшевелить, раскачать общество. Чего-чего, а раскачать, расшевелить общество Горбачеву действительно удалось.

Помню, в 1990 году я был у Горбачева, сопровождая личного представителя Раджива Ганди, который приехал с устным посланием премьер-министра Индии. Дело было в ныне печально известном Ново-Огареве, где Горбачев с группой лиц работал над очередным докладом. На осторожный вопрос личного представителя Раджива Ганди о том, что же все-таки происходит у нас в стране и все ли здесь в порядке, а также на замечание, что в Индии проявляют большую обеспокоенность по этому поводу, Горбачев усмехнулся и сказал: «Вы знаете, нас сильно штормит. Не знаю, какой балл — седьмой, восьмой или девятый, но нас качает из стороны в сторону.

...Это ничего, — продолжал он. — Встряска для нашего общества нужна. Мы привнесем кардинальные изменения, определим более точный курс корабля. Море успокоится, и все будет в порядке. Корабль пойдет к цели и обязательно дойдет до нее».

Индийский представитель спросил: «А не слишком ли это дорого обойдется для Советского государства?»

Горбачев сказал: «Вы знаете, за ценой мы не постоим». После этих слов у меня зародилось еще больше сомнений в том, верным ли путем мы идем и знает ли наш капитан, что творит.

Позже Горбачев скажет: «Что только я не делал, что только я не предпринимал! Ничего не получается в этой стране! Все проваливается, все оказывается безрезультатным».

В 1987 году показатели по народному хозяйству оказались неплохими, сказывались заделы прошлых лет; основы промышленности, сельского хозяйства не были задеты разрушительными действиями, управленческий механизм все еще работал. Был сделан вывод — можно смелее идти вперед, активнее принимать более радикальные меры.

Тогда казалось, что запас прочности у государства неисчерпаем. Решили одним махом покончить со всей административно-командной системой и начать новую жизнь. Усилили удары по партии, т. е. приступили к реализации горбачевского призыва «бить по штабам». Стало доставаться и местным Советам, громили министерства, другие центральные и местные исполнительные органы, обрушились удары на науку, особенно на ее фундаментальные исследования.

Вскоре взялись за внешнеполитическую деятельность государства, за его историю. Одной из мишеней разрушительных нападок стала армия. В открытую говорили об иждивенчестве военнослужащих, их третировали, били по командному составу, стали доказывать невыгодность для Советского Союза продолжения линии на удержание стратегического паритета, что якобы лишь мешает Западу развивать торгово-экономические отношения с нами, а Советский Союз ввергает в ненужные расходы.

Появились первые пока еще незначительные вспышки межнациональных распрей. Тогда, пожалуй, мало кто подозревал, какую опасность они таят и во что выльются в самом ближайшем будущем.

К тому времени средства массовой информации обрели большую свободу и, преимущественно с подачи Запада, принялись смаковать и утрировать недостатки в нашей жизни. Общество, государство зашатались. Страна продолжала плыть по течению, по воле волн. На смену программной установке появилась другая. Принципиально верная идея перехода к рыночным отношениям в вольной интерпретации, в самых несуразных вариантах стихийно пошла гулять по стране, внося сумятицу и нарушение в установившиеся и работавшие вертикальные и горизонтальные связи, во всю систему сложного управленческого и производственного механизма.

Разрушив механизм, систему, по которым жило народное хозяйство, и не создав ничего взамен, мы сразу же оказались во власти анархии, неконтролируемой ситуации в экономике.

В 1988 году обозначилось, а в 1989 году стало более очевидным сокращение темпов прироста в промышленности и сельском хозяйстве. В 1990 — 1991 годах он пошел уже с

минусом. Упал жизненный уровень. Страна вступила в полосу глубокого и всестороннего кризиса.

Люди, не избавившись от частичных трудностей, разом оказались в условиях общих и повсеместных лишений, недостатков и неудобств. Благодаря «щедрой» политике Верховного Совета СССР, реализации обещаний Горбачева по повышению заработной платы в стране появилось куда больше денег, чем производилось товаров. А что это такое, никому объяснять не надо.

Теперь, по прошествии значительного времени после начала перестройки, когда это загадочное слово употребляется в прошедшем времени, каждый может подвести печальные итоги свершившейся трагедии. Они у всех на виду, каждый из нас ощущает их на себе.

Как-то летом 1991 года в перерыве одного заседания в Кремле зашла речь об обстановке в стране, о перестройке. Я спросил у товарищей, а было их человек восемь, начали бы мы перестройку, если бы знали, куда придет страна в результате ее проведения? Присутствующий Дмитрий Тимофеевич Язов сказал: «А зачем она вообще была нам нужна?»

Допускаю, что Горбачев, отправляясь в 1985 году в дальнее плавание, был полон благих намерений, но не имел четкого представления о том, куда нас занесет. Было много разговоров о четкой программе действия, но не было ни одной стоящей программы.

До 1985 года я не встречался с Горбачевым, только слышал о нем. В том памятном 1985 году я был среди тех, кто приветствовал его приход к власти. Пост начальника разведки не позволял мне оказывать сколько-нибудь значительного влияния на положение дел в стране, воздействовать на кадровую политику.

Контакты с Горбачевым были спорадическими и всегда по инициативе последнего. Обо мне он узнал, по его же словам, от Андропова. Из нерегулярных разговоров с Горбачевым у меня складывалось мнение о его огромном желании изменить положение дел, перестроить как можно скорее отжившую свой век отечественную модель социалистического общества, взамен административно-командных дать простор демократическим процессам, гласности.

С годами у меня постепенно складывалось впечатление,

что он хотел бы остаться на олимпе и быть вне пределов критики.

Со временем эти первые впечатления во мне переросли в убежденность. Он мог относительно спокойно среагировать на удары по Союзу, на начавшийся где-нибудь острый международный конфликт, на тяжелую ситуацию в той или иной социалистической стране. Но любые нападки на него, критика в его адрес, да если еще в резких, острых выражениях — простите, это уж слишком! Реакция была мгновенной, острой, с претензиями к товарищам, которые не защищали своего руководителя. В таких случаях обида переполняла его. Тут доставалось и левым и правым. Последним меньше, поэтому они очень долго проявляли сдержанность, позволяя себе критиковать Горбачева больше на закрытых совещаниях, в письменных обращениях лично к нему.

Долгое время Горбачев, казалось, незыблемо стоял на позициях таких ценностей, как Октябрь, социализм, Ленин. Подчеркивал необходимость сохранения и развития Союза, социалистического содружества. Иногда под влиянием его слов становилось как-то неловко оттого, что на этот счет тебя грызли сомнения.

Со временем зафиксировалась еще одна особенность, черта характера Горбачева. Он не останавливался, не задерживался на определенном рубеже, даже им самим совсем недавно определенном. Отсюда одна из причин его непоследовательности. Постоянно отступал, менял взгляды, мнение, отходил от поддержки одних и критики других, переходил из одной крайности в другую, т. е. менял стороны местами, что сбивало с толку, создавало почву для спекуляций.

Речь вовсе не идет о вопросах незначительных, частных. Нет, менялись позиции по основополагающим проблемам состояния и развития общества. В то же время наши оппоненты проявляли завидную последовательность, настойчивость и в полной мере пользовались нестабильностью в нашей жизни и набирали очки.

Летом 1985 года Горбачев по своей инициативе поднял очень важный вопрос — об ускорении научно-технического прогресса в Советском Союзе. Рассмотрению вопроса придавалось большое значение, на совещании в Кремле были заинтересованные лица.

Помню, я находился в командировке в Афганистане. Меня, как начальника разведки, вызвали для участия в совещании. Обсуждение носило острый характер, проблема была верно схвачена, принято содержательное решение.

Прошло совсем немного времени, и об этом мероприятии напрочь забыли. Ведь никто не ожидал быстрой отдачи, потому что научно-технический прогресс — это не месяцы и даже не годы, а десятилетия работы, точнее, это процесс постоянный.

На мое замечание спустя какое-то время, что следовало бы серьезно и основательно заняться вопросами научно-технического прогресса, Горбачев заметил, что пытался заняться и этим, но ничего не вышло. Было очевидно: кто-то пытается сознательно пустить под откос дело развития научно-технического прогресса в нашей стране: освоение новых технологий, внедрение в производство передовых методов, в том числе в управлении экономикой, использование достижений в области фундаментальных наук, — а они у нас были.

Конечно, нужно было бы обратить внимание на вопросы материального стимулирования, заинтересованности не только отдельных заводов, предприятий, научных центров, но и конкретных лиц, работающих в промышленности и сельском хозяйстве.

К сожалению, комплексного подхода к решению этих проблем не было. В то же время по инициативе самих организаций предпринимались серьезные меры к выправлению положения в области научно-технического прогресса.

К примеру, в Комитете госбезопасности был принят ряд основополагающих решений, которые преследовали цель использовать возможности разведки и контрразведки, с одной стороны, по добыче нужной для страны информации по вопросам научно-технического развития, а с другой, по защите наших интересов, особенно в области фундаментальных исследований, от проникновения разведок иностранных государств, которые в это время развили бурную активность. Но все словно уходило в песок, и совсем не потому, что наша система как таковая не срабатывала, не потому, что государство было непригодным для этого или люди не хотели работать, а потому, что доброе начинание не находи-

ло поддержки в верхних структурах власти и бросалось на произвол судьбы.

Еще раз повторяю, что помимо особенностей характера Горбачева, его импульсивности, здесь лежали, как стало очевидно позже, иные причины, более серьезные. Можно было поправлять дела в нашей стране в условиях действовавшей тогда социально-политической системы. Однако определенные силы преследовали другие цели: разрушение не только социально-политической системы, но заодно и державы.

А сколько за годы перестройки принималось неотложных решений по сельскому хозяйству! Одно постановление нагромождалось на другое, и ни одно из них не выполнялось.

Призыв к порядку сменялся лозунгом: «Аренда!» Выделение земельных участков для граждан не подкреплялось материальным обеспечением. Решение по налаживанию переработки сельхозпродукции в местах ее производства повисло в воздухе, потому что не было нового политического и экономического подхода — продолжали действовать прежние стереотипы.

Но, пожалуй, и здесь самое примечательное заключалось в том, что о принятых решениях тотчас забывали и сразу же начинали думать о других. Происходила девальвация решений. Не успевало постановление появиться на свет, как оно уже становилось пустой бумажкой.

Даже в нашем сельском хозяйстве, полностью не удовлетворявшем всех потребностей советской экономики, было много положительного. Немало высокотоварных производств шли на одной отметке с мировым уровнем, а кое в чем даже превосходили его. Организацией крупных хозяйств наша страна занималась длительное время, и на этом направлении успехи были несомненны. Никто по-настоящему не исследовал такое обстоятельство и не делал из него соответствующих выводов.

Примерно одна треть коллективных хозяйств и совхозов имела высокие показатели, вызывавшие удивление у иностранных специалистов, посещавших эти хозяйства. Однако их опыт должным образом не изучался и не использовался. А он был очевиден — в этих передовых хозяйствах

были решены кадровые вопросы, отлажены и действовали моральные и материальные стимулы, заинтересованность коллектива в целом и отдельных его членов. Использовались новейшие технологии, в достатке были машины не только отечественного, но и зарубежного производства. Ресурсы хозяйств позволяли идти на подобные расходы.

Вместо изучения и использования передового опыта у нас пальцем указывали на отстающие сельхозпредприятия для того, чтобы сказать: «Вот видите, какое плохое положение в нашем сельском хозяйстве. Нужно принять меры к смене всей системы». При этом не учитывалось, что в одном и том же районе одни колхозы получали в среднем урожай зерновых до 60, 70 и даже 80 центнеров с гектара, в то время как другие, рядом, получали по 15 — 19 центнеров, а то и меньше, причем в одинаковых климатических условиях.

Разве это не основание для изучения положения дел, обобщения передового опыта и распространения его на отстающие хозяйства?

Более того, продолжали обирать богатые колхозы и за их счет кое-как поддерживать на плаву отстающие, которые не только не давали товарную продукцию, но с трудом содержали себя.

Мне не раз приходилось бывать в колхозах, плохих и хороших, отсталых и передовых. Помню, в Литве мне показали одно хозяйство, которое поразило меня своими достижениями. На плохих землях, в не очень-то благоприятных климатических условиях колхоз получал до 50 — 55 центнеров зерновых с гектара, высокие урожаи картофеля, свеклы, имел приличное стадо крупного рогатого скота, свиноферму. Передовая технология внедрялась и в животноводство, и в растениеводство. В колхозе были музыкальная школа, среднеобразовательная школа с бассейном, спортивными сооружениями. Колхоз содержал детский сад, детские ясли, причем помещения отличались красотой, удобством, необходимым оздоровительным комплексом для малышей. Жилые постройки колхозников по-современному благоустроены. Собственный кирпичный завод. Доходы колхозников были высокими, кроме того — личные подсобные хозяйства.

Председатель колхоза, кстати, Герой Социалистического Труда, рассказывал, что никогда литовцы так хорошо не жили и даже не думали, что могут достичь столь высокого уровня жизни. В Литве еще помнили, как жили до 1940 года: сплошная нищета, бездорожье, отсутствие медицинской помощи, о получении образования рядовые труженики села и мечтать не могли. Некоторые уходили на заработки в города, в поисках лучшей жизни уезжали в другие страны, в частности в Соединенные Штаты Америки и Швецию.

По словам руководителя колхоза, труженики понимают, что получили все это благодаря советской власти, Советскому Союзу, с которым, как они считали, связали свою жизнь навсегда, на вечные времена.

Сейчас колхозы в Литве разгоняются. Что стало с этим колхозом и другими хозяйствами? Они ведь не вписываются в новую социально-политическую систему. По принципам этой новой системы они должны быть разрушены, земли их разделены.

А что будет с инфраструктурой, с теми сооружениями, которые были коллективными, общими? Короче говоря, Литва и ее народ, в частности крестьянство, будут наверняка отброшены по условиям жизни на многие десятки лет назад. Конечно, пройдет время, люди одумаются, поймут, что потеряли, и сделают соответствующие выводы. Но через какие лишения и страдания им предстоит пройти!

Невольно вспомнишь произведения литовского писателя Пятраса Цвирки, глубоко и ярко рассказавшего о жизни литовской деревни до второй мировой войны. Он описал всю убогость жизни литовского крестьянства, его нищету, обездоленность, бесправие.

Неужели литовское село вернется к временам, описанным Пятрасом Цвиркой? Если бы литовские демократы и те, кто поддерживал их, сказали бы всю правду, откровенно признались, к чему стремятся, это пробудило бы сознание литовского сельского труженика, он сделал бы свой выбор, и скорее всего не тот, на который его толкнули сегодня. Да, впрочем, что может простой сельский труженик без советской власти — при ней он хозяин, а без нее — наемная рабочая сила.

...Под влиянием импульсивных решений огромная страна не успевала поворачиваться, ориентироваться. Стали во все большей мере распространяться недоверие, безответственность, критиканство, вседозволенность и беспечность.

1987 год сбил с толку и село. В этот год показатели в сельском хозяйстве были неплохие. Увеличились даже резервы. Страна получила больше сельхозпродукции, чем в предшествующие годы. Отсюда был сделан вывод: экспериментировать можно смелее и на селе.

Нашим изначальным решениям, постановлениям явно не хватало прицельности, расчета, системности. Большая политика стала делаться на глазок.

Помню, как-то Я. Кадар на охотничьем лексиконе весьма образно дал характеристику большой политике. Охотнику очень важно взять точный прицел, сказал он. Если конец ствола сдвинется хотя бы на один миллиметр, то пуля не достигнет цели, она может уклониться в сторону на десятки метров.

А была ли вообще у нас стройная, четкая концепция перестройки? Сейчас можно однозначно ответить на это: «Нет, лишь в общих чертах, в намерениях. Определялась по ходу». К этому добавить, пожалуй, стоит следующее: мы шли, как многим казалось, вперед, а попали в тупиковую ситуацию, не проявив при этом понимания необходимости и умения отступать, дабы избежать большего поражения. Впрочем, по роковому пути народ не шел, его вели.

И еще одно важное обстоятельство. Мы развивали демократические начала в жизни общества, но, к сожалению, не подумали о том, чтобы в случае необходимости сработал соответствующий механизм, приводились в действие резервные позиции, что подправляло бы положение, тормозило бы или, наоборот, стимулировало движение вперед. Такой механизм не был создан. Не говоря уже о расчете фактора времени, с чем мы вообще не в ладах.

Так, многое сделано в борьбе с культом личности, однако привести в точное соответствие с законами роль, возможности, права и ответственность руководителей всех уровней, в том числе и высшего, не удалось.

У первого руководителя сохранялись возможности для маневров, чрезмерного воздействия и даже шантажа вы-

сших законодательных органов. Этим в полную меру воспользовался сначала Горбачев, а затем Ельцин.

Сейчас ясно: нужен какой-то период времени для перехода от одного качества государственности к другому. К сожалению, импульсивность, эмоциональность слишком давали о себе знать, даже определяли порой все остальное. Демонтаж партийных руководящих структур был осуществлен в одночасье сверху донизу. Советы не имели ни кадров, ни опыта, чтобы полностью взять на себя функции управления. Паралич, анемия власти стремительно распространились практически по всей стране.

К концу 90-х — началу 1991 года страна оказалась в значительной мере парализованной, экономика плыла по воле волн. Наибольшие потери страна несла в кадрах. Управленческий аппарат действительно насчитывал внушительную цифру — порядка 16 — 18 миллионов человек. Кстати, никто тогда и предположить не мог, что после развала Союза аппарат управления только в России значительно превысит союзный показатель.

Стремительное сокращение штатов, а то и целых организационных структур управления привело к уходу из народного хозяйства многочисленного отряда высококвалифицированных специалистов — этого интеллектуального и профессионального потенциала страны. Чиновников числом не стало меньше, они перекочевали в иные сферы, часто не производственные. Причина — в предоставлении чрезмерных льгот, преимуществ частному, кооперативному сектору, совместным предприятиям, независимо от того, шла ли речь о производственной, посреднической деятельности или сфере обслуживания. Стала рушиться экономическая основа государства.

В 1990 — 1991 годах в обществе, пожалуй, не осталось ни одной категории населения, которая не была бы поражена разладом в экономике, политическими страстями, все возрастающей социальной напряженностью. Крайности, неопределенность, взаимоисключающие установки сверху вызывали общее недовольство.

Руководство пыталось найти выход в попытках приспособиться к настроениям населения, но в силу своей слабости, шаткости позиций уже было не способно в чем-то убе-

дить свой народ или повлиять на положение дел. Партийные кадры, коммунисты были деморализованы.

Конечно, главная ответственность ложилась на Горбачева. Порой он напрочь терял уверенность, и это было очевидно для всех, склонялся то к одной, то к другой точке зрения, а затем узрел спасение в единственном — полном отказе от существовавшей социально-политической системы, в разрушении ее и создании модели, противоположной социалистической.

Как-то Горбачев бросил фразу: «Что только ни делал, ничего не помогает, все напрасно, надо менять систему». У него стали осложняться отношения с партией, ее руководящими органами, Верховным Советом СССР, Съездом народных депутатов, Советом, затем Кабинетом Министров.

Его выступления все чаще походили на споры, выяснения отношений. Он начал нервничать, но, как правило, свою линию проводил. Его доводы всегда сводились к одному — то, что он предлагает, — единственно правильное, в противном случае за последствия он не ручается и т. п.

Был момент, когда Горбачев, казалось, проявил решительность и был вознагражден бурными аплодисментами Верховного Совета СССР — это когда в ноябре 1990 года он попросил полномочия, немедленно получил их, но так ими и не воспользовался.

В тот день, когда он получил полномочия от Верховного Совета СССР, а они были действительно широкими, у меня дважды состоялся с ним примечательный разговор. Первый — до получения полномочий, до его выступления на сессии Верховного Совета СССР. Тогда он сказал: «Хватит отступать, надо решительно действовать, сегодня попрошу полномочий у Верховного Совета, и если получу, то, не медля ни одного часа, примусь решительно действовать в интересах общества. Так дальше жить и работать мы не можем».

Скажу откровенно, такие речи вдохновляли. После получения полномочий состоялся еще один разговор, в ходе которого он заявил, что «все полномочия получены, права есть, надо подумать и на их основе совершенно законно действовать». В голосе у него уже не было той решительности, с которой он говорил со мной первый раз, утром. И мои подозрения оправдались.

На следующий день он разглагольствовал о том, что надо серьезно продумать вопросы, связанные с получением полномочий, надо осмотреться и решить, как их реализовывать. Нельзя торопиться, можно наломать дров. В итоге все осталось как и прежде. Конечно, это не могло не удручать тех, кто был в высших эшелонах власти и кто понимал, куда идут наше общество и государство.

Однако в результате этого трюка с полномочиями не стало Совета Министров СССР с достаточно внушительными правами и возможностями. Взамен был создан Кабинет Министров СССР, совершенно бесправный орган, в то время как страна особенно нуждалась в сильной исполнительной власти.

На пути развала государства это был, конечно, крупный шаг в опасном направлении. Ушел с поста председателя Совета Министров Н. И. Рыжков. К тому же он перенес тяжелый инфаркт. Совпали и реорганизация, и болезнь.

Последние год-два Рыжкову доставалось, пожалуй, больше всех — и на Верховном Совете, и на Съездах народных депутатов СССР, и в средствах массовой информации. Он с трудом воспринимал критику, она была в значительной части несправедлива, спорил, не мог согласиться со стремлением видеть все беды только в работе Совмина. И здесь он был прав. По сути дела, шла самая настоящая травля председателя Совета Министров.

Особенно изощрялся в этом Собчак. Ему доставляло какое-то садистское удовольствие обвинять во всем Рыжкова, даже тогда, когда Совет Министров абсолютно не имел никакого отношения к тому или иному провалу, той или иной неудаче.

Надо сказать, что Верховный Совет вовремя не остановил зарвавшихся лиц, не поддержал Председателя Совета Министров и тем самым содействовал созданию нездоровой обстановки вокруг главного исполнительного органа. Это деморализовало работу не только Председателя Совмина, но и его заместителей, министров.

Средства массовой информации подхватили уничтожающую и деструктивную критику правительства на заседаниях Верховного Совета СССР и разносили ее по всей стране, да еще сгущая краски. Конечно, положение дел в государст-

ве, снижение жизненного уровня, а оно обозначилось, трудности, невзгоды, всякого рода лишения населения создавали благоприятную почву для критики в адрес исполнительного органа, чем и воспользовались демагоги и прочие разрушители нашего государства.

Шел развал государства в целом, разрушалась система, но никто не задумывался над тем, а какой механизм будет действовать в стране, когда она будет полностью разрушена. Произошло явное разделение задач и ответственности — одни взяли на себя задачу разрушения, слома механизма управления и самой идеологии экономической жизни, а другие продолжали отвечать за экономику, принимая к исполнению решения высших законодательных органов, с которыми они не были согласны и не скрывали этого.

Особенно «усердствовал» в повышении жизненного уровня различных слоев населения Верховный Совет СССР. Последовала многократная эмиссия денежной массы, ибо производство не росло, наоборот, обрело устойчивую тенденцию к сокращению.

Рыжков понимал, к чему приведет подобное развитие событий, протестовал, но в отставку не уходил, а, по моему мнению, должен был пойти на этот шаг. В противном случае, оставаясь на посту главы правительства, был обязан предпринимать более решительные шаги.

Рыжков опасался инфляции, понимал, что непопулярных мер не избежать, был сторонником временного усиления руководства по вертикали и сохранения горизонтальных связей.

К числу серьезных проблем в нашей экономической политике надо отнести пренебрежение таким важнейшим рычагом, как ценообразование. Существовавшие цены словно тяжелый камень тянули экономику ко дну. Цены не соответствовали реалиям, спросу и предложению, не влияли на производство товаров, не стимулировали его, порождали спекуляцию.

Все в руководстве это понимали, возмущались, но исходя из популистских соображений не позволяли к ним притронуться.

Весной 1990 года, тогда было еще не совсем поздно, Рыжков внес предложение повысить цены на хлеб и соответ-

ствующие изделия, причем с полной компенсацией. В чем смысл? Известно, что хлеб у нас был самый дешевый в мире. Не случайно примерно семь миллионов тонн готовых хлебобулочных изделий ежегодно выбрасывалось на помойку. 10 — 12 миллионов тонн хлебного зерна скармливалось скоту. Импортировали же в иные годы до 40 — 45 миллионов тонн зерна. В какой стране это допускалось? Терпимо ли это?

К сожалению, вопрос на сессии Верховного Совета СССР не получил поддержки. Спустя год, в апреле 1991 года, цены на хлебные изделия были увеличены, но в общем повышении цен, без должного расчета и, конечно, эффекта не дали.

Кстати, проблема использования рычагов ценообразования возникала неоднократно и раньше. Еще при Косыгине в конце 60-х — начале 70-х годов ее пытались сдвинуть с мертвой точки. Но каждый раз ссылки на завоевания Октября, ущемление интересов населения, особенно его малообеспеченной части, делали свое дело, и цены оставались нетронутыми.

К сожалению, не поддерживал стремление задействовать рычаг ценообразования и Андропов, усматривая в этом отказ от революционных завоеваний.

После провала предложения о приведении цен на хлеб в соответствие с потребностями экономического развития Рыжков сделал ряд заявлений, в которых предупредил о негативных последствиях решения, но сам с этим вновь смирился. Кризис в экономике усиливался, но по течению плыли в общем-то все, борьбы не было, была серия отступлений. Все, что произошло впоследствии, Рыжков предвидел с абсолютной точностью, но отстоять своих позиций не смог.

Думаю, что одна из слабых сторон в деятельности Рыжкова — недостаточная работа с парламентариями не только его, но и всего возглавляемого им Совета Министров.

Вообще, многим руководящим кадрам прошлого не хватало умения разговаривать с людьми, убеждать их, не хватало пропагандистского обеспечения осуществляемых программ, сказывалось отсутствие в руководстве свежих лиц, а они уже стали появляться, особенно на местах. Среди них — яркие, самобытные, готовые пойти в бой молодые

люди. Но всем им недоставало опыта, возможности выступать в средствах массовой информации, организованности, политической гибкости.

Думается, будущее именно за подрастающим, поднимающимся поколением руководителей, а не за теми, кто сейчас на плаву. Другое дело, что, когда страна подойдет к этому моменту, когда у талантов будет возможность проявить себя, — не будет ли слишком поздно? Представители грядущего поколения управленцев, созидателей вберут в себя и будут использовать опыт и тех и других, потому что однозначно правых нет, да и быть не может.

1990 — 1991 годы были временем стремительного движения КПСС к трагической развязке. Партия все годы существования жила в общем-то в тепличных условиях в том отношении, что ей как руководящей силе ничто в государстве не противостояло. Не нужно было бороться за выживание, за линию развития общества в целом и по отдельным направлениям в частности.

Мнение высших руководящих партийных органов, форумов обретало характер непререкаемых решений. Партия отвечала и за выполнение решений, а если вдруг не получалось, то причины провала объясняла сама партия в лице тех же руководящих органов. Значительная часть членов партии и особенно ее руководящие звенья питали иллюзии: скажи слово, обратись с призывом, прими постановление — и дело сделано.

Давали о себе знать привычки, традиции, практика. Была целая эпоха, когда в силу различных причин, и в том числе объективного характера, партия как идейно-политическая сила властвовала безраздельно. Но даже и для той эпохи нельзя признать однопартийность оптимальным выбором для общества. По мере развития общества и государства вопросы строительства неизмеримо усложнялись, требовался всесторонний учет всех обстоятельств, мнений, самых различных точек зрения, поиск решений, в том числе компромиссных, а вот этого однопартийная система, разумеется, обеспечить не могла.

Как и по многим другим вопросам, руководство партии

искало выход не на путях принципиального решения проблем, а ударялось в маневрирование, в тактику. В итоге тактика съела стратегию. В конце концов сочли нужным решить проблему путем отказа от однопартийности и, следовательно, от руководящей роли КПСС в обществе. Учитывая завязку всего и вся на партию, переход от однопартийности требовал периода не менее чем в три-пять лет. Однако распорядились иначе — разом, в момент.

За десятки лет всеобъемлющего партийного руководства структуры управления страной были приспособлены именно под этот фактор, ставший органической частью государственности. С принятием высшим законодательным органом СССР закона об отмене 6-й статьи Конституции СССР обрушилась вся система государственности, сначала локально, а затем лавинообразно в масштабах страны. Опять непродуманность, неуправляемость, поспешность. Там, где должен был господствовать рациональный подход, властвовали эмоции.

Создавшаяся ситуация стремительно развалила государство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Партия, которая до сих пор «умела» наступать и побеждать, оказалась неспособной сохранить порядок в своих рядах, отступить и занять новые позиции. Руководство КПСС оказалось оторванным от партии, а партия — от широких масс.

В стремлении спасти положение высшее руководство партии, ее лидер приступили к бесконечным реорганизациям Политбюро, Секретариата ЦК, аппарата в центре и на местах, стали создавать различные комиссии, проводить бестолковые совещания, выступать с заявлениями, причем одно противоречило другому.

Это было время великого словоблудия! Партия стремительно теряла влияние в массах, в средствах массовой информации. Внутри партии, ее руководства образовались силы, которые не без успеха разрушали партию изнутри. После каждого выступления против партии ее руководство сдавало позиции и продолжало беспорядочно отходить на не подготовленные заранее позиции, вместо того чтобы определить и занять какие-нибудь рубежи, задержаться на них, прийти в себя и после этого действовать.

Кто же виноват в том, что 19 миллионов членов партии

за считанные месяцы превратились в толпу сбитых с толку людей? Далек от мысли утверждать, что эти 19 миллионов человек являются лучшими из лучших. Не тот критерий оценки людей, этот лозунг никогда не приносил ничего хорошего партии. Подчеркивая исключительность членов КПСС, он заранее обрекал их на отрыв от остальных советских людей, был оскорбительным для них.

Но рядовые партийцы здесь ни при чем. Подавляющая масса коммунистов от членства в КПСС никаких личных благ не имела. И что бы ни писали, ни утверждали — это правда. А вот «неудобств» было хоть отбавляй. Во времена, когда обстановка в стране была еще не расшатанной, от коммунистов требовали быть там, где наиболее трудно, показывать пример в труде, с них строже спрашивали за проступки, за нарушения. В годы репрессий пострадало больше всех членов партии. Значительное число коммунистов погибло в годы Великой Отечественной войны.

Одна из тяжелейших ошибок партии до самого последнего времени состояла в том, что она не пошла в массы, чтобы вместе с ними разделить тяготы обрушившихся на нас бед и находиться с народом в трагическое время. Связь с массами важнее любых программ. Именно в общении с ними родилась бы эффективная программа выхода из кризиса.

Партии не удалось отстоять практически ни одной ценности, которые до последнего времени считались неприкосновенными и которым мы, по моему глубокому убеждению, были столь привержены.

Все больше подвергался критике, отрицанию социалистический выбор. Сначала робко, намеками, а затем напрямую критика социализма сменилась его полным отрицанием в пользу капитализма.

Вскоре острым нападкам стал подвергаться Октябрь 1917 года. Октябрьская революция мгновенно превратилась в переворот, совершенный узкой группой лиц преимущественно нерусской национальности. Главный угол преподнесения этого события вылился в стремление показать его реакционной характер. Параллельно усиливалась критика Ленина сначала как деятеля, затем и как человека. От осквернения памятников Ленину перешли к их разрушению.

Более чем 70-летняя история советской власти стала изображаться как трагедия страны от начала до конца. Ничего положительного! Островком неприкосновенности сохранялась победа в Великой Отечественной войне, однако и этот островок стал разваливаться. Началась, по сути, реабилитация предателей типа Бандеры, Власова и многих других. Они-де воевали не против Родины, а против строя, против Сталина и далее в таком же роде. Но ведь на стороне же Гитлера!

Ну а партия? Она продолжала пребывать в растерянности, в состоянии неуправляемости, была брошена на произвол судьбы. Действия в защиту Октября, Ленина, социализма, всего положительного в нашей истории предпринимались инициативно местными партийными организациями, отдельными коммунистами или группами, кстати поддерживавшимися в многочисленных случаях беспартийными. Впоследствии историки отметят и это обстоятельство.

В начале октября 1989 года на Пленуме я был избран членом Политбюро ЦК КПСС. Через пару дней Горбачев предложил мне выступить с докладом на торжественном собрании по случаю 72-й годовщины Октябрьской революции.

Обычно доклады поручались за два-три месяца. Тут оставался всего лишь месяц. Я попросил освободить меня от доклада, выразил готовность выступать в следующую годовщину или по другому случаю.

Горбачев сказал, что из членов высшего партийного руководства с докладом по случаю какой-либо юбилейной даты не выступал только А. Яковлев, но, по некоторым соображениям, он не хотел бы поручать ему доклад из-за опасений, что его наверняка уведет не туда, куда надо. Но самое главное, далеко не все воспримут его как докладчика положительно.

Яковлев весьма болезненно среагировал на то, что ему не поручили выступать с докладом. Тогда он еще положительно на словах относился к Октябрю, к Ленину. Помнится, на вопрос, как вы относитесь к Ленину, Яковлев ответил: «Хорошо! Даже сверххорошо!»

По возможности, я старался успокоить его, но этот человек обид не прощает. Еще раз пропустить «очередь» докладчика по столь значительному поводу — удар по имиджу, а для тщеславия Яковлева это было слишком тяжелым ударом.

Почти всех членов Политбюро я просил посоветовать мне, что следовало бы отразить в докладе. Спросил у Яковлева, смысл его совета — призвать смелее идти к демократии. На мой вопрос, как быть с правопорядком в государстве, с защитой его устоев, последовал ответ: «А вот когда установим демократию, получат развитие ее начала и институты — вот тогда мы через демократию, полную свободу придем к порядку».

Я не согласился с таким подходом, заметив, что ведь можно все разрушить, расстроить и тогда не на чем будет держаться порядку, что эти две проблемы следует решать параллельно, иначе мы придем к краху.

Поинтересовался возможными соображениями у Лигачева. Его ответ: «Посильнее сказать об Октябре!» Слишком частыми и огульными, по его словам, стали нападки на Октябрьскую революцию, на Ленина и партию.

Медведев посоветовал пошире осветить вопрос о теоретическом обосновании перестройки.

Язов попросил потеплее сказать об армии, ее прошлых заслугах, подчеркнуть значение подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Рыжков: «Ухудшается положение в экономике, не начнем лучше работать, наступят тяжелые времена, забастовки могут доконать нас».

В конце октября материалы доклада были готовы и по установившейся практике я разослал их членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК КПСС. Показал их также на товарищеской основе тем, кого хорошо знал лично: журналистам, ученым, общественным деятелям.

Вскоре получил отзывы — в основном положительные, доброжелательные, с конструктивными замечаниями.

Одобрил материалы Горбачев, даже кое-что ужесточил. Особенно одобрил замысел доклада, а он состоял в следующем: обозначилось явное вползание в кризис в политическом, экономическом, идеологическом направлениях. Ста-

ли обостряться межнациональные отношения. Пошли на этой почве конфликты с человеческими жертвами. Появились беженцы. Важно было дать оценку ситуации, определить рубежи, на которых следовало бы остановиться, хотя бы на какое-то время. Подчеркнуть, что не может быть никакого возврата к тому порочному, что было в прошлом! Обозначить решимость и далее развивать демократию, но при одновременном усилении правопорядка.

Считаю необходимым воспроизвести некоторые положения доклада, в которых были отражены эти задумки.

Для критиков партии, особенно из молодого поколения, отмечалось в докладе, полезно было еще напомнить, что «трудящиеся пошли за партией, ибо она взяла на вооружение главные чаяния народа: прекратить империалистическую войну, передать власть Советам, землю крестьянам, фабрики и заводы рабочим, предоставить каждой нации возможность для развития и процветания» (кстати, эти лозунги актуальны и сейчас, но в силу уже других причин).

Далее в докладе отмечалось, что до 1917 года в мире господствовал капитализм и что будущее народов решалось, по сути, в нескольких западных столицах. Решалось так, что войны следовали одна за другой, пока не слились в общемировую бойню. «Октябрь лишил империализм монополии на определение сути планеты, послужил своеобразным детонатором целой серии антиколониальных, народно-демократических и социалистических революций, прокатившихся по всем континентам».

Более чем 70-летней советской истории в докладе была дана неоднозначная оценка. «Наряду с положительным, — говорилось в докладе, — мы извлекли из истории и другой — горький опыт. Речь идет о тяжелых, разрушительных последствиях сталинизма, которые деформировали социализм, извратили ленинскую концепцию нового общества. Преждевременный отход от нэпа неоправдан и ущербен, диктат командно-административной системы нанес серьезный урон экономике, вызвал социальную напряженность. Культ личности до неузнаваемости исказил институт советского народовластия». Решительно осуждались сталинские репрессии. «Но вместе с тем мы окажемся глубоко не правы и станем духовно нищими, если сведем историю страны и

партии к сплошным ошибкам. Под каким бы предлогом ни искажалось прошлое — это всегда антинаучно и безнравственно».

Содержалось предостережение от иллюзий. «Каждый из нас должен быть реалистом и отдавать себе отчет в том, что коренное улучшение экономики требует больших усилий и определенного времени». «В то же время остается фактом, что кризисные явления в народном хозяйстве пока преодолеть не удалось. Более того, они даже усугубились. В обществе нарастает беспокойство».

И далее: «Совершенно ясно, что командно-административная система себя изжила. Но для того, чтобы она окончательно ушла в прошлое, предстоит создать новый механизм хозяйствования. А это напряженная, кропотливая, повседневная работа по многим направлениям».

Проблема собственности оценивалась как ключевая в экономической реформе. Признавалось право на все формы собственности, но никакого разрушительного отношения к государственной собственности. В подтверждение назревания кризисных явлений приводились такие данные. «Только в 1988 году прибыль, полученная предприятиями и организациями страны возросла на 12,3 процента, тогда как валовой национальный продукт увеличился на 8 процентов. Еще больший разрыв между ростом доходов и увеличением производства товаров образуется в 1989 году».

Эти цифры не могли не настораживать. Как важно было остановить негативные тенденции, и сделать это тогда можно было еще сравнительно легко. Но шлюзы для дальнейшего неблагоприятного развития положения в экономике открывались все шире.

С большой тревогой в докладе говорилось о национальной проблеме, резком обострении межнациональных конфликтов. «Экстремисты, коррумпированные элементы разжигают рознь в межнациональных отношениях, терроризируют людей других национальностей. Разве могут какие-то политические цели и лозунги оправдать этот вызов элементарным нормам общественной морали?»

И еще две выдержки по этой проблеме. «Главный принцип национальной политики коммунистической партии — создание таких условий, когда каждый советский гражда-

нин, в каком бы регионе страны он ни находился, мог пользоваться всеми правами и свободами, развивать свою культуру и язык независимо от национальной принадлежности... Наш курс — не растаскивание страны по обособленным национальным квартирам, а превращение ее в содружество подлинно свободных и равноправных социалистических наций».

Еще раз был подтвержден прогрессивный взгляд на социализм. «Исторический опыт убедительно показал, что не существует универсальной модели социализма, а попытки унификации, стандартизации общественного развития в разных странах обречены на неудачу. И напротив, свобода выбора, самостоятельность способны обогатить теорию и практику социалистического строительства».

Во внешней политике подтверждался решительный отказ от ставки на силу, на диктат. Однако в том, что Советский Союз вот уже целое 50-летие живет в условиях мира, важную роль играют и вооруженные силы Советского государства.

Пришлось остановиться и на отдельных вопросах, связанных с обвинениями в адрес Советского Союза. Ведь в последнее время договорились чуть ли не до того, что Советский Союз несет ответственность и за приход к власти в Германии фашизма, и за начало второй мировой войны, и что «холодная война» тоже, мол, дело рук СССР. Вот это не имеет ничего общего с исторической правдой.

«Наши жертвы, принесенные на алтарь мира и прогресса, — отмечалось в докладе, — неисчислимы. И самая дорогая цена, которую мы заплатили, — это многие миллионы жизней советских людей, унесенные войной с фашизмом. Разве после всего этого можно предъявлять какие-то претензии к нашей стране? Советский Союз ни у кого не был в долгу».

Доклад с одобрением был встречен залом. Я получил немало писем в его поддержку, положительно откликнулась на доклад значительная часть печати. В иностранной прессе его расценили как уверенный, достаточно демократичный и вместе с тем обозначивший рубежи, дальше которых Кремль отступать на данном этапе не намерен. Помню, в одной газете автор серьезной статьи писал, что высшее пар-

тийное руководство, кажется, докладом Крючкова расставило точки над многими «i», многими вопросами.

Но не вся наша пресса выразила одобрение содержанию доклада. Правда, прямой критики не было, но отсутствие поддержки положений доклада со стороны части средств массовой информации кое о чем говорило: доклад насторожил все громче заявлявших о себе новых «демократов» и конечно же пришелся не по душе Яковлеву, вовсю работавшему тогда на разрушение, а не на созидание. По брошенной им реплике, «доклад был скорее консервативным, чем демократическим».

В то время мне доводилось часто беседовать с первыми руководителями бывших союзных республик, некоторых национально-территориальных автономных образований. Все они в разной мере поднимали один и тот же вопрос: надо определяться, нужна четкая линия, последовательная и твердая, нужны все формы воздействия на нарушителей правового порядка, в том числе и силовые акции, когда речь идет о противодействии насилию. Нечеткая позиция, считали они, используется в спекулятивных целях, люди теряют уверенность.

О таких настроениях было известно по различным каналам информации, да и из печати. Иностранные представители не без иронии говорили, что по темпам развития «демократии» и «гласности» мы уверенно вышли на первое место в мире.

Один итальянский представитель в завершение беседы как-то сказал мне, что демократия должна стоять на правовых основах, и тут же спросил: «А вы не перешли рамки?»

Мне кажется, что демократия, т. е. власть народа, — это то, от чего мы никогда не должны отказываться. Если бы у себя в стране мы стали вовремя развивать демократические начала, использовали бы власть народа в полном объеме, то какое огромное число бед нам удалось бы предупредить, сколько удалось бы осуществить конструктивных дел! Возможно, уже не одно поколение советских людей жило бы в условиях, когда демократические принципы стали нормой. Бичуя революцию, рьяные ее противники сами сходят с эволюционного пути, не ведая, что идет нагромождение проблем, которые не только не решаются, а загоняются

вглубь, становятся все более трудными и в один прекрасный момент могут привести к социальному взрыву в весьма опасных масштабах.

Мне думается, что лиц, называющих себя демократами и убежденных в том, что они таковыми являются, можно разделить, по крайней мере, на две категории. Первые по характеру своей деятельности относятся к числу разрушителей. Они охотно критикуют историю, настоящее и добираются даже до будущего. Никаких созидательных программ при этом не предлагают: главное — сокрушить!

К числу таких «ярких» представителей можно смело отнести А. Н. Яковлева. Разрушающий подход в последние годы прослеживается во всей его деятельности. Он сторонник капиталистического пути развития, и тут нет ничего предосудительного, хотя прежде Яковлев твердо стоял на позициях защиты социалистических ценностей. Ну что ж, наступило прозрение...

Ну а как перейти с одного общественного строя на другой? Люди его уровня должны, видимо, думать и об этом. Если идти путем эволюционного развития, по возможности без больших жертв со стороны народа, и так вдоволь настрадавшегося, без социальных потрясений, т. е. при минимальных издержках, — это одна сторона ситуации. Ну а если через глобальное разрушение — развал государства, экономики, через кровавые межнациональные конфликты, ослабление международных позиций, за счет роста угрозы территориальной цельности и т. д., — это будет уже другая ситуация.

Как-то в начале 1989 года Яковлев выступил с докладом. В нем содержалось утверждение, что не стоит бояться слома и разрушения устоев, на которых держалось наше общество и государство, что через два-три года положение в стране выправится и дела пойдут в гору.

Я позвонил ему и сказал, что через два-три года при таком развитии обстановки у нас будет совсем плохо и что со сроками вообще, может быть, следовало бы проявить бóльшую осторожность.

Яковлев задумался и ответил, что если через два-три года дела не поправятся, то нам следует всем уйти в отставку и

уступить место другим, что, во всяком случае, он поступит таким образом.

Не сразу удалось мне разобраться в этой одной из самых зловещих фигур нашей истории. Тут и моя вина, и моя беда.

Есть правда, которую я не должен, просто не вправе, уносить вместе с собой. Речь идет о крайне важных вещах не только с точки зрения государственных интересов, но и, пожалуй, вообще для дальнейших судеб всего нашего народа, для более глубокого понимания трагедии, постигшей советских людей. То, что я собираюсь рассказать, касается не только одного Александра Николаевича Яковлева. История, связанная с ним, была настолько серьезной, что на протяжении длительного времени, признаюсь, в буквальном смысле слова мучила меня, заставляла задуматься о куда более масштабных проблемах, о весьма серьезных и деликатных вещах, ставила перед очень нелегким выбором.

К сожалению, в то время она так и осталась не выясненной до конца, хотя сейчас, оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что лично для меня сомнений теперь уже не осталось...

Полученные неофициальным путем — по каналам КГБ (разведки и контрразведки) — сведения, касающиеся Яковлева, как нельзя лучше подтверждаются всеми его действиями и поступками, четко накладываются на происшедшие в нашей стране события. Они проливают свет на истинные мотивы поведения и других лиц, в первую очередь человека, который за границей снискал себе сомнительную славу называться «первым немцем», а у себя дома заслужил лишь презрение и ненависть всех тех, кто независимо от своей национальной принадлежности еще недавно с гордостью величали себя советскими людьми.

До 1985 года лично я почти не знал Яковлева, видел его пару раз, но уже кое-что о нем слышал.

Первая наша встреча состоялась, пожалуй, в 1983 году, в бытность мою начальником Первого Главного управления КГБ. Когда мне доложили, что со мной хотел бы встретиться Яковлев, бывший тогда послом СССР в Канаде, я не удивился. Ничего необычного в этом не было — послы регулярно посещали нашу службу. Ведь у нас друг к другу всегда

много вопросов, разведчики стремились помогать в работе послам, а те, в свою очередь, часто оказывали полезное содействие в выполнении наших задач: все мы работали на одно государство. Без понимания со стороны послов, более того, без их поддержки, разведывательная служба эффективно действовать не в состоянии. Да и дипломаты нуждаются в нас, многие вопросы возможно решить только сообща.

Прежде чем принять Яковлева, я поинтересовался у сотрудников, курировавших канадское направление, какие конкретные вопросы имеет в виду затронуть гость, к чему нужно быть готовым. Оказалось, что, напрашиваясь на беседу, посол каких-либо специальных тем для обсуждения не обозначал, сказал, что разговор будет носить общий характер.

У меня, помню, в этой связи даже мелькнула мысль поручить провести разговор с Яковлевым одному из своих заместителей, но наши товарищи с уверенностью предположили, что посол наверняка будет жаловаться на нашу службу, резко критиковать сотрудников резидентуры и центрального аппарата, а может быть, даже намекнет на желательность полного сворачивания оперативной работы в Канаде. Если разговор примет откровенный характер, подчеркнули в заключение товарищи, то Яковлев «ударит по КГБ в целом». Это, мол, его «любимый конек».

Помню, что именно в этот момент мне по какому-то другому вопросу позвонил Андропов, бывший тогда уже Генеральным секретарем ЦК КПСС. Воспользовавшись этим звонком, я вскользь заметил, что мне предстоит встретиться с Яковлевым. Тотчас же стало ясно, что Юрий Владимирович также придерживается о Яковлеве довольно нелестного мнения. Он не только подчеркнул неоткровенность этого человека («Что он думает на самом деле, ни черта не поймешь!»), но и, более того, выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом.

Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже как работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. «Кстати, — заметил Юрий Владимирович, — есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются».

В числе хлопочущих людей был назван и Арбатов, который, по словам Андропова, еще при Брежневе сам приложил руку к тому, чтобы отправить Яковлева подальше из Москвы на посольскую работу, «а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца».

Да, именно так, назвав Яковлева «проходимцем», и закончил наш телефонный разговор Юрий Владимирович.

В дальнейшем я не раз вспоминал эту короткую, но очень емкую характеристику, данную Андроповым, заметьте, еще в 1983 году...

Встреча с Яковлевым прошла в строгом соответствии с предсказанным мне сценарием. Нарекания на сотрудников разведслужбы лились сплошным потоком, а всему КГБ доставалось при этом еще больше. Поначалу оценки облекались, правда, в мягкие, даже осторожные выражения, но подтекст прослеживался четко: зачем, мол, и кому нужна наша разведка в Канаде?

«Пустая трата усилий и денег», — с жаром утверждал посол. Александр Николаевич был убежден, что резидентура только и занимается тем, что вовсю следит за ним — подслушивает, ведет наружное наблюдение, досматривает почту, и вообще, как он выразился, «копается в грязном белье».

Да, исподнее Яковлева действительно уже в ту пору было ой каким «несвежим»! Если бы наши сотрудники и впрямь занимались тем, что им приписывал Яковлев, думаю, мы гораздо раньше узнали бы некоторые «детали», которые до сих пор пытается тщательно скрыть этот «архитектор» перестройки...

Я старался дать собеседнику выговориться, не прерывал его, но к концу беседы Яковлев все же узнал и мою позицию. Я сказал, что недостатков и промахов в нашей работе даже больше, чем считает посол, но ведь есть и положительные дела, о которых он почему-то не упомянул и которые с лихвой перекрывают весь тот негатив, который есть в деятельности разведки. Столь отрицательные суждения о разведслужбе, Комитете госбезопасности в целом, подчеркнул я, для меня лично являются неприемлемыми, поскольку они, по моему глубокому убеждению, просто не соответствуют действительности. Характер работы разведки таков, что, к сожалению, о ее успехах и конкретных результатах в откры-

тую не расскажешь, но они тем не менее есть, хотя и не в таких количествах, как хотелось бы.

Надо сказать, что после этого довольно решительного отпора Яковлев быстро сориентировался и стал проявлять такую гибкость, что заключительная часть нашей беседы прошла совсем в ином ключе, отличалась уже сплошной «доброжелательностью» с его стороны и, более того, «заботой», как помочь нашим разведчикам в Канаде.

Но тем не менее мои первые впечатления от личной встречи с Яковлевым остались неизменными — они полностью подтверждали слова, сказанные Андроповым.

В памяти отложился настороженный колючий взгляд Александра Николаевича, недоброжелательность его натуры, уникальная способность быстро менять свою точку зрения, переходить от только что высказанных оценок к прямо противоположным. И главная его черта — исключительная скрытность, замкнутость.

Ни в ходе нашей первой встречи, ни потом мне никогда не удавалось составить завершенное представление о внутреннем мире этого человека: вот уж про кого поистине можно сказать, что «его душа — потемки»!

Вскоре после описываемых событий Яковлев (с помощью Горбачева) вернулся в Союз и тут же был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Он довольно быстро вошел в неофициальную команду Горбачева, помогая последнему готовить материалы к докладам и статьям.

Наши контакты с Яковлевым стали носить более частный характер. В 1985 году Яковлев вновь возвращается на работу в ЦК КПСС, при этом он окончательно связывает свою судьбу с Горбачевым, вместе с ним начинает перестройку, которая поначалу, как известно, проходила под маловыразительным лозунгом ускорения. Многие тогда не понимали, куда и зачем нужно ускоряться, к чему эта безудержная гонка, и вот только сейчас мы воочию наконец увидели, куда спешили и к чему в итоге пришли.

Страна действительно нуждалась в переменах, в обновлении существовавшей у нас системы, определенной корректировке политического курса. Кое-что следовало решительно отбросить (и здесь, конечно, было невозможно пол-

ностью избежать радикализма), нужны были новые подходы.

Говорил об этом сам Горбачев, этим начинал и заканчивал свои речи и статьи Яковлев. Ну что тут возразишь? В общем-то все вроде правильно.

Многие были за это, в том числе и я. Ведь о необходимости перемен еще задолго до Горбачева говорил и Андропов. Правда, не так размашисто, с известной долей осторожности, присущей ответственному политическому деятелю.

Однако никто не допускал и мысли о развале Союза, не помышлял о смене существовавшего общественного строя. Просматривалось стремление сплотить Союз, укрепить державу, навести в стране порядок, подтянуть дисциплину.

Вполне возможно, что так на первых порах думал и сам Горбачев (хотя последующая информация и развитие событий заставляют меня усомниться и в этом). Но отнюдь не к этому изначально стремился Яковлев!

Говорю это не только с полной ответственностью, но и со знанием дела. Сейчас, когда все мы стали свидетелями стольких трагических событий, когда на наш народ обрушилось такое количество бед и несчастий, ответы на многие вопросы уже получены. Яснее стала и та зловещая роль, которую сыграл во всех этих делах Яковлев. Казалось бы, маски давно сброшены, и вот он, Александр Николаевич, предстал наконец перед нами во всем своем истинном обличье этакого «злого гения», роковой фигуры нашей истории! Смею, однако, уверить читателя, что у нашего «героя» было немало масок, и не все они пока сброшены.

Яковлев делал все для того, чтобы обеспечить приход к власти Горбачева. Ему нужен был Горбачев, и никто другой! (Запомните эти слова, позже станет понятнее их смысл.) Не ахти какие рычаги, надо сказать, были для этого у Яковлева, но он очень старался и искренне ликовал, когда в 1985 году Горбачев все же стал Генсеком.

Впереди был еще долгий путь, но первая победа была одержана, разрушительный план потихоньку стал воплощаться в жизнь.

Возникает законный вопрос: с чего это вдруг Александр Николаевич воспылал любовью к Михаилу Сергеевичу? Что связывало этих двух таких разных, казалось бы, людей?

Близко познакомились они в 1983 году, когда совпосол в Канаде Яковлев всячески обхаживал мало заметного тогда члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Горбачева во время его официального визита в эту страну.

Я не замечал, чтобы Яковлев в ту пору, да и в последующее время, слишком высоко отзывался о Горбачеве, но с этого времени он старался всячески укреплять его позиции и всегда быть рядом с ним. Я уже говорил, что по возвращении в Москву Яковлев активно помогал Горбачеву в подготовке публичных выступлений, где в изобилии были слова о верности партии, преданности делу социализма, о любви к Родине и т. п.

Но у самого Яковлева с языка частенько срывались совсем иные высказывания. Сначала это происходило в виде брошенных как бы невзначай фраз, но мало-помалу те же мысли появлялись уже в виде отдельных положений, высказывались в форме точек зрения, взглядов, им посвящались целые труды.

Яковлев не воспринимал Союз, считал нашу страну империей, в которой союзные республики были лишены каких бы то ни было свобод. К России он относился без тени почтения, я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало.

Именно Яковлев сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки в Прибалтике, на Кавказе. В Прибалтийских республиках он всячески поощрял националистические, сепаратистские настроения, однозначно поддерживал тенденции на их отделение. На Кавказе «симпатизировал» Армении, а по сути, подстрекал на выступления против Азербайджана, накалял обстановку вокруг карабахской проблемы. Вообще об Азербайджане отзывался всегда с явной неприязнью.

К республикам Средней Азии Яковлев в принципе относился как к чему-то чужеродному. «Ну скажи, зачем нам нужна Киргизия?» — вопрошал он с гневом, а на замечания о том, что это братский России народ, отвечал лишь презрительной ухмылкой. Значение Афганистана для безопасности наших среднеазиатских республик Яковлев считал иск-

лючительно проблемой самих этих республик. Заявления же о том, что дестабилизация обстановки в этих республиках не может не затронуть интересов Союза в целом, и России в частности, вообще не считал нужным комментировать.

Яковлев не выносил советский социалистический строй, с раздражением говорил о колхозах, совхозах, не скрывал своего однозначного негативного отношения к государственной собственности, но боготворил частную. Весь советский период нашей истории для него — сплошная черная страница.

В последнее время, когда уже модно стало не скрывать своих истинных взглядов, Яковлев резко отрицательно оценивал Октябрь, Ленина, вообще социалистический выбор. К КПСС относился просто с ненавистью, не видел для нее места в нашей действительности. После августа 1991 года, как видно из его публичных выступлений, он говорил об этом демонстративно, подчеркивая свои личные заслуги в устранении КПСС с политической арены.

Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь сам он был участником войны, получил на фронте тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу.

Нужно вспомнить и о позиции Яковлева по германскому вопросу. Видимо, у многих в памяти, как он старался доказать «преступность» соглашения Молотова — Риббентропа — пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенного в 1939 году. Как только он не корил Сталина, а заодно и Советский Союз, за «преступный сговор с фашизмом», за «предательство дела мира», забывая о том, что к тому времени положение Советского Союза было, мягко выражаясь, весьма деликатным. Практически он был изолирован, ни на какие серьезные переговоры с Советским Союзом западные страны не шли. Советский Союз был оставлен один на один с Германией, а последнюю всеми сила-

ми натравливали на Советский Союз. В этих условиях Сталин, разумеется, искал выход. Он прекрасно понимал, что страна исторически не готова к войне, неизбежность которой была очевидна для многих, в том числе и для Сталина. Ему нужно было во что бы то ни стало хотя бы на короткое время оттянуть начало войны с тем, чтобы лучше к ней подготовиться. И в этих условиях Сталин маневрировал. История еще скажет свое слово, даст объективную оценку тому времени. И Сталин поступил правильно, добившись для своей страны какой-то отсрочки во времени.

Другое дело — последующие действия Сталина, неверие в разведданные, просчет в сроках возможного начала военных действий, серьезные ошибки в первые дни войны.

Но это уже другие вопросы. Яковлев изо всех сил старался доказать, что Советский Союз был агрессором в отношении Прибалтики, Финляндии. А ведь действия Советского Союза были направлены на то, чтобы в случае войны с Германией наши западные границы были в более благоприятном, менее уязвимом положении. Непростой была ситуация с Польшей и вообще с польской проблемой. Но и в данном случае Сталин искал выход из положения и из двух зол выбирал меньшее, хотя, разумеется, не все его действия можно признать сегодня оптимальными.

Но одно дело судить о действиях Советского Союза и Сталина с позиций 1990 года, и другое дело — представить себя в 1939 году, когда Советскому Союзу приходилось действовать, оставшись один на один с Германией.

К сожалению, уже позже мне стало известно о том, что еще в 1987 — 1988 годах, посещая Германскую Демократическую Республику, Яковлев в беседах с отдельными советскими представителями зондировал вопрос о том, жизнеспособна ли ГДР, не стоит ли вести дело к тому, чтобы ГДР воссоединилась с Германией, и таким образом германская проблема была бы решена.

Правда, на возражения товарищей, с кем он вел такие разговоры, Яковлев реагировал странным образом: он немедленно отступал и говорил, что просто рассматривает одну из точек зрения, одну из возможных версий развития обстановки по германскому вопросу.

Сейчас вряд ли у кого остается сомнение в том, что в

данном случае Яковлев действовал с далеко идущими намерениями. По сути дела, мы пустили под откос итоги второй мировой войны, итоги Великой Отечественной войны в борьбе с фашистской Германией, мало что получив взамен. То есть мы отдали, по сути, те позиции, которые достались Советскому Союзу, всем миролюбивым силам ценой большой крови.

Глубоко уверен, что политологи, историки, германоведы, ученые других специальностей еще вынесут свой вердикт по поводу состояния дел в Европе до начала второй мировой войны, действий Советского Союза, и по столь уничтожающей критике, какой подверглись действия Сталина в канун второй мировой войны. Сталин действовал в неординарной обстановке, и потому его шаги были тоже неординарными. Есть еще один момент. Можно критически относиться к тому, что предпринял Сталин до начала второй мировой войны. Но разве можно относить на его счет чохом все обвинения, ответственность за те или иные поступки и действия, за нежелательное для нас развитие событий, что имело место десятки лет спустя, причем нередко без отсутствия всякой причинной связи между тем, что было и есть.

Я очертил лишь некоторые наиболее характерные взгляды, действия и особенности Яковлева. Некоторые из них он никогда особенно и не скрывал, другие начал излагать и подчеркивать публично лишь в самое последнее время, а кое-что предпочитает не афишировать и до сих пор. В конце концов, каждый волен поступать в соответствии со своими собственными убеждениями, и точки зрения у разных людей могут быть самыми противоположными.

Однако если ты один из руководителей партии, которая исповедует принципы, прямо противоположные твоим убеждениям, то выход здесь только один. Предложи партии свою концепцию, предложи открыто, гласно, а если она будет отвергнута — уйди! Тем более что с конца 80-х годов в стране уже было достаточно самых различных политических движений, из которых вполне можно было что-то выбрать себе по вкусу.

Но Яковлев пошел другим путем: он предпочел скрыть свои подлинные взгляды — говорил одно, а действовал совсем иначе. Славил Октябрь, Ленина, социализм, пел дифи-

рамбы, а на поверку делал все, чтобы очернить нашу историю, развалить существующий строй, подорвать идеологию. Значит, все-таки лицемерил Александр Николаевич, а свое истинное лицо показал только тогда, когда наступил подходящий момент. Видите, какой он храбрый! Не считал, мол, никогда нужным скрывать свои убеждения!

Казалось бы, все ясно — обычное лицемерие, испокон веков присущее любому политикану. И теперь у меня есть все основания поставить вопрос: а все ли маски уже сброшены, не скрывается ли опять за внешним обличьем очередное, еще более неприглядное лицо этого человека? Чуть ниже я поясню, что здесь имеется в виду.

Но сначала следует сделать одну оговорку. Обе зловещие фигуры нашей действительности — Горбачев и Яковлев одновременно являются и «архитекторами» и «прорабами» перестройки. Коварные задумки и их исполнение относятся к тому и другому. Они договорились, спелись, слились воедино, органически дополняя друг друга. В черной игре они менялись местами, но из чисто тактических соображений.

Бросается в глаза, что и Горбачев, и Яковлев к решению проблем развития нашего общества подходили во многом одинаково. У них вообще было много общего...

Казалось бы, уж если провозглашать курс на перемены столь радикального характера, то вся дальнейшая работа должна строиться на основе какой-то цельной концепции, отличаться взвешенностью, основательностью, носить фундаментальный, системный характер.

Однако на практике ничего подобного как раз и не было. Никакой целостной программы проведения перестройки никогда не существовало даже в проекте, тем более на бумаге — были лишь ее отдельные штрихи, эмоции да сплошные шарахания из стороны в сторону! Всюду царила полная неразбериха, решения принимались спонтанно, сумбурность и непоследовательность чувствовалась буквально во всем.

Теперь стало ясно, что делалось это умышленно, расчет был на то, чтобы закамуфлировать линию на разрушение Союза, существовавшего конституционного строя, на развал советской государственности. А она-то, эта линия, как раз с самого начала проводилась четко и неуклонно.

Здесь чувствовалась сильная режиссура, сокрушитель-

ные удары наносились точно по главной мишени. К заветной цели шли шаг за шагом. Яковлев начинал, а Горбачев развивал. Иногда, для виду, делали наоборот.

В том, что произошло с Советским Союзом, не было никакой объективной неизбежности, это явилось результатом действия субъективных факторов, то есть действий и поступков отдельных лиц. И у истоков этого разрушительного процесса стояли два человека — Горбачев и Яковлев. Жизнь уже высветила их роль в той трагедии, которая постигла наш народ, но не вся еще правда вышла на поверхность, есть еще грязные тайны, которые они все еще надеются сохранить.

Так почему же все-таки Горбачев и Яковлев однозначно встали на путь развала страны, почему они долгое время говорили и проповедовали одно, а творили совсем другое, когда и почему решились на самое тяжелое преступление — предательство собственного народа?

В августе 1991 года они вроде бы окончательно сбросили маски и сами признались, что до срока просто скрывали свои замыслы, но планы по развалу партии, от которой, кстати, они-то уж лично получили буквально все, на самом деле вынашивали давно.

По признанию Горбачева, он, оказывается, всегда был ближе к социал-демократам, нежели к коммунистам, изначально выступал за президентскую, а не парламентскую форму правления (дело даже не в том, какая из них лучше).

А Яковлев, так тот вообще в смысле слов и дел да и общей настроенности — фигура еще более ясная.

Как-то в разговоре со мной Андропов бросил такую фразу: «Яковлев же просто антисоветчик!» Этим сказано многое.

Яковлев догадывался, что думал о нем Юрий Владимирович, и терпеливо ждал своего часа, чтобы отплатить «обидчику». После смерти Андропова он все чаще стал позволять себе критические высказывания в его адрес: изумлялся авторитету его в народе («Ведь он же ничего не успел сделать!»), именовал его не иначе как «консерватором», а стремление Андропова навести в стране порядок и дисциплину квалифицировал как «зажим демократии».

Под влиянием Яковлева в том же духе вскоре стал высказываться об Андропове и Горбачев.

Так вот, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, стоит посмотреть на Яковлева с другой, возможно несколько неожиданной для читателя стороны. Вопрос этот острый и весьма деликатный: оперировать данными, полученными по каналам разведки, весьма сложно, поскольку существует реальная опасность раскрыть важный источник и даже поставить под удар живых людей. Я намеренно не хочу делать каких-то однозначных выводов, просто расскажу о некоторых известных мне (попутно замечу, не только мне) фактах. Пусть читатель поразмышляет и тоже сделает выводы.

Начиная с 1989 года в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывающая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров, в числе которых был и небезызвестный ныне О. Калугин, в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете.

ФБР проявило повышенный интерес к нашим стажерам с целью возможного приобретения в их лице перспективных источников информации, проще говоря, готовя почву для их вербовки. Обычное дело, удивляться тут нечему, тем более что фэбээровцы всегда отличались крайней бесцеремонностью и своего шанса старались никогда не упускать.

Надо сказать, что стажеры, оказавшись вдали от «всевидящего» ока отечественных служб безопасности, дали немало поводов для противника рассчитывать в этом деле на успех.

Калугин, будучи сотрудником КГБ, не только не мешал не слишком невинным забавам своих товарищей, но и сам принимал в них активное участие. Видимо, он полагал, что все их похождения останутся вне поля зрения наших органов, а когда почувствовал, что ошибся, ловко отвел удар от себя лично, настрочив донос на своего приятеля, стажера Бехтерева, который после этого на многие годы стал невыездным. Может быть, он и до сих пор не знает, кому обязан (кроме самого себя, конечно) таким поворотом дела...

Яковлев отлично понимал, что находится под присталь-

ным наблюдением американцев, чувствовал, к чему клонят его новые американские друзья, но правильных выводов для себя не сделал. Он пошел на несанкционированный контакт с американцами, а когда нам стало об этом известно, изобразил дело таким образом, будто сделал это в стремлении получить нужные для Советской страны материалы из закрытой библиотеки.

Инициатива Яковлева не была поддержана представителями нашей службы безопасности и дальнейшего развития, будем считать, не получила. Никаких претензий к Яковлеву предъявлено не было.

Вскоре стажеры закончили учебу и вернулись домой, чтобы, получив необходимый запас знаний, продолжать двигаться дальше по служебной лестнице.

В 70-е годы Яковлев работал послом в Канаде. Это было, как он сам говорил, вынужденное пребывание за границей, своего рода «политическая ссылка»: в Москве он пришелся не ко двору. В Канаде Яковлев развернул бурную деятельность, при этом любил демонстрировать нетрадиционные подходы, всячески подчеркивая свою оригинальность и независимость. Он поддерживал связи с широким кругом лиц, среди которых были бывший тогда премьер-министром П. Э. Трюдо. Отношения с премьером складывались доверительные, что в принципе делает честь любому послу.

Уже потом к нам поступили данные, что канадцы, в свою очередь, пристально изучали нашего посла и довольно быстро пришли к выводу, что Яковлев явно недоволен своим положением, негативно настроен по отношению к московским властям и что «пребывание в оппозиции» вообще является отличительной чертой его характера. Отсюда делался вывод о перспективности продолжения с ним тесных контактов.

Надо сказать, что канадцы, с одной стороны, отмечали полезность встреч с ним в силу их информативности, а с другой — довольно пренебрежительно отзывались о его личных и деловых качествах, подмечая в нем ограниченность и стремление работать только на себя. Особого будущего Яковлеву канадцы не предрекали.

Эта, прямо скажем, не очень лестная для Яковлева информация поступила к нам уже после 1989 года. Я доложил

ее лично Горбачеву, и, должен сказать, она произвела на него тягостное впечатление. Горбачев заметил, что канадцы верно подметили особенности Александра Николаевича. Для Горбачева доложенная мною информация была особенно неприятной потому, что к этому времени он уже прочно связал свою судьбу с Яковлевым, а тут вдруг такой материал, дающий обильную пищу для размышлений...

В 1990 году Комитет госбезопасности как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежных) источников крайне настораживающую информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации.

Но, видимо, на Западе считали, что Яковлев сможет проявлять больше настойчивости и активности, и поэтому одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего.

Профессионалы хорошо знают, что такого рода указания даются тем, кто уже дал согласие работать на спецслужбы, но затем в силу каких-то причин либо уклоняется от выполнения заданий, либо не проявляет должной активности. Именно поэтому информация была расценена нами как весьма серьезная, тем более что она хорошо укладывалась в линию поведения Яковлева, соответствовала его практическим делам.

Но очевидно было и другое — в конфликт вступали высшие интересы государства, с одной стороны, и весьма близкие отношения Яковлева с Горбачевым как по служебной, так и по личной линиям — с другой.

Однако предпринимать что-то было необходимо. Я решил посоветоваться с Валерием Ивановичем Болдиным, работавшим тогда заведующим общим отделом ЦК КПСС, близким к Горбачеву человеком, который, как это было видно, остро переживал за развитие обстановки в стране. Мы пришли к выводу, что информацию следует незамедлительно доложить Горбачеву с предложением еще раз самым

тщательным образом проверить полученные сведения, ведь речь шла о высших интересах государственной безопасности страны. Самостоятельно предпринимать какие-либо меры проверочного характера я не мог, так как речь шла о члене Политбюро, секретаре ЦК КПСС.

До сих пор хорошо помню свою беседу с Горбачевым. Я показал ему информацию — агентурные сообщения, откровенно поделился опасениями, подчеркнул необходимость тщательной и срочной проверки.

Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со своими чувствами. Немного придя в себя, он спросил, насколько достоверной можно считать полученную информацию.

Я ответил, что источник, сообщивший ее нам, абсолютно надежен, но объект информации настолько неординарен, что весь материал нуждается еще в одной контрольной проверке. При этом я рассказал, что каналы и способы проведения необходимых проверочных мероприятий в данном случае имеются, и притом весьма эффективные, и всю работу можно будет провести в сжатые сроки.

Горбачев долго молча ходил по кабинету. «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!» — вдруг вырвалось у него.

Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее. «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, — заглядывая мне в глаза, лепетал он, — сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал!»

Видя всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чем-то напряженно размышляя. «Слушай, — выпалил он вдруг с облегчением, — поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе на это скажет».

Признаюсь, я ожидал чего угодно, только не такого поворота. Собираясь к Горбачеву, я заранее предполагал, что он будет увиливать, что ни на какое решение не отважится, а предложит, к примеру, подождать и посмотреть, что будет дальше, не поступят ли дополнительные сведения. Но чтобы все это «вывалить» самому Яковлеву!

Я попытался сопротивляться, отвечал, что такого в практике еще не было, мы же просто предупредим Яковлева, и на этом дело закончится, до истины так никогда и не докопаемся.

Горбачев слушал мои возражения рассеянно, и я понял, что решение он уже принял. Было совершенно очевидно, что в случае отказа поговорить с Яковлевым Горбачев предупредит его сам.

Я зашел к Болдину и подробно поведал ему о своей беседе с Горбачевым. После некоторого раздумья Валерий Иванович посоветовал мне не очень переживать, невесело подытожив при этом: «Горбачев по Яковлеву все равно ничего предпринимать не будет».

Мы условились с Болдиным устроить под благовидным предлогом встречу втроем, в ходе которой Валерий Иванович на короткое время оставит меня наедине с Яковлевым для разговора с глазу на глаз.

Так и поступили. Как только мы оказались вдвоем, я сказал Яковлеву, что у меня есть одна неприятная информация, с содержанием которой я решил его ознакомить. Вкратце изложив Александру Николаевичу суть дела, я стал внимательно наблюдать за его реакцией.

Вид у Яковлева, надо сказать, был неважнецкий, он был явно растерян и ничего не мог выдавить из себя в ответ, только тяжело вздыхал.

Я тоже молчал. Так мы и просидели до возвращения Болдина, не проронив ни слова по существу. Я понял, что Яковлев просто не знает, что сказать в ответ, судя по всему, для него весь этот разговор явился полной неожиданностью. Значит, Горбачев, подумал я, решил не торопить события и не предупредил заранее своего протеже. В этой ситуации оставалось только ждать продолжения всей этой истории.

Разумеется, о состоявшемся разговоре и его особенностях я тут же доложил Горбачеву. В ответ — все то же гробовое молчание.

Прошел день, неделя, месяц, а Яковлев все никак не затевал разговора на эту тему ни со мной, ни, со слов Горбачева, с самим Президентом, хотя и общался с ним ежедневно.

Тогда я спросил у Михаила Сергеевича, что делать, может быть, провести проверку? Но Горбачев «добро» на про-

верку сигнала так и не дал, посоветовав вместо этого поговорить с Яковлевым еще раз. Мне оставалось только подчиниться.

Я поехал в ЦК КПСС к Яковлеву с каким-то сравнительно небольшим вопросом и попутно поинтересовался у Александра Николаевича, не говорил ли он с кем-либо, в частности с Горбачевым, о нашей недавней беседе. «Вопрос серьезный, — заметил я, — мало ли что может быть». В ответ услышал лишь тихо произнесенное: «Нет».

Ну а что Президент СССР? Он опять промолчал, когда я докладывал ему о своем повторном разговоре с Яковлевым. На том дело и кончилось — молчал Горбачев, молчал Яковлев, а я еще надеялся, что Президент рано или поздно одумается и разрешит наконец предпринять необходимые меры...

Вскоре А. Яковлев ушел из аппарата ЦК партии и был назначен руководителем группы консультантов при Президенте. Правда, в созданный при Президенте СССР Совет безопасности, не знаю уж по какой причине, Яковлев не вошел (хотя после августа 1991 года стал его членом), но даже на своем новом посту он все равно был допущен ко всем государственным секретам. И отношения между Горбачевым и Яковлевым не претерпели никаких изменений, они попрежнему отличались сердечностью и высокой степенью доверительности...

А «щекотливый» вопрос о возможном сотрудничестве Яковлева с американскими спецслужбами так и повис в воздухе, его больше никто — ни он, ни Горбачев — в беседах со мной никогда не затрагивал.

После августа 1991 года на должность председателя КГБ Горбачевым был назначен Бакатин. Помню, как я был поражен, узнав об этом назначении. Изумился я не выбору Горбачева — он-то все сделал «правильно». Мне была совершенно непонятна позиция Ельцина в этом вопросе. Ведь тогда фактически власть была уже у него, и без его согласия, уверен, назначение Бакатина состояться не могло. Неужели Ельцин не понимал, что, отдавая безопасность и разведку в руки «людей Горбачева», он лишает себя и своих едино-

мышленников важнейших источников информации? Значит, у Ельцина была более высокая заинтересованность — он нуждался в человеке, который разрушил бы Комитет. Для этого Бакатин вполне подходил.

Возвращаясь к вопросу о Яковлеве и материалам на него, хочу сказать, что назначение временщика Бакатина было для него как нельзя более кстати. Бакатин не скрывал поставленной перед ним задачи — разгромить органы госбезопасности. Об этой совершенно небывалой в мировой истории ситуации (возглавить, чтобы уничтожить) Бакатин с нескрываемым цинизмом пишет в своих мемуарах. Не знаю, были ли в процессе этого разгрома уничтожены материалы на Яковлева, или же они попали к российским службам безопасности, но, в любом случае, остались еще живые свидетели, которые, думаю, рано или поздно заговорят...

Кстати, мои показания на этот счет, данные в ходе следствия по делу ГКЧП, прокуратурой также были оставлены без внимания. А ведь я прямо указал, что в КГБ поступала информация по Яковлеву, о его «недопустимых, с точки зрения безопасности государства, контактах с представителями иностранной державы».

Не знаю, докладывались ли генеральным прокурором Степанковым мои показания «наверху», и если да, то какие указания по ним давались. Но уж Степанков со своим заместителем Лисовым, в силу своего служебного положения, точно с ними ознакомились — в этом у меня нет никаких сомнений. И что же? Забеспокоились, известили руководство, попытались, наконец, выяснить у меня дополнительные детали? Ничего подобного! Никто у меня никакими деталями не интересовался.

Уже после освобождения из-под стражи я решил пойти на неординарный шаг и опубликовал некоторые материалы о Яковлеве в открытой печати. 13 февраля 1993 года в газете «Советская Россия» была опубликована моя статья «Посол беды». В ней я подробно изложил историю с Яковлевым, разумеется кое-что опустив. Она вызвала определенный резонанс и даже большой интерес. Я получил много писем, много их поступило в редакцию.

Группа депутатов обратилась в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с запросом по поводу фактов, из-

ложенных в этой статье, и с требованиями разобраться, принять меры к выяснению, то есть начать расследование. Вот тут прокуратура зашевелилась, потому что деваться было некуда.

К тому времени Яковлев успел занять довольно сильные позиции в российских властных структурах, появлялся перед публикой, выезжал за рубеж, то есть стал государственным деятелем, наделенным всеми полномочиями, а главное — доверием со стороны российского руководства. В этих условиях я, посоветовавшись со своим адвокатом, решил воздержаться от дачи более подробных показаний, а попросить прокуратуру предоставить мне и адвокату материалы, которыми она располагает.

Прокуратура стала раздумывать, в итоге никаких материалов мне не показали. Короче говоря, началась игра в кошки-мышки.

Спустя некоторое время Генеральная прокуратура дала утечку в печать, из которой было видно, что в ходе проверки были получены какие-то сведения о том, что в Комитете госбезопасности находились материалы о несанкционированных контактах Яковлева с американцами во время пребывания его на стажировке в Колумбийском университете в 1959 году. Далее в Комитет госбезопасности также поступали материалы, которые давали повод судить о недозволенных действиях Яковлева, но все это не нашло подтверждения, и потому прокуратура эту проверку прекратила.

Другого результата я и не ожидал. Считаю, что до тех пор, пока у власти находятся те, кто покровительствует Яковлеву и тем, кому он служит, правды не добиться.

Я вовсе не хочу сказать, что у меня в кармане лежит истина. Однако факт остается фактом — без глубокой, детальной, объективной проверки всего того, чем располагали органы госбезопасности в отношении Яковлева, в этой личности не разобраться.

Любой другой на месте Яковлева настаивал бы на проверке, причем не ради проформы, а по существу. Но, видимо, в интересах каких-то сил оставить это дело «под сукном», не доводить проверку до конца и тем самым увести в сторону от истины, хотя интересы государственной безопасности требуют совершенно иного.

Позже из печати мне стало известно, что 18 июня 1993 года Генеральная прокуратура Российской Федерации вынесла постановление о прекращении уголовного дела по фактам, изложенным в показаниях бывшего председателя КГБ В. А. Крючкова и статье «Посол беды» в газете «Советская Россия» от 13 февраля 1993 года о недопустимых с точки зрения безопасности государства контактах Яковлева с представителями западных стран. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Упомянутое постановление мне так и не показали, но мне достоверно известно, что с ним был ознакомлен Яковлев.

В этом постановлении, в частности, отмечается, что некоторые лица из числа допрошенных — бывший начальник разведки Л. В. Шебаршин, бывший заместитель начальника разведки Ю. И. Дроздов — подтвердили, что за период их работы в конце 80-х годов в разведку действительно поступали сигналы о недозволенных контактах Яковлева с представителями западных стран. Они докладывались Крючкову, однако от последнего не было указаний на их проверку, поэтому никаких проверочных действий не проводилось.

Не отрицал и Горбачев: в ходе разговоров с Крючковым ему докладывалось о том, что есть сигналы о настораживающих действиях Яковлева и что они нуждаются в проверке. Горбачев не отрицает, что он не дал команды Крючкову на проверку этих сигналов, поскольку, по его словам, понимал замысел Крючкова — посеять недоверие к Яковлеву.

Как видно — весьма странная логика для отказа в проверке материалов, которые затрагивают интересы государственной безопасности.

Горбачев также не отрицал того, что сигналы шли от определенного источника, причем весьма важного, которые свидетельствовали о возможности сотрудничества Яковлева с американской разведкой. Однако каких-либо конкретных фамилий Крючков не называл, и потому все это вызвало у Горбачева сомнения.

Конечно, Горбачев не мог не дать этих скупых признательных пояснений по той простой причине, что есть лица, которые могли бы уличить его в неправде, если бы он вдруг решился вообще отрицать подобные факты.

Другие лица отказались подтвердить мои показания, заявили, что никаких материалов на Яковлева не видели и, разумеется, не могли их уничтожить и что заявления Крючкова являются клеветническими по своей сути. Такими лицами были Бакатин и Калугин. Но в этом нет ничего удивительного, потому что они и в самом деле не могли видеть подобные материалы. К тому же и Бакатин, и Калугин являются единомышленниками (а вернее, сообщниками) Яковлева по развалу Союза, по развалу Комитета госбезопасности. Если говорить о Калугине, то связка Калугин — Яковлев тем более примечательна, что после учебы в Колумбийском университете их дружба не прекращалась. И тут уже действует принцип рука руку моет.

Не дали откровенных показаний некоторые мои бывшие сослуживцы по работе. Вызванный для допроса в Российскую прокуратуру находившийся до меня на посту председателя КГБ СССР В. М. Чебриков показал, что он только из статьи Крючкова «Посол беды» узнал о настораживающих моментах в поведении Яковлева, а прежде ему якобы ничего не было об этом известно.

Видимо, забыл кое-что Виктор Михайлович и, в частности наш разговор в начале октября 1988 года при передаче мне дел по Комитету госбезопасности. В таких случаях обычно дают преемнику советы, не был исключением и наш разговор в тот памятный вечер.

Поскольку настораживающие сигналы в отношении Яковлева поступали до этого и в разведку, руководителем которой я был, и в КГБ, Чебриков счел нужным посоветовать мне проявлять осторожность во всем, что связано с Яковлевым. «Учти, — говорил он мне, — Яковлев и Горбачев — одно и то же. Через Яковлева не перешагнуть, можно сломать шею».

Не внял я совету Чебрикова, и, повторись ситуация заново, я снова не прошел бы мимо, только поступил бы более открыто и решительно.

Кстати, в этих же моих показаниях приводились сведения о получении пресс-секретарем Президента СССР Игнатенко солидных «подношений» от иностранцев. Данные технического контроля бесстрастно констатировали, что Игнатенко неоднократно получал крупные валютные суммы за

предоставление зарубежным журналистам возможности взять интервью у Президента СССР. Такие «подношения» раньше всегда квалифицировались как взятки, хотя сейчас, в пору расцвета «свободы и демократии», появилась тенденция именовать это нормальным бизнесом.

Так вот, по поводу Игнатенко прокуратура вдруг зашевелилась. Ко мне в «Матросскую тишину» прибыл специально назначенный следователь, который сообщил, что возбуждено соответствующее уголовное дело. Причем следствие решили начать конечно же с моего допроса в качестве свидетеля.

Я не возражал и был готов дать необходимые показания, поставив при этом лишь единственное условие: «Поскольку я нахожусь под арестом и не имею никаких гарантий того, что прокуратура не будет потом искаженно интерпретировать или цитировать мои свидетельские показания, хочу, чтобы допрос проходил в присутствии моего адвоката Иванова, который готов дать подписку о неразглашении».

После этого заявления следователя как ветром сдуло, и больше я его не видел.

Как уж он там вел следствие, опросил ли прежде всего самого Горбачева (который на представленных ему в свое время материалах по Игнатенко даже оставил собственную резолюцию), мне неведомо. Но все-таки констатирую, что в отношении Игнатенко колесо прокуратуры все же сделало (хоть и слабый) оборот. Правда, по некоторым фактам, связанным с Игнатенко, была дана «утечка» в печать, причем явно преднамеренного характера.

В этой связи возникает закономерный вопрос: «Зачем?» Видимо, кому-то нужно было «реабилитировать» Игнатенко, и вскоре в печати проскользнуло сообщение о том, что прокуратура опросила находящихся в Москве иностранных журналистов, и никто из них не заявил о даче взяток Игнатенко.

Не правда ли, любопытное заявление?! А посему дорога для более высокой карьеры Игнатенко была расчищена, и в 1995 году он был назначен вице-премьером Российской Федерации по вопросам информации. Так щуку бросили в реку.

Иное дело Александр Николаевич Яковлев! Там, где, ка-

залось бы, требовалось проявить гораздо больше усердия (как-никак бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, член Президентского совета, наконец, руководитель группы консультантов Президента СССР), какие-то невидимые силы наглухо связали руки следователю!

Говоря об «архитекторе» и «прорабе» перестройки, нелишне вспомнить и о том, как он вел себя в августовские дни 1991 года. Объявился «на людях» Александр Николаевич лишь после того, как мы были арестованы, и тут же с балкона «Белого дома» пророчески предсказал, что к победе «демократов» будет примазываться всякая «шпана». Ну а где же он все-таки сам был 19 и 20 августа? В «деле ГКЧП» сведений об этом нет. Другая деталь — были допрошены тысячи свидетелей, вот только Яковлев в прокуратуру так ни разу и не вызывался.

Мелькнул он однажды лишь в показаниях Лаптева, бывшего председателя палаты Верховного Совета СССР, также большого «демократа», который после развала СССР мягко спланировал в кресло одного из руководителей концерна «Известия». Так вот, Лаптев рассказывает о своем телефонном разговоре с Яковлевым, который состоялся в первой половине дня 19 августа.

Оказывается, последний был в курсе того, что у здания Моссовета намечается проведение первого митинга «демократов» против введения чрезвычайного положения. «Могут быть задержания и аресты, — рассуждал Яковлев. — А вот если митинг не разгонят, тогда этот ГКЧП и его деяния — пустое и бояться нечего...» Сами участники этого диалога на митинг, конечно, не пошли.

Этот эпизод показателен для Яковлева. Он постоянно видит грань, за которой кончается личная безопасность, и никогда эту грань не переходит. Вот когда опасности нет — тут можно и выкатить грудь колесом. Проиллюстрирую это утверждение лишь одним примером.

Прошло уже больше года с того времени, как я был арестован. И вдруг слышу, как в зале Конституционного суда во время дачи свидетельских показаний по «делу КПСС» Яковлев заявляет, что КГБ готовил его убийство в автомобиль-

ной катастрофе. О готовящемся покушении его якобы предупредил какой-то генерал, после чего Александр Николаевич будто бы бросил мне решительный вызов: «Учти, Крючков, я написал письма, и в случае моей гибели произойдет разоблачение!»

Поразительная по своей беспардонности ложь! Причем не выдерживающая никакой критики! Конечно, такого разговора между нами никогда не было, как не готовилось, разумеется, и никакого покушения.

Но, может, действительно был какой-то генерал, который сознательно ввел в заблуждение и так не слишком-то храброго Александра Николаевича? Впрочем, и в это поверить трудно.

Что помешало тогда Яковлеву обнародовать этот «факт» раньше, еще в бытность мою председателем КГБ? Доложить Президенту, с которым его связывали столь теплые отношения, Верховному Совету? Сообщить журналистам? Наконец, рассказать об этом в августе — сентябре 1991 года, а не целый год спустя?

Я отреагировал на эту клевету так, как это можно было делать в моем положении арестованного — обратился к генеральному прокурору с требованием провести официальное расследование этого публичного заявления и вменить мне в вину организацию покушения на жизнь Яковлева.

Следствие в этом случае провести было несложно: прошло немного времени, и сотрудники аппарата КГБ СССР, через которых я якобы собирался осуществить покушение, все были наверняка живы. И генерала-осведомителя можно было бы смело назвать по имени, да еще представить к награде — как-никак, спас жизнь «отцу русской демократии»!

Попутно, кстати, я просил прокуратуру опять-таки вменить мне в вину и расследовать другую чушь, которая пошла гулять с легкой руки одного из корреспондентов «Московских новостей»: оказывается, несколько лет назад я готовил террористический акт и против Ельцина. Причем его убийство должно было произойти в Таджикистане, и был даже назван мой соучастник — руководитель органов безопасности республики.

Но разоблачать наветы политических мерзавцев, если они числились в «демократах», прокуратура не спешила. Ря-

довые следователи, читая эти клеветнические сообщения, лишь изумленно разводили руками, а их руководители предпочитали попросту не реагировать на мои заявления...

Но тем временем я и мой адвокат Иванов проявляли настойчивость и требовали от прокуратуры возбудить уголовное дело по «фактам» готовящегося якобы покушения на Яковлева и Ельцина со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем более что обо всем этом Яковлев объявил не где-либо, а в зале Конституционного суда!

Правда, о покушении на Яковлева я слышал впервые, а что касается Ельцина, то люди уже привыкли к тому, что на него очень часто покушались в разное время, при разных обстоятельствах, поэтому большого внимания на это не обратили. Ведь если вспомнить, то поначалу попытались утопить Бориса Николаевича в Москве-реке и кинули его туда с моста, да еще с мешком на голове, но Борис Николаевич доказал, что он спортивный человек, развязал мешок, вынырнул и оказался жив.

Поскольку покушение на жизнь человека образует состав преступления, то МВД СССР начало расследование.

История эта произошла в 1989 году, Борис Николаевич был тогда членом Верховного Совета СССР. Вскоре Бакатин — тогдашний министр внутренних дел Союза — по требованию Верховного Совета доложил на его заседании о результатах проверки, заявил о прекращении расследования за отсутствием самого события.

На недоуменные вопросы парламентариев Ельцин никаких пояснений не дал, ограничившись репликой: «Это моя частная жизнь».

Циркулировали слухи и о других «покушениях». Так, во время полета на одном из испанских самолетов хотели устроить аварию, но летчику удалось посадить самолет и избежать катастрофы. Но обратило на себя внимание, что, когда появилось сообщение об имевшей место попытке убрать Бориса Николаевича во время его полета над Испанией, национальная авиакомпания этой страны выступила с решительным протестом и опровергла сообщение, поскольку дело касалось престижа фирмы. Более того, пригрозила обратиться в суд, расценив это как клеветническое утверждение.

А спустя некоторое время уже в Москве какой-то пенси-

онер врезался на своих «Жигулях» в «Волгу» Президента России, но «Волга» оказалась на уровне, выдержала удар, и Борис Николаевич уцелел.

Совершенно обоснованно началось тщательное расследование, в ходе которого было признано, что произошло неумышленное дорожное происшествие. И вот уж совсем недавно, когда я находился в «Матросской тишине», кто-то через крышу хотел пробраться в служебные апартаменты Президента и совершить на него покушение. Средства массовой информации писали об этом долго и смачно. Правда, злоумышленник был отловлен, затем признан невменяемым, поэтому дело не состоялось.

В общем, истории с «покушениями» следовали одна за другой, и потому мне представлялось весьма необходимым развалить и так называемую «таджикскую историю» с готовившимся против Ельцина терактом.

С покушением на Яковлева Генеральная прокуратура разобралась довольно-таки быстро и сообщила в своем официальном ответе, что дело по факту покушения на него прекращено за отсутствием события.

А вот что касается истории в Таджикистане, то спустя лишь полгода пришел ответ, в котором было сказано буквально следующее: «Принятие процессуального решения по вашему заявлению о возбуждении уголовного дела в связи с сообщениями в средствах массовой информации о готовящихся убийствах Ельцина Б. Н. и Яковлева А. Н. задерживается ввиду возникших сложностей получения необходимых материалов из-за пределов Российской Федерации. О результатах проверки вам будет сообщено дополнительно. Прокурор отдела по надзору за расследованием особо важных дел», — и подпись.

Хотел бы обратить внимание на то, что речь в ответе идет не о заявлении Яковлева о готовившемся на него покушении, а всего лишь о сообщениях в средствах массовой информации. Понятно, для чего эта неточность — для того, чтобы даже в этом выгородить Яковлева.

Так оно, в общем, потом и случилось. Спустя несколько месяцев я получил извещение о том, что уголовное дело по факту организации покушения на Ельцина прекращено за отсутствием самого события. Так закончилась и эта история

с клеветой Яковлева. Никто ни юридически, ни морально не осудил его за клевету, никто не упрекнул в том, что он действовал негодными средствами, все было спущено на тормозах, как и можно было ожидать в ситуации, сложившейся в России.

Я как раз обдумывал, как завершить свой рассказ о Яковлеве, когда принесли свежие газеты. Из них я узнал о решении Ельцина назначить Яковлева председателем государственной комиссии по реабилитации. В составе этой комиссии министры безопасности и внутренних дел. Какое уж тут расследование! «Архитектор» перестройки продолжает свою работу...

События последних лет в стране напоминают мне мощный селевой поток в горах. Человек перед ним пока в общем-то бессилен. Можно спрогнозировать, рассчитать время его начала, предупредить людей, а затем отойти в сторону и ждать исхода. Сель сметает, уничтожает на своем пути живое и неживое. Мольбы ко всемогущему бесполезны. Человек путается в догадках, за что такое наказание, такая напасть.

В причинах возникновения селевого потока субъективности нет, тут закономерность. А вот в нашей перестройке, в ходе и результатах ее, переплетаются и объективные, и субъективные факторы.

В конце XX века управляемость процессами повышается до уровня, позволяющего регулировать, переставлять акценты, притормаживать или ускорять их. Определяющая роль здесь принадлежит личностям.

И вот еще об одном таком разрушителе, «архитекторе» и «прорабе» перестройки стоит поведать читателям. Речь идет об Эдуарде Амвросиевиче Шеварднадзе.

С ним мне довелось познакомиться в 1982 году, когда он работал еще в Грузии.

Прилетел я туда по служебным делам, провел совещание сотрудников КГБ Грузии. За три дня пребывания удалось кое-что увидеть в Тбилиси, побывать в Гори, провести несколько часов с Э. Шеварднадзе.

Встречи и беседы с ним произвели на меня положи-

тельное впечатление. Каких-либо «отклонений» от официальной партийной линии в его высказываниях я не заметил. Это был признанный партийный лидер, владеющий ситуацией, действующий строго в рамках решений руководящей партии. Того же требовал от других. Обращали на себя внимание его интернационализм, уважительное отношение к другим народам, особенно к русскому.

Запомнилось одно, показавшееся примечательным рассуждение Шеварднадзе о том, что центр недостаточно решительно руководит, снизилась требовательность, ослаб контроль. А вот республикам можно было бы дать побольше свободы вместе с повышением их ответственности. По его словам, не следовало преувеличивать опасность национализма, он уже не сможет быть явлением, с которым нельзя справиться.

Смешанное впечатление на меня произвело посещение Гори и музея И. В. Сталина. Музей был практически пуст. Гид музея — сравнительно молодая, начитанная, с умными, выразительными глазами женщина — охотно рассказывала о Сталине, делая особый упор на его личные качества: скромность, непритязательность в жизни. Настойчиво предлагала ознакомиться с самыми последними записями в книге отзывов.

Узнав, откуда мы, а там был и Алексей Николаевич Инаури — председатель КГБ Грузии, она стала в открытую интересоваться судьбой музея, отношением к Сталину, подчеркивая, что была и остается его почитателем.

Я смотрел на нее, слушал и невольно думал, что в Сталине ее жизнь, закройся музей — и для нее и для других сотрудников оборвется почти все. Время ни с кем и ни с чем не считается. Только одни — более счастливы, а другие — более несчастны, у одних все в прошлом, а у других в будущем.

Вернулись в Тбилиси. Шеварднадзе заметил, что нельзя не считаться с настроением населения республики, значительная часть которого не только за сохранение музея в Гори, но и памяти о Сталине в Грузии и в Союзе. В словах самого Шеварднадзе сквозило резко отрицательное отношение к Сталину. Поэтому, когда сейчас Шеварднадзе пытается опереться на имя Сталина, за что получил поддержку

грузинского общества сталинистов, я думаю еще об одном «кульбите» в его политической карьере. В то время у меня уже сформировалось собственное отношение к Сталину, и я невольно подумал о тех у нас в стране и за ее пределами, для которых переоценка в свое время отношения к Сталину означала, по меньшей мере, духовную трагедию.

Прошло немного времени, и в 1985 году судьба свела меня с Шеварднадзе в Москве. Как начальник разведки, я довольно часто контактировал с ним как с министром иностранных дел в СССР.

Помню, за пару дней до назначения Шеварднадзе министром иностранных дел со мной затеял разговор бывший тогда председателем КГБ Чебриков. Он сказал, что возник весьма важный и срочный вопрос: кого следовало бы рекомендовать на пост министра иностранных дел и каково на этот счет мое мнение.

Я имел прямое отношение к международным делам, разумеется, знал немало товарищей, работавших на внешнеполитическом поприще. Я спросил: «А есть ли уже кандидатура или кандидатуры, проходящие стадию обсуждения?»

Чебриков ответил, что есть несколько кандидатур, но пока ни на ком не остановились. Он спросил, каково мое мнение, в частности, об отдельных членах Политбюро. Причем, когда очередь дошла до кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Шеварднадзе, он задержался, и я понял, что, возможно, речь идет именно об этом человеке.

Я ответил, что если обсуждается кандидатура Шеварднадзе, то, по-моему, следует воздержаться от этого шага. Не потому, что у меня плохое мнение о нем, для суждения я недостаточно его знаю, а потому, что вряд ли будет по плечу Шеварднадзе «пересесть» с чисто внутренних проблем на внешнеполитические.

До сих пор в Советском Союзе не считались с тем, что внешняя политика — это профессия, и там должны работать профессионалы или, во всяком случае, люди, хорошо для этого подготовленные. Конечно, могут быть и исключения. В порядке освежения кадров в Министерство иностранных дел есть смысл направлять лиц из других ведомств и организаций, не исключение и пост министра иностранных дел, но в конкретном случае следует основательно подумать, ведь

речь идет о замене Андрея Андреевича Громыко, и эта проблема имеет массу особенностей.

Во-первых, Андрей Андреевич человек, бесспорно, широко эрудированный, глобально и остро мыслящий. Он прошел всю служебную лестницу от рядового дипломата до министра иностранных дел.

Во-вторых, на этом посту проработал почти 30 лет, побил все рекорды, неизвестно, будет ли этот рекорд превзойден когда-нибудь в будущем.

Громыко обладал огромным опытом и, кроме того, научился, и это, пожалуй, самое главное, последовательно, мужественно, стойко отстаивать интересы нашего государства. Мир знает Громыко, мир с ним считается, и не случайно на его счету немало крупнейших дипломатических побед.

Возможно, некоторым Громыко казался слишком задержавшимся на посту министра иностранных дел, но это — уникальная личность, и потому не случайно его столь длительное пребывание на посту министра.

Шеварднадзе, разумеется, никогда не дотянет до Громыко, и мы поставим этого человека в крайне неловкое положение, поэтому есть смысл поискать другого.

Кроме того, как мне представлялось тогда, очень важно, чтобы на посту министра иностранных дел был представитель наиболее многочисленной национальности, населявшей Советский Союз. В данном случае желательно, чтобы им был русский.

Мне показалось, что я убедил Чебрикова. Он сказал, что обязательно переговорит с Горбачевым, во всяком случае, он разделил мои соображения.

Однако через пару дней вышел указ, а до этого решение Политбюро ЦК КПСС, и вместо Громыко на пост министра иностранных дел был назначен Шеварднадзе.

Позже я много раз вспоминал свой разговор с Чебриковым и очень жалею, что не вышел сам на Горбачева. Правда, особых возможностей прямого выхода на него у меня тогда не было, однако ради такого случая можно было бы попытаться это сделать.

По отзывам товарищей из Министерства иностранных дел, Шеварднадзе очень тяжело входил в дело. Он понимал, что не все вопросы можно решить с ходу, а гордость и само-

любие делали свое дело, и потому он рассматривал проблемы с налета, быстро принимал решения, порой не просчитывая, к каким последствиям они могут привести.

Вот эта черта — быстро принимать решения, не разобравшись во всех деталях, и самое главное, не оценив, к каким последствиям это может привести в будущем, была характерной для Шеварднадзе. Эта особенность превратилась в стиль его работы, распространилась на все возглавляемые им ведомства, что принесло огромный вред нашему государству. При подобном стиле оказывался невостребованным большой интеллектуальный и профессиональный потенциалы коллектива дипломатов, превращавшихся в простых исполнителей, а то и просто созерцателей.

На посту министра Шеварднадзе казался работоспособным, контактным, встреч у него с различными людьми было много. Создавалось впечатление, что он искал решения проблем, правда пренебрегая фактором времени, торопя развитие событий, а это, как известно, в его положении было непозволительно. Ведь иногда есть смысл не торопиться с выводами, а положиться на время, которое само рассудит и разложит все по полочкам.

Проблем накопилось немало, все они были разные, требовался учет различных факторов и позиций многих стран. Огромный объем — отношения с ведущими капиталистическими странами. Советский Союз заявил о желании развивать их, но несовместимость интересов преодолеть куда труднее, чем кажется на первый взгляд, поскольку они нередко носят или объективный характер, или устойчиво субъективный.

Уступки и компромиссы — других посылок справедливого решения накопившихся противоречий в отношениях между странами нет. И вот вместо кропотливого поиска решений, учитывающих интересы сторон, Шеварднадзе, конечно вместе с Горбачевым, инициировал обвальный процесс односторонних уступок, сдачи позиций, точно по пословице: «Лиха беда начало!» Советский Союз снял многие возражения на переговорах по разоружению, дело сдвинулось, однако наши оборонные позиции были в опасной мере ослаблены. По многим направлениями мы не получали

конкретных и твердых договоренностей, подкрепленных гарантиями.

С социалистическими странами решили идти врозь в стремлении быстрее развязать международные узлы и прийти к согласию. Социалистическое содружество стало разваливаться, словно карточный домик. Наши друзья начали превращаться в оппонентов.

Шеварднадзе, как министр иностранных дел, был в центре международных событий, всей внешней политики Советского Союза. От него, разумеется, зависело многое, но до определенного времени положение спасало то, что решения принимались коллективно, тщательно обсуждались и опасных сбоев не происходило.

Политбюро продолжало держать вопросы внешней политики в своих руках. Кстати, Громыко считался с высшим партийным органом, и не было случая, чтобы он не прислушался к мнению Политбюро.

В то время кое-кому, и прежде всего Горбачеву и Шеварднадзе, казалось, что дело движется медленно, на достижение договоренностей уходит слишком много времени, если в срочном порядке не пойдем на соглашения, то дальше будет хуже, придется идти на еще большие уступки. Утверждалось, что наша «неуступчивость» мешает развитию отношений с США и другими странами в иных областях, и прежде всего в торгово-экономических.

По сути дела, это был шантаж. И к сожалению, он подействовал.

Шеварднадзе активно занимался афганской проблемой и всячески подчеркивал, что стремится найти путь к ее урегулированию. Вместе с ним я неоднократно посещал эту страну. Удалось глубже изучить обстановку в стране, расстановку сил, всесторонне проанализировать советско-афганские отношения, оценить перспективы развития ситуации в Афганистане и вокруг него.

В результате пришли к однозначному убеждению: надо выводить советские войска и дать возможность афганцам самим решить свои дела, разумеется не бросая их на произвол судьбы, оказывая им необходимую политическую, военную и материальную поддержку. Женевские соглашения рассматривались как форма урегулирования афганской

проблемы, приемлемая для всех сторон. Другой выход в то время не просматривался.

Мало кто думал тогда, что после вывода 15 февраля 1989 года советских войск из Афганистана режим Наджибуллы не только не рухнет, наоборот, укрепит свои позиции и свое влияние в Афганистане и в мире. И тем более вряд ли кто из честных политиков предполагал, что пройдет совсем немного времени, и в конце 1991 года Афганистан будет предан Москвой. Не только Афганистан, но и интересы самого Советского Союза, интересы России, и особенно среднеазиатских советских республик. Но так случилось.

Стало очевидным, что женевские соглашения для одних были честным стремлением найти выход из создавшегося положения, для других — уловкой, пользуясь которой можно будет в недалеком будущем задушить режим Наджибуллы в Кабуле в угоду силам реакции в самом Афганистане и недружественным по отношению к Афганистану и к нам кругам в других государствах региона и мира.

За время пребывания Шеварднадзе на посту министра иностранных дел на Советский Союз и наших друзей обрушивалась одна драма за другой. По последствиям они носили исключительно тяжелый характер, касались огромных геополитических регионов, затрагивали судьбы Советского Союза и других стран, влияли на положение дел в мире, открыли дорогу к практическому переделу сфер влияния на планете, к завоеванию новых позиций одними, в частности Соединенными Штатами Америки, и потере всяких позиций другими.

Мы, по сути дела, стали отталкивать от себя наших друзей из Восточной Европы, не говоря уже о Кубе. Мы не считались с ними! Вместо того чтобы изначально обговаривать основные направления внешней политики, подвергавшиеся принципиальным изменениям, советоваться с ними по наиболее важным проблемам, относящимся, на первый взгляд, к Советскому Союзу, мы ставили их перед свершившимся фактом. А ведь все, что было связано с Советским Союзом, учитывая его вес, имело отношение ко всем социалистическим странам. Более того, подобная практика имела место даже в тех случаях, когда решались вопросы, прямо затрагивающие их внутренние и внешние интересы.

В 1989 — 1990 годах прекратили существование Организация Варшавского Договора, Совет Экономической Взаимопомощи, т. е. те структуры, по которым шло военное, политическое, экономическое и иное сотрудничество между странами социалистического содружества. Перед общественностью мы пытались приукрасить, сгладить крах, в который ввергалось содружество, но в общем-то делалось это откровенно для проформы.

Было ясно, что идет сдача основополагающих позиций, относящихся к проблемам жизнеобеспечения социалистических стран, началась очередная перекройка мира. Налицо было отступление Советского Союза по всем позициям. Социализм, как идеология и практика, был предан, хотя внутри социалистических стран лишь меньшая часть общества выступала за отказ от социализма, по крайней мере, значительное большинство населения придерживалось социалистической идеи.

При Шеварднадзе, при его активной роли, нередко по его личной инициативе, началось глубокое и широкое отступление Советского Союза, а вместе с ним и других социалистических стран в области вооружения. Мы сдавали одни рубежи за другими, шли на соглашения с американцами и другими западными странами даже тогда, когда это очевидно не отвечало интересам обеспечения нашей собственной безопасности.

Наступила полоса широкого отступления социалистических стран по всем мыслимым и немыслимым направлениям. Мы кляли себя даже в тех случаях, когда это не вызывалось никакой необходимостью, взваливали на Советский Союз вину за его политику в прошлом и настоящем там, где эта политика была куда более благородна, чем политика Соединенных Штатов Америки и других западных стран. Мы, по сути, о чем говорилось и выше, согласились с утверждениями западной пропаганды о том, что, мол, якобы Советский Союз был повинен в развязывании «холодной войны», в создании напряженности в мире.

Мы фактически подвергли ошельмованию нашу политику в отношении стран третьего мира, в то время как могли бы гордиться ею. В ней были действительные просчеты, однако не это определяло существо нашей позиции. Опреде-

ляло ее стремление помочь странам, вставшим на путь национального освобождения, на путь борьбы с империализмом, на путь самостоятельного развития.

Великая сверхдержава, вторая в мире — Советский Союз на глазах всего человечества таяла, слабела, превращалась в государство второстепенное.

Мы нанесли ряд ударов по нашим интересам в области продажи вооружения другим странам, которые нуждались в этом, и освободили тем самым рынок для других стран. Забегая вперед, можно напомнить, что в 1991 году на долю США приходилось 18 процентов мировой продажи оружия, а в 1993 году США вышли на рубеж 38 процентов.

Когда-то примерно столько же приходилось на долю Советского Союза, а сейчас наша доля составляет всего несколько процентов от мировой торговли!

Спрашивается, ради чего же все это было сделано? Мы что — помогли тем странам, которые борются за свое национальное, политическое, экономическое освобождение? За свою политическую независимость? За то, чтобы проводить самостоятельный курс? Или в мире стало меньше оружия? Конечно, нет!

Я не знаю, есть ли еще такой министр иностранных дел, такое государство, которое могло бы похвалиться такими «победами», одержанными на всех фронтах внешней политики за небывало короткий срок. Думаю, что политологи, историки, экономисты будут поражаться тому, что произошло с нами за годы так называемой перестройки, и особенно в последней фазе ее развития. Их усилия помогут найти разгадку феномена, а следовательно, и ответ на этот вопрос. Уверен, что ответ на него потрясет мир. Он покажет, как предавались интересы нашего Отечества, как мы отказывались от своих ценностей, которыми имели все основания гордиться. Мы сами себе копали глубокую яму, из которой так нелегко нам будет выбраться.

В то же самое время был взят крен в сторону поиска (любой ценой!) новых друзей в лице США, развитых капиталистических стран Европы, Японии. Мы явно обгоняли события, забегали вперед, стали называть наши отношения кое с какими государствами партнерскими, а то и дружественными, иногда даже союзническими, невзирая на реальное положение вещей и реакцию в тех или иных странах.

Некоторые наши деятели пустились в самое настоящее состязание — кто кого переплюнет. Ничего, кроме улыбок, на Западе это не вызывало. Мы же спешили подтянуть свои отношения с этими странами до обозначенного на словах уровня — опять-таки путем уступок, лести и откровенного самоуничижения. Важнейший показатель нерезультативности такой политики заключался в отсутствии прогресса в торгово-экономических отношениях: развивать их с нами никто не торопился.

Уже после своей отставки в 1991 году Шеварднадзе зашел ко мне, чтобы объяснить подлинные мотивы ухода с поста министра иностранных дел. Он считал наши отношения достаточно тесными и полагал, что я должен был услышать от него некоторые откровения.

Я с готовностью встретился с ним. Он признал, что переживает по поводу своей отставки, но другого выхода для себя не видит. Оценив обстановку в стране как критическую, и, логически допуская возможность прихода жесткой власти, Шеварднадзе выразил надежду, что его шаг заставит Горбачева все-таки решиться пойти на меры, соответствующие условиям. Какие меры и против кого, не пояснил. Затем он коснулся, на его взгляд, деликатного аспекта вопроса, который был для него особенно мучительным.

Будучи министром иностранных дел, членом высшего руководства Союза, сетовал он, ему пришлось принимать непосредственное участие в реализации ряда непопулярных решений. Не стало содружества социалистических стран, выводятся из них наши войска, прекратила свое существование Германская Демократическая Республика. Вполне возможно, «придется решать территориальные вопросы с некоторыми соседними государствами». Его, как грузина, могут не понять, ему, мол, не жалко «российской» земли. «Словом, — заключил он, — лучше на этом посту держать русского».

Как к человеку, у меня не было оснований относиться к Шеварднадзе плохо. Тогда я допускал, что в своих побуждениях, возможно, он был искренен, стремился сделать как лучше. Но в эту последнюю встречу я говорил с другим Шеварднадзе, совсем не тем, что в начале 80-х годов в Тбилиси.

Прежний Шеварднадзе — это обычный партийный ра-

ботник, каких сейчас часто средства массовой информации изображают в негативном плане, как консерваторов, демагогов. Но, вне всякого сомнения, то был способный человек, которому были присущи чувство нового и желание поиска.

Шеварднадзе в конце 1990 года — это совсем другая личность, он полностью переродился, не только пополнил, но и возглавил ряды радикальных, неуемных «демократов». Еще немного, подумал я, и он порвет с КПСС, активно включится в движение за новое «демократическое» общество, полностью поменяет своих друзей в стране и еще больше приобретет их за рубежом.

В Грузии времен Гамсахурдиа он был персоной нон грата, тогдашние власти республики обрушили на него сокрушительную критику. Для него, как любящего свой родной край грузина, это была огромная личная трагедия.

В своих оценках вовсе не хочу претендовать на роль судьи, на истину в последней инстанции. Эту роль выполнит история, собственно говоря, она уже делает это, потому что личная трагедия Шеварднадзе не закончена. Она уже имеет и еще будет иметь свое продолжение, причем затронет не только его лично, но и всю Грузию в целом.

Я отрицательно относился к Гамсахурдиа, считал его националистом, безудержно стремившимся реализовать свои иррациональные замыслы, не считаясь с тем, принесут они Грузии благо или нанесут ущерб. Гамсахурдиа был не способен реально оценить ситуацию в республике и вокруг нее. Он бил своих политических противников, провозглашал лозунги, выдвигал цели, совершенно не задумываясь об их реальности. Он не мог мыслить масштабно, категориями взаимозависимого и взаимосвязанного мира.

Для характеристики Гамсахурдиа следует сослаться на некоторые его высказывания. В октябре 1989 года он во время беседы с московскими представителями, по словам одного участника встречи, так изложил свои взгляды: «В настоящее время в Грузии имеет место ренессанс гуманистических и патриотических идеалов меньшевизма, причем с опорой на самого радикального теоретика и практика перестройки А. Н. Яковлева». По мысли Гамсахурдиа, основная цель перестройки в Грузии — достижение политической независимости и установление несоциалистического социаль-

но-политического строя. Этот процесс должен был идти в два этапа: сначала — достижение экономического суверенитета, а затем — политического.

Рассказывая о планах достижения экономического суверенитета, Гамсахурдиа заметил, что это не его личная идея, а «часть западного плана помощи перестройке в СССР». О втором этапе он сказал, что те консультации, которые давал А. Н. Яковлев своим доверенным людям из ЦК КП Грузии, касались в первую очередь преобразования Национал-Демократической партии Грузии в партию социал-демократической ориентации и превращения ее в основную политическую силу.

Гамсахурдиа признал, что на примере Грузии и Прибалтики он убедился, как целенаправленно работают сторонники радикального крыла перестройки в Политбюро — Яковлев и Шеварднадзе. Если Яковлев контактирует, например, в ЦК КП Грузии со своими доверенными лицами напрямую, то Шеварднадзе дает указания тем из членов руководства грузинской партии, кто настроен консервативно или прогорбачевски, и никогда не стал бы контактировать или сотрудничать с радикалами. Таким образом, и Шеварднадзе, и Яковлев, проводя общую политическую линию, заключал Гамсахурдиа, задействуют для ее реализации людей, имеющих сильно различающиеся взгляды.

Когда в 1992 году Шеварднадзе решил вернуться в Грузию, он был, в общем, неплохо встречен, пожалуй, большей частью населения республики. Но ни мира, ни успокоения в Грузию Шеварднадзе не принес.

Конфронтация была продолжена, открывался один фронт за другим. Люди и группы лиц с другими политическими оттенками немедленно подверглись преследованию. Его обещания ничего хорошего для Грузии не принесли, Грузия продолжала катиться вниз, в пропасть. В результате ее народ оказался в исключительно тяжелом, плачевном состоянии: голод, разруха, кровь, жертвы, изгои, похищения женщин, детей, стариков и бесконечные военные конфликты, войны, войны.

Представители одной национальности сводили свои исторические счеты с другой. Жертвы оправдывались действиями другой стороны, а то и вовсе мотивировались высшими национальными интересами.

Внешняя политика Грузии отличается крайностями, непоследовательностью, отсутствием всякого реального учета действительности.

Ничего не получалось у Шеварднадзе на Западе, а ведь он рассчитывал, что его личные связи помогут решить многое. Какой грубый просчет! Какая наивность! Таким людям нет места в большой политике, поскольку они не имеют чувства реальности и не понимают, что сугубо личные отношения в большой политике играют невероятно малую роль.

Помню, в свое время на мой вопрос, может ли Грузия прожить без России, Шеварднадзе ответил, что вполне, но не больше десяти дней, после этого Грузия просто начнет погибать. И все же, на словах понимая ситуацию, Шеварднадзе тем не менее довел дело до разрыва связей между Грузией и Россией, отчего пострадала, конечно, и Россия, но в меньшей мере, а грузинский народ оказался в нищете, голоде, в ужасных страданиях.

Несчастье Грузии — тоже следствие той большой беды, которая обрушилась на бывший Советский Союз. Каждый может спросить себя, зачем нужно было разрушать государство? Зачем нужно было всем нам разбегаться в разные стороны? Безответственными заявлениями провоцировать межнациональные конфликты, гражданские войны то в одном, то в другом регионе нашей страны? Зачем испытывать судьбу, сворачивать с того пути, по которому наши народы шли веками и добивались многого?

Трагедия Грузии — трагедия всех грузин, других национальностей, населяющих Грузию, обернется драмой и для самого Шеварднадзе. Вряд ли будут положительными итоги его деятельности на посту президента: слишком тяжелы ранее совершенные им ошибки.

Нельзя сказать, что только ближайшее политическое окружение в лице Яковлева и Шеварднадзе оказывало влияние на Генсека. Долгое время рядом с Горбачевым находился еще один человек, придерживающийся прямо противоположных взглядов на развитие нашего общества. Речь идет о Егоре Кузьмиче Лигачеве.

Во многом именно благодаря Лигачеву удалось в тече-

ние некоторого времени удерживать Горбачева в определенных рамках, не допускать откровенных авантюр, на которые толкали страну «прорабы» и «архитекторы» перестройки. При этом сразу хочу подчеркнуть, что Егора Кузьмича отнюдь нельзя считать тем замшелым консерватором, которым его представляла и представляет послушная «демократам» пропаганда. Лигачев на первых порах активно воспринял перестройку, понимал необходимость перемен, но выступал при этом за взвешенный подход к реформам, лишенный перегибов.

Лигачева я узнал поближе сравнительно недавно — когда был назначен на должность председателя КГБ. Раньше слышал о нем как о твердом партийце, энергичном человеке, придерживающемся определенной линии.

Нельзя сказать, что ему было чуждо новое. Пожалуй, так не скажешь. Для него характерно было другое — он с трудом расставался со старым стилем и методами работы, политическими, экономическими установками, был осторожен к новому, не признавал никаких отступлений от марксистско-ленинской идеологии. Последовательно выступал за сохранение руководящей роли партии, однако считал закономерным, неизбежным политический плюрализм, многопартийность. На заседаниях Политбюро ЦК всегда выступал за взвешенный, осторожный подход и нередко предупреждал о негативных последствиях тех или иных экспериментов, особенно в экономике.

Лигачев был сторонником сильной исполнительной власти, но возражал против того, чтобы отдавать на откуп Совету Министров решение всех кардинальных вопросов. Часто на этой почве между ним и Рыжковым возникали споры, которые какое-то время отражались даже на их личных взаимоотношениях. Лишь гибкость Горбачева спасала от открытых политических конфликтов, вернее, он как всегда уводил от них.

Надо отдать должное Лигачеву — о негативных последствиях некоторых решений он предупреждал, советовал не торопиться, предлагал путь постепенных перемен. Но вера в силу партийных решений, административно-командных методов в нем была велика, и тут явно сказывалась его приверженность старой практике.

Движимый стремлением «оздоровить» общество, он поддерживал мощную, грубую по методам реализации антиалкогольную кампанию. Был лихо просчитан весь «позитив» от нее.

Пьянство давно стало бичом — социальным, моральным, экономическим. Причин много — исторические корни, социальные условия жизни, просто неустроенность, отсутствие особого подхода к борьбе с этим злом и многое другое. Поэтому дело не в объемах производства спиртного.

Кампания начиналась на глазах у всех, сомневающихся было много, довольно точно прогнозировались негативные последствия.

Разведка направляла наверх заслуживающие внимания иностранные оценки крупномасштабной антиалкогольной кампании. В них содержались весьма серьезные предупреждения о том, что нас ждет, и вероятный ущерб предсказывался довольно точно.

На подобные прогнозы поначалу не обращали внимания. Но сама жизнь, возникшая напряженность, недовольство среди широких слоев населения заставляли отступить, постепенно спустить кампанию на тормозах.

Волюнтаризм и на этот раз дорого обошелся государству. Но были ли сделаны выводы из случившегося? Жизнь показала — нет. И пока не утвердится в нашей стране совершенная правовая система управления, волюнтаризм сохранится как реальная угроза, со всеми его негативными последствиями.

Кстати, сейчас всякой борьбе с пьянством положили конец. Никогда в России не было такого разгула пьянства, какой наблюдается в настоящее время. Пьет немало людей, и стар, и млад, пьют все что угодно. Люди лишаются здоровья, жизни (только в 1993 году от отравления недоброкачественными напитками погибло около 45 тысяч человек!), портят свой генофонд, страдают дети. Все это неизбежно отразится на будущих поколениях.

Средства массовой информации упорно молчат по этому поводу. Ни разу за последние три года не было ни одной серьезной попытки взяться за решение этой проблемы, хотя все понимают, что она приносит огромный вред нашему обществу. Что за причина? Видимо, неудобно заниматься

борьбой с пьянством, когда перед глазами всех россиян стоит положительный пример отношения к спиртному. Ненароком могут обвинить и в неуважении к высокой личности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что лучше не связываться, пусть себе хоть зальются.

А ведь кому-то это очень выгодно, просто необходимо. В первую очередь, тем, разумеется, кто не заинтересован в здоровом российском обществе, в том, чтобы наш народ был крепким, более работоспособным, культурным. Да что там, снявши голову, по волосам не плачут!

А что касается Лигачева, он — человек определенных убеждений. С ним не сложно работать, потому что его взгляды, его точка зрения известна — он не скрывает их. Но переубедить его по принципиальным вопросам почти невозможно. У него есть свои взгляды на людей, и тут он тоже непримирим.

Нельзя сказать, что Лигачев не меняется в своих взглядах и убеждениях, но время все-таки опережает его.

Когда рядом с Горбачевым были и Яковлев, и Лигачев, они в чем-то уравновешивали баланс взглядов, волей-неволей подталкивали Горбачева на центристский путь. Но стоило Лигачеву уйти в сторону, отойти от Горбачева, как влияние и возможности Яковлева сразу оказались чрезмерными.

В последнее время Лигачев занимался в Политбюро сельским хозяйством. Интересы развития этой отрасли он отстаивал последовательно и решительно. Не выступая против аренды, считал преступлением расшатывать, а не укреплять колхозы и совхозы, ратовал за неспешный эволюционный путь развития на селе различных форм собственности, решительно выступая против частной собственности на землю.

Его политическая открытость, непримиримость по ряду вопросов стали мишенью для постоянных нападок значительной части «демократов». Имя Лигачева стало нарицательным, когда речь заходила о «реакционерах», «консерваторах». Его пытались опорочить, бросить тень на его личную порядочность.

Бывшие следователи Генеральной прокуратуры Союза ССР Гдлян и Иванов обвинили Лигачева в получении взяток по так называемому хлопковому делу. Я знаю всю эту

историю и хотел бы еще раз подчеркнуть всю беспочвенность подобных утверждений.

Впрочем, официальное сообщение генерального прокурора СССР в свое время было опубликовано, там отражена бездоказательность заявлений Гдляна и Иванова, бросивших тень на Лигачева.

Абсурдность клеветнических наветов Гдляна и Иванова на Лигачева в получении им якобы взяток была совершенно очевидна уже в конце 1988 года. Из материалов, которыми располагал Комитет госбезопасности, следовало, что в данном случае имеет место целенаправленная травля Лигачева со стороны ряда недостойных лиц, преследующих особые политические цели.

Очень хорошо знал это и Горбачев. Более того, как председатель Комитета госбезопасности, я несколько раз докладывал на заседаниях Политбюро ЦК КПСС о том, что против Лигачева ведется лживая кампания, что Иванов, Гдлян и лица, стоявшие за ними, поставили перед собой цель опорочить этого человека, а затем бросить тень на все Политбюро. Что они имеют в виду не только «докопаться» до Лигачева, но уже наметили другие цели, и среди них есть даже Горбачев.

Более того, по одному материалу, который попал в Комитет госбезопасности, было видно, как Гдлян и Иванов собирались на первых порах бросить тень в получении взяток и на Яковлева. Я тоже доложил об этом Политбюро. Правда, потом Гдлян и Иванов отказались от этого намерения и договорились не трогать его.

Говоря об этом, я хочу подчеркнуть явно политические цели, огромные аппетиты Гдляна и Иванова и лиц, стоявших за ними, в возведении клеветы на тех, кто им был на каких-то этапах чем-то неугоден.

Хорошо помню страдания Лигачева. Ему было по-человечески тяжело переносить всю эту грязь, но еще более обидно было видеть, как его товарищи по партии не принимают меры к тому, чтобы помочь ему освободиться от клеветнических наветов.

Я неоднократно беседовал с Горбачевым и говорил, что надо решительно выступить в защиту нашего товарища,

нужно полагаться на официальные документы Прокуратуры Союза ССР, из которых видна абсурдность обвинений, что речь идет не о Лигачеве и других, речь идет о партии, о ее штабе — Центральном Комитете и Политбюро, которые, по задумке определенных сил, во что бы то ни стало должны быть скомпрометированы, чтобы расчистить путь для ударов по партии в целом.

То, что в Узбекистане были нарушения законности, слов нет, но то, что целую республику сделали объектом травли, мишенью нападок на ее народ, на успехи, которые были ею достигнуты за годы советской власти, на ее руководителей, было совершенно очевидным. Речь шла о действиях сил, уже тогда замахнувшихся на Союз в целом.

У меня порой складывалось впечатление, что Горбачев все это терпел по той простой причине, что клевета не касалась его лично. И поэтому он считал, что ослабленные соратники по совместной работе будут для него более удобны, чем если бы они оставались сильными и неуязвимыми.

Партия и советский народ в целом оказались мудрее. Я твердо убежден, что ни партия, ни советский народ не поверили клевете на Лигачева и быстро разобрались в этом.

Егор Кузьмич и сегодня представляет настроения, убеждения немалого числа лиц, придерживающихся примерно таких же взглядов, как и он, верных идеям, в духе которых они были воспитаны. Думается, это фактор, с которым нельзя не считаться. Пусть это будет своего рода оппозиция в коммунистическом движении. Ее надо не уничтожать, а, напротив, считаться, вести работу, взаимодействовать с ней, подправлять, но политическими средствами.

Сегодня ни одна политическая сила не гарантирована от ошибок, если рядом с ней не будут действовать оппозиционные силы. Пройдет время, история расставит все по местам. А пока Лигачев проявляет завидные бойцовские качества и внутри страны, и во время поездок за рубеж.

Находится немало людей, которые легко меняют свои убеждения, кидаются из одной крайности в другую, легко расстаются с прошлым, хотя были его активными участни-

ками. Вчера они гордились своим положением, более того, стремились подняться еще выше. Сегодня они выдают себя за когда-то гонимых, за вечных борцов. Вчера они рвались к наградам, сегодня — отказываются от них. Они превратились в великих мастеров держаться на плаву.

Знаю одного академика — Арбатова Георгия Аркадьевича, в быту Юрия Аркадьевича, который сейчас пытается обрести седьмого по счету шефа. Сначала работал на Сталина, затем — на Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева, а теперь рвется на следующий рубеж. Хочется думать, что в этот раз у него не выйдет. Впрочем, в любом случае этот рубеж последний.

Как он сетовал на то, что вместо ордена Ленина получил всего лишь орден Трудового Красного Знамени! Уж очень ему хотелось иметь награду с изображением Ленина, которого почитал и неуемно хвалил. А недавно прочитал его статью, где он нещадно кроет Ленина. Ну что же, в сегодняшнем мире — это реальности. Печально, но факт.

«Заслуг» по разгрому Союза у Арбатова невероятно много. Мне хотелось бы остановиться только на одной из них.

Как Арбатов крушил вооруженные силы нашей державы, как он издевался над армией, ее историей, традициями, как низводил ее роль в обеспечении безопасности нашего государства! По его подсчетам получалось, что в Советском Союзе расходы на армию в два-три раза превышали расходы на армию Соединенных Штатов Америки. И это несмотря на то, что в Соединенных Штатах Америки военный бюджет утверждался в размере 300 миллиардов долларов, а у нас менее 70 миллиардов рублей.

Возглавляя институт США и Канады АН СССР, Арбатов одновременно был душой проамериканского лобби. Это прекрасно понимал Громыко, и потому, в свою бытность министром иностранных дел, отказался иметь какие-либо дела с Арбатовым.

Хотя должен заметить, что Громыко был человеком проницательным и понимающим и никогда не недооценивал отношений Советского Союза с Соединенными Штатами Америки. Более того, всегда считал американское на-

правление нашей внешней политики приоритетным. Но Громыко был реалистом, понимал, что Соединенные Штаты не давали нам кредитов и не дадут. Понимал, что правящая американская элита не позволит развиваться отношениям между США и Советским Союзом на справедливой взаимной основе, потому что, как считала эта элита, подобный вариант не отвечал интересам американцев, и исходила только из этого.

Арбатов же, отлично понимая все это, тем не менее стоял на позициях постоянных, совершенно неоправданных уступок Советского Союза американской стороне буквально по всем вопросам, особенно в области вооружений. А что значит такой великой державе, какой была наша, оказаться со слабыми вооруженными силами? Уступить американцам по основным параметрам вооружений — значит заранее предопределить слабые политические позиции, с которых ни одного вопроса с выгодой для Союза решить уже не удастся.

В конце 1993 — начале 1994 года Арбатов как-то затих, сник. Он стал реже появляться на телевидении, в средствах массовой информации. Но он еще выйдет и покажет себя. Глубоко уверен, что его позиции никогда не отличались и не будут отличаться патриотизмом и любовью к Родине. Да, впрочем, Родина для него — понятие относительное.

Вообще вокруг Горбачева постоянно вилась целая армия разнообразных советчиков, людей довольно случайных, для которых характерно было полное отсутствие определенных идеалов и принципов, но которые довольно точно подметили особенности характера своего патрона и умело использовали их в своих чисто карьеристских целях. Не думаю, что эти персонажи заслуживают того, чтобы о них упоминать особо, но и они в своей массе оказывали на Горбачева негативное воздействие и несут свою долю ответственности за те беды, которые свалились на наш народ!

«Архитектор» перестройки Яковлев, впрочем, одновременно являясь и «прорабом», очень любил и продолжает сейчас призывать к покаянию. К покаянию перед всеми, пе-

ред историей, перед Богом, к покаянию перед самим собой, перед будущими поколениями за те «злодеяния», которые были совершены в период советской власти. А ведь именно в годы советской власти Яковлев сделал стремительную карьеру, взошел на олимп политической известности, получал всевозможные привилегии от власти, которую сейчас хулит. Имел возможность проявить себя, и, к сожалению, возможность разрушить государство, столько для него сделавшее.

Покаяние, к которому так усердно призывает Яковлев, — это издевательство над русским народом, над его историей, над его честью и совестью. Были ошибки, перегибы и даже преступления, но не виновен в этом народ! Все перекрыто тем, что сделала наша держава для мира в целом. Одна победа в Великой Отечественной войне стоит того, чтобы нашу Родину в веках поминали добрым словом, помнили ее героизм, мужество, лишения не только ради себя, но и ради других народов.

Благодарные люди отдают нам должное. И только мы хулим себя и, подобно некоторым из истории прошлых веков, терзаем свою душу и призываем на свою голову новые кары. А ради чего? Кому-то хочется на всю жизнь поставить на народ клеймо и с ним его оставить!

Убежден, речь должна идти не о покаянии, а о том, чтобы дать настоящую оценку случившемуся с нашей державой. Дать оценку содеянному теми или иными лицами, воздать должное тому, кто в это трудное время держался патриотических позиций, выстоял. И дать вместе с тем объективную оценку тем, кто хулил державу, разрушал ее для того, чтобы потом поколения нынешние и будущие трудились над воссозданием разрушенного, проливая новые потоки крови и пота, кляня своих предшественников за учиненное с Родиной.

Порушенный Советский Союз не обеспечит свою безопасность. Я вовсе не хочу судить налево и направо об ответственности лиц, что были в той или иной мере причастны к содеянному, к разрушению великой державы. Но, если мы объективно не разберемся, что же произошло с нами, не обозначим наши ошибки и перегибы, с одной стороны, и

сознательную деятельность преступных лиц, с другой, то наш путь в будущее будет сложным и, главное, не светлым. Мы опять станем вилять и рано или поздно совершим зигзаг, который вновь обернется большой бедой для нашего государства.

«Архитекторов» и «прорабов» перестройки не так уж много. Больше тех, кто заблуждался, кто совершал ошибки по неведению, кто был сбит с толку. Люди невиновны, но они должны знать правду для того, чтобы в будущем ни они, ни их дети не подверглись новому искушению и уже не попались на удочку лжи, обмана, неблаговидных замыслов и дел.

Глава 6

НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР

В сентябре 1988 года после совещания в ЦК КПСС, кажется по афганской проблеме, Горбачев попросил меня задержаться.

В своей обычной манере он начал издалека говорить о значении органов госбезопасности, необходимости активизации их деятельности, повышения эффективности. Он неплохо отозвался о человеческих качествах тогдашнего председателя КГБ Чебрикова, я поддержал это мнение. Затем Горбачев спросил, как я отношусь к тому, чтобы занять должность председателя КГБ СССР.

Не скажу, что разговор был совершенно неожиданным для меня, слухи ходили, но тем не менее подобное назначение означало новый этап в моей жизни и работе, и я, конечно, понимал его серьезность.

Откровенно ответил, что с нелегким сердцем отношусь к этому предложению, не поздно ли по возрасту — 64 года, стоит, видимо, подумать и все взвесить.

Последовала нередкая в таких ситуациях реплика, что думать, мол, некогда, а если и стоит поразмышлять, то только в плане согласия. На мой вопрос относительно дальнейшей работы Чебрикова Горбачев ответил, что он перейдет на работу секретарем ЦК (членом Политбюро ЦК КПСС он уже являлся) и будет курировать работу правоохранительных органов.

После такого разъяснения я дал согласие.

В то время у меня не было каких-либо особых сомнений в линии Горбачева, в добронамеренности его устремлений. Я с доверием относился к его многочисленным заявлениям укрепить государство, Союз, придать развитию более динамичный характер и выйти на новые рубежи. Поэтому было огромное желание ему помогать.

Идеи обновления общества мне импонировали, обостренное изложение проблем я принимал за искренность, простота в общении подкупала. Как и многие лидеры его уровня, он поддавался влиянию, внимательно прислушивался к тому, что говорили о нем в стране и особенно за рубежом.

Мне кажется, в ту пору Горбачев и мысли не допускал, что в 1991 году произойдут такие кардинальные изменения, что страна окажется в таком плачевном, трагическом положении, сам он в личном плане будет так беспомощен, а его популярность упадет до нулевой отметки. Ведь на словах он клялся, что не допустит развала Союза, что ни одна из республик, включая Прибалтийские, не уйдет, постоянно подчеркивал, что этого нельзя допустить. «Да мы просто не сможем разойтись!» — не раз восклицал он. Сколько раз он заверял, что не мыслит будущее страны вне социалистического выбора, боготворил партию, называл себя ее воспитанником.

Как-то в одном частном разговоре решительно заявил, что если ему вдруг придется выбирать между главой государства и лидером партии, то он, конечно, выберет второе. Занимал позитивную позицию по отношению к социалистическим странам, видел в них важнейший позитивный фактор с точки зрения интересов Советского Союза, был полон благих намерений развивать и крепить с ними отноше-

ния. Работал много, проявлял огромный интерес к информации, был, можно сказать, жаден до нее.

Когда при таких обстоятельствах появлялись сомнения в его искренности, становилось даже как-то неловко.

К сожалению, я, как и многие, поверил его словам и, как оказалось, сильно ошибся.

Дома жена встретила известие о моем предстоящем назначении с огромным волнением, смятением. Реакция была однозначно отрицательной. Тогда она с уважением относилась к Горбачеву, но с нетерпением ждала моего ухода на пенсию, настаивала на этом. Пост председателя КГБ казался ей трудным, ответственным, к тому же был отягощен нелегкими воспоминаниями из прошлой истории органов госбезопасности. Зная мой характер, она говорила, что теперь я весь уйду в работу и меня вообще не будет дома. Но главное, о чем я думал не раз, — она с какой-то внутренней тревогой восприняла весть о моем назначении. В дальнейшем это чувство у нее постоянно присутствовало и усиливалось.

Вспоминая ее слова по этому поводу и многое другое из нашей совместной жизни, проникаюсь особым уважением к женской интуиции. Мне кажется, что женская интуиция, женское предчувствие — еще не разгаданная способность человека, тем более что сам человек, по выражению Эйнштейна, является самой большой загадкой природы. И в большом, и в малом, и в том, что касалось друзей, товарищей по работе, их поведения, отдельных поступков, интуиция жены неоднократно подтверждалась. Плюс к этому природа наградила ее острым умом, великолепным слогом, смелостью суждений, правда, преимущественно среди своих друзей и родных.

Она в свое время писала дневники о внуке и внучке. Я советовал ей опубликовать их, они доставили бы удовольствие читателям своей непосредственностью, остроумием, тонким восприятием и пониманием детской души, безмерной любовью к внукам. А если кому и доставалось, то больше всех мне, как деду. Но последнее, по-моему, придает им дополнительный колорит и выразительность, тем более что критикует она меня с юмором и звучит это по-доброму.

...1 октября 1988 года я приступил к исполнению обязанностей председателя КГБ СССР. В Комитете проработал к тому времени 21 год — помощником председателя КГБ, начальником секретариата Комитета, первым заместителем начальника Первого Главного управления и последние 14 лет — начальником. С 1978 года одновременно — заместителем председателя КГБ.

Комитет государственной безопасности представлял довольно сложную, но вместе с тем стройную структуру во главе с председателем Комитета и его заместителями, количество которых доходило до 10, в том числе 2 первых. Председатель и его заместители осуществляли также руководство территориальными органами — республиканскими комитетами госбезопасности, краевыми и областными управлениями.

Коллегия Комитета госбезопасности СССР состояла из 15 — 17 членов. Обсуждала наиболее важные вопросы, принимала по ним решения, вводимые в действие приказом председателя КГБ. После этого они становились обязательными для исполнения всеми органами госбезопасности. В состав Коллегии входили председатель Комитета, его заместители, начальники ведущих подразделений, а также руководители некоторых местных органов госбезопасности. Назначение членов Коллегии оформлялось решениями Совета Министров СССР.

Так повелось, что традиционно в Коллегию входили председатель Комитета госбезопасности Украины, начальники управлений КГБ по Москве и Московской области, по Ленинграду и Ленинградской области. По положению, Коллегия проводилась один раз в месяц, но иногда и чаще, в зависимости от вопроса, его срочности и значимости.

Коллегия утверждала кадры по перечню, установленному приказом по Комитету госбезопасности. Иногда заслушивались сообщения о наиболее тяжелых чрезвычайных происшествиях, имевших место в стране, в органах и войсках КГБ, обсуждались важные решения высших органов власти и по ним принимались соответствующие постановления. Обсуждение вопросов, как правило, происходило с участием довольно широкого круга приглашенных лиц, число которых достигало иногда ста и более человек.

Коллегия являлась руководящим органом Комитета госбезопасности, своего рода школой управления, формой рассмотрения и обсуждения наиболее крупных вопросов. Основополагающие постановления, принятые Коллегией, действовали в течение длительного времени и могли быть отменены только решением самой Коллегии.

Для меня Коллегия была опорой, возможностью узнать мнение достаточно широкого круга ответственных лиц Комитета, полезной формой и способом принятия решений и, главное, определения путей их реализации и контроля за исполнением. Решения рассылались во все органы и войска КГБ, где становились основой практической деятельности в рамках соответствующего подразделения.

Подготовка вопросов к обсуждению на Коллегии занимала длительное время, сопровождалась выездами на места созданных по указанию председателя Комитета групп, которые там разбирались с обстановкой, готовили сообщение для Коллегии и проект решения. Как правило, ни один проект решения на Коллегии не утверждался после первого обсуждения. Создавались комиссии для доработки, и лишь после этого принималось окончательное решение.

Для того чтобы понять, как функционировал КГБ СССР, необходимо дать некоторые пояснения к структуре центрального аппарата.

Первое Главное управление Комитета — внешняя разведка. Оно осуществляло руководство резидентурами за рубежом, вело разведывательную работу с территории Советского Союза и курировало первые (разведывательные) подразделения тех территориальных органов, где они были. Тот факт, что это подразделение называлось Первым, как бы подчеркивал первостепенное значение борьбы с внешним противником нашего государства.

Второе Главное управление занималось контрразведывательной работой. За последние три-четыре десятилетия контрразведка то разукрупнялась, то объединялась — в зависимости от того, какая линия в отношении государственного аппарата доминировала в нашей стране. В последние годы постепенно пришли к тому, чтобы не концентрировать всю контрразведку в одном подразделении, рассредоточить ее по нескольким — в зависимости от конкретной линии ра-

боты. И все же Второе Главное управление всегда оставалось заглавным подразделением контрразведки, занималось борьбой со шпионажем, работой по иностранным представительствам, на туристском канале, а также проводило некоторые разведывательные операции с территории Советского Союза.

К 1991 году контрразведывательной работой на всех видах транспорта занималось Четвертое управление. Контрразведывательное обслуживание объектов оборонной промышленности, некоторых научно-исследовательских центров осуществляло Шестое управление.

Борьбу с идеологическими диверсиями вело Пятое управление, преобразованное в 1989 году в Управление «З». Это был далеко не формальный шаг. Теперь оно уже не занималось идеологическими диверсиями в той направленности, в какой это было присуще Пятому управлению, а сосредотачивало свою работу на выявлении и пресечении террористических акций, подрывной деятельности иностранных спецслужб с использованием всевозможных зарубежных организаций и центров, занимавшихся деятельностью, противоречащей нашему законодательству.

Было еще одно контрразведывательное подразделение — Третье Главное управление, которое вело работу по пресечению подрывной деятельности иностранных спецслужб в отношении советских Вооруженных Сил, руководило работой особых отделов соответствующих воинских подразделений и частей. Главным оно стало в 70-е годы. Это вызывалось большим объемом и значением проводимой им работы во взаимодействии с Министерством обороны страны.

В структуру Комитета госбезопасности входило также Главное управление пограничных войск. Оно осуществляло руководство пограничными округами, отрядами, заставами. Центральный аппарат погранвойск был невелик, однако их общая численность достигала 220 тысяч человек. Для такой огромной страны, как наша, со значительной протяженностью границ, это была минимально допустимая численность. В последнее время была настоятельная необходимость в увеличении погранвойск, их материальных и финансовых возможностей. На погранвойска уходило более

половины всех расходов из бюджета органов госбезопасности. Значительная часть расходов шла на техническое оснащение границы: военная техника, строительство объектов, связь, содержание огромного хозяйства.

Седьмое управление КГБ осуществляло наружное наблюдение за объектами, представлявшими интерес для КГБ. Это было важное оперативное подразделение, в котором нуждались все направления оперативной деятельности Комитета. По численности управление было значительным, его главной особенностью была необходимость поддержания постоянной боевой готовности для круглосуточного выполнения задач. Благодаря деятельности именно этого подразделения нередко удавалось обнаруживать и пресекать агентурную деятельность иностранных спецслужб, фиксировать их преступные контакты, попытки проникновения на наши секретные объекты, связи с советскими гражданами, проведение тайниковых операций, стремление к добыванию информации визуальным путем.

Восьмое Главное управление осуществляло шифрованную секретную переписку центра с местными органами, а также разведки с зарубежными резидентурами. Оно располагало современной технической и научной базой, отработанной системой шифросвязи, которая полностью гарантировала секретную связь Комитета госбезопасности, ее бесперебойную круглосуточную работу на любом удалении от центра. Получить доступ к шифрованной переписке можно было только одним путем — агентурным. Труд радистов и шифровальщиков за рубежом был особенно тяжел. Один, два, максимум три человека обеспечивали связь загранрезидентуры с центром в любое время суток на любой удаленности. Условия работы были нелегкими, а жизнь полна неудобств и лишений из-за необходимости соблюдения строгого режима, поскольку к радистам и шифровальщикам спецслужбы проявляли повышенный интерес.

К этому подразделению довольно близко примыкало Шестнадцатое управление КГБ, обладавшее наибольшим интеллектуальным потенциалом для решения технических и научных задач. Оно занималось съемом открытой и закрытой информации, решало сложнейшие задачи по проникновению в интересующие наше государство объекты

других стран. На его счету было немало изобретений высочайшего уровня, что требовало глубоких знаний, необходимой технической вооруженности и средств. В этом подразделении работали крупные специалисты, которые вполне могут составить гордость советской науки и техники. Подразделение не замыкалось в своих рамках, оно имело широкие связи с советской промышленностью, научными учреждениями, использовало их потенциал и вместе с тем помогало последним решать научно-технические задачи.

При обсуждении конкретных задач я всегда поражался требовательности, настойчивости, изобретательности, смекалке, огромному устремлению к вечному поиску и, главное, нахождению решений задач, которые, на первый взгляд, казались просто фантастическими для человеческого разума. Это одно из тех подразделений Комитета госбезопасности, которое было в постоянном поиске, стремлении к более высоким уровням и, что самое важное, находило оптимальные практические пути к разгадке научно-технических головоломок, без чего обеспечить безопасность государства в наше время было просто невозможно.

Девятое управление выполняло охранные функции. Оно занималось обеспечением безопасности высшего руководства страны, государственных мероприятий на высшем уровне, иностранных делегаций и выездов советских делегаций за рубеж. В его задачу входила охрана правительственных учреждений Кремля, зданий Совета Министров и некоторых других, в том числе объектов, расположенных в местах, удаленных от Москвы, — в районах Черного моря, Прибалтики и некоторых других.

В 1990 году Девятое управление было преобразовано в Службу охраны, структурно изменено, были четко определены подразделения службы, которые занимались хозяйственными вопросами, и те, которые осуществляли оперативную деятельность.

Труд сотрудников Службы охраны тяжелый: постоянная бдительность, собранность, полная самоотдача — неприятных сюрпризов можно ожидать в любую минуту и в любом месте — и, конечно, приспособление к особенностям работы и самой личности охраняемого, обстановке вокруг объекта, безопасность которого должна быть обеспечена.

Особенно непростые задачи, как правило, возникают при выездах за рубеж, поскольку там мы не были хозяевами, а ответственности с нас никто не снимал. Полагаться же на охрану принимающей стороны полностью невозможно, потому что в конце концов в случае чрезвычайного происшествия основную ответственность несли мы, и не только служебную, но и моральную.

Осуществление охранной функции — сложная профессия, требующая умения, способности и высокой физической подготовки. Сотрудники в этой службе, как правило, долго не задерживаются, и по истечении определенного времени переводятся на другие направления оперативной деятельности, где нервная и физическая напряженность несколько ниже.

В Комитете госбезопасности был Десятый отдел, за которым в разговорах между сотрудниками закрепилось наименование «архивный». В этом подразделении были сосредоточены документы оперативного учета, архивные материалы, накопленные за время работы органов госбезопасности в советский период и до него.

Комитетские архивы — цельная система хранения самых разнообразных материалов со строгим порядком классификации их по тематике и времени при безусловной сохранности и возможности быстрого обнаружения нужного документа. До августа 1991 года сотрудники подразделения благодаря строгой системе обращения с архивами в нашем государстве обеспечивали сохранность государственных секретов, и тут каких-либо проблем не возникало.

В то время, к сожалению, в архивной политике, в архивном законодательстве были серьезные упущения и недостатки: не было четкой регламентации сроков хранения тех или иных материалов и их публикации, использования в научной работе. Однако это исключало вседозволенность, закрывало лазейки для использования архивных материалов, составляющих государственную тайну, в целях политической спекуляции, для неоправданной передачи их в средства массовой информации, последствия чего могут быть непоправимы.

В последнее время сотрудники Десятого отдела серьезно занимались аналитической работой по отдельным пробле-

мам, событиям и эпизодам деятельности государственных органов и иных организаций. Их анализы, обобщения и выводы были важными и докладывались руководству государства, на их базе принимались соответствующие решения по отдельным актуальным вопросам.

Архивные материалы помогли заполнить многие белые пятна, внести ясность в довольно деликатные проблемы и, оперируя правдой, рассматривать и решать вопросы, касавшиеся как отдельных граждан нашей и других стран, так и интересов государства в целом. Утечка архивных материалов из Комитета госбезопасности после августа 1991 года породила массу серьезных проблем для государства. Многие материалы были использованы в чисто спекулятивных целях, а их недобросовестное толкование еще более запутало правильное видение отдельных исторических событий.

Подразделения Комитета имели цифровое обозначение и шли как бы в номерном порядке, причем читатель обратит внимание на то, что отдельные порядковые номера отсутствовали. Это не было стремлением скрыть какое-то подразделение, просто традиционно в Комитете сложилось так, что в нумерации подразделений имелись пропуски. Иногда они заполнялись, иногда возникали снова, когда в структуре Комитета происходили организационные изменения.

Итак, следующим шел Двенадцатый отдел, тот самый, о работе которого было невероятно много слухов, всякого рода измышлений и работу которого преподносили как «тотальный контроль» органов госбезопасности в отношении советских граждан и иностранцев. Речь идет о слуховом техническом контроле, используемом органами госбезопасности при проведении особо важных оперативно-розыскных мероприятий.

Подобный метод используется специальными службами иностранных государств, применяется он и у нас.

Надо сказать два слова о «тотальности». Насколько я знаю, возможности Двенадцатого отдела ограничивались 2000 абонентов, одновременно контролируемых, в то время как служба безопасности Швейцарии может одновременно контролировать до 10 тысяч абонентов!

Проверка по делам, касающимся важнейших сторон жизни государства и затрагивающим интересы его безопас-

ности, требует неординарных форм и способов проведения оперативных мероприятий. К числу таких относится и слуховой контроль. Он проводился в строго определенных условиях в соответствии с инструкцией, утвержденной в свое время вышестоящими инстанциями и введенной в действие приказом по Комитету госбезопасности. Слуховой контроль неоднократно способствовал выявлению особо опасных действий преступных элементов, помогал выйти на интересующие органы госбезопасности связи и контакты, позволял получать информацию, которую иным путем добыть было невозможно.

До последнего времени этот вопрос в правовом отношении должным образом не был отрегулирован, и поэтому использование полученных по этому каналу сведений носило конфиденциальный характер, органам прокуратуры и суду они не предъявлялась. Эти сведения проверялись другими следственными действиями, когда это, разумеется, удавалось сделать. Особенно полезными были сведения при расследовании таких дел, как убийства, хищения государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, контрабандные и валютные операции, незаконный доступ к важным государственным секретам и их передача представителям иностранного государства.

Работа Двенадцатого отдела требовала специального технического оснащения, профессиональной подготовки, умения фиксировать нужную информацию и оперативно ее обрабатывать. Сотрудники службы знали порой больше, чем обычные оперативные работники, и восполняли пробелы в оперативно-следственной деятельности. Возможности службы часто являлись единственным средством получения информации, которая иным путем в органы госбезопасности никогда бы не попала.

Деликатность этой работы состояла в том, что в ходе ее проведения по отдельным объектам к оператору совершенно случайно попадала информация, касавшаяся лиц, разрешение на работу по которым не испрашивалось или которые занимали высокое должностное положение в государстве, в связи с чем законы запрещали контролировать их разговоры. Как тут быть? С одной стороны, существовал запрет на проведение работы в отношении таких лиц, а с другой, мы

порой получали явное доказательство их неправовой и даже преступной деятельности, мимо чего пройти было нельзя.

В таких случаях приходилось докладывать информацию высшему должностному лицу в Советском Союзе, запрашивать разрешение на ее использование и дальнейшую работу. Подобный подход вытекал из требований государственных интересов и, как правило, не нес никаких служебных последствий для лица, о котором шла речь, до тех пор пока на этот счет не принималось соответствующее решение. Не видел и не вижу в этом ущемления прав человека, поскольку это диктовалось интересами государства и общества.

Пятнадцатое управление Комитета существовало многие годы и занималось работой по проектированию, созданию, эксплуатации в нужном режиме объектов, подготовленных на особый период, т. е. на случай военных действий и других чрезвычайных обстоятельств.

В средствах массовой информации уже писалось об этом, и хотелось бы внести ясность в этот вопрос.

В Москве, ее окрестностях и некоторых других точках Советского Союза есть глубоко законспирированные объекты на особый период. Они включают в себя помещения для запасных командных пунктов управления страной, вооруженными силами, хранения необходимых запасов, узлов правительственной связи и других сооружений для поддержания жизни государства в чрезвычайной ситуации, обеспечения его более или менее нормального функционирования, короче, выживаемости государства как такового.

Сооружение объектов требовало соответствующих научных и технических решений по принципу минимальной необходимости. Некоторые объекты были рассчитаны на то, чтобы выдержать ядерное нападение. Однако, разумеется, при прямом попадании больших ядерных боезарядов их выживаемость была бы под вопросом. Тем не менее определенная часть объектов, несмотря на это, сохранилась бы и тем самым в какой-то мере была бы обеспечена управляемость государством.

Обеспечить безопасность государства, его важнейших объектов без упомянутых сооружений невозможно. Исходя из возможностей нашей страны, мы не стремились во всем догнать Соединенные Штаты Америки с их большим по-

тенциалом и мощью. Но это был тот минимум, без которого не обойтись.

Оперативно-техническое управление Комитета являлось головным подразделением по проектированию, разработке, производству и эксплуатации специальных технических средств. Это было сосредоточение достижений научной мысли, высочайших технологий, уникальных технических решений. Среди продукции этого управления было сравнительно немного технических средств, разрабатываемых и производимых большими партиями, сериями. Часто это были единичные изделия, предназначенные для решения строго определенных оперативных задач. Оперативно-техническое управление использовало научные и технические достижения советской науки и промышленности в целом, внимательно присматривалось к новинкам в этой области за рубежом и все наиболее ценное стремилось использовать.

Продукция этого направления носила сугубо секретный характер. Утечка информации немедленно приводила к тому, что противник разрабатывал меры по противодействию и тем самым лишал эффективности наши технические возможности.

Сотрудники управления были по-своему одержимыми людьми. Комитет госбезопасности щедро делился своими новинками с гражданскими отраслями промышленности, не требуя ничего взамен, коммерческой практики в то время не существовало. Вот уж поистине можно сказать, что без изделий этого управления ни разведка, ни контрразведка, ни другие подразделения Комитета госбезопасности, ни прежде всего пограничные войска не смогли бы решать стоящие перед ними задачи. У подразделения было и, я уверен, остается большое будущее, однако это реализуемо при одном условии — если оно будет вбирать в себя отечественный и зарубежный опыт, находиться в поиске научных и технических решений всякий раз на более высоком уровне.

Комитет имел вспомогательные, как называли их в органах госбезопасности, подразделения, хотя они выполняли далеко не второстепенную роль, а крайне нужную, без которой органы обойтись не могли. Я имею в виду Военно-строительное управление, Хозяйственное управление, Медицинское управление, Финансово-плановый отдел.

Наиболее сложные объекты, в которых оперативные управления остро нуждались, строились с помощью Военно-строительного управления.

Оперативная деятельность Комитета обслуживалась Хозяйственным управлением. Эффективная работа при выполнении сложнейших оперативных мероприятий немыслима без материально-хозяйственного обеспечения, особенно в чрезвычайной обстановке.

Хватало работы и для наших медицинских учреждений. Сотрудники органов госбезопасности, выполнявшие служебные задания здесь, в Советском Союзе, и за рубежом, часто страдали от болезней, не характерных для нашей гражданской жизни.

Приведу только один пример. Часто за рубежом отдельные наши сотрудники подвергались какому-то особому воздействию со стороны спецслужб иностранного государства, на территории которого они работали, что приводило к необычным заболеваниям. У некоторых ухудшались показатели крови, появлялись головные боли, расстраивалась нервная система. Тяжелые, непривычные климатические условия в некоторых странах неизбежно отражались на состоянии здоровья сотрудников. Это относится прежде всего к некоторым странам Латинской Америки, Африки, Азии. Отсюда необходимы были профилактика, постоянное наблюдение и своевременное лечение. Были даже разработаны рекомендации по физической подготовке сотрудников перед их выездом в страны с неблагоприятными климатическими условиями.

Комитет госбезопасности располагал отличной сетью учебных заведений, где слушатели получали высшее образование, а на специальных курсах сотрудники проходили подготовку и переподготовку для получения соответствующих профессиональных знаний.

Высшая школа имени Дзержинского давала высокую языковую подготовку почти по пятидесяти иностранным языкам, знания по специальным предметам, а также готовила специалистов по высшей математике, физике и другим дисциплинам.

КГБ готовил кадры пограничников, связистов, шифровальщиков, отдельных технических специалистов, обеспе-

чивал подготовку и защиту кандидатских и докторских диссертаций.

После августа 1991 года, когда многим тысячам сотрудников органов госбезопасности в силу тех или иных причин пришлось уйти из системы Комитета, их охотно принимали на работу в гражданские организации, учреждения, предприятия как специалистов высокого класса.

Я не раз слышал от многих руководителей различных организаций весьма лестные отзывы о профессиональной подготовке, личных качествах сотрудников органов госбезопасности. Отмечалась их исполнительность, дисциплинированность, прилежность, глубина общих и специальных знаний. Кадровый урон будет, пожалуй, наиболее трудно восполним при восстановлении боеспособности органов госбезопасности в центре и особенно на местах.

Как и подобает такой организации, в КГБ было Управление кадров и соответствующие ячейки во всех его подразделениях. Подбор сотрудников, прием на работу, их расстановка, продвижение по службе, решение многих вопросов, связанных с материальным обеспечением, оформление на заслуженный отдых, направление на подготовку и переподготовку — вот далеко не полный перечень вопросов, которыми занимались кадровики Комитета.

За свою жизнь мне не раз приходилось сталкиваться с работой кадровых аппаратов разных организаций, и должен сказать, что сотрудники соответствующих подразделений Комитета отличались всесторонней подготовкой, высокими профессиональными и личными качествами и, самое главное, объективностью в работе с людьми. Они были в меру строги, но и справедливы при разборе личных дел, располагали, как правило, объективной информацией о сотрудниках любого звена, нередко ставили перед руководством принципиальные вопросы, касавшиеся как отдельных сотрудников, так и подразделений в целом, разрабатывали основополагающие документы текущего и перспективного плана. Конечно, наиболее трудный этап работы с кадрами — подбор, изучение кандидатов для работы в органах, потому что ошибка здесь может стоить очень дорого на любом этапе деятельности сотрудника в органах.

Управление кадров оказывало необходимую помощь

подразделениям Комитета при разборе дел, связанных с чрезвычайными происшествиями, такими как предательство отдельных сотрудников, нарушение ими воинской дисциплины, совершение общеуголовных преступлений, нерадивое отношение к выполнению служебного долга.

Подразделения Комитета госбезопасности имелись далеко не во всех городах и районах страны, хотя просьб, предложений об их создании поступало с мест немало. Координация оперативной деятельности осуществлялась по линиям работы: разведывательной, контрразведывательной, защите конституционного строя и другим. Однако непосредственное руководство в территориальных органах по всем направлениям осуществлялось начальником органа и дополнялось кураторством по линиям из центра.

Такой подход двойного управления формировался десятками лет, большинством сотрудников в общем-то воспринимался и поддерживался, но имели место и дискуссии, отстаивались различные точки зрения: от строгой централизации по линиям работы до передачи всех управленческих функций на места.

В целом пробивала себе дорогу линия на расширение полномочий местных органов при неослабевающем контроле со стороны центра. Взаимодействие этих двух начал в управлении органами госбезопасности представляется оптимальным вариантом. Проверка, контроль, определенная степень централизации необходимы, поскольку речь идет в конечном счете о судьбах людей.

Заслуживает внимания вопрос о бюджете Комитета госбезопасности СССР.

Различных слухов и домыслов вокруг бюджета было невероятно много. Назывались мифические цифры, перед которыми «бледнели» расходы спецслужб западных стран, в том числе и США. На самом деле в 1990 году все расходы органов госбезопасности в центре и на местах, включая погранслужбу, все виды связи, содержание медицинских учреждений, учебных заведений, строительство объектов и жилья, короче говоря все, что подчинялось Комитету госбезопасности,— составляли 4,9 миллиарда рублей. А еще за

несколько лет до этого, при стабильной экономике и отсутствии инфляции бюджет КГБ не превышал 3 миллиардов рублей.

В печати, особенно зарубежной, высказывались сомнения в правдоподобности этой цифры — слишком скромным казался наш бюджет. Для сравнения: ассигнования на разведывательные цели в США в то время приближались к 30 миллиардам долларов.

Однако это точные данные. В Комитете старались беречь каждую копейку, да и зарплата была относительно небольшой. Средний ее размер в 1990 году составлял немногим более 300 рублей в месяц. Если бы по уровню заработной платы сотрудников органов госбезопасности сравнять с их американскими коллегами, то одно это потребовало бы увеличения бюджета КГБ в несколько раз.

Удивила после предания гласности и численность сотрудников органов госбезопасности, которая в 1989 году составляла около 490 тысяч человек, включая 220 тысяч пограничников и 60 тысяч служивших в войсках правительственной связи. Не изменились эти цифры и к августу 1991 года.

Данные о численности вызывали наибольшее недоверие, поскольку некоторые излишне ретивые средства массовой информации приводили совсем другие сведения о числе сотрудников КГБ СССР — миллион (притом только оперативных работников), и даже больше. На этом строились спекуляции, мы же в Комитете сожалели лишь о том, что раньше не предали гласности все эти цифры.

Кстати, многие специальные службы западных и других стран не только не раскрывают статьи расходов по отдельным направлениям оперативной деятельности, но не открывают вообще бюджеты своих служб, исходя из соображений секретности, деликатности этих государственных структур, видя в этом угрозу для своей безопасности.

Американцы объявляют общий бюджет специальных служб в целом и по отдельным их направлениям — внешним и внутренним, но не открывают расходов по тем видам оперативной деятельности, по которым можно прийти к конкретным выводам об их эффективности и направленности. И это вполне понятно. Знать полностью бюджеты спе-

циальных служб, их расходы по статьям и направлениям — значит получить возможность судить о приоритетности их работы, целях и даже конкретных задачах.

Другое дело, представлять расходы специальных служб для соответствующего лица в государстве или той ячейки в законодательном органе, которая по Конституции или другому законному акту имеет право знать и контролировать деятельность специальных служб в целом и в отдельных ее аспектах.

Не знаю ни одного случая, чтобы в какой-либо капиталистической стране закрытые статьи расходов специальных служб были предметом гласного обсуждения в законодательных или исполнительных органах. Там в этих вопросах полное понимание, поскольку речь идет о важных государственных секретах, раскрытие которых затрагивает интересы безопасности государства.

В условиях радикальных перемен в Советском Союзе да и в мире органы госбезопасности остро нуждались в совершенствовании своей работы на путях структурных изменений, освоения новых форм и методов деятельности, более рационального распределения сил и средств — кадровых, финансовых, материальных. Для меня, как нового председателя Комитета, эта задача была очевидной, к ней я был готов внутренне еще до вступления в должность.

Но больше всего меня тревожило другое — политическое, морально-нравственное состояние сотрудников органов госбезопасности, их обеспокоенность по поводу положения дел в стране. Способность и готовность чекистского коллектива в целом и каждого сотрудника в отдельности вскрывать собственные недостатки, говорить о них в открытую, признавать промахи и ошибки, не пытаться скрывать негативные стороны своей деятельности, искоренение даже малейших проявлений круговой поруки — вот те морально-нравственные категории, без чего острое оружие, каким, безусловно, являлись органы госбезопасности, могло быть обращено не в том направлении, в каком требовали интересы народа и государства. Все эти мысли у меня возникали особенно под влиянием одного случая, имевшего место в

органах госбезопасности несколько лет назад. Мне представляется важным остановиться на нем подробно.

В мае 1980 года исчез сотрудник шифровальной службы КГБ Виктор Шеймов, 33 лет от роду. Исчез вместе с семьей — женой и шестилетней дочкой.

Для Комитета это было чрезвычайным происшествием. Немедленно начались поиски пропавшего сотрудника и его семьи.

По словам его родителей в ночь на субботу он собирался выехать на дачу, к одному из своих товарищей, а в понедельник вернуться и выйти на работу. В понедельник на работе он не появился, не было его и в собственной квартире.

Начались поиски. Были задействованы возможности Комитета госбезопасности и Министерства внутренних дел СССР. Расследовались, как обычно в таких случаях, все версии: возможное убийство, несчастный случай, задержка у знакомых или родных, похищение, бегство за границу, т. е. предательство.

Ни одной из этих версий не было основания отдавать предпочтение. Правда, были два обстоятельства, которые не могли не настораживать.

Первое — относительно спокойное отношение родителей к факту исчезновения их сына и его семьи. Ведь в таких случаях — переживания, расстройство настолько очевидны, что не обратить внимание на это невозможно. В данном же случае высказывалось недоумение, но носило оно, скорее, наигранный характер.

И второе — накануне исчезновения Шеймов передал родителям на хранение одну дорогостоящую вещь.

Бросалось в глаза еще одно обстоятельство: в холодильнике на квартире Шеймова находился значительный запас продуктов, приготовленных впрок, причем сделано это было нарочито, дабы специально обратить внимание тех, кто будет проводить расследование, сбить их с толку.

В это время в Москве расследовалось другое тяжкое преступление. Группа сотрудников милиции, состоявшая из трех человек, совершала грабежи, акты насилия, убийства. Их последней жертвой был сотрудник органов госбезопасности, который под надуманным предлогом был задержан

на станции метро, избит, вывезен под Москву и там ограблен и убит.

В ходе расследования двое из троих сотрудников милиции дали показания о том, что ими примерно в мае 1980 года было совершено убийство семьи, состоящей из мужа, жены и дочери. По совпадающим признакам предположили, что речь идет о семье Шеймова, и началось расследование именно этой версии, хотя несовпадающих признаков также было немало. Преступники давали противоречивые показания о квартире, где было совершено убийство, указывались разные места захоронения, были противоречия в описании жертв, давались неточные показания о времени совершения преступления.

Следствию иногда казалось, что эпизод с убийством семьи из трех человек был придуман подозреваемыми в силу каких-то не до конца выясненных обстоятельств и причин. Короче говоря, вменить в вину подследственным убийство семьи не представлялось возможным, и уголовное дело пошло в суд без включения в обвинительное заключение этого эпизода.

Состоялся суд, вина подсудимых по другим преступлениям была доказана, все они были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

А тем временем случай с исчезновением Шеймова не раз был предметом обсуждения у председателя Комитета госбезопасности Андропова, а позднее у тех, кто сменил его, и каждый раз в ходе обсуждения возникали новые моменты, новые признаки, указывающие на то, что дело с исчезновением Шеймова до конца так и не выяснено. Правда, контрразведка настаивала на том, что убийство было все-таки связано с упомянутыми преступниками, другие версии в расчет не принимались.

Конечно, кому приятно «вешать» на себя бегство за границу, т. е. предательство сотрудника органов госбезопасности? Случай ложился бы пятном на контрразведку со всеми вытекающими последствиями. И вот желание пойти по наиболее приемлемому варианту, а не по версии предательства, мне кажется, было мотивом, объяснявшим всю последующую цепь неверных действий.

В мае 1982 года Андропов перешел на работу в ЦК КПСС, его сменил Федорчук. Спустя короткое время новый председатель КГБ решил вернуться к вопросу об исчезновении семьи Шеймова и вынести его на обсуждение.

Совещание было длительным и бурным. Друг другу противостояли две точки зрения на происшедшее. Одни утверждали, что Шеймов стал жертвой преступных действий бывших сотрудников милиции и был убит вместе с семьей, другие настаивали на том, что дело все-таки не выяснено до конца и что, вполне возможно, Шеймов был вывезен из Советского Союза.

К тому времени в подтверждение второй версии поступил сигнал о том, что спецслужбам Соединенных Штатов Америки удалось нелегальным путем вывезти из Советского Союза некоего сотрудника КГБ. Информация не носила достоверного и конкретного характера, и потому к ней можно было отнестись по-разному.

Поступил также сигнал о том, что из Советского Союза примерно в тот же период, когда исчез Шеймов, самолетом была вывезена какая-то семья. Более того, один из советских граждан, находившихся в самолете, по фотографии опознал Шеймова. Позже он не давал таких твердых показаний, и потому к его рассказу можно было отнестись с сомнениями.

Расследование выявило настораживающие моменты поведения Шеймова как во время пребывания в Советском Союзе, так и в период командировки в Польше. Во всяком случае, поводов усомниться в версии убийства семьи Шеймова было более чем достаточно.

Однако контрразведка продолжала настаивать на своем, и мне показалось, что в их утверждениях было много неискренности. Просматривалось желание представить дело не таким тяжелым, каким оно было на самом деле, дабы избежать выводов, разумеется весьма неприятных.

Надо отдать должное Федорчуку, он проявил принципиальность: дело не было закрыто, расследованию было придано новое направление.

К сожалению, именно то время было весьма тягостным для органов госбезопасности, особенно для разведки. Предательства происходили одно за другим, каждый случай изме-

ны приносил огромный политический и оперативный ущерб.

Разведка честно докладывала о каждом случае, проводила тщательные расследования, ничего не утаивала, делала соответствующие выводы. Мы искали выход из создавшегося положения, пытались наладить работу внешней контрразведки, о чем я подробно говорил в другой главе. Кое-что нам удавалось сделать, а кое в чем мы явно недорабатывали. В частности, нам не удавалось заблаговременно выявлять и пресекать случаи предательства, не говоря уже о том, чтобы доводить подобные дела до логического завершения и выводов.

Прошло еще два года, и сначала в 1984 году, а затем в 1985 году были получены достоверные данные о том, что Шеймов вместе с семьей был действительно нелегально вывезен из Советского Союза и проживает в Соединенных Штатах Америки. Информация не вызывала сомнений: ее получила внешняя разведка, а также разведывательная служба дружественной нам страны.

К сожалению, этой информации не было придано должного значения. Правда, меры по локализации возможного ущерба от измены шифровальщика были приняты, но насколько они были эффективны — сказать трудно. К тому же это была только одна сторона медали, нас интересовало, что же произошло на самом деле, когда и как Шеймов встал на путь предательства? И почему наша контрразведка просмотрела факт вывоза сотрудника органов госбезопасности и его семьи из Советского Союза?

В 1985 году англичане вывезли из Советского Союза Гордиевского. Этого могло бы не произойти, если бы мы в свое время должным образом отнеслись к факту исчезновения Шеймова и расследовали бы дело со всей объективностью и глубиной.

Так одна беда порождает другую по нашей же собственной вине из-за нежелания выяснить правду, сколь бы горькой она ни была! Ложно понятая честь мундира оказалась выше интересов государства.

И вот час расплаты наступил: в 1993 году в Соединенных Штатах Америки выходит книга бывшего майора КГБ Шеймова под названием «Башня секретов»! В ней Шеймов

описывает историю своего предательства, обстоятельства нелегального выезда из Советского Союза вместе с семьей.

Правда, как теперь установлено, описанные им обстоятельства выезда из Советского Союза не соответствуют действительности; Шеймов не называет подлинный канал вывоза из нашей страны, чтобы скрыть, уберечь этот канал. Но дело не в этом, а в том, как неверный, порочный шаг в расследовании дела об исчезновении Шеймова обернулся для нас не только политическим и оперативным ущербом, но и нравственными потерями.

В конце концов правда вышла наружу, да она и не могла не выйти! Более того, она повлекла за собой еще один серьезный для нас провал. И самое неприятное — душевную травму у сотрудников органов госбезопасности из-за того, что такое возможно в их среде.

Учитывая все это, с первых шагов пребывания на посту председателя Комитета госбезопасности я прежде всего думал о том, как поддерживать и укреплять соответствующую морально-психологическую атмосферу в коллективе, как быть во всем честными и чистыми, как не убегать от правды. Что касается меня, то я не уходил от правды ни 17 июня 1991 года, когда выступал на закрытой сессии Верховного Совета СССР и откровенно говорил о положении дел в стране, ни в августовские события того же года, когда выступил в защиту общественно-политического строя, Конституции СССР и самого Союза.

К 1989 году обстановка в стране стала заметно осложняться по всем направлениям: политический накал настроений возрастал, все острее стали ощущаться трудности в экономике, сильнее с негативной стороны давали о себе знать межнациональные отношения и даже кровавые конфликты, увеличивалась общая напряженность в обществе.

В КГБ СССР поступали достоверные сведения о действиях спецслужб западных стран против Советского Союза и всех его союзных республик. Почувствовав, что «запахло жареным», спецслужбы противной стороны резко усилили работу по добыче информации о положении в нашей стране. Использовались самые различные каналы — от агентурных до открытых.

Многократно увеличилось число иностранных делегаций и отдельных лиц, посещавших Советский Союз, возрос интерес к глубинке.

Заметно возросло количество приглашений в западные страны советских делегаций и лиц на частной, общественной или государственной основе.

Поездки, естественно, осуществлялись за счет принимающей стороны, сопровождались богатым приемом и соответствующими знаками внимания. Хотя немало таких акций предпринималось и с добрыми намерениями, в рамках проявления здорового интереса, из желания чем-то помочь.

Принимая все это во внимание, Комитет опубликовал ряд свежих материалов об агентурной деятельности западных спецслужб против Советского Союза. Конкретные аргументы призваны были показать, и это в какой-то мере удалось, насколько серьезны и опасны для нас действия спецслужб через агентов из числа советских граждан.

Стали шире освещаться факты расхищения народного достояния путем контрабанды, незаконных сделок с иностранными гражданами и организациями, а то и просто заключения невыгодных для нас соглашений. Разворовывание принимало такие масштабы, что в 1990 году Верховный Совет СССР специальным постановлением обязал Комитет госбезопасности наряду с МВД и Прокуратурой СССР принять активное участие в борьбе с экономическим саботажем.

Чекисты и ранее занимались этой проблемой, но после упомянутого постановления задача борьбы с экономическими преступлениями стала для нас одной из приоритетных.

Для выполнения этой задачи КГБ усилил соответствующие направления работы и создал в центральном аппарате специальное подразделение — Управление по борьбе с организованной преступностью. Там, где это вызывалось необходимостью, создавались структурные подразделения и в территориальных органах.

Конкретных дел было немало, их количество росло, но удовлетворения мы не испытывали, поскольку пресекалась преступная деятельность отдельных лиц или групп, а причины, порождавшие преступность, не только не устранялись, но, напротив, их становилось даже больше: отсутствие

надлежащего законодательства, рост спекуляции, в том числе организованной, групповой, слабый финансовый контроль, несовершенная налоговая система, отсутствие правовых норм, предусматривавших декларацию доходов, не говоря уже о вседозволенности и распущенности государственных чиновников, и другие.

Из регионов страны все интенсивнее поступала информация о назревании межнациональных конфликтов. Обозначившиеся тенденции к обострению межнациональных отношений прямо были связаны с политикой определенных кругов и лиц в национальных образованиях, стремлением в борьбе за власть использовать эти проблемы и обострить их.

Одни хорошо понимали, к чему могут привести национальные вспышки, видели весь трагизм ситуации, которая ждет страну в целом, и сознательно, целеустремленно шли на это. Другие наивно полагали, что таким путем можно будет разом решить политические, экономические и иные проблемы, считая, что все это обойдется без особых жертв и осложнений, без большой крови.

Немало было и экономических проблем, но главную скрипку играли политические. Из Комитета руководству страны шла объективная информация о действиях центробежных сил, разрушавших, размывавших Союз, разваливавших дружбу, единение народов.

Рост межнациональных конфликтов, организованной преступности обусловил заметное увеличение террористических акций: убийства должностных лиц, общественных деятелей, угоны транспортных средств, взрывы, диверсии в общественных местах, похищения людей, захват заложников. Можно, конечно, спорить, все ли эти преступные действия подходят под квалификацию террористических акций, но дело ведь касалось человеческих жизней, которые становились объектом торга, разменной монетой, жертвами наиболее жестоких преступлений.

Борьбе с террористическими проявлениями необходимо было придать новые импульсы, и она стала важнейшим направлением в работе Управления «З» — по защите конституционного строя как в центре, так и в территориальных органах КГБ.

Террористические акции трудно предупреждать, по-

скольку они не всегда заранее проявляются, готовятся втайне, нередко одним лицом или узкой группой лиц, носят в основном целевой характер — т. е. дважды по одной схеме, как правило, не совершаются. Созданная система борьбы с террористическими проявлениями давала результаты и, что особенно важно, позволяла в подавляющем большинстве случаев устанавливать носителей угроз и исполнителей акций.

Особенно сложными были операции по спасению заложников, нейтрализации действий преступников и их задержанию. Один неосторожный шаг мог повлечь гибель ни в чем не повинных людей, сотрудников правоохранительных органов, провал операции со всеми вытекающими отсюда оперативными и политическими издержками.

Длительное время действия по освобождению заложников нередко сопровождались жертвами. Применение огнестрельного оружия и других средств для обезвреживания преступников всегда несет в себе большой риск, но на это шли сознательно, хотя при этом нередко были раненые и даже убитые среди заложников и работников органов МВД и КГБ. Для всех было очевидно, что в таком подходе есть элемент неоправданного риска и негуманного отношения к тем, ради спасения которых проводятся операции.

В конце 1988 года в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) трое вооруженных бандитов захватили автобус с большой группой школьников — более 30 детей — вместе с учительницей Ефимовой и, угрожая их убийством, потребовали предоставить самолет для вылета за рубеж. Они показали пистолет (никто не знал, что в нем всего два патрона), ножи, канистры с бензином для поджога автобуса вместе с детьми в случае попытки освободить заложников.

К месту происшествия немедленно была направлена группа захвата, в КГБ был создан штаб по руководству операцией. Оценка обстановки показала, что освободить заложников можно за одну-две минуты, но исключить при этом возможность гибели хотя бы одного школьника никто, разумеется, не мог.

И тогда я принял решение: удовлетворить все условия преступников, выдать им требуемую валюту, продукты питания, автобусом доставить до аэропорта, предоставить са-

молет, передать пистолеты, автоматы, бронежилеты, что тоже было их условием.

Возникли трудности с валютой. Преступники согласились заменить недостающую часть долларов другой свободно конвертируемой валютой.

Все решения принимались в считанные минуты. Из Москвы в аэропорт Минеральные Воды были отправлены два грузовых самолета Ил-76. По новому требованию захватчиков, нам предстояло погрузить в самолет автобус вместе с детьми.

Не скрою, были споры по поводу моих решений. Ведь прежде, как я уже говорил, при проведении подобных операций шли на уничтожение преступников, не исключая возможности того, что могут пострадать и заложники. Я отказался от такого варианта, поскольку существовал риск гибели детей. По существу, впервые предлагалось пойти на полное удовлетворение всех требований угонщиков, и, естественно, не каждый сразу проникся целесообразностью такого подхода.

Наибольшие дискуссии вызвал вопрос о выдаче преступникам затребованного оружия. Кто даст гарантии, что преступники не употребят его и не принесут в жертву школьников, сопровождавших лиц, сотрудников органов госбезопасности и экипаж самолета? Но коль скоро мы пошли на удовлетворение остальных требований преступников, то нельзя было исключать и этот пункт, поскольку он сразу срывал бы достигнутые договоренности в целом. В данном случае риск с нашей стороны был огромным. Но я пошел на него опять-таки ради самых высоких целей — освобождения ребят, исключения всякой возможности их гибели.

Соображение было одно: преступники дорожили своей жизнью, не случайно они втянулись во все эти авантюрные переговоры. Поэтому если с нашей стороны не будет предпринят какой-либо неосторожный шаг и не будет дан повод применить оружие, то все может обойтись без стрельбы, и цель будет достигнута. Так оно в общем-то и получилось.

Уже после проведения операции, освобождения всех детей, учительницы, после возвращения самолета в Советский Союз, зарубежная и отечественная печать положительно от-

неслась к действиям сотрудников Комитета госбезопасности, потому что они позволили избежать жертв в борьбе с отъявленными преступниками, а это, пожалуй, самое главное. Материальные затраты тут, разумеется, не в счет.

После этого случая в нашей стране была прекращена практика неоправданного, неприемлемого риска при освобождении заложников и в центр внимания ставилась задача их спасения.

Нет смысла во всех деталях описывать операцию, поскольку она в свое время получила широкое освещение. Напомню лишь, что детей и учительницу удалось освободить перед самым вылетом самолета в Тель-Авив. Наиболее драматический момент — переход преступников из автобуса в самолет: они шли среди детей, одному из них приставили пистолет, другому — нож. Предупредили, что малейшая попытка освободить детей кончится стрельбой!

С аэродрома доложили обстановку. Была реальная возможность обезвредить бандитов, но вдруг они успеют сделать свое черное дело и пострадает хотя бы один ребенок? Решили операцию на поражение не проводить. В самолете преступники окончательно поверили в то, что их замысел сбывается: проверили, нет ли оружия у экипажа, лихорадочно пересчитали деньги в долларах, западногерманских марках и швейцарских франках, убедились в исправности затребованного оружия, произвели из него выстрелы.

С каждым часом у преступников возникали все новые и новые требования. Уже на аэродроме они потребовали, чтобы вместе с ними в самолете находился и летел за рубеж наш сотрудник Шереметев.

Я попросил связать меня с ним по телефону и лично переговорил с ним. Спросил, как относится он к тому, чтобы стать заложником, на что получил ответ о его полной готовности. Он сказал, что готов рискнуть, готов пожертвовать собой ради спасения детей и считает это своим гражданским и чекистским долгом.

Я не почувствовал в его голосе какой-то наигранности, это был голос бойца, смелого человека, хорошо понимавшего, на что он шел. Что не менее важно, он верил в успех операции, его оценки отличались практичностью. К тому времени он уже успел несколько раз переговорить с бандитами,

«срисовать» их и обстановку, подобрал ключи к каждому из них. Все переговоры с ними вел таким образом прицельно, предметно.

Положительную роль сыграла жена главаря. Она вошла в самолет и помогла уговорить преступников отпустить детей и учительницу. В конце концов они согласились, дети оказались на свободе. Сама жена на уговоры мужа не поддалась и с ними в дальний путь не отправилась.

Последним самолет покинул подполковник Шереметев, бывший в то время начальником отдела Управления КГБ по Ставропольскому краю. Ему досталось больше всего. Он был в контакте с бандитами с самого начала, почти сутки. В самолете его заставили лечь на пол, грозили застрелить, в доказательство серьезности своих намерений произвели выстрел. Он выдержал и это. В полет с собой не взяли, не свой человек, а значит — дополнительный риск.

Когда Шереметев покинул самолет, то сказались суточная усталость и напряженность. Он неважно себя почувствовал и, как только прибыл в аэропорт, попросил дать ему какое-нибудь сердечное лекарство. Его встретили как героя.

За проявленное мужество Шереметев был награжден орденом Красного Знамени. Эту высокую награду он заслужил, выполняя служебный долг, рискуя своей жизнью.

Трудно передать радость встречи с освобожденными детьми. Дети проявили выдержку, характер, не пресмыкались перед бандитами и не раз заступались за свою учительницу. Первый вопрос, заданный ими, когда они оказались на свободе: «Что с нашей учительницей?» Ефимову также встретили в аэропорту с цветами, она попала в объятия детей и их родных. Глядя на хрупкую, худенькую учительницу со стажем работы всего один неполный год, люди поражались: откуда у нее взялись силы, выдержка?

А тем временем самолет с угонщиками взял курс на Израиль, в Тель-Авив. Этот город был выбран не случайно. В числе стран, куда был возможен вылет самолета, угонщики назвали и Израиль.

С самого начала я решительно высказался именно за эту страну, будучи уверенным в том, что Израиль выдаст бандитов. Должен заметить, что такую твердую уверенность никто, кроме меня, не разделял.

Через Министерство иностранных дел СССР мы немедленно вступили в контакт с израильскими властями и спецслужбами в Тель-Авиве, и с самого начала меня не покидала надежда в благоприятном исходе дела — израильтяне были с нами откровенны, с пониманием отнеслись ко всем нашим просьбам, действовали четко и оперативно. С согласия израильской стороны мы направили в Тель-Авив второй самолет для вывоза угонщиков и вообще в порядке подстраховки, поскольку наш первый самолет мог быть там по тем или иным обстоятельствам задержан.

Конечно, мы понимали, что может смутить израильскую сторону, и потому, прежде чем решать вопрос о направлении самолета в Израиль, уточнили, что среди угонщиков не было лиц еврейской национальности. Этот вопрос, естественно, возник в Тель-Авиве, и, получив на него ответ, израильская сторона действовала смелее и увереннее. Был еще один момент. Положительное решение о выдаче угонщиков могло иметь место только при гарантии советской стороны, что в случае судебного преследования к указанным лицам не будет применена высшая мера наказания, т. е. расстрел. Такие гарантии Тель-Авиву были даны Министерством иностранных дел СССР, и таким образом все препятствия для решения вопроса о выдаче угонщиков были сняты.

Успешному исходу всей операции помогли сами угонщики. После выхода из самолета в Тель-Авиве они решили показать себя политиками и обратились к встречавшим их израильским представителям со словами: «Приветствуем фашистское государство Израиль!» Нетрудно представить, каково было изумление и возмущение представителей этой страны. Подобное обращение «гостей» явилось убедительным дополнением к нашей информации, характеризовавшей угонщиков как отпетых преступников, которую к тому времени мы уже успели передать по телефонной связи.

На следующий день появились признаки американского вмешательства в это дело. Израильские представители и здесь поступили честно, неофициально посоветовав нам быстрее вывезти угонщиков и тем закрыть вопрос, намекнув, что американцы проявляют к нему интерес. Израильская сторона передала советским представителям отобранные у

преступников оружие, деньги, личные вещи, а также их первые показания.

Так завершилась одна из драматических, но с успешным концом операция по освобождению детей, получившая название «Гром». Она послужила эталоном проведения мероприятий по освобождению заложников, исключающих их гибель.

Одна из смелых, можно сказать, дерзких операций по обезвреживанию была проведена в Саратове в мае 1989 года. Вторые сутки город буквально терроризировала группа преступников. Им удалось захватить оружие, автомашину, взять заложников.

Преступники обосновались в квартире, в которой проживала семья: муж, жена и двухлетняя дочь. Отсюда пошли их дополнительные требования — деньги, самолет для вылета за рубеж. Появилась реальная опасность для жильцов; прекратив переговоры, преступники угрожали выбросить с четвертого этажа сначала хозяина квартиры, затем его жену и дочь.

Сотрудники группы захвата (всего участвовало 18 человек) совершили, казалось, невероятное — с крыши дома на канатах совершили прыжок на два этажа ниже, буквально вышибли окна квартиры и влетели в нее. Первое, что было сделано — один из сотрудников накрыл своим телом двухлетнюю девочку и тем уберег ее от возможной гибели. Выстрелы бандитов чекисты приняли на себя, спасли бронежилеты.

Позже один из преступников на допросе показал, что он успел произвести два выстрела, а парень, словно робот, не падал, более того, свалил его и обезвредил. Жители города тепло благодарили героев операции, их поздравляли представители коллективов, газеты опубликовали о подвиге чекистов подробные сообщения.

И еще об одной операции подразделения «Альфа» следует рассказать. 13 августа 1990 года группа преступников в количестве семи человек захватила следственный изолятор в Сухуми. Помимо арестованных, они взяли в заложники четырех сотрудников изолятора, в последующие двое суток выдвинули ряд условий освобождения заложников: машина, деньги, самолет, свобода. В противном случае угрожали

расправой как над арестованными, так и над сотрудниками изолятора.

Переговоры шли день и ночь, но к успеху не привели. Тем временем в Сухуми была направлена группа сотрудников «Альфы» в количестве 22 человек. Они на месте оценили обстановку, изучили особенности изолятора, подходы к нему, окрестности, возможные варианты действий.

На третьи сутки — 15 августа — началась операция. Расчет строился на внезапности и мгновенности действий. Направленным взрывом были выбиты двери, через образовавшиеся бреши во внутренние помещения изолятора ворвались сотрудники «Альфы», и спустя буквально несколько секунд все семь преступников оказались лежащими на полу со связанными руками. Вскоре появились освобожденные заложники, которые за двое с лишним суток перенесли неимоверные страдания и муки, находились на волоске от смерти и были еще не в состоянии оценить, что же произошло в действительности.

А тем временем около изолятора собралась большая толпа наблюдателей, люди выглядывали из окон близлежащих домов, с балконов. В городе хорошо знали ситуацию, и потому почти все двое суток люди не покидали место, где разыгрывалась драма. Сама территория изолятора была оцеплена нарядами милиции. И вдруг стихийно, как-то одновременно раздались аплодисменты в честь победителей этой операции. Люди выкрикивали приветственные слова, от души чествовали героев, а родственники и близкие захваченных не могли скрыть своих слез.

Спустя месяц я вручал участникам операции высокие правительственные награды. К счастью, она обошлась без жертв с нашей стороны, но одного нашего товарища пуля все-таки задела, касательно прошла под кожей на шее, чудом не задев артерию. Его прооперировали, сотрудник был спасен и, более того, вскоре встал в строй, хотя рана давала о себе знать: раненый был еще далек от выздоровления, но врачи заверили, что со временем все пройдет без последствий. Это, пожалуй, была наиболее опасная, рискованная операция, к счастью для нас завершившаяся с минимальными издержками.

После вручения наград я спросил у награжденных, гото-

вы ли они выполнить аналогичные, а может быть, даже более трудные задачи? Все без колебаний ответили утвердительно. И это не было фразой, это отражало их внутреннюю готовность, говорило об их отношении к служебному долгу, о воспитании, сознательном выборе ими боевого пути, на котором в любое время может потребоваться и самопожертвование. А ведь они не получали больших денег, их денежное содержание колебалось в пределах 300 — 350 рублей. Надо отдать должное журналистам, они обратили внимание на это обстоятельство и подняли в печати вопрос о повышении зарплаты тем, чья работа связана с риском для жизни и здоровья. Вопрос был решен, материальное положение сотрудников группы «Альфа» было улучшено.

К сожалению, число попыток угонов транспортных средств, и прежде всего самолетов, захвата заложников увеличивалось, их география расширялась, случаи становились все более сложными и тяжелыми. Требовались дополнительные силы, повышение оперативности, быстрая реакция на преступные проявления.

В 1990 году было принято решение о создании в ряде регионов небольших подразделений групп захвата — в Краснодаре, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале. Ничего другого, кроме как стремления усилить борьбу с террористическими проявлениями, за этим не скрывалось.

К нашим многочисленным бедам прибавилась еще одна — наркомания. Эта проблема многогранна, ее причины носят политический, экономический, социальный, национальный характер.

Наркотики, особенно слабые их разновидности, довольно широко употребляли в некоторых национальных районах. Должного внимания этому опасному явлению у нас не уделялось, полного учета не велось, статистика была несовершенной, не отражала действительного положения дел. Серьезных обобщений и выводов не делалось. Но как только кризисные явления в Союзе стали все острее давать о себе знать, наркомания получила небывалое распространение.

Заметно возросло выращивание и производство наркотического сырья. Большие размеры принял завоз и транзит

наркотиков через Советский Союз, особенно из Афганистана. Количество употребляющих наркотики в 1990 году исчислялось уже сотнями тысяч, а оборот достигал порядка 10 — 15 миллиардов рублей.

В борьбе с наркоманией КГБ СССР пошел на сотрудничество со спецслужбами ряда капиталистических стран. Так, благодаря контактам со спецслужбами Англии, Канады, Голландии удалось перекрыть важный канал транспортировки наркотиков из Афганистана и изъять большую партию весом несколько тонн на сумму сотни миллионов долларов.

К сожалению, в Союзе дело так и не дошло до разработки комплексной общегосударственной программы борьбы с наркоманией и наркобизнесом. Уже тогда дело заходило далеко, появились наркомафиозные структуры, действовавшие в национальном и международном масштабе, и с этим злом так просто не справиться, если не устранить его причины или, по крайней мере, не свести их до минимума.

Медицина, образование, средства массовой информации, правоохранительные органы, весь диапазон воспитательных и административных мер воздействия — все оправдано в интересах борьбы с этим явлением, способным разложить общество и государство.

В интересах борьбы с наркоманией необходимо самое широкое и глубокое сотрудничество с любой специальной службой любого государства, которое проявляет интерес и готово к этому. Самые развитые капиталистические страны в недалеком будущем окажутся под угрозой гибели, если им не удастся пресечь такое зло, как наркомания, поражающее не только ныне живущие поколения, но и закладывающее генные основы разрушения, разложения многих будущих генераций. Начинать надо с воспитания в детских садах, школах, в печати, по телевидению, в кино. Примеров убийственного воздействия наркотиков на здоровье человека более чем достаточно.

Ни у одного государства в мире границы не имели такой значимости, как у Советского Союза. Рубежи нашей великой державы формировались более десяти веков — через

войны, добровольное присоединение к нам многочисленных народов со своими землями, через переговоры, договоренности, а также в результате насильственного передела территорий. Отдельные участки границ менялись естественным путем.

Россия прирастала в основном новыми землями, а если и лишалась некоторых районов, то по прошествии времени вновь воссоединялась с ним. На протяжении всей тысячелетней истории государственное обустройство происходило на федеративной основе, что убедительно показал выдающийся русский историк-исследователь Костомаров. На огромных просторах Европы и Азии создавалась, росла и крепла большая держава, где совместно жили многочисленные народы и этнические группы.

Исходя из исторических, этнических особенностей, географических условий, потребностей внутреннего развития, внешнего окружения на протяжении веков формировалась концепция охраны границы протяженностью 62 тысячи километров, из которых две трети приходилось на морские рубежи. Одно это предопределяло невозможность обеспечения надежной физической охраны границы на протяжении всего периметра.

Так, до революции 1917 года охрана границ России осуществлялась по принципу создания на некотором удалении от пограничной линии опорных баз с ответственностью за определенную территорию. В случае необходимости с опорной базы направлялись маневренные группы на тот или иной участок. Таким образом, пограничные заставы не являлись основным звеном в системе охраны границ, что делало их довольно уязвимыми для проникновения, или, как сейчас говорят, прозрачными.

После Октябрьской революции, особенно в условиях гражданской войны, обстановка на границах кардинальным образом изменилась. Практически на всей ее протяженности имели место постоянные провокации враждебных советской власти сил. Конфликты часто приобретали характер боевых действий с потерями, жертвами с обеих сторон.

Через границу на территорию Советского Союза проникали специально подготовленные группы, совершавшие акты террора и диверсий. Нарушители границы активно зани-

мались контрабандой, чем наносили серьезный экономический ущерб стране.

Какое-то время население, проживавшее в пограничной зоне, не чувствовало себя в безопасности, мирный труд людей не был обеспечен. Сама ситуация заставляла Москву подумать и принять необходимые меры, обеспечивавшие надежную охрану границы, по крайней мере, на ее значительной части. И такие меры стали приниматься. Центр тяжести в охране границы был перенесен на заставу, т. е. на постоянное физическое, техническое присутствие непосредственно на пограничных рубежах и обеспечение их неприкосновенности.

Фактическое положение дел, анализ данных, практика и весь опыт подтверждают обоснованность такого подхода. Даже в мирный период нарушения границы носили значительный по количеству и весьма опасный характер. В обоих направлениях нарушения исчислялись тысячами и нередко выливались в вооруженные конфликты, в ходе которых были потери в личном составе.

Итак, в течение нескольких десятков лет в Советском Союзе сформировалась стройная, цельная система охраны рубежей — сухопутных, речных и морских по схеме: застава (главное звено), отряд — на некотором удалении от границы, пограничный округ, главное управление пограничных войск.

За охрану воздушной границы отвечала противовоздушная оборона (ПВО) страны.

На обустройство границы были израсходованы значительные средства — многие сотни миллиардов рублей, создана солидная материально-техническая база, налажена подготовка кадров различных специальностей и уровней, сколочен коллектив пограничников, приобретен, обобщен и использовался ценный опыт.

Пожалуй, наиболее важным достижением явилась сложившаяся практика взаимоотношений между пограничниками, населением и органами власти на местах. Население приграничной зоны в первую очередь страдало от нарушителей границы, от их преступных действий и было кровно заинтересовано в спокойствии и порядке в районах проживания. Оно чувствовало себя увереннее в присутствии погра-

ничников, всегда рассчитывало на их помощь, в частности, при стихийных бедствиях, в хозяйственных работах.

Общение между населением и пограничниками было постоянным, отличалось дружбой и взаимной помощью. Пограничники помогали поддерживать общественный порядок в районах, примыкавших к границе.

Огромную роль играла политическая, воспитательная работа среди населения и личного состава погранвойск. Выигрывали от этого все. До сих пор мы живем еще багажом дружеских отношений, сложившихся между пограничниками и населением, хотя процесс размывания после 1985 года и особенно с образованием СНГ начался, приобретая все бóльшие темпы и масштабы.

Этому способствовала обостряющаяся в последнее время криминогенная обстановка в приграничье — контрабанда, незаконные торговые сделки, хищения, наркобизнес и т. п. Ситуация с охраной границы, положение в прилегающих к ней районах становились все более нестабильными, что порождало все бóльшую неудовлетворенность у пограничников и населения.

В октябре 1974 года перед назначением на пост начальника ПГУ я попросил предоставить мне краткосрочный отпуск. Решил провести его на Дальнем Востоке. Побывал в Хабаровске, Владивостоке, на острове Сахалин, на Малой Курильской гряде.

Впечатление от поездки осталось неизгладимое. Просторы, чарующая природа, еще не тронутая активной деятельностью человека, крупные города, мощная промышленность — поражали воображение, не оставляли равнодушным.

В Хабаровске все напоминало о российских первопроходцах, об их многовековой борьбе и труде по освоению дальневосточных земель. Город жил активной жизнью, но село находилось в запустении.

На пограничном катере прошлись по небольшому участку на реке Амур. Наш берег представлял безрадостную картину. От некогда богатых сел мало что осталось. Раньше некоторые села и деревни насчитывали сотни, а то и тысячи домов, теперь на их месте оставалось по нескольку десятков, а о некоторых жилых постройках напоминали лишь остатки

домов, сплошь заросшие бурьяном. Вблизи границы, в зоне так называемой безопасности, строительство, хозяйственная деятельность не поощрялись, более того, ограничивались.

Обращала на себя внимание рыболовецкая активность китайцев на реке Амур. На нашей же части реки — почти никого и ничего. Ничем иным, как результатами соответствующей политики, такое положение не объяснить.

По возвращении в Москву у меня состоялся разговор по этим вопросам с Андроповым. Он с интересом и пониманием отнесся к высказанным соображениям о необходимости принять меры по хозяйственному освоению приграничных районов. По этому поводу я имел разговор в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, но, к сожалению, до соответствующих решений дело так и не дошло.

Одним из первых моих шагов после назначения на должность председателя КГБ явилась постановка вопроса о значительном сокращении пограничной зоны — с 3,6 миллиона квадратных километра до 360 тысяч, т. е. в десять раз. Соответствующее решение было принято в 1990 году.

Правда, последовало и немало нареканий, мол, открыли для браконьеров большие участки, угодья. Но ведь с ними следует бороться с помощью иных организаций и возможностей, а не путем использования полувоенных методов пограничных войск. С помощью политических и экономических мер можно в сравнительно короткие сроки исправить ненормальное положение и ввести в народнохозяйственный оборот для нужд промышленности и сельского хозяйства огромные массивы земель в районе приграничья, и не только Дальнего Востока.

Кстати, во время той памятной поездки удалось побывать на островах Кунашир и Итуруп. Стратегическое значение этих островов невозможно переоценить, что признается и нами и другими странами. Сами острова, прилегающие к ним просторы по своему богатству уникальны. Леса, сельхозугодья, термальные источники, рыбные запасы делают их исключительно ценными и перспективными для народного хозяйства. Население невелико, природные возможности позволяют увеличить его многократно.

Тогда жители островов испытывали, а сейчас тем более,

серьезные опасения за будущее и потому весьма неохотно шли на расширение хозяйственной деятельности и закрепление своего проживания в тамошних местах. То же самое можно сказать и о властях.

В том, 1974 году тревога, сомнения за судьбу островов то и дело возникали в разговорах на разных уровнях, да и центральные органы давали для них повод, не удовлетворяя даже в минимальной мере потребности островов в средствах на капитальное строительство.

Принадлежность Малой Курильской гряды — далеко не автономный вопрос, прояви к решению его неосторожный, невзвешенный подход, и он породит цепочку аналогичных проблем в других районах государства. Нетрудно предположить, что нам будет практически невозможно остановить нежелательное развитие событий с далеко идущими последствиями.

Пришел момент, когда принципиальная позиция по островам Малой Курильской гряды стала неизбежной, какой бы она ни казалась трудной в данный момент. Видимо, выход из положения заключается в совместном использовании природных ресурсов данного региона, с точным определением условий и доли, получаемой каждой из сторон — российской и японской и, разумеется, сроков действия соглашений.

Однако при решении вопроса одно должно быть очевидно и бесспорно: полный суверенитет Российского государства над Малой Курильской грядой, как ни больно будет пережить это другим странам региона и тем, кто их сегодня поддерживает. В вопрос должна быть внесена абсолютная ясность для того, чтобы со временем окончательно его закрыть.

Вместе с тем мы, разумеется, должны учитывать интересы соседей при разработке международных соглашений по совместному использованию территориальных вод, морских путей, вообще по использованию территории и акватории Малой Курильской гряды. Уверен, что можно договориться о заключении соглашения, взаимовыгодного для всех сторон, которые бы в этом участвовали.

Помимо этого, хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное стратегическое значение для России этого района. Поте-

ряв суверенитет над островами Шикотан, Кунашир и другими, входящими в Малую Курильскую гряду, Россия лишается свободного, беспрепятственного выхода в Тихий океан. Огромный восточный регион нашего государства оказывается закрытым для свободного прохождения надводных и подводных судов.

Никто не может предсказать, как сложится ситуация в этом районе через пять, десять, пятнадцать лет, вполне возможно, могут наступить времена с осложнениями, и для России это будет иметь далеко идущие негативные последствия. Должна быть соответствующая подстраховка для огромного восточного региона нашего государства, судьба и безопасность которого связаны именно с Малой Курильской грядой.

Короче говоря, основополагающими должны быть наши национальные интересы. Ни одно государство в мире не проявляет легковесного подхода к решению территориальных вопросов, и это в полной мере должно относиться к России.

Дискуссии о концепции охраны границы активизировались в погранвойсках в конце 60-х годов. Часть руководящего состава во главе с тогдашним начальником Главного управления погранвойск генерал-полковником Зыряновым предложила вернуться в принципе к старой системе охраны границы, т. е. упор сделать не на заставу, а на погранотряды, придать последним бóльшую маневренность, полагая, что это позволит сделать охрану границ более эффективной, экономичной, существенно улучшить социально-бытовые условия личного состава, и прежде всего семей. При этом имелось в виду, что пограничники будут нести службу на заставе посменно, в течение двух-трех месяцев, а затем возвращаться в отряды, где постоянно будут жить их семьи.

Тогдашнее руководство комитета сочло возможным дать добро на переход к охране границы в рамках этой концепции. В числе доводов, которые приводили ее сторонники, была возможность широкого использования современных технических средств: если раньше от опорных пунктов пограничных отрядов до границы можно было добраться за несколько дней, то сегодня с учетом технических возможностей это можно сделать буквально в считанные часы.

Вместе с тем концентрация сил и возможностей пограничных войск в опорных базах большего масштаба позволяла бы не только успешно решать текущие задачи, но и обеспечивать локализацию более крупных конфликтов, которые могут возникнуть на том или ином участке государственной границы.

Вроде все было логично, но при этом сбрасывалась со счетов одна «маленькая» деталь. В результате такой реорганизации на самой границе оказывалось значительно меньше пограничников, чем того требовала обстановка, хотя и до введения этой концепции в жизнь на рубежах СССР явно не хватало личного состава, постоянно испытывался дефицит. А тут получалось, что примерно 30 — 40 процентов военнослужащих погранзастав постоянно находились бы на удалении от границы, в так называемых опорных пунктах.

Более глубокое изучение проблемы, проведенные на ряде отрядов и застав эксперименты показали несостоятельность этой концепции, и спустя два года от нее отказались. И тем не менее потеря даже двух лет отрицательно сказалась на положении дел, поскольку немедленно отразилась на боеспособности застав как основного звена системы охраны госграницы.

В начале 70-х годов был твердо восстановлен курс на охрану границ на базе застав. Это было исторически верное решение, что еще раз подтвердили события на границе Таджикистана с Афганистаном.

С развалом Советского Союза проблема охраны границ и вообще вопрос о них приобрели совершенно иное звучание. Если сохраняет свое значение задача возрождения Союза и мы от нее не отказываемся, то проблема границы может или помогать союзному фактору, или, наоборот, содействовать его дальнейшему ослаблению.

Все зависит от того, как подойти к этому вопросу! Создается впечатление, что в России и некоторых других странах ближнего зарубежья к проблеме внешних границ бывшего Союза, а также в рамках Содружества Независимых Государств подошли, руководствуясь не желанием сделать все необходимое для сохранения союзных структур, а стремлением покончить с ними и расчистить еще одну дорожку на пути полного разобщения.

Проблема ликвидации прежней границы СССР по своему значению и тяжелым последствиям многогранна. Политический аспект ясен: еще одно подтверждение разрушения Союза, устранение основы для совместных действий в такой важной области обеспечения безопасности и государственности, как граница. Присутствие союзных или хотя бы российских подразделений пограничников на бывших рубежах бывшего Советского Союза упраздняется. Националистические силы такое решение, разумеется, устраивает. Из независимых теперь государств — бывших союзных республик — уходят российские военные подразделения, которые при известных обстоятельствах, как некоторым представляется, могут сыграть роль «промосковской» силы и таким образом подорвать «завоеванный» суверенитет.

Главное — в политике. Все остальное подчинено этому. Граница создавалась веками, материальные затраты огромны, значение ее еще больше. После развала Союза поставлена задача создания границы со странами ближнего зарубежья. Расходы очевидны — это не одна сотня миллиардов рублей в прежнем их стоимостном выражении.

Для России, находящейся в глубоком кризисе, с огромным внешним долгом — это непозволительная роскошь, дело неподъемное. И хотя экономический фактор в расчет как бы не принимается, он неизбежно заставит о себе заговорить.

С появлением новых границ возникает масса трудностей, неудобств, проблем. Нарушаются нормальное привычное общение между людьми, между родными и близкими, связи между организациями, предприятиями, учреждениями внутри СНГ. Становятся проблемой даже почтово-телеграфная связь, культурный обмен, медицинская помощь и все остальное.

Таким образом, создание границы между Россией и другими странами СНГ — определяющий шаг в разъединении и разобщении бывшего Союза, закрепляет его развал, создает еще одно препятствие на пути его возможного возрождения.

Конечно, сохранение прежних границ весьма сложное дело, тут совершенно недостаточно одного лишь доброго намерения России или другого государства. Нужны соответст-

вующие посылки и прежде всего понимание необходимости сохранения условий если не для возрождения Союза, то хотя бы для создания подлинного содружества бывших республик, стремление и решимость добиваться этого. Были ли проявлены такие стремление и решимость? Во всяком случае, заметных усилий со стороны властей к сохранению прежних границ Союза и к их совместной охране предпринято не было.

Обустройство новых границ займет время, потребует огромных затрат. В отдельных регионах создавать ее придется по живому, и многие, видимо, плохо представляют себе, что это будет означать в действительности. Местами граница пройдет по окраинам городов, по селам и деревням, производственным площадям, карьерам, поделит автодороги и железнодорожные пути, зоны отдыха, сельскохозяйственные угодья, леса, водные просторы. Это будет в значительной части искусственное деление, которое неизбежно породит невиданные до сих пор по масштабам территориальные проблемы.

Исключение составляют, пожалуй, новые границы с Прибалтийскими государствами, поскольку в силу исторических причин они более очевидны, чем в других районах России — они обозначены определенными, известными рубежами, правда, не по всей линии протяженности.

Другое дело, экономические, хозяйственные связи — тут уже проявляются серьезные трудности, ощутимо ударившие в первую очередь по интересам народов Литвы, Латвии и Эстонии. Тем не менее все три Прибалтийские государства в той или иной мере заявили о территориальных претензиях к России и муссируют этот вопрос.

Со многими государствами — Украиной, Белоруссией, Азербайджаном и другими — новые границы могут каждодневно порождать массу конфликтных ситуаций, обусловят рост правонарушений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обозначена лишь часть проблем, которые возникнут в результате появления новых границ. На самом деле проблем будет значительно больше.

Но во всем этом есть и позитив: трудности, неудобства даже в чисто житейском плане обусловят рост настроений

против искусственных препятствий к общению, появление более серьезных проблем, что, в свою очередь, усилит движение за возрождение Союза. Вот только жаль, что окажутся напрасно потраченными силы и средства на обустройство новых границ — контрольных пограничных пунктов, таможенных постов, технических сооружений, затрат на содержание личного состава.

В последнее время в печати появляется все больше сообщений о том, что население приграничных районов фактически не признает новых границ, игнорирует их и активно общается между собой, не обращая внимания на формально установленные запреты и попытки этому помешать. Взаимные посещения, торговля, совместная хозяйственная деятельность, массовые мероприятия по случаю праздников, дней рождения и других дат делают новые границы фактически не существующими. Никто не спешит проводить демаркацию границ, т. е. устанавливать точную линию ее прохождения.

Короче говоря, власти думают, замышляют одно, а люди ведут себя часто так, как будто бы ничего не произошло. Кто возьмет на себя ответственность пойти против естественного стремления людей, ограничить их потребность в общении, помешать привычному порядку вещей в жизни, сложившемуся в течение многих веков?

Я хорошо понимал, что у Комитета госбезопасности и у его органов на местах невероятно много проблем. Была острая потребность в обновлении, совершенствовании, развитии, в отказе от отживших форм и методов работы, способов решения задач, острая нужда в поиске новых подходов к решению проблем безопасности Советского государства.

В первые же дни пребывания на посту председателя Комитета я особенно остро все это ощутил. Да, собственно говоря, не скрывал этого и мой предшественник, потому что он тоже понял, что нельзя стоять на одном месте, нужно движение вперед, но от меня, как от нового руководителя органов госбезопасности, люди, естественно, ждали каких-то сдвигов, решений, заметного стремления к совершенствованию их деятельности.

Высшее руководство страны, общественность, органы управления в центре и на местах ожидали от меня первых шагов. Я понимал, что в столь ответственный период времени, каким уже заявил о себе 1988 год, тянуть было нельзя, поэтому стал шаг за шагом разбираться в отдельных направлениях оперативной деятельности органов госбезопасности. Важно было инициировать активную работу личного состава, по возможности придать ей новые импульсы.

Я стал регулярно собирать Коллегию Комитета; раз в неделю, самое большее — в две недели, проводить совещания по назревшим вопросам. Совещания тщательно готовились, заранее рассылалась повестка дня, определялись докладчики и содокладчики.

Проведение совещаний в отличие от прежней практики оформлялось соответствующими протоколами и решениями, которые рассылались не только в подразделения центрального аппарата КГБ, но и во все местные органы. Стали практиковать вызов руководителей местных органов на заседания Коллегии и отдельные совещания. Совещания проводились в узком и расширенном составах. Важно было придать заседаниям Коллегии и совещаниям остроту, деловитость. Для достижения этого осуществлялся строгий контроль за выполнением принятых решений. С нарушителей строго спрашивалось.

На первый взгляд все это может показаться ничего не значащей формальностью, даже показухой. Нет! Смысл всех этих мероприятий заключался совершенно в другом. Вся деятельность органов госбезопасности самым непосредственным образом соприкасается с правами человека, так или иначе затрагивает его интересы. Порой на первый взгляд безобидные указания в практической работе могут неверно преломляться, истолковываться и повлечь за собой нарушения законности. Поэтому важно придать строгий правовой характер любой деятельности органов госбезопасности, исключив всякую двусмысленность, лазейки для обхода законов, возможности для злоупотреблений.

В числе многочисленных проблем, трудностей, с которыми мы тогда сталкивались, особенно беспокоило одно: вопрос о связях чекистов с общественностью, с народом. Было очевидно, что для начала необходимо было сделать все

возможное для преодоления отчужденности, устранения враждебного отношения к КГБ со стороны определенной части населения и особенно некоторых категорий интеллигенции. Нужно было организовать регулярное информирование народа, именно народа, о деятельности Комитета, в как можно более доступной и широкой форме, открыто признать прежние ошибки, а главное — подвести под всю деятельность органов строгую юридическую основу, исключающую как злоупотребления, так и вольность в использовании сил и возможностей КГБ. Именно на этих задачах мне, как новому председателю, и суждено было сосредоточить свое внимание и усилия чекистского коллектива.

После августа 1991 года, знакомясь с материалами, появившимися в средствах массовой информации, я особенно остро ощутил деликатность и сложность одной проблемы, связанной с органами госбезопасности. Речь идет о соотношении категорий: КГБ и гласность.

Эта проблема имеет свое звучание для общества, органов госбезопасности и человека, непосредственно ради которого эта гласность материализуется. Сложность проблемы заключается в сугубо секретной в основном деятельности органов по самой своей природе. Поэтому гласность применительно к службам безопасности — совсем другая категория, нежели гласность в работе обычной гражданской организации.

Без секретности службы безопасности любой страны мира работать не могут. Конкретное содержание, формы, многие методы деятельности, личный состав, в определенной мере структура — все это может открываться для широкой общественности в дозированных, целесообразных рамках. В противном случае службы безопасности будут не в состоянии выполнять свои задачи. Секретность распространяется прежде всего на оперативные разработки, конкретику решения задач, технические средства.

Особо оберегаемое направление деятельности органов госбезопасности — агентура. Последнее понимал даже Бакатин, известный своим негативным отношением к органам, в чем он сам неоднократно признавался.

Острейшей и важнейшей является проблема архивов. В 1992 году было принято решение об их опечатывании, они

были взяты под строгий контроль. Решение вполне оправданное, но несколько запоздалое. И главный вопрос: кто будет иметь к архивам доступ, на каком уровне будет соблюдаться ответственность за сохранность секретов, за их неразглашение или, наоборот, предание гласности?

Неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб не только всей системе органов госбезопасности, но и государству в целом. Возможные негативные последствия ущерба трудно переоценить. Под угрозой могут оказаться организации, лица, когда-то с большим риском для себя решившие помогать нашему государству.

После августовских событий в средствах массовой информации были опубликованы многочисленные документы Комитета госбезопасности, его органов на местах, которым в период их подготовки были присвоены грифы «Совершенно секретно», а то и высший гриф секретности — «Особой важности». В печати появились доклады органов госбезопасности руководству страны и отдельных республик по самым различным вопросам. Были преданы гласности сведения, полученные в результате разведывательных и контрразведывательных операций. Под удар поставлены ценные источники, люди, помогавшие нашей стране. Практика беспрецедентная!

Практически вся деятельность органов госбезопасности является необычной с точки зрения простого человека. Их формы и методы работы могут вызывать неоднозначное и притом нередко негативное восприятие. Поэтому при опубликовании материалов о деятельности органов, его сотрудников учет этого аспекта необходим, нужны объективные, добросовестные пояснения, комментарии.

Оперативная сторона деятельности спецслужб не случайно строго оберегается во всех странах. Предание гласности сокровенных оперативных тайн может породить массу вопросов, вызвать недоумение у совершенно непосвященной части людей, привести к тяжелым последствиям.

И дело даже не в том, что перед общественностью вдруг открываются какие-то стороны работы органов, а в том, что оперативная информация попадает в распоряжение недобросовестных, тенденциозно настроенных лиц. Последние же

не жалеют красок и интерпретируют ее в спекулятивных политических целях.

Исходя из своих принципов, я стремился показать всему личному составу, что общество, государство нуждаются в честной работе органов госбезопасности. Однако важно было также осознать и другое: речь идет не об одностороннем движении от общества, от государства к органам госбезопасности, должна быть строгая в своей взаимозависимости подотчетности обратная связь — от органов к обществу, к государству, поскольку органы госбезопасности являются структурной частью государства и ни в коей мере не автономны в своей деятельности.

Было признано необходимым решительно встать на путь гласности в работе органов госбезопасности всех уровней и направлений. С этой целью был создан Центр общественных связей, чекисты пошли в трудовые коллективы, двери Комитета, его органов на местах были широко открыты для делегаций, отдельных лиц, встреч с представителями государственных, общественных организаций, средств массовой информации, деятелями искусства, учеными.

У меня были опасения относительно реакции сотрудников органов госбезопасности на необходимость их широкого выхода на общественность, выступлений в средствах массовой информации, потому что никогда ранее органы госбезопасности не были открытыми, и жизнь и работа сотрудников была упрятана от глаз народа за семью печатями. Сомневающиеся были, но в целом выход чекистов на простор гласности и открытости перед обществом был встречен с пониманием.

Мне думается, что работа с общественностью, трудовыми коллективами, встречи с многочисленными делегациями, группами, представителями общественных организаций, посещавшими органы госбезопасности в центре и на местах, придали работе Комитета как бы второе дыхание. Мы вдруг сами ощутили в этом глубокую потребность.

Во время встреч задавалось множество вопросов, из них мы поняли: о нас настолько мало знают, что верные суждения о деятельности органов госбезопасности являются исключением. Вместе с тем такие встречи повышали нашу ответственность перед народом. Мы отдавали себе отчет в том,

что интерес к работе органов и вместе с тем контроль за их деятельностью будут неизбежно возрастать, и потому наши действия должны точно соответствовать законам и интересам народа, чтобы в любое время можно было не стыдясь отчитаться перед ним.

Мы решили приоткрыть чекистские залы, своего рода музеи, где экспонировались весьма ценные материалы об истории и деятельности органов государственной безопасности. Заявок было настолько много, что пришлось установить очередность. С другой стороны, важно было не выдать в потоке информации и важные секреты, которые до поры до времени должны оставаться достоянием лишь органов госбезопасности и соответствующих государственных структур.

Вскоре у нас возникла потребность во встречах с представителями общественности по профессиям, интересам, отдельным вопросам. Вошли в практику встречи с редакциями газет, журналов.

В Комитете госбезопасности стали принимать зарубежные делегации, приезжавшие в нашу страну по различным линиям. Это были группы предпринимателей, представители политических партий и течений. К нам потянулись видные общественные и государственные деятели, посещавшие Советский Союз с официальными и неофициальными визитами. Это были интересные встречи, которые давали много полезного и позволяли в ходе обмена мнениями приходить к определенным выводам и учитывать их в работе.

Из этих многочисленных встреч становилось яснее, где органы госбезопасности недорабатывают, где оставляют вне поля своего зрения важные процессы, происходящие в нашем обществе и государстве. Для нас стало очевиднее, чего ждут от нас общественность, простые советские люди. Мы поняли, что без широкой разумной гласности нам не стать ближе к людям, к обществу, тем более рассчитывать на его поддержку.

Внедрение гласности в нашей работе стало важной школой, этот процесс все больше приобретал необратимый характер, и речь могла идти только о дальнейшем развитии и совершенствовании этой работы.

До 1988 года Комитет принадлежал к небольшому чис-

лу почти полностью закрытых организаций. Так повелось, что секретность и гласность считались несовместимыми категориями, между ними существовал как бы непреодолимый барьер. А снимать его время пришло. И вот начался поход в мир гласности.

За время работы председателем Комитета — с октября 1988 по август 1991 года — мне пришлось выступить в печати, по телевидению, дать интервью, принять различные делегации, отдельных деятелей в общей сложности более 300 раз. Все это требовало большой подготовки, времени, напряжения, здоровья. В гласность постепенно вовлекались сотрудники всех уровней в центре и на местах. Лед отчужденности между органами госбезопасности и обществом начал таять.

Я почувствовал это сам, когда, в августе 1989 года состоялось мое утверждение в должности председателя КГБ. Впервые в истории органов госбезопасности председатель КГБ публично утверждался на сессии Верховного Совета СССР. Это был не только мой личный экзамен, проходил проверку, сдавал экзамен коллектив Комитета. До этого я отчитывался на заседаниях комитетов Верховного Совета, где тоже было совсем не просто.

При утверждении я более двух часов стоял на трибуне Верховного Совета, отвечал на многочисленные вопросы. И за этой процедурой в прямом телевизионном эфире наблюдали многие телезрители. При шести голосах против сессия утвердила меня председателем Комитета госбезопасности.

Отвечая на вопросы окруживших меня после заседания журналистов, я заметил, что это был самый трудный экзамен в жизни. Сейчас могу сказать, что на тот момент это соответствовало действительности, а вот сегодня следует уточнить: судебный процесс — испытание посложнее и потруднее. Тут и морально-политический экзамен, и борьба за правое дело, за которым — вся жизнь.

Расширение гласности в работе органов госбезопасности проявлялось в проведении многочисленных встреч с зарубежными и отечественными представителями общественно-политической жизни. Так, в 1989 — 1991 годах я, как председатель Комитета, имел беседы с известным американским деятелем Эдвардом Кеннеди, бывшим президен-

том США Ричардом Никсоном, с большой группой американских бизнесменов-республиканцев, представителями Индии, Афганистана, Южной Кореи, многих арабских стран, Африки, Латинской Америки. Это были действующие и бывшие государственные деятели, руководители политических партий и движений, представители крупных международных организаций.

В соответствии с поступившими просьбами в Комитете были приняты руководители специальных служб и органов, министерств внутренних дел таких стран, как Италия, Испания, Германия, Франция, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Австрия, Южная Корея и многих других. В ходе этих встреч обсуждались возможные вопросы сотрудничества на двусторонней основе по борьбе с терроризмом, контрабандой, наркобизнесом и другими. В большинстве своем это были первые контакты с руководителями специальных органов по линии Комитета госбезопасности.

Я принимал послов США, Турции, Швеции и других стран, аккредитованных в Москве. Дал многочисленные интервью корреспондентам зарубежных печатных изданий самых различных политических направлений и ориентаций.

Что было характерно для этих встреч? Собеседники проявляли огромное желание поглубже ознакомиться с процессами, происходившими в нашей стране, с обстановкой, возможными перспективами ее развития. У многих из них чувствовалась нескрываемая тревога за положение дел в Советском Союзе. Судя по вопросам и репликам, они далеко не всё понимали, с недоумением относились ко многим политическим и экономическим мероприятиям в стране, и в частности, шагам, предпринимавшимся Президентом СССР Горбачевым. Многие из них прямо говорили, что мир катится к однополярному состоянию и что это вряд ли будет отвечать интересам человечества.

Такая озабоченность особенно чувствовалась со стороны представителей арабских стран. Многие из тех, кого мы относили далеко не к прогрессивному направлению, высказывали серьезную озабоченность возможным усилением влияния Соединенных Штатов Америки и некоторых западных стран в арабском мире. Отбрасывая в сторону общественно-политический строй в Советском Союзе, коммуни-

стическую идеологию, они смотрели на развитие событий в мире, в СССР с сугубо прагматических позиций.

Многие говорили, что если сойдет с политической арены Советский Союз, то его место в арабском мире займут Соединенные Штаты Америки со всеми вытекающими негативными последствиями для арабских стран. Отмечая наличие противоречий во взглядах на международные проблемы у Москвы и у некоторых арабских стран, они подчеркивали, что такие противоречия в еще большей степени присутствуют между ними и американцами. С особой тревогой высказывались об этом представители африканских и некоторых латиноамериканских государств.

Примечательными были отдельные высказывания Эдварда Кеннеди. Он подчеркнуто высоко отзывался о достижениях Советского Союза в социальной области. Говорил, что в СССР примерно решены проблемы, связанные с образованием и медицинским обслуживанием. Их бесплатный характер, подчеркивал он, — огромное достижение советских людей. Как сенатор, он десятки лет борется за то, чтобы обеспечить бесплатное медицинское обслуживание для всех групп населения США, но из этого у него ничего не получается.

По его словам, около 40 миллионов американских граждан лишены возможности пользоваться медицинским обслуживанием, что, естественно, отражается на их здоровье, на общем демографическом состоянии населения страны. Однако все попытки добиться прогресса в этом вопросе оказываются тщетными. Он говорил, что страшным бичом для Соединенных Штатов являются безработица, наркомания и преступность и что по этим показателям Советский Союз выгодно отличается от США.

Из этих встреч нетрудно было вынести одно впечатление: за рубежом отчетливо понимали, к чему идут дела в Советском Союзе, пытались прозрачно сказать нам об этом и в меру своих сил предупредить нежелательное развитие событий. Многие с благодарностью вспоминали роль Советского Союза в послевоенное время, когда наша страна помогла многим государствам и народам обрести независимость и самостоятельность.

Представители ряда государств со ссылкой на свое руководство заявляли, что готовы рассмотреть вопрос о предоставлении Советскому Союзу выгодных кредитов, дабы помочь ему выйти из трудного положения, в котором он оказался.

Разумеется, вся эта информация докладывалась Горбачеву. Она не могла не настораживать. Только не желающий видеть не видел того, что происходило в нашей стране, в то время когда каждый зрячий видел, куда идет дело.

Об одном зарубежном представителе мне хотелось бы рассказать несколько подробнее в связи с широкими спекуляциями, пересудами, которые имели и еще имеют место на Западе вокруг его имени. Мое желание продиктовано также стремлением дать объективную справку о нем в той части, которая касается советской стороны, и в частности, Комитета госбезопасности.

Речь идет о Роберте Максвелле, известном общественно-политическом деятеле, крупном бизнесмене, подданном Великобритании, неоднократно посещавшем Советский Союз в течение ряда лет.

Осенью 1991 года мир облетело печальное сообщение о гибели Роберта Максвелла во время плавания на принадлежащей ему яхте. Я узнал об этом, находясь в «Матросской тишине». Тело его нашли в море, куда он упал при обстоятельствах, полностью еще не выясненных.

Как гласит одна из версий, находясь на палубе яхты, он почувствовал себя плохо и, видимо, упал в море. Пошли слухи о том, была ли его смерть насильственной или естественной, не было ли в данном случае самоубийства?

Прошло какое-то время, и стали обыгрываться сообщения о том, что Максвелл неоднократно бывал в Советском Союзе, поддерживал связи с Комитетом госбезопасности. Дело даже не в попытках увязать его гибель с КГБ. Дело в другом. Он действительно посещал нашу страну, а раз так, то стоит поспекулировать на этом, дабы у читателей появился к трагическому случаю еще больший интерес.

Действительно, Роберт Максвелл на протяжении многих лет неоднократно бывал в Советском Союзе, где встре-

чался с представителями общественно-политических кругов, политологами, экономистами, ответственными сотрудниками аппарата ЦК КПСС и Совета Министров, журналистами. Посетил многие города Советского Союза, немного знал русский язык. Словом, приезжал сюда, как давнишний знакомый, подчеркивал, что является другом Советского Союза. В последнем сомневаться, пожалуй, нет оснований.

О Максвелле ходило много мифов. Один из них — что это был миллиардер, обладавший огромным состоянием, и что стоило ему пожелать, как он мог осчастливить любую страну, в том числе и Советский Союз, значительными кредитами, в которых мы тогда так нуждались. Он доверительно, ненавязчиво мог намекнуть, что у него большие связи в мире всемогущих, что он влиятельное лицо в международных делах и что грешно было бы это не использовать. Его преподносили как человека, склонного к благотворительности, в основе которой не только знаки внимания, но возможность оказать щедрую помощь и поддержку.

Словом, интерес к нему был большой, некоторые на этом спекулировали, в том числе и в нашей стране, чрезмерно завышая его возможности и порывы. Среди них особенно отличался Яковлев, именно в этом плане он влиял на Горбачева, пытаясь убедить последнего в полезности контактов с Максвеллом.

В 1989—1991 годах у меня, как у председателя КГБ, было три или четыре встречи с Максвеллом. Всякий раз они проходили по инициативе последнего. Вот о них-то и о впечатлениях, которые я вынес от этих встреч, мне и хотелось бы поведать читателю, исходя из того что это имеет определенное значение в плане объективного представления о возможностях, достоинствах и качествах этого человека.

Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что в целом у меня сложилось о Максвелле положительное впечатление.

Наша первая встреча состоялась в 1989 году во время его очередного приезда в Москву. В кабинет председателя Комитета в сопровождении трех своих ближайших сотрудников вошел человек больших размеров (весил он значительно больше сотни килограммов), улыбающийся, с протянутой для приветствия рукой. После нескольких слов на русском языке он вдруг перешел на венгерский язык, зара-

нее узнав, что я по специальности венгровед и говорю по-венгерски.

Я поддержал разговор, и потому в услугах переводчика мы больше не нуждались. Должен сказать, что он хорошо владел бытовым венгерским языком, что касается литературного, то, видимо, судьба не позволила ему заниматься этим языком основательно.

Он подчеркнул, что имеет родственников в Венгрии (кстати, об этом я хорошо знал). Так, один из его родственников по линии отца когда-то работал венгерским послом в Москве.

Он сказал, что, во-первых, пришел познакомиться с главой Комитета госбезопасности, с которым прежде никогда не имел чести быть знакомым; во-вторых, из первых рук получить информацию о ситуации в стране и обсудить некоторые вопросы, представлявшие, как он полагал, взаимный интерес для обеих сторон.

В течение этой и последующих встреч с Максвеллом разговоры велись в основном вокруг четырех проблем.

Первая — он пытался получить информацию о том, что же происходит в Советском Союзе, какие перестроечные процессы у нас идут, что для них характерно и каковы их перспективы.

Вторая — будучи специалистом в области бизнеса, Максвелл хотел глубже изучить, обсудить проблему бизнеса и получить поддержку от Комитета госбезопасности в организации курсов, школы для начинающих советских предпринимателей, которых он считал неопытными, необразованными, в связи с чем их легко будет обмануть в больших и малых сделках.

Несколько отступая от беседы с Максвеллом, хотелось бы сказать, что здесь он в своих суждениях проявил чрезмерную однозначность. Дело в том, что наши бизнесмены, войдя в мир предпринимательства, нередко показывают изрядные способности так отделать своего контрагента, что последний ахнуть не успеет, как лишается значительной части своего богатства, если не всего. Так что в мире к нашим бизнесменам начинают подходить порой с опаской, по поговорке: «Палец в рот не клади, может откусить».

Но по сути Максвелл был прав: наша неопытность при

заключении сделок нередко оборачивалась для нас ущербом. Бизнес — дело для нас новое, и для того, чтобы не ошибиться, нужно не только желание, нужен еще и опыт, которого наши предприниматели тогда еще не успели приобрести.

Спустя некоторое время по инициативе Максвелла Кабинет Министров СССР принял специальное решение о создании школы для советских бизнесменов, где Максвелл согласился прочитать курс лекций сам и где готовы были выступить те, кого он для этого порекомендует. Это, бесспорно, было делом полезным.

Третий вопрос, которым Максвелл постоянно занимался, — издательские дела. Он оказывал помощь, правда не такую большую, на какую рассчитывали наши представители, в издании политической и иной литературы за рубежом, в частности, отдельных книг, выступлений Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. В издательском мире у него были широкие связи, и он имел тут реальную возможность оказать нам помощь, причем не рассчитывая на какие-то серьезные для себя финансовые выгоды.

Последний, четвертый вопрос, которому Максвелл придавал исключительно большое значение — и было видно, что он в нем кровно заинтересован, — это вопрос об отношениях между Израилем и Советским Союзом, положение евреев в Советском Союзе, а также проблема их выезда из нашей страны. Максвелл не скрывал того, что в этих переговорах представляет израильскую сторону и, как еврей, хотел бы помочь этой стране. Остро переживал случаи, как ему казалось, проявлений антисемитизма в Советском Союзе, с болью говорил об антиеврейских настроениях в арабском мире. Вместе с тем Максвелл никогда враждебно не отзывался об арабах, подчеркивая, что мир для Израиля можно обеспечить только в том случае, если этой стране удастся наладить всесторонние деловые, полезные отношения со странами арабского мира.

Бывая в других советских организациях, Максвелл обсуждал вопросы кредитной политики, но всегда уходил в сторону, когда речь заходила о заключении конкретных сделок, связанных с выделением кредитов под те или иные цели. Он никогда не давал конкретных обещаний, и было видно, что речь идет не о том, что он не желает пойти на этот

шаг, а потому, что он не обладает кредитными возможностями, что лишний раз подтверждало: разговоры о его неимоверном богатстве — один из мифов, одно из преувеличений возможностей Максвелла.

По характеру Максвелл был доброжелательным человеком, исключительно внимательным к собеседнику, старался угадать его желания, и, если речь шла о чем-то практически выполнимом, он, как правило, старался пойти навстречу собеседнику, оказывал конкретную помощь и поддержку. Он обладал связями в международных кругах, и поэтому его оценки положения дел в мире, в отдельных регионах и странах представляли несомненный интерес.

Он давал дружеские советы, предостерегал от тех или иных шагов, подсказывал, какие опасности могут поджидать Советский Союз в его отношениях с ведущими капиталистическими странами. Он много ездил в треугольнике Тель-Авив — Вашингтон — Лондон, имел там контакты на самом высоком уровне, делился информацией и вместе с тем черпал необходимые сведения для себя. Оценки событий и людей были осторожными, он проявлял лояльность даже тогда, когда говорил о своих откровенных противниках. А последних у него было немало.

По информации, которой располагала советская разведка, у Максвелла были серьезные финансовые затруднения. Не рассчитываясь по долговым обязательствам, он играл, как водится в капиталистическом бизнесе, по правилу кто — кого. Вот на этом он мог нажить себе настоящих врагов.

К Советскому Союзу Максвелл относился более чем лояльно, можно сказать, дружески. Он высоко ценил вклад советского народа в борьбу с нацистской Германией, в победу над фашизмом. С благодарностью говорил об огромном вкладе советских Вооруженных Сил в освобождение значительного числа евреев, находившихся в плену в Германии, о поддержке Советским Союзом образования самостоятельного еврейского государства. В целом исключительно положительно оценивал роль Советского Союза в международных делах, как фактора мира и стабильности, говорил, что не верит утверждениям некоторых, будто бы Советский Союз только и думает о том, как бы начать новую мировую войну.

Обращало на себя внимание его довольно осторожное отношение к перестроечным процессам в Советском Союзе. Он считал, что не все у нас просчитано хорошо, что не все может кончиться так, как хотелось бы организаторам перестройки, и что есть смысл остановиться, осмотреться и кое-что подправить, поскольку сохранение Советского Союза — главная задача, ради которой есть смысл пойти и на определенные издержки.

По его мнению, Соединенные Штаты Америки и Западная Европа не отдавали себе отчета в том, что будет с ними в случае исчезновения Советского Союза, потому что те опасности, которые поджидают Советский Союз, в одно прекрасное время могут стать губительными и для западного мира.

Последняя встреча с ним состоялась летом 1991 года. Она проходила у Горбачева. Помимо Максвелла и меня, на встрече присутствовал переводчик. Круг вопросов, который обсуждался, был тот же, что обозначен выше. Каких-либо конкретных договоренностей зафиксировано не было, но в этом не было и потребности. Для Максвелла встреча нужна была скорее по престижным соображениям, нежели для решения вопросов по существу. Тогда было обусловлено не делать публикаций о состоявшейся встрече, чтобы не вызывать вокруг нее ненужного ажиотажа.

Уже после освобождения из «Матросской тишины», в 1993—1994 годах, я дал несколько интервью представителям английской, французской, германской телекомпаний и ряда изданий. Основная тема бесед, главный интерес — личность Максвелла, его визиты в Советский Союз, встречи с нашими деятелями, и в частности, со мной как председателем КГБ. Им хотелось получить информацию, проливающую свет на причины смерти Максвелла и найти какие-то отправные точки, побудительные мотивы, которые помогли бы поиску ответов на вопросы, занимающие общественность.

Я не имел и не имею возможности пролить свет на причину смерти Максвелла. Если говорить о самоубийстве, то в этом я глубоко сомневаюсь и сегодня. Максвелл был человеком оптимистического склада и, несмотря на трудности, которые он испытывал в своей работе как политический дея-

тель и бизнесмен, вряд ли предпочел жизни смерть — слишком сильно было в нем жизнелюбие.

Положим, финансовое положение Максвелла было не блестящим, он имел долги, по которым не так-то легко, видимо, было расплатиться. Однако, изворотливость, глубокое знание правил и игры без правил, обычаев и нравов мира бизнеса, широкие связи Максвелла вряд ли не помогли бы ему в решении даже самых запутанных ситуаций. Потом, как известно, за деньги убивают, но не умирают.

Далее — у него была семья, о которой он неизменно говорил с гордостью, и самое главное — у него было дело, в том числе и политическое, которому он посвящал всего себя и находил, как мне казалось, в этом удовлетворение. Возможно, его уход из жизни был естественным, однако на этот вопрос должно ответить следствие. Только оно может вынести окончательное заключение, потому что обстоятельства происшедшего, видимо, могут стать известны лишь ему.

Максвелл был патриотом Великобритании. Для него не безразлична была Америка, он был большим патриотом Израиля и желал ему счастья. Он хотел видеть Израиль в окружении дружественных арабских государств и понимал, что рано или поздно с ними надо договариваться. Максвелл был интересным собеседником и, видимо, мог быть неплохим личным другом. Все сказанное заставляет сожалеть о его безвременном уходе из жизни, и дело не столько в возрасте, сколько в тех планах, которыми он был полон и которые стремился реализовать.

К 1988 году перед органами КГБ стояло немало проблем, которыми следовало безотлагательно заняться. Так, предстояло поднять еще один огромный пласт — приведение законодательства, по которому жили и работали Комитет и все его органы, в соответствие со временем, с новыми условиями, со всей общегосударственной правовой базой.

Прежде всего нужен был основополагающий закон об органах госбезопасности, и мы стали его готовить, добиваться его рассмотрения в Верховном Совете СССР. К подготовке проекта закона подключились многие сотрудники

органов, ряд организаций, ведомств, институтов, опытные юристы, правоведы.

В новых условиях органы госбезопасности могли органически вписаться в систему государственности только через новое, соответствующее времени законодательство. Проблем с законодательством было много, а если говорить точнее — целина.

Правовой акт, по которому существовал и действовал Комитет госбезопасности, был принят ЦК КПСС и Советом Министров СССР еще в 1959 году. За истекшее время он не раз дополнялся, корректировался, но в основе оставался действующим, более того, единственным и главным.

За 30 лет было принято немало постановлений ЦК КПСС и правительства по ряду направлений чекистской деятельности, свыше трех тысяч подзаконных ведомственных актов. Они создавали широкую правовую базу, регулировали работу органов, что уберегало их от произвола. Но чего не хватало? Прежде всего органической увязки деятельности КГБ, органов и войск с общесоюзным законодательством, полного соответствия и строгой подчиненности правовых норм, по которым работал КГБ СССР, союзным законам.

В условиях гласности, открытости общества происходили кардинальные изменения во всех сферах жизни страны. Проблема создания правового государства предопределила необходимость выработки и принятия союзного закона об органах госбезопасности. Эта задача стала очевидной и безотлагательной.

Спустя месяц после назначения председателем Комитета, в ноябре 1988 года, мною был поставлен вопрос о подготовке проекта закона об органах госбезопасности. Среди личного состава двух мнений на этот счет не было. Разгорелись споры на страницах печати, в политических кругах, среди депутатского корпуса о том, что чему должно предшествовать — общий закон о безопасности государства или закон о КГБ СССР.

В руководстве Комитета считали, что спор этот беспредметен. Если раньше будет готов общий законопроект о безопасности, то можно обсудить и принять его. Однако такого законопроекта никто не подготовил и пока не собирался готовить, в то время как разработка закона об органах госбезо-

пасности началась, приобрела вполне реальные очертания, и его первый вариант КГБ вскоре был готов представить в комитеты Верховного Совета на обсуждение.

В жизни так и произошло.

Проект закона был внесен в Верховный Совет СССР уже в 1989 году и по поручению его председателя Лукьянова начал путь длительного, основательного обсуждения в комитетах Верховного Совета. Обсуждение проходило заинтересованно, высказывалось много заслуживающих внимания предложений, замечаний, пожеланий. В комитетах выступали ответственные сотрудники КГБ, неоднократно приходилось выступать и мне.

Примечательно, что, вопреки ожиданиям, подавляющая часть предложений депутатов была направлена на усиление органов госбезопасности, предоставление им больших прав и полномочий. По инициативе депутатов в закон был включен целый раздел, посвященный социальной защите сотрудников органов госбезопасности. Нашли полную поддержку положения о централизованном управлении органами госбезопасности с четким определением полномочий союзных, республиканских и местных органов, включая совместные права и обязанности.

Ни один раздел, ни один пункт проекта закона не был размыт, ослаблен. Вместо «Закона о Комитете госбезопасности СССР» в комитетах Верховного Совета предложили другое название — «Закон об органах государственной безопасности в СССР». Это название звучало шире, было обращено также к другим государственным и общественным структурам, сильнее подчеркивало слитность органов госбезопасности с системой государственности в целом.

На многие вопросы отвечает статья первая закона. Стоит воспроизвести ее содержание. «*Назначение органов государственной безопасности.* Органы государственной безопасности обеспечивают в пределах компетенции государственную безопасность Союза ССР и республик и в этих целях ведут борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и тер-

риториальной целостности государства, его экономического, научно-технического и оборонного потенциала».

Хотелось бы обратить внимание на ту часть статьи, где говорится о том, что органы госбезопасности «осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и территориальной целостности государства...».

Намеченное на 20 августа 1991 года подписание договора о Союзе Суверенных Республик несло в себе прямую угрозу конституционному строю Союза ССР, его территориальной целостности, и поэтому противодействие этому акту означало не что иное, как защиту Конституции, законов СССР, к тому же в строгом соответствии с волей подавляющего большинства народа, выраженной на всенародном референдуме 17 марта 1991 года.

Закон регламентировал основные направления и принципы деятельности органов государственной безопасности. Специально оговаривались гарантии соблюдения прав и свобод граждан.

Законом предусматривалась гласность в деятельности органов государственной безопасности.

Финансирование и материально-техническое обеспечение органов госбезопасности определялось отдельной статьей, что особенно важно, поскольку речь шла о бюджетной организации. Подробно оговаривались обязанности и права органов госбезопасности всех уровней. Такая регламентация была зафиксирована впервые — ни в одном законодательном акте, в том числе и ведомственном, она не содержалась.

Публично заявлялось, что органы госбезопасности:

— осуществляют в законодательном порядке гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия, в том числе с использованием технических средств;

— проводят с последующим уведомлением прокурора, исключительно в целях пресечения разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, противоправных посягательств на конституционный строй Союза ССР и республик, контроль почтовых отправлений и прослушивание переговоров отдельных лиц,

ведущихся с использованием телефонов и других переговорных устройств.

По закону контроль за деятельностью Комитета государственной безопасности СССР должен был осуществляться Верховным Советом СССР, Президентом СССР, а также Кабинетом Министров СССР. Надзор за точным и единообразным исполнением законов в деятельности органов госбезопасности возлагался на Генерального прокурора СССР, прокуроров союзных республик и подчиненных им прокуроров.

Кабинету Министров СССР поручалось до 1 января 1992 года утвердить положение о Комитете государственной безопасности СССР и до конца 1992 года привести в соответствие с законом все ведомственные и иные правовые акты.

Закон был принят Верховным Советом СССР 16 мая 1991 года. Обсуждение шло в течение двух дней. Поступило много конструктивных предложений, уточнений, проект был улучшен и, несомненно, мог бы служить правовой базой для органов госбезопасности в целом и их союзных структур в частности.

Однако сразу же после его утверждения в ряде республик стали раздаваться выступления против союзного закона, за принятие своих республиканских законов об органах госбезопасности явно сепаратистского плана. Политическая деятельность определенных сил не в пользу Союза все сильнее давала о себе знать, в ряде республик его применение становилось проблематичным (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина, Молдавия, Армения). В случае подписания 20 августа 1991 года договора о Союзе Суверенных Республик принятый закон об органах госбезопасности в СССР вряд ли мог рассчитывать на жизнь.

Кстати, за название «Комитет госбезопасности» мы особенно не держались. Просили внести предложения по любым возможным вариантам, но в конце концов было решено не менять наименование, и члены Верховного Совета проголосовали за это, ничего иного так и не придумав.

Постатейное голосование, как и голосование в целом, проходило при подавляющем большинстве в поддержку закона. Против голосовали буквально единицы.

Во время обсуждения закона об органах КГБ в Верховном Совете у меня сложилось впечатление, что представители высшей законодательной власти решили не тянуть с его утверждением. К тому времени они уже не могли не понимать, что дело идет к трагической развязке, и в этой ситуации подкрепленный законом Комитет госбезопасности мог бы стать одним из реальных стержней сохранения союзного государства.

У закона об органах государственной безопасности действительно была одна исключительно важная сторона: он был призван сыграть роль главного стержня в защите целостности государства, а таких связующих Союз факторов к моменту принятия упомянутого закона оставалось всё меньше.

После отмены статьи 6 Конституции СССР позиции КПСС решительным образом ослабли, она перестала быть цементирующим, объединяющим звеном, а равноценной замены не появилось. Был ликвидирован ряд союзных министерств, ведомств, организаций, многие отраслевые структуры управления.

Практически сводились к нулю возможности влиять на положение в республиках по своей линии у Министерства внутренних дел СССР. В этих условиях каждая возможность сохранить союзные структуры, уберечь их от разрушения приобретала особую значимость. За каждую такую возможность приходилось бороться, и далеко не всегда удавалось отстоять союзные позиции. В случае с органами госбезопасности удалось, но только в законодательном отношении.

Политические игры сепаратистов вершили свое разрушительное дело.

Одним из важнейших направлений работы в тот период была деятельность по реабилитации жертв сталинских репрессий, обнародованию всей правды об этих страшных преступлениях.

Об этом хотелось бы сказать особо и сделать небольшой экскурс в историю.

Октябрьская революция, судя по всему, была последней

в мире по масштабам, характеру, радикализму. Обстановка на планете изменилась в значительной мере под влиянием Октября и вызванных им социально-политических преобразований в нашей стране. Капитализм вобрал в себя многое от социализма, он стал ближе к народу, у его наиболее разумных представителей хватило ума, смелости и гибкости, чтобы учесть опыт 1917 года и с помощью серии мер сделать капиталистическое общество более терпимым и приемлемым для народа.

Великая мировая депрессия конца 20-х — начала 30-х годов окончательно убедила правящие круги капиталистических стран в том, что следует во что бы то ни стало находить возможности сосуществования капиталистов и остальной части общества, в противном случае социальных взрывов не избежать. Таким образом, силовые методы решения вопросов, противоречий в историческом плане стали отходить на второй план, а после второй мировой войны они основательно уступили место политическим средствам.

Целая сумма факторов, причин и обстоятельств обусловила волну репрессий в Советском Союзе со времен гражданской войны вплоть до 1953 года.

Гражданская война — самая что ни на есть жестокая братоубийственная война без правил. Она не могла не оставить глубокого следа, не повлиять на отношения между людьми. Покончив с нэпом, революционные методы хозяйствования вытеснили эволюционный подход к решению основополагающих проблем, приобрели господствующий характер.

После гражданской войны нашей второй трагедией было широкое раскулачивание. Затем репрессии против политических противников — полоса беззакония, длительного по времени и значительного по числу жертв.

Ничто не может оправдать допущенных репрессий. Оценка роли в этом культа личности была дана принципиальная, извлечены уроки, сделаны выводы, предусмотрены преграды на пути возможных рецидивов.

Для реабилитации, увековечения памяти погибших, пострадавших сделано немало, но обостренное чувство долга перед жертвами дает о себе знать, будоражит умы. И все-таки списывать все невзгоды, жестокости на общественный

строй, на социализм не только несправедливо, но было бы не менее трагической ошибкой.

Заслуживает осуждения за беззаконие Сталин, культ его личности, жизненно важно не допустить повторения подобного в будущем. Что касается социализма, в нем нет ни одного положения негуманного, противоречащего интересам человека, народа. Дело — в понимании, толковании и реализации социалистических идей.

Период советской власти займет неоднозначное место в истории нашего государства, да и не только нашего, хотя его величия, грандиозных свершений никому умалить не удастся. К нему не раз будут возвращаться историки, политологи, ученые. С годами претерпят изменения оценки, иначе будут расставлены акценты, по-иному зазвучат события, имена людей того времени, одни личности займут достойное место в исторической памяти людей, пройдут дорогу к величию и славе, другие займут более скромное место, многие уйдут в тень и, более того, оставят по себе лишь черный след презрения.

Неоднозначно представляется историческая оценка личности Сталина. О нем еще появится немало публикаций, научных исследований, давность не закроет его имя в литературе, публицистике, искусстве, не говоря уже об историографии.

Сталина невозможно вычеркнуть из советского периода истории нашего государства, ибо его роль со всеми минусами и плюсами присутствует и значима в достижениях индустриализации страны, культурной революции, в развитии науки, образования, в формировании многонационального государства нового типа. Без многого из того, о чем идет речь, что было сделано в Советском Союзе, мы не выиграли бы войну с германским фашизмом — ее исход был предрешен в нашу пользу в битве один на один еще до открытия союзниками второго фронта на европейском театре военных действий в 1944 году.

В политике и практической деятельности Сталина были крупные просчеты, ошибки и даже преступления. Стремясь к умножению мощи государства, расширению его территории и влияния в мире, он прибегал к таким средствам достижения целей, которые дорого обошлись нашему народу.

Сталин, будучи бесспорно выдающейся личностью, создал во многом свою теорию построения социалистического общества в Советском Союзе. В значительной части она носила субъективный, волюнтаристский характер, создал ее Сталин по своему видению, сам сооружал схемы, определял направления развития, жестко формировал положения о надстройке и базисе, об их взаимосвязи и взаимозависимости. Одной категории — базису отдавал все, другой — надстройке — роль пленницы, инструмента во власти других факторов, сформулированных им закономерностей, хотя на практике, в жизни надстройка по воле одного человека была всесильна, вертела базисом, как считала нужным, оставляя за бортом законы, которые так и не дождались простора для своего проявления.

Один ученый в беседе со мной как-то сказал, что Сталин в теории уподоблялся каменщику, который так делал кладку из кирпичей, что не оставлял никакого зазора, даже небольшой возможности втиснуться туда чему-нибудь иному.

Сталин был прагматичным человеком, эта черта определяла многое. На всех этапах он считал главным производство, рассматривая решение экономических проблем именно под этим углом. И в правоте тут ему не откажешь.

Жесткие планы, неизменно перенапряженные по срокам и объемам, строгий контроль за их выполнением в сочетании с ответственностью, нередко опасной для жизни в полном смысле этого слова, отражали общую атмосферу в стране. Энтузиазм был нацелен на решение производственных задач любым путем, любыми средствами, без всяких оправдательных причин. Именно это предопределяло подход к оценке действий работника любого уровня.

Во всем чувствовалась работа четко отлаженного и твердо, жестко управляемого механизма. Сбой, отставание в производстве, пусть даже на небольшом участке, немедленно кем-то замечались, принимались меры, и положение выправлялось. Достигнутые результаты были временным рубежом. То ли по инициативе на местах, то ли по указанию сверху определялись новые задачи, застой был нетерпим и недопустим. Казалось, сделать больше уже невозможно. Но это только казалось: глаза страшатся, а руки делают. И вот

взяты более высокие рубежи. Что-то двигало людьми в постоянном, неиссякаемом стремлении добиваться новых высот, направляло их усилия, держало их в постоянном поиске и движении вперед.

Значительно позже я пришел к пониманию, что такой движущей силой являлся созданный Сталиным управленческий механизм, в котором свою огромную роль играла личность самого Сталина. С приходом в 1953 году к власти Хрущева начался демонтаж этого механизма. Он продолжался не один десяток лет, идет еще и сейчас, но даже его остатков нам хватает, чтобы не погибнуть окончательно.

Во всем этом можно найти и положительное и негативное, обе стороны переплелись: привлекательные цели и порой негодные средства. В результате репрессий, преследований целых групп населения травмировано не одно поколение людей. Единственный выход из создавшегося положения — откровенность, правда, сколь бы горькой она ни была.

О масштабах нарушений законности при Сталине стало известно лишь в 60—70-х годах. Они были значительными, но требовали выяснения и уточнения многие аспекты, обстоятельства, причины, на основе глубокого и всестороннего анализа которых можно было прийти к объективным выводам.

Предстояло определить категории осужденных лиц, обоснованность их вины, порядок расследования и рассмотрения дел в судах или в специально созданных внесудебных структурах, исполнения приговоров, в том числе отбытия наказания в местах лишения свободы.

Темпы и масштабы этой работы получили особенно большой размах в 80-е годы. В 1988 году при ЦК КПСС была создана специальная комиссия по реабилитации, которая определила идеологию и организацию работы по этой проблеме. Шел поиск материалов в архивах КГБ, МВД, Прокуратуры СССР, ЦК КПСС, в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. Производились опросы оставшихся в живых свидетелей, но их было очень мало, буквально единицы.

Активно велся поиск мест захоронений. Строго централизованного учета их не было, поэтому искали в предполагаемых районах по устным сообщениям, рассказам очевид-

цев. Работа давала результаты, и к 1990 году появились обобщенные данные.

Так, было установлено, что в 30—50-е годы (до 1953 года) по обвинению в политических преступлениях было репрессировано 3 778 234 человека. Из них высшей мере наказания — расстрелу — подвергнуто 786 098 человек. Цифры ужасны и говорят сами за себя.

Комитет госбезопасности не скрывал данных о репрессиях, местах захоронения, лицах, причастных и виновных в нарушении законности. Однако до полной убежденности в их достоверности мы не считали возможным предавать гласности всю информацию, потому что знали, сколь остро воспринимается она общественностью, и ошибки здесь были недопустимы.

За некоторое опоздание с информированием органы госбезопасности не раз подвергались критике, подозревались в стремлении скрыть правду. Но это не так, хотя имели место и неоперативность и недостаточность мер по выявлению необходимых данных. Гласная работа комиссии при ЦК КПСС по реабилитации, равно как и неоднократные обращения КГБ к населению с просьбой помочь в получении сведений были полезными, позволили, в частности, обнаружить ряд неизвестных захоронений.

Одной из сложных проблем являлось катынское дело. В архивах КГБ по состоянию на 1988 год материалов, которые проливали бы свет на эту проблему, обнаружено не было. Версия о причастности советской стороны к гибели польских военнослужащих со счетов не сбрасывалась. Она исследовалась, более того, некоторые обстоятельства (например, переписка польских офицеров оборвалась весной 1940 года) вызвали сомнения в достоверности официальной советской версии о том, что уничтожение пленных поляков в Катыни — дело рук немцев. Сомнения испытывал и Фалин, работавший в то время заведующим Международным отделом ЦК КПСС.

В начале 1989 года я, как председатель КГБ, и Фалин обратились в ЦК КПСС с предложением не отбрасывать версию о причастности НКВД к уничтожению поляков, начать поиск документов, провести расследование и откровенно поделиться с польским руководством нашими сомнениями.

В том же, 1989 году, помимо Катыни, были обнаружены еще два захоронения польских военнослужащих в городах Владимире и Харькове. Были найдены также некоторые документы, которые свидетельствовали о том, что ликвидация польских военнопленных офицеров была исполнена НКВД.

Об этом было сообщено польскому руководству.

Как известно из недавних официальных сообщений, в 1992 году в архивах ЦК КПСС было наконец найдено решение Политбюро ЦК ВКП(б) 1940 года о ликвидации польских военнопленных. Об этом был проинформирован президент Польши Лех Валенса.

Такой оказалась одна из трагических страниц в советско-польских отношениях. Можно лишь выразить надежду, что эта трагедия навсегда стала историей, которая не должна отразиться на дальнейших отношениях между Польшей и Россией.

Сейчас нам стали известны основные сведения о массовых репрессиях, расстрелах, осуждениях на длительные сроки лишения свободы значительного числа людей. В подавляющей массе это были невинно пострадавшие люди.

Я часто задавался вопросом, знали ли сотрудники органов госбезопасности тогда, а если знали, то в какой мере, что происходит, что безвинно гибнут люди, жестоко ломаются судьбы членов их семей. За время работы в Комитете я беседовал с чекистами, которые работали в органах при Сталине. Мне представлялось — они не могли не ведать того, что происходило вокруг.

Я услышал не одну впечатляющую историю об обстановке в органах тех времен. В 1937 году, например, был расстрелян практически весь личный состав Омского управления НКВД за отказ участвовать в репрессиях. Состоялся скорый суд, и судьба сотрудников управления была решена.

Обстановка в системе НКВД была окутана мраком гнетущих ожиданий. Каждый занимался своим делом и не знал, какие конкретные дела вел его сослуживец. В кабинете могли находиться несколько сотрудников, каждый из них был занят решением своих вопросов, никаких серьезных, служебных советов друг с другом, разговоры только на общие темы. Периодически сослуживцы вдруг недосчитывались какого-либо соседа по рабочей комнате, вопросов по

этому не задавали, но каждый задумывался; через день-два начальство сообщало, что исчезнувший сослуживец — «враг народа», арестован, будет предан суду. Удивительное дело — соседей по кабинету, как правило, не допрашивали, что придавало всему происходящему мрачную таинственность.

Но люди есть люди, у них возникает невольная потребность поговорить о чем-то сокровенном, наболевшем, мучительном.

Однажды два сослуживца поделились между собой сомнениями в виновности их арестованного товарища. Один даже бросил фразу, не ошибается ли Берия, знает ли он правду, доходит ли до него достоверная информация? По тем временам такой разговор мог закончиться трагически. И вот после 1953 года они вспомнили тот разговор и откровенно поведали друг другу, что испытывали острый страх, мучились опасениями, не доложит ли кто из них первым о высказанном другим сомнении!

Что смущало, сбивало с толку? Арестованные давали признательные показания, которые привязывались к подлинным эпизодам из их жизни, и в ходе судебного процесса рассказы о преступной деятельности казались правдоподобными.

Однако со временем сомнений накапливалось все больше, появлялись нестыковки, да и просто внутреннее чутье подсказывало что-то неладное.

После войны количество дел, а следовательно, и арестованных заметно поубавилось, что в какой-то мере снижало остроту проблемы.

Дезориентировало официально декларируемое стремление руководства НКВД к «строгому» соблюдению правовых норм в служебно-оперативной работе. За малейшие нарушения строго взыскивали, подвергали критике на служебных совещаниях, партийных собраниях, осуществляли жесткий контроль, короче, была полная видимость соблюдения законности.

Однако далеко не все молчали, мирились с репрессиями, с обстановкой, находилось немало сотрудников, которые поднимали голос протеста, заступались за своих товарищей, пытались добиться правды.

Были случаи, когда подобные вопросы ставились на

партийных собраниях, некоторые обращались к Сталину, давали показания в защиту своих сослуживцев. Как правило, все это заканчивалось печально, трагически. Только в 1934—1939 годах за «контрреволюционные преступления» было расстреляно 21 880 сотрудников органов безопасности. Известны многочисленные случаи попыток со стороны сотрудников органов помочь гражданам, облегчить судьбу арестованных и членов их семей.

Оговоры, самооговоры не были исключением. В результате невинно страдали другие.

По настоятельной просьбе советских и иностранных граждан я тогда давал разрешение ознакомить их с делами на репрессированных родственников. Впечатления были тяжелыми. Тогда мы приняли решение не показывать дела с материалами, содержащими оговоры, в результате которых пострадали люди. Ничем иным, кроме гуманных соображений, мы при этом не руководствовались.

Один гражданин, кстати, широко известный в стране, после ознакомления с делом на своего отца выразил искреннее сожаление, что уговорил меня показать ему материалы, и признался, что получил тяжелую моральную травму. Я, как мог, успокаивал его, уповая на то, что нечеловеческие обстоятельства, в которых оказался его отец, дают основания для проявления снисходительности.

В результате репрессий погибли люди различных убеждений, взглядов, социального положения. Источник трагедии — нарушения законности, изъяны, пороки системы. Пострадавшие не были единомышленниками, их порой разделяли идеологические и политические барьеры, жизни же лишались и те, и другие.

Память о них должна быть одна, и памятник, следовательно, должен быть один, как были общими захоронения. Такой подход лишь подчеркнет общность трагедии, необходимость единения людей в беде, знак примирения и согласия сегодняшнего и будущих поколений. Аналогичные примеры этому есть: в Испании воздвигнут памятник всем погибшим в ходе гражданской войны в 1930-е годы как с той, так и с другой стороны.

Ныне работающие в органах госбезопасности сотрудники, как и я, не имели никакого отношения к сталинским ре-

прессиями и не несут за это ответственности. На их долю выпала большая работа по реабилитации репрессированных, увековечению памяти безвинно погибших. Они честно выполняют свой долг.

Я знаю, что чекисты очень переживают по поводу трагических страниц нашей истории и к выявлению всей правды относятся с полной ответственностью. Поиск, уточнения продолжаются, не было попыток что-то скрыть, было лишь стремление установить истину, не ошибиться, донести до людей правду, никого не забыть.

В июле 1991 года в Комитете госбезопасности состоялась моя встреча с группой репрессированных и впоследствии реабилитированных лиц. Она продолжалась несколько часов и вылилась в откровенный и деловой разговор.

В адрес КГБ была высказана признательность за работу по реабилитации, установлению невинно пострадавших лиц, поиск мест захоронений. Вместе с тем раздавались и критические замечания за неоперативность, недостаточную ясность по конкретным делам, за нерешенность многих вопросов в целом. В частности, поднимались вопросы о неудовлетворительном положении дел с материальной компенсацией, обеспечением жильем, лечением, изданием литературы по этой тематике.

Обсуждение показало готовность и желание заинтересованных сторон совместно решать вопросы, воссоздать картину происшедшей трагедии в память о пострадавших и в назидание будущим поколениям. Договорились о конкретных мерах по взаимодействию между Комитетом госбезопасности и его органами на местах и соответствующими организациями, занимающимися жертвами репрессий.

В развитие этого был подготовлен даже проект постановления правительства о решении вопросов, связанных с реабилитацией.

21 августа 1991 года по Центральному телевидению должен был состояться показ упомянутой встречи, однако августовские события помешали этому.

В октябре 1989 года я был избран членом Политбюро ЦК КПСС. Подобного выдвижения по партийной линии

никак не ожидал. Но важно другое: пройдет всего несколько месяцев, как будет отменена статья 6 Конституции СССР, и с монополией КПСС, ее руководящей ролью в правовом отношении фактически будет покончено. Состав Политбюро ЦК сильно изменится, и министры там уже не будут представлены.

Этим хочу подчеркнуть стремительность развития событий, изменения обстановки, а также невозможность, да и неспособность в то время просчитать ситуацию даже на полгода вперед. Время раскачки, то и дело бросал слова Горбачев, прошло, начался новый этап в развитии общества — этап быстрых перемен, ломки привычных схем и стереотипов, которые несли с собой, как он и его политические сторонники утверждали, обновление общества, а на самом деле — крушение союзного государства.

Еще до своего избрания в Политбюро я стал регулярно бывать на его заседаниях (как только был назначен председателем КГБ).

Сейчас в адрес партии, ее руководящих органов, и в частности Политбюро, раздается много критики, незаслуженных обвинений. Даже небольшой по времени опыт работы в Политбюро позволяет мне со всей ответственностью заявить: сложившаяся практика и стиль работы этого партийного органа содержали в себе немало положительного, поучительного. По своим потенциальным возможностям это был коллективный орган для обсуждения вопросов и принятия соответствующих решений. Обсуждение носило принципиальный, основательный характер, вопросы, как правило, тщательно готовились; на заседания приглашались руководители заинтересованных ведомств и организаций. Если у членов Политбюро возникали сомнения и хотя бы один из них возражал, вопрос снимался и отправлялся на доработку.

Пожалуй, в то время в стране просто не было другого столь отлаженного и работоспособного коллективного органа. В условиях однопартийной системы подобная практика обеспечивала серьезный заслон волюнтаризму, но в обстановке развития подлинно демократических начал действительно нужны были иные институты управления, иные руководящие органы.

Политбюро с тогдашними функциями и полномочиями явно не вписывалось во время. Однако никакой другой орган из существовавших тогда не в состоянии был заменить Политбюро. Прекращение его деятельности в прежнем качестве, к тому же ничем не компенсированное, немедленно привело к образованию серьезного пробела в системе управления государством.

Самый большой недостаток в той системе управления, когда на вершине пирамиды находилось Политбюро, состоял в чрезмерной централизации. Там решались и большие, и малые вопросы. Политбюро знало и владело ситуацией в стране, видело осложнение проблем, но продолжало работать по инерции, каждодневно беря на себя ответственность за все происходящее. К этому так привыкли руководители многих ведомств и организаций, что норовили по каждому вопросу получить решение Политбюро, а потом, прикрываясь им, спокойно жить — индульгенция от ответственности получена.

Узловые проблемы Политбюро держало в своих руках прочно, и не во всех случаях это было плохо. Помню, в 1989 году Совмин СССР вышел с предложением осуществить разовую эмиссию денег на сумму всего 500 миллионов рублей. После острой дискуссии предложение не было принято: члены Политбюро расценили подобную меру как возможное начало опасного процесса, который затем будет трудно сдерживать, и экономика начнет разрушаться.

Как остро обсуждались на Политбюро вопросы снабжения Москвы продовольствием и промышленными товарами! Тогдашний первый секретарь МГК КПСС Зайков, председатель Моссовета Сайкин выглядели, мягко выражаясь, бледно.

Вообще вопросы социально-экономической политики выносились на заседания Политбюро, Секретариата ЦК КПСС часто. Особенно строго контролировалось строительство жилья. Конечно, плохо, что хозяйственными вопросами занимался политический орган: тут и подмена, и некомпетентность, но такова была сложившаяся система. Пришла эта практика совсем из других времен, формировалась она десятилетиями, но отбрасывать ее разом тоже было ошибочным решением.

...Я уже отмечал, что обо всех негативных явлениях в жизни страны, перекосах в политике и их последствиях Комитет госбезопасности своевременно и объективно докладывал высшему руководству.

В этой связи хотелось бы задержать внимание читателя на одной публикации в «Литературной газете» в декабре 1991 года, озаглавленной «Каждый народ — это божье явление», и дать справку. Повод, как мне кажется, того заслуживает. Речь идет о беседе Горбачева с обозревателем Щекочихиным. В ней содержится многое, по поводу чего есть что сказать, но остановлюсь только на одном вопросе.

Щекочихин завел разговор о характере информации, которая поступала к Горбачеву. Ниже приводится часть диалога на эту тему.

«Ю. Щ. ...До путча вам передавали много дезинформации, которую Крючков подсовывал через Болдина.

М. Г. Подобная информация шла на меня целенаправленно, их целью было подвести меня к введению чрезвычайных мер. Не только целенаправленно подбиралась тенденциозная информация, но даже события организовывались так, чтобы потом на их основе эту дезу создавать.

Ю. Щ. Т. е. как это?

М. Г. Выехать куда-нибудь по поручению ЦК, Компартии России, организовать где встречу с партийными секретарями, а где удастся — и с рядовыми коммунистами, правда, это хуже удавалось, легче с секретарями. И потом резолюции с протестом, с требованиями ко мне. Ультраправые требования! А я чувствовал, что эти резолюции написаны еще в Москве, до выезда на место».

Так Горбачев оправдывал себя и грубо клеветал на других. Вот уж воистину — немного совести быть не может: она или есть, или ее нет вовсе.

Это интервью Горбачев давал в ноябре 1991 года. Тогда он, видимо, еще не сознавал, что ему, как Президенту, осталось жить всего несколько дней. Он рассчитывал, что каким-то чудом удастся выжить на этом посту и что развитие событий в Советском Союзе пойдет не так, как пошло после заключения Беловежских соглашений.

Информация Комитета госбезопасности и его органов на местах в своей подавляющей части была объективной,

правда безрадостной, особенно в 1990—1991 годах. Не было никакого намерения, да и надобности искажать информацию. Традиционно сложилось так, что информационно-аналитические материалы, как правило, менее остро отображали события по сравнению с тем, как было на самом деле. Всегда оставлялся резерв прочности, чтобы справляться с возможными попытками опровергнуть информацию, поставить ее под сомнение.

В последнее время Комитет госбезопасности буквально бомбил ЦК КПСС, Президента, Совет Министров СССР сообщениями о росте националистических настроений, назревании межнациональных конфликтов. Разве это противоречило действительности?! Разве конфликты не захлестывали страну, причем по нарастающей, охватывая все новые и новые регионы: Азербайджан, Армению, Нагорный Карабах, Киргизию, Узбекистан, Грузию, Молдавию, ряд районов Северного Кавказа и другие?

В информациях содержались заслуживающие внимания сведения о причинах назревания конфликтов, об экстремистских националистических организациях, лицах, движущих силах. Почти все начиналось с малого. Но Горбачев не хотел обращать внимание на это малое! А беду можно было предупредить, не допустить.

Тревожная информация направлялась по экономическому положению в стране. В 1990 году после двух лет стагнации появились первые признаки спада производства. В промышленности выпуск продукции сократился на 1,2 процента, а продукция сельского хозяйства уменьшилась на 2,9 процента. Конечно, эти данные сегодня могут вызвать улыбку — мелочь по сравнению с тем, что произошло в 1991—1995 годах. Однако это был первый случай сокращения производства за весь послевоенный период.

Нарушение вертикальных и горизонтальных связей, перебои в поставках сырья, комплектующих, сокращение производства, остановка целых предприятий и т. д. — обо всем этом направлялись сообщения с прогнозами, в том числе и информация, полученная Комитетом за рубежом и подтверждающая движение нашей экономики к краху. Внутренняя и внешняя информация дополняла друг друга и делала ее еще более убедительной. Довольно точно предсказывались

этапы кризиса, характер и масштабы обострения. Так что в происходящем сегодня нет чрезмерных неожиданностей и чего-то удивительного. Докладывались также важные, по мнению Комитета, соображения по предупреждению опасного развития событий.

В чем же обман? Где деза? Или за окном совсем другая картина, чем та, о которой сообщалось?

Повсеместно в стране усиливалась социальная напряженность. Она все шире охватывала рабочих, интеллигенцию, молодежь, значительную часть крестьянства. Опасно росла напряженность в армии, которую унижали, оскорбляли, пинали. Недовольство стало выливаться в острые проявления — митинги, пикетирования, забастовки. Ущерб от последних исчислялся миллиардами. В стране действовали разные силы: одни — подстрекали, призывали на улицу, рвались к власти, обещая золотые горы, другие — пытались без демагогии объяснить ситуацию, но не были услышаны или услышаны, но не поняты. В центре и на местах власти теряли авторитет и влияние, оказывались неспособными управлять.

Так в чем же был обман, деза? Или социальной напряженности не было и нет сейчас?

В течение ряда лет шла настораживающая информация о процессах, назревавших в Союзе. Центробежные силы набирали скорость и силу, подхватывались то в одной, то в другой республике. Многие проблемы четко обозначились, и мимо них уже невозможно было проходить, хотя ситуация в целом могла еще быть спасена. Однако центр терял способность контролировать и управлять процессами, использовать настроения большинства населения страны, высказывавшегося в пользу сохранения Союза.

Возможно, итоги мартовского 1991 года референдума притупили бдительность, люди посчитали, что Союз защищен. Однако в жизни было далеко не так. Сепаратистские проявления вспыхнули с новой силой. Комитет информировал о разработке в некоторых союзных республиках планов по введению национальных валют, организации собственных таможенных служб, установлению постов на границах, созданию национальных гвардий, вооруженных сил. Может быть, и эта информация Комитета о смертельной уг-

розе Союзу оказалась обманом, дезой? Развал Союза стал фактом. Трагический ответ на этот вопрос дало развитие событий.

7 декабря 1991 года по радио впервые передали сообщение о том, что Горбачев уйдет в отставку, если произойдет развал Союза, он, мол, не хочет быть участником трагедии. Возникает вопрос, а разве до этого он присутствовал при укреплении Союза?

Комитет располагал всесторонней информацией о положении в бывших социалистических странах. Мало кто не понимал, что эти страны охватывает глубокий кризис. Росла социальная напряженность, недовольство активно подогревалось и принимало резкие формы. К сожалению, реакция тогдашнего руководства в этих странах была неадекватной происходившим событиям. Все спасались поодиночке.

Друзья в социалистических странах рассчитывали на нашу моральную, политическую поддержку, но ее не получали. В целом расстановка социально-политических сил в этих странах была в пользу существовавшего тогда общественного строя. В одночасье все переменилось. Прекратили существование Организация Варшавского Договора, Совет Экономической Взаимопомощи.

Информация Комитета госбезопасности и здесь была упреждающей, достаточно всесторонней и глубокой. Она не была обманом, дезой!

И последнее. Комитет госбезопасности не организовывал никаких «событий» для давления на руководство страны. Комитет не прикладывал руку к организации забастовок, митингов, акций протеста, всякого рода собраний. Кстати, после августа, когда прежнего Комитета госбезопасности не стало, «события» в стране продолжались. Кто организовывал их тогда?

В средствах массовой информации много говорили о моем выступлении на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года.

Действительно, необычное заседание, необычное выступление. Депутаты — члены Верховного Совета проявляли все больше беспокойства за положение дел в стране. Оно

ухудшалось по всем направлениям: росла политическая нестабильность, экономические показатели становились все хуже и хуже, уровень жизни населения падал, и, как следствие всего, опасно усиливалась социальная напряженность. От кого зависело исправление положения? Кто должен, кто обязан был предпринять необходимые меры? Эти вопросы ходили среди депутатского корпуса.

Откровенно ругали Горбачева. О нем высказывались самым негативным образом. Не раз члены Верховного Совета взрывались негодованием в его адрес, а потом как-то все сходило: он предлагал очередной вариант решения проблемы, щедро сыпал обещаниями, зал успокаивался и тоже закрывал глаза на действительность, а страна продолжала двигаться к глубочайшему кризису.

В июне 1991 года на трибуну Верховного Совета депутаты в очередной раз вытащили председателя Кабинета Министров Павлова и заодно решили послушать трех союзных министров: обороны, внутренних дел и председателя КГБ.

Павлов понимал, куда идет страна в экономике — к хаосу. Исправить положение дел в народном хозяйстве без чрезвычайных мер было уже невозможно. Кабинет же Министров был лишен многих полномочий и прав еще в ноябре 1990 года, когда Верховным Советом они были переданы Президенту СССР Горбачеву.

Тогда Горбачев произнес боевую речь, четко определил, что надо делать, подчеркнул, что многие беды идут от слабой исполнительной власти. Он предложил выход — возложить на Президента непосредственное руководство исполнительной властью, таким образом, сделать последнюю еще более слабой.

Верховный Совет уцепился за призрачную надежду, поверил, вернее, хотел поверить в чудо — и, конечно, в очередной раз обманулся: дела пошли еще хуже! Председатель же Кабинета Министров лишился многих полномочий, а точнее, власти, стал, по сути, бесправной, чисто номинальной фигурой.

На упомянутом заседании Верховного Совета Павлов выступил достаточно остро. Объективно, не сгущая краски, обрисовал ситуацию и в заключение еще раз обратился с предложением наделить Кабинет Министров и его как пред-

седателя необходимыми полномочиями. Он даже не просил, а сказал, что без минимума необходимых полномочий правительство бессильно. На следующий день выступили Пуго, Язов и я — все примерно в одном ключе.

После наших выступлений на следующее заседание Верховного Совета прибыл Горбачев. Для него выступление Павлова, да еще с таким предложением, было неожиданностью. Он постарался дезавуировать предложение о наделении Кабинета Министров нужными полномочиями, и в итоге инициатива Павлова не была поддержана. Да и сам Павлов заколебался, он явно не хотел открыто идти против Горбачева.

Президент был не на шутку встревожен речью премьера, прямо спрашивал, что все это означает. Он исходил из того, что никто, кроме него, не может вести дела лучше. И вообще считал, что без него государство пропадет, а Запад никого, кроме него, признавать не будет. Негативно отнесся Горбачев и к нашим выступлениям.

В конце 1991 года мне передали в тюрьму газету «День» за 15—21 декабря. В ней было опубликовано мое выступление на Верховном Совете под заголовком «Последняя речь в Кремле». В свое время сообщалось, что кто-то из депутатов записал мое выступление на пленку. Летом 1991 года отрывки из него были переданы по Ленинградскому телевидению Невзоровым.

Горбачев возмущался по поводу утечки, но я счел поступок журналиста патриотическим и запретил предпринимать в отношении его какие-либо меры. Так широкая общественность узнала о точке зрения Комитета госбезопасности на ситуацию в стране и перспективы ее развития.

Своему выступлению на Верховном Совете я придавал и сегодня придаю большое значение. Считаю полезным частично воспроизвести его в своей книге в качестве иллюстрации к тому, что произошло в августе 1991 года.

Но, прежде чем приступить к изложению выступления, мне хотелось бы привести выдержки из комментария газеты «День».

«Роль шефа КГБ в событиях августа, — говорится в газетном предисловии, — не поддается однозначному толкованию. По его приказу случилось форосское затворничество

Президента. Именно он, если верить бывшему вице-премьеру Щербакову, сообщил главе правительства о тяжелой «болезни» Горбачева, о скоплении боевиков вокруг Кремля и предложил ввести чрезвычайное положение. Но после образования ГКЧП Крючков словно бы «умывает руки»: подчиненный ему могучий аппарат все три смутных дня пил чай в ожидании указаний и не ударил палец о палец, чтобы восстановить законность и порядок в стране».

Далее в комментарии отмечалось, что ряд представителей консервативной оппозиции видели за нерешительностью шефа КГБ сговор с Горбачевым, т. е. готовился не путч, а инсценировка путча, призванная выявить и устранить политических противников Президента. В кругах же, близких ГКЧП, нелогичное поведение Крючкова расценивается как поведение законопослушного государственного деятеля, который не мог смириться с творимыми в стране безобразиями, но и не мог решиться на применение силы, дабы пресечь все эти безобразия.

Далее в комментарии исключается возможность захвата Крючковым власти. По мнению газеты, в его намерения входило лишь заставить Президента одуматься, пока не поздно, и принять меры к сохранению Союза.

Газета «День» верно отметила, что об истинном положении дел в стране я знал больше других и отчетливо видел, что ей грозит. «Насколько обоснованны были его прогнозы, — заключает газета «День», — мы можем убедиться, обратившись к выступлению Крючкова на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР. Сравним сказанное тогда, в середине 1991 года, с тем, что есть теперь...»

Комментарий газеты «День» к моей речи содержит ряд вопросов, и я дам на них ответы при изложении моментов, касающихся августовского выступления. Далее, с некоторыми сокращениями, излагалось мое выступление на сессии Верховного Совета СССР.

«Уважаемые товарищи депутаты! Пользуясь тем, что заседание закрытое, позвольте мне, может быть, несколько обостренней, откровенней изложить, как Комитет госбезопасности видит ситуацию в нашей стране и вокруг нее.

Сегодня трудно давать оценку нынешней обстановке в стране, но реальность такова, что наше Отечество находится

на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране...

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это — нормальное явление, а процессы развала государства — это благо, это созидание...

Все более угрожающие масштабы приобретает преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества...

Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политиканам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву...

Нужны настойчивость и решительность в главном — защите Конституции СССР, кстати никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной во всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, обеспечении прав и законных интересов граждан...

...Главное наше достояние — это складывающийся веками великий союз народов. Его сохранение — священный долг перед поколениями, которые жили до нас, и теми, кто

придет нам на смену. Тут в полную силу пора говорить о нашей исторической ответственности.

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, подготовленному в 1977 году внешней разведкой Комитета государственной безопасности... Адресован он ЦК КПСС и называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Я прочитаю этот документ, он небольшой.

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет

координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки».

Подпись — председатель КГБ Ю. Андропов».

Во время чтения этого письма в зале стояла мертвая тишина. После его оглашения депутаты активно заговорили между собой, мне пришлось сделать паузу и только потом продолжить выступление. Один депутат после сказал мне, что не верилось, но все абсолютно точно накладывалось на действительность.

«Через несколько дней будет ровно полвека, — говорилось в выступлении далее, — как началась война против Советского Союза, самая тяжелая война в истории наших народов. И вы, наверное, сейчас читаете в газетах, как разведчики информировали тогда руководство страны о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война.

Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время, историки будут копаться в сообщениях не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств и будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного

значения. Я думаю, что над этим есть смысл подумать всем нам.

Стремительное ухудшение ситуации в стране, небывалое ослабление Советского государства крайне отрицательно сказываются на международном положении Советского Союза. С нами уже фактически пытаются разговаривать, как со второразрядной державой, лишь слегка прикрывая политику диктата благообразной дипломатической фразой.

Не надо питать иллюзий, на происходящее в Советском Союзе ведущие западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, смотрят прагматично — исключительно через призму собственных интересов. Отсюда настойчивое, если не сказать — ультимативное выдвижение вполне конкретных условий, которые СССР должен выполнить уже сегодня в ответ на туманные обещания и благосклонность в экономической помощи со стороны Запада завтра.

В числе этих условий — проведение фундаментальных реформ в стране не так, как это видится нам, а так, как задумано за океаном, сокращение Советским Союзом ниже допустимых пределов расходов на оборону, свертывание отношений с дружественными нам государствами, уступки Западу в так называемом прибалтийском вопросе и другие.

Кстати, у нас есть достоверная информация относительно кредитов. Разговоры о том, что нам могут выделить кредиты в пределах 250, 150, 100 миллиардов — это сказки, это иллюзии. Это или самообман, или обман других. Но представим себе, что можно получить 15—20 миллиардов долларов. Дорогие товарищи, это же не спасет, потому что здесь важнее другое — чтобы работала наша страна, работала наша экономика, потому что такая страна, как наша, может спастись и обеспечить себя только сама.

Западные страны используют наши внутренние трудности для достижения своих стратегических целей в ущерб территориальной целостности СССР. Не случайно было, например, заявление официального представителя США о признании Советского Союза лишь в границах 1933 года.

...Мне кажется, что стоит нам тронуть территориально-пограничный вопрос в одном месте, как это породит цепную реакцию».

В это время кто-то в зале подал голос: «Этого нельзя допустить!»

«Кстати говоря, по сообщениям, которые мы получаем, — это и в открытой печати проходит — в Соединенных Штатах Америки и в некоторых других западных странах считают, что развал Советского Союза предрешен. И уже раздаются не только за рубежом, но и у нас голоса о том, что нормализовать положение нашей страны можно якобы лишь с применением сил Организации Объединенных Наций. Скажу больше. Есть данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным арсеналом. Кстати говоря, нам все труднее приходится на наших границах...

Должен вам сообщить, что нет такого принципиального вопроса, по которому мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую, часто нелицеприятную информацию руководству страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение. Однако, разумеется, нужна адекватная реакция...

Обстоятельства таковы, — говорил я притихшему депутатскому корпусу, — что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия.

Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит — быть или не быть великой державе, сумеем ли мы остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному, и прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому».

Хочу еще раз напомнить, что все это было сказано мною 17 июня 1991 года. До Беловежских соглашений оставалось менее шести месяцев.

За прошедшее время мое выступление на закрытой сес-

сии Верховного Совета СССР было опубликовано в ряде местных изданий, в 1994 году в газете «Советская Россия», появилось оно и в некоторых зарубежных изданиях. Читатель заметил, что предсказания, к сожалению, сбылись. Наша действительность стала даже более тяжелой и трагической, чем мы предполагали до августовских событий.

С одной стороны, развитие событий сегодня оправдывает инициаторов создания в августе 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. Время показало обоснованность этой меры, и слова о грозящей опасности для Союза не были пустым звуком.

С другой стороны, августовские события не снимают с нас ответственности за все происшедшее, ибо действия по спасению державы должны были быть более решительными и целеустремленными, потому что слишком много было поставлено на карту.

После выступления на сессии мне пришлось ответить на многочисленные вопросы. Более двух часов я стоял на трибуне и старался терпеливо ответить на каждый вопрос, приятный или неприятный, корректный по форме и содержанию или обидный для меня и органов госбезопасности. Но в целом в вопросах членов Верховного Совета, в отдельных их комментариях звучала озабоченность, тревога, и мне казалось, что это говорило о том, что цель выступлений Павлова, Язова, Пуго и моего в какой-то мере была достигнута.

В частности, депутат Амбарцумян поинтересовался прогнозами Комитета госбезопасности о развитии обстановки в Советском Союзе и вокруг него.

Я ответил, что прогнозировать в такой обстановке дело непростое, ввиду влияния на развитие ситуации многих факторов, в том числе и внезапно возникающих. Но тем не менее Комитет госбезопасности на основе обобщений и анализа материалов, как советских, так и полученных из других стран, делает нужные выводы, докладывает их руководству страны, сколь бы нелицеприятными они ни были.

Я заметил, что можно оставаться оптимистом, попытаться найти выход из сложного лабиринта событий и обстоятельств, в которых мы оказались, но при одном условии — если нам удастся сохранить Союз. «Мне представля-

ется, — подчеркнул я, — что все остальное — дело второстепенное. Главное — сохранение нашего Союза».

Я подчеркнул также, что интегрируются Европа, Латинская Америка, интегрируется Азия, создаются союзы пяти, семи, двенадцати государств, временные, на постоянной основе, по отдельным проблемам, по отдельным направлениям экономической жизни, начала объединяться по некоторым позициям даже Африка, по крайней мере отдельные регионы этого континента.

Интеграция — веление времени, естественный процесс. Но что же случилось с нами? Я выразил надежду, что если мы сможем доказать советским людям — а они понятливые, разбираются во многом и в конце концов поймут, — что без Союза мы все пропадем, что без Союза жить невозможно, что без него нет у нас никакой благоприятной перспективы, то это уже будет половина дела. Счел нужным указать на то, что основой нашего Союза должно служить единое экономическое пространство, что Союз — самое дорогое, лучшая гарантия нашего уверенного завтра.

Тут же я подчеркнул, что мы безбожно терзаем нашу историю, подходим к ней исключительно с критических, разносных позиций как в целом, так и по отдельным этапам ее развития. Что не следует обелять период сталинских репрессий, но вместе с тем у нас были яркие страницы, определявшие лицо и перспективы развития нашего государства, позволившие нам выжить и победить в Великой Отечественной войне.

Я указал, что так думают не только трезво мыслящие люди в нашей стране, но об этом же говорят и документы, полученные нами из ряда западных стран конфиденциальным путем, не предназначенные для нас.

До сих пор очень сожалею о том, что заседание Верховного Совета носило закрытый характер, что наши выступления не были услышаны широкой общественностью, всем советским народом. Думаю, в этом случае тогдашнему Президенту Советского Союза труднее было бы отмахнуться от того, что было сказано в наших выступлениях.

Настроение многих народных депутатов, в том числе и спикера Верховного Совета Лукьянова, было таково, что добиться открытого заседания можно было, прояви докладчи-

ки настойчивость и отбрось в сторону нежелание как-то «чрезмерно» задеть Горбачева.

После выступления ко мне подходили депутаты, одни выражали согласие, другие отнеслись к нему с пессимизмом, неверием в возможность выправить ситуацию. Помню, один из них бросил фразу, что решил еще раз поверить словам Горбачева.

У меня создалось впечатление, что депутатский корпус отлично понимал всю глубину кризиса, готов был пойти на принятие нужных решений, но все они нуждались в лидере, способном повести за собой, хотели верить Президенту и волей-неволей останавливались на пассивном варианте — еще немного подождать, может быть, все само собой образуется. Как каждый человек где-то в душе верит в собственное бессмертие, так и депутаты, вероятно, полагали, что кругом все будет рушиться, а они, словно чудесный островок, уцелеют, и потому продолжали обсуждать проблемы, проекты постановлений, от которых уже никому не было ни холодно, ни жарко.

Не хотел бы с позиций сегодняшнего дня комментировать свое выступление. Верил ли я в то, что говорил на сессии Верховного Совета? Безусловно! Мой порыв исходил из стремления предупредить тех, от кого многое зависело.

И все же на одну сказанную мной фразу я хотел бы обратить внимание: «Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер», — говорилось в выступлении. — И сейчас, применительно к нынешней ситуации, стоит особо подчеркнуть, что никакие действия внешних факторов не были и не являются определяющими, фатальными. Такая большая страна, как наша, лишь сама в состоянии справиться со своими бедами.

Любая иностранная помощь — есть помощь, и не больше. И бедственное положение и выход из кризиса — было и остается делом наших рук. В них наша судьба. В этих условиях одни выполняют свой долг или, по крайней мере, стараются, другие выступают как разрушающая сила, а третьи — находятся в состоянии ожидания, пессимизма, наблюдателей. Кому что! Но в итоге, как бы в отместку за отсутствие гражданской позиции, самые большие беды всегда обрушиваются на безучастных наблюдателей!»

...Негативные тенденции, снежным комом нараставшие в стране, не могли не сказаться и на Комитете госбезопасности. Слишком много идеалов было растоптано, слишком много сомнений западало в души людей... А ведь в деятельности чекистов всегда доминировала именно идейная основа.

Справедливости ради должен сказать, что чекисты оказались и наиболее подготовленной к потоку «демократического» наступления частью нашего общества. Видимо, сама специфика работы делала их более закаленными, в том числе, и в идейном отношении.

Тем более одиозной всегда выглядела такая фигура, как Калугин. Вряд ли он сам по себе заслуживает упоминания, но многие не знают истинной подоплеки его поступков, да и просто всей правды об этом человеке.

Казалось бы вопрос о Калугине невозможно сделать предметом конъюнктурного подхода, спекуляций. И тем не менее именно в этих целях в 1989 и 1990 годах кое-кто решил его поэксплуатировать. Одни делают это сознательно, другие — по незнанию или под влиянием момента.

Чтобы ясно представить себе этого человека, обратимся к фактам. Правда, о некоторых из них кратко упоминалось и выше. Кое-что прошло уже в средствах массовой информации.

В 1952 году по просьбе своего отца Калугин попадает в одно из учебных заведений органов госбезопасности в Ленинграде. Именно оттуда сам Калугин, там же в звании капитана госбезопасности работал его отец. Учебное заведение КГБ Калугин окончил со знанием английского языка.

В конце 50-х годов он направляется под прикрытием стажера в Колумбийский университет. Вместе с ним в США оказался и будущий член Политбюро ЦК КПСС Яковлев, там они сдружились и с тех пор поддерживают близкие отношения.

После окончания стажировки Калугин был направлен в США в длительную командировку под прикрытием журналиста. Вскоре американские специалисты подставили Калугину «агента» — специалиста по топливу. Поначалу информация показалась ценной: Калугин получил за это «приобретение» орден. Но впоследствии данная «научная» разра-

ботка оказалась тупиковой и в результате попытка использовать ее нанесла нашему государству ущерб порядка 80 миллионов рублей.

По службе Калугин продвигался стремительно: в 1974 году возглавил управление внешней контрразведки ПГУ КГБ, а в 40 лет стал генералом.

Но время шло, мнения о его служебной деятельности становились все более отрицательными. Успехов в работе по разоблачению иностранной агентуры под его началом не было, а предательства с нашей стороны имели место. Давали о себе знать такие его отрицательные качества, как большое самомнение, интриганство, протекционизм, выдвижение «своих».

Появились сигналы о настораживающем интересе к нему со стороны американских спецслужб. В 1979 году руководство КГБ СССР приняло решение перевести Калугина из разведки в Ленинградское управление КГБ. К тому времени я уже был начальником разведки, но инициатива перевода Калугина исходила не от меня, а от Андропова.

Должен признать, что я не сразу разобрался в этом человеке. В общении с начальством он всегда работал на собеседника, из кожи вон лез, чтобы понравиться и произвести благоприятное впечатление, мог в глаза высказать лестные слова, особенно тому, от кого зависел по службе, был на сто процентов «идейным» человеком, не давал ни малейшего повода усомниться в своей политической ориентации. Уделял большое внимание заведению влиятельных связей как в Комитете госбезопасности, так и за его пределами.

До сих пор полагаю, что Андропов не раскрыл мне полностью карт, не сказал, что послужило истинной причиной перевода Калугина в Ленинград. Видимо, у него были какие-то материалы, которыми он не счел нужным со мной поделиться: то ли они еще не отличались достоверностью, то ли на этот счет были какие-то другие соображения. Во всяком случае, на мое замечание, не стоит ли повременить, поглубже разобраться в Калугине, Андропов ответил категорическим отказом, сказал, что решение принято и что со временем я тоже приду к выводу о его правильности.

Я понял, что Андропов чего-то недоговаривает. Посоветовался в разведке, прежде всего с теми, кто знал Калугина

достаточно хорошо, и был удивлен единодушным отрицательным мнением о нем. Меня убеждали, что дела во внешней контрразведке, которую возглавлял Калугин, после его ухода пойдут лучше. Как выразился один сотрудник: «Калугин любит пускать пыль в глаза».

Это предсказание сбылось, во внешней контрразведке дела действительно пошли лучше: впервые стали разоблачать агентов западных спецслужб из числа сотрудников главка, многие из которых были завербованы еще в бытность Калугина на посту начальника управления.

За время работы Калугина в Ленинграде органы контрразведки неоднократно фиксировали интерес к нему со стороны американцев, отмечались случаи, когда и Калугин, и американские разведчики «попадались» на одном маршруте.

Оказавшись в Ленинграде, Калугин вскоре стал писать жалобы в ЦК КПСС на сослуживцев, на некоторых работников партийных и советских организаций. Из Москвы одна за другой приезжали комиссии. Проверки показывали несостоятельность утверждений Калугина, о чем ему сообщалось и устно, и письменно.

Калугин, кстати, был ретивым «партийцем». Он настоятельно требовал усиления партийного руководства, особенно по линии отдела административных органов ЦК КПСС, видел в этом главное средство решения органами госбезопасности стоящих перед ними задач. Клеймил тех, кто отступает от принципов партийного руководства.

Все эти заявления и результаты проверок имеются в соответствующих делах, и в свете нынешних нападок Калугина на КПСС выглядят, по меньшей мере, любопытно.

Народным депутатом СССР Калугин был избран в 1989 году на волне разгула «демократии», активно выступал в печати с критикой органов госбезопасности, выдал немало секретов. В связи с этим против него было возбуждено уголовное дело, но после событий 19—21 августа его прекратили. Указом Президента СССР Горбачева Калугин еще до августовских событий был лишен генеральского звания, а вскоре после августа по представлению Бакатина получил его из рук того же Горбачева обратно.

Для полноты характеристики личности Калугина стоит поведать и о следующем факте. В 1989 году Калугину было

объявлено об увольнении из органов госбезопасности. В его личные планы это не входило, и он предпринял шаги по предупреждению подобного развития событий.

Попросившись ко мне на прием, Калугин прямо заявил, что хотел бы и далее работать в органах госбезопасности, причем в Москве, и что, если будет принято такое решение, то он обещает ничего отрицательного о чекистской организации не писать, а жить с КГБ мирно. Но если, грозил он, его все-таки уволят из органов, то он начнет публично выступать против Комитета госбезопасности и никакого мира не будет.

Этот откровенный шантаж окончательно убедил меня в том, с кем мы имеем дело, и что такому человеку не место в органах госбезопасности. А Калугин свою угрозу реализовал.

Конечно, в личности Калугина люди разобрались, и когда в 1993 году он попытался вновь пролезть в народные депутаты России, то с треском провалился, получив всего 2 процента голосов, в то время как в 1989 году за него проголосовало около 60 процентов.

В любой организации есть кадровые проблемы, были они и в Комитете госбезопасности. К моменту моего назначения на пост председателя их накопилось немало.

В подавляющей части кадры состояли из высокообразованных, профессионально подготовленных, опытных сотрудников. Прежде всего это следует отнести к руководящему составу. Были вопросы по возрасту, и их, пожалуй, следовало поставить на первый план. На ряде оперативных направлений давали о себе знать застойные явления. Долгое время не производилось кадровых перемещений, тормозился рост молодых сотрудников. Длительное пребывание в одной и той же должности, на одном и том же узком направлении оперативной работы, как правило, отрицательно влияло на отношение к делу, не прибавляло инициативы, не помогало внедрению в работу нового.

Было ясно и другое: серьезный сдвиг в решении кадровых проблем немыслим без глубокого системного подхода.

Он был и прежде, но новые условия требовали серьезных корректив.

Важнейший компонент в кадровой работе — подбор. Так повелось, что кандидаты для работы в органах госбезопасности изучались в первую очередь с точки зрения политической благонадежности. При любой власти это останется важнейшим аспектом, и кривить душой тут не следует.

Однако многолетний опыт — и положительный, и отрицательный — убеждал, как дорого обходилось для органов госбезопасности малейшее пренебрежение изучением других особенностей кандидатов, таких как интеллектуальные, языковые способности, кругозор, состояние здоровья, психологические черты, способность выдерживать нагрузки, стрессовые напряжения.

В практику подбора кадров было внесено одно принципиальное изменение: изучению кадров решили придать максимально открытый характер. От лиц, с кем представители органов проводили беседы по кандидатурам, не скрывалось, что речь идет о работе в системе КГБ, в том числе и в разведке. Откровенность делала собеседования предметными, получалось более объективное представление об интересующем лице, повышалась ответственность рекомендующих.

С каждым годом органы госбезопасности испытывали потребность в специалистах все более разнообразного профиля. Поэтому было признано необходимым пойти на существенное расширение источников подбора кадров и географии. Появилась нужда в редких специальностях, с опытом работы в определенных отраслях.

Социальный состав сотрудников госбезопасности определяет многое — в нем отражение интересов и настроений различных слоев населения, характерных черт выходцев из крупных промышленных, научных, культурных центров и, напротив, из небольших городов и районов.

В последние годы грани между представителями различных социальных групп стирались, но тем не менее они еще сохранялись, давали о себе знать, и пренебрегать ими было бы непозволительно. Чрезмерная доля среди сотрудников, к примеру, жителей Москвы рано или поздно негативно сказывалась на моральном климате коллективов, по-

рождала элементы круговой поруки, превращалась в тормоз при перемещениях кадров в территориальные органы.

Обострение национальных проблем в стране заставило Комитет госбезопасности серьезно заняться формированием личного состава по национальному признаку. Было принято специальное решение о мерах по совершенствованию комплектования кадров в центре и на местах с учетом национального аспекта. В центр предстояло взять на работу национальные кадры из тех районов, откуда до этого они попадали в недостаточном числе или вовсе не попадали. Было также признано целесообразным организовать прием на работу в органы госбезопасности представителей малочисленных народностей — Дальнего Востока, Крайнего Севера, южных районов.

Немало было резервов в использовании штатных возможностей, маневрировании ими в рамках Комитета и его органов. В силу логики развития, пожалуй, любого бюрократического аппарата волей-неволей меняется соотношение между численностью рядовых сотрудников и руководящего состава, причем в сторону увеличения последнего. Так случилось и в органах госбезопасности.

Было принято решение поправить положение, причем без каких-либо резких мер, постепенно, естественным путем. Предполагалось в течение пяти-шести лет по мере ухода в отставку по выслуге лет и другим причинам ликвидировать определенное количество руководящих должностей и заменять их по мере освобождения рядовыми сотрудниками в пределах общих финансовых ассигнований. По подсчетам, такая мера позволила бы в упомянутый срок существенно, примерно на 20 процентов сократить руководящее звено и на 25—28 процентов увеличить численность оперативного состава.

Руководство Комитета госбезопасности было обновлено почти полностью.

В 1989 году ушел на пенсию первый заместитель председателя Комитета Н. П. Емохонов, участник Великой Отечественной войны, генерал армии с инженерным образованием, крупный специалист по шифрованию и дешифрованию, созданию информационно-аналитических систем. В органы пришел в 1968 году по предложению Андропова.

В начале 1991 года ушел на пенсию другой первый заместитель председателя Комитета — Ф. Д. Бобков, участник Великой Отечественной войны, в органах проработал с 1945 года, начав путь с младшего оперуполномоченного, в отставку ушел генералом армии, с огромным оперативным опытом на различных направлениях чекистской деятельности.

Их заменили Г. Е. Агеев (ныне покойный) и В. Ф. Грушко. Первый до органов госбезопасности был на партийной работе в Иркутске, Грушко начал свою трудовую деятельность в МИДе СССР.

Ушли в отставку по выслуге лет заместители председателя Комитета В. А. Матросов и В. П. Пирожков, оба участники Великой Отечественной войны. Умер заместитель председателя Комитета И. А. Маркелов, проработавший в органах госбезопасности более 40 лет.

Заместителем председателя — начальником Первого Главного управления в начале 1989 года был назначен Л. В. Шебаршин, до этого работавший заместителем начальника Главного управления. Ему тогда только что исполнилось 54 года, в разведке проработал более 25 лет. Неоднократно находился в длительных загранкомандировках (Пакистан, Индия, Иран), востоковед, владеет английским, хинди, фарси. Человек острого ума, широко образован, начитан, большой книголюб, опытный оперативник, хотя больше склонен к аналитической работе, поэтому не случайно в последние годы работал в информационно-аналитическом управлении разведки. Отличался самостоятельным мышлением, принципиален, умел постоять за свою точку зрения, не был лишен самолюбия, но, по-моему, без особого перебора.

С новым председателем Комитета Бакатиным решительно не сработался. Когда последний пошел на кадровые перестановки в разведке без согласования и учета мнения ее начальника, т. е. Шебаршина, последний подал рапорт об отставке. Думаю, что это была потеря для разведки и органов.

Конечно, отношение к Шебаршину со стороны Бакатина и Горбачева — смесь перестраховки и стремление распра-

виться с «кадрами Крючкова», хотя оснований для таких претензий к Шебаршину не было.

В личном плане Шебаршин никогда не был мне близок, отношения между нами носили чисто служебный, деловой характер, он откровенно ставил передо мной любые вопросы, без опаски отстаивал свою точку зрения и знал, что я поощряю такое поведение. Мне не раз приходилось бывать с ним в зарубежных командировках, в том числе неоднократно в Афганистане. В острых ситуациях Шебаршин вел себя мужественно, не терялся, быстро устанавливал контакты, умел расположить собеседника. В политике ориентировался верно, чему помогали здравомыслие и интеллект.

Очень жаль, что после августовских событий немало подобных Шебаршину людей вынуждены были уйти или их «ушли» из органов госбезопасности. В результате понес потери Комитет, уменьшился его потенциал, проиграло общее дело. Уверен, не будь в органах госбезопасности трехмесячного бакатинского периода, такой беды с кадрами не случилось бы.

Институт заместителей председателя Комитета пополнился необычно для практики органов молодыми кадрами — В. Ф. Лебедевым и А. А. Денисовым, которым едва перевалило за 40 лет.

На должность заместителя председателя Комитета — начальника Второго Главного управления (контрразведка) был назначен Г. Ф. Титов, работавший первым заместителем начальника разведки, 56 лет, с оперативным и политическим опытом.

Появился новый начальник Главного управления пограничных войск, он же заместитель председателя КГБ И. Я. Калиниченко, всю сознательную жизнь, с 18 лет, прослуживший в погранвойсках и прошедший в них все ступени от рядового до командующего. Честный службист, для которого работа, верность долгу, Родине составляют основу жизни.

Попросился в отставку прежний «главный пограничник», Герой Советского Союза генерал армии В. А. Матросов. 20 лет он возглавлял это направление, много сделал для совершенствования пограничной службы, человек большого личного мужества, знал границу как свои пять пальцев, за-

ботливый командир, для которого в центре внимания всегда был солдат. В острейших ситуациях он никогда не терял самообладания, к решению проблем подходил со всех точек зрения, работалось с ним уверенно.

Коль уж я упомянул заместителей председателя КГБ, считаю нужным внести ясность в один вопрос, который длительное время будоражил не только нашу общественность, но вызывал интерес и за рубежом. Вспоминают о нем и сегодня, причем высказываются самые различные версии — от сфабрикованных и надуманных до близких к правде. Речь идет о судьбе бывшего первого заместителя председателя Комитета госбезопасности СССР С. К. Цвигуна.

Легенд, мифов вокруг этой личности много. Некоторые утверждали, что Цвигун якобы был в близких отношениях с Брежневым и его семьей, за что подвергался нападкам со стороны противников Брежнева и в конце концов жестоко поплатился за это.

Другие говорили, что Цвигун на каком-то этапе своей работы выступил против политического курса Брежнева, за что подвергся гонениям, преследованиям и поплатился жизнью. Нет смысла перечислять все домыслы и предположения, потому что почти все они не соответствуют действительности и далеки от того, что произошло на самом деле.

Я знал Цвигуна в течение длительного времени, почти 15 лет, по совместной работе в Комитете, жил в одном с ним дачном поселке, так что имел возможность если не каждый день, то, по крайней мере, часто с ним встречаться. Знал и знаю его семью, жену, дочь, сына, внуков.

Когда-то, в период работы в Молдавии, Брежнев и Цвигун были знакомы, у них были служебные контакты, но они не отличались близостью. Затем их пути-дороги разошлись: Брежнев поехал в Казахстан, затем в Москву, Цвигун же работал сначала в Таджикистане, затем в Азербайджане. Но, видимо, в своей памяти Брежнев сохранил имя Цвигуна.

Когда в 1967 году Комитет госбезопасности стал укрепляться кадрами и новый его председатель Андропов приступил к назначению новых заместителей, руководителей управлений, Брежнев вспомнил о Цвигуне и предложил Анд-

ропову познакомиться с ним и решить вопрос о целесообразности его перемещения в союзный Комитет из Азербайджана, где Цвигун возглавлял КГБ республики. Брежнев не называл должность, на которую следовало бы переместить Цвигуна, заметив, чтобы с этим вопросом Андропов сам определился.

В июне 1967 года Цвигун был приглашен к Андропову, у них состоялось первое знакомство, после чего Андропов предложил Цвигуну должность заместителя председателя Комитета с курированием ряда подразделений, преимущественно хозяйственных и технических. Андропов доложил свои соображения Брежневу, и тот согласился, сказав, что на данном этапе решение, пожалуй, правильное и о более высокой должности для Цвигуна он не думал.

За работу Цвигун взялся рьяно, внимательно разбирался с переданными в его ведение подразделениями Комитета, активно занимался местными органами. Вскоре перевез из Баку свою семью, рассчитывая, что остаток жизни и работы ему придется провести уже в Москве.

Руководство Комитета было неоднозначным в профессиональном отношении и по ориентации на членов высшего партийного и государственного руководства, по своему прошлому опыту, да и по сугубо личным качествам. Цвигун не скрывал и даже подчеркивал, что ориентируется на Брежнева, которому он верен и которого будет поддерживать во всех ситуациях.

Правда, у Андропова был еще один заместитель — Цинев, тоже назначенный на эту должность по настоятельной рекомендации Брежнева. Цинев действительно был близок к Брежневу, его семье. Все об этом знали, не делал из этого тайны и сам Цинев, более того, постоянно это подчеркивал.

Между Цвигуном и Циневым никогда не было дружеских отношений, что влияло на деловую атмосферу. Тут сказывалась несовместимость личных качеств, различный круг знакомых, индивидуальное понимание путей и способов решения оперативных задач. С назначением Цвигуна на должность первого заместителя председателя Комитета его отношения с Циневым окончательно испортились, что было очевидно для всех. Знал об этом и Брежнев, однако трагедии из этого не делал. Так же поступал и Андропов.

Не все в Комитете приняли назначение Цвигуна с одобрением. У него было немало недругов, отношения с которыми он испортил еще тогда, когда находился в их подчинении. Было немало и таких, которые отрицательно относились к нему только из-за того, что он однозначно ориентировался на Брежнева.

В первые пять-семь лет Цвигун работал довольно напряженно. Решил немало конкретных задач, проявлял большую заботу о сотрудниках органов госбезопасности. Неоднократно выступал инициатором улучшения их материального положения, создания благоприятных бытовых условий, строительства новых домов отдыха, медицинских учреждений.

В политическом отношении его позиция была абсолютно ясна. Он не раз выражал ее словами: «Пусть на меня обижается кто угодно, лишь бы не обижалась советская власть». Как-то произошел такой случай. Министр внутренних дел одной из социалистических стран, как показалось Цвигуну, неодобрительно высказался о советском народе, за что тут же при всех получил от него решительный отпор.

На следующий день Андропов предложил Цвигуну извиниться перед министром. Цвигун отказался, заявив, что, если будет приказ, он извинится, в противном случае так не поступит, потому что для него честь советского народа дороже. Андропов не стал настаивать на своем предложении. В конце концов перед Цвигуном извинился министр.

Работа Цвигуна в Молдавии, Таджикистане, Азербайджане позволила ему глубже познакомиться с национальными особенностями, познать специфику народов, их обычаи, нравы. О молдаванах, таджиках, азербайджанцах он отзывался одинаково лестно. Не случайно у него был широкий круг друзей из этих республик. В каждом выступлении, тосте он всегда говорил о дружбе, сотрудничестве между народами, подчеркивая, что от этого зависит все.

Цвигун отличался преданностью друзьям. Не помню случая, чтобы он отказался от какого-либо друга, не имея к этому серьезных оснований, подвел его, не протянул руку помощи. Он помнил друзей детства, юношеских лет, помнил тех, с кем работал в Молдавии, Азербайджане и Тад-

жикистане, и когда те попадали в беду, всегда получали от него помощь и поддержку.

Так что положительных качеств у Цвигуна было немало. Более того, некоторые ими даже злоупотребляли, обращаясь к нему с просьбами об оказании помощи, в которой Цвигун, как правило, никогда и никому не отказывал.

Но спустя лет шесть-семь с Цвигуном стало происходить что-то неладное. Он заболел, ему сделали операцию, удалили часть легкого, установив раковое заболевание. В течение нескольких лет Цвигун чувствовал себя неплохо, и врачи, прогноз которых поначалу был не очень хорошим, заявили, что этот сильной воли человек справился с тяжелой болезнью, и теперь она ему уже не угрожает. Но в итоге оказалось не так.

Года за два-три до кончины тяжелый недуг стал поражать головной мозг, у Цвигуна стала пропадать память, все сильнее давали о себе знать головные боли, пришлось употреблять в больших количествах лекарства, принимать длительные сеансы облучения, периодически ложиться в больницу, прибегать ко все более тяжелым и длительным курсам лечения.

В последние несколько месяцев болезнь настолько серьезно поразила его организм, что были дни, когда он вообще не в состоянии был воспринимать информацию и происходящее вокруг. За две недели до кончины у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мое имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мои слова.

В начале января 1982 года выдался день, когда Цвигун почувствовал себя неплохо и вызвал машину для поездки на дачу. По словам водителя, в отличие от прежних дней он вел спокойный, вполне осознанный разговор и, прогуливаясь на даче по дорожке, вдруг проявил интерес к личному оружию водителя. Поинтересовался, пользуется ли он им, в каком состоянии содержится пистолет, потому что по уставу, мол, оружие всегда должно быть в полной готовности, а затем попросил показать его.

Водитель, ничего не подозревая, передал пистолет в руки Цвигуна, и последний сразу же выстрелил себе в висок. Смерть наступила мгновенно.

Цвигун, конечно, понимал, что серьезно болен, что станет обузой для семьи, которую очень любил, что будет еще хуже, и решил добровольно уйти из жизни.

Спустя час в дачный поселок прибыли Андропов, некоторые его заместители, следователь. Врачи были уже там, они констатировали смерть.

Брежнев не подписал некролог по поводу смерти Цвигуна, посчитав неудобным ставить свою подпись, поскольку человек сам ушел из жизни. Думаю, что именно это обстоятельство вызвало поток слухов, измышлений, всякого рода инсинуаций и в какой-то мере травмировало семью Цвигуна.

Супруга знала, что произошло с мужем, однако дочь и сына решили тогда не ставить в известность, они узнали об этом позже. Я же описал эту историю для того, чтобы поставить в ней точку с надеждой, что семья Цвигуна с пониманием отнесется к этим тяжелым откровениям. Помимо этого, у меня было большое желание сказать добрые слова о человеке, который их заслуживает.

В 1988—1991 годах большие кадровые перестановки были произведены во многих подразделениях КГБ и его территориальных органах. Целая плеяда сравнительно молодых сотрудников получила назначение на более высокие должности, в том числе были и такие, кто получил повышение сразу через две-три ступени. Их дальнейшая работа показала, что ошибок при назначениях почти не было.

С назначением на пост председателя Комитета я близко познакомился с более широким кругом лиц, представлявших различные направления чекистской деятельности.

Август 1991 года высветил людей ярче, четче, образно говоря, обнажил их суть. С огромным удовлетворением хотел бы отметить, что неприятных сюрпризов было мало. А вот колоритных, стоящих сослуживцев появилось много. И речь идет вовсе не об их отношении — положительном или отрицательном — к трем августовским дням. Речь идет прежде всего об их гражданской позиции, о долге перед Родиной, о чисто человеческих качествах.

Об одном из них — начальнике военной контрразведки

Александре Владиславовиче Жардецком — мне хотелось бы сказать несколько слов.

Человек с нелегкой судьбой, Жардецкий рано лишился родителей: мать умерла в 1945 году, а четыре года спустя не стало отца. Сестра осталась жить с мачехой, а он поступил в Высшее военно-морское училище. Так началась его служба в Вооруженных Силах Советского Союза.

После окончания училища Жардецкий был направлен для прохождения службы на Тихоокеанский флот. Был командиром торпедного катера, затем звена торпедных катеров.

В 1958 году ему предложили перейти на работу в органы госбезопасности. После получения чекистского образования началась его служба в военной контрразведке. Работал старшим оперуполномоченным на атомной подводной лодке первого образца.

В 1975 году направляется на работу в Третье Главное управление КГБ. В 1979 году стал заместителем начальника этого управления, а в 1990 году — начальником. Организаторские способности, аналитический ум, огромный жизненный опыт и завидный багаж знаний делали его высококомпетентным руководителем военной контрразведки.

Когда Жардецкого спрашивают о партийности, он отвечает, что является членом КПСС, из партии не выбывал.

Вся его жизнь — в судьбе Родины. Он мучительно переживает горе, обрушившееся на страну, имеет стойкую жизненную позицию и ни на минуту не поддается влиянию обстоятельств. В нем исключительно глубоки коллективистские начала, отсюда его заботливое отношение к товарищам, друзьям, особенно попавшим в беду, желание помочь. Это человек большой совести, порядочности и справедливости. Он может простить любую, даже самую тяжелую ошибку товарищу по службе, но непримирим, когда речь заходит об интересах державы. Все эти качества — не секрет для окружающих. Отсюда и искреннее уважение, которым он пользуется.

Что бы ни говорилось, что бы ни писалось о кадрах органов госбезопасности в связи с августовскими событиями,

в целом они заслуживают высокой оценки, уважения и доверия. Если встать на точку зрения Горбачева, можно обвинить их во всевозможных грехах, что и было не без успеха сделано в средствах массовой информации. Но многое уже встает на свои места, многочисленные обвинения в адрес чекистов уже не находят в обществе той реакции, на которую рассчитывали их инициаторы. Конкретные дела сотрудников органов госбезопасности покажут, что они достойны уважения своего народа, против которого они никогда не выступали, не поднимали на него руку, в том числе и в августовские дни 1991 года.

Было время, когда сотрудники Комитета, его органов и войск материально обеспечивались существенно выше, чем в среднем по стране. В последние 10—15 лет разница в оплате сократилась, но материальный фактор не стал определяющим у желающих работать в органах госбезопасности. Более того, когда из-за недостаточной заработной платы появились случаи ухода из органов, в них оставались только сильные духом и убежденностью в значении чекистской деятельности для безопасности страны. Убежденность в правоте дела и сознательность были всегда присущи личному составу органов госбезопасности, без этого качества их сотрудников ожидает перерождение с непредсказуемыми последствиями.

Теперь о моем видении того, что произошло в Комитете госбезопасности и вокруг него после трех августовских дней 1991 года. Обстановка действительно была непростой, не все представлялось ясным, выводы и меры посыпались на органы госбезопасности, и все преимущественно разрушительного характера, без какой-либо попытки остановиться, разобраться, а затем уже решать.

Шел мощный поток ломки, в водоворот которого попадали самые различные государственные и общественные структуры.

24 августа 1991 года консультант Президента СССР Ревенко собрал Кабинет Министров и, сославшись на поручение Горбачева, объявил о его роспуске. Недоуменные вопросы членов Кабинета остались без ответа.

В тот же день Горбачев заявил о роспуске Центрального Комитета КПСС, Политбюро и Секретариата ЦК. Партия фактически была ликвидирована и устранена с общественно-политической арены.

Ельцин заявил о запрещении деятельности КПСС на территории РСФСР. Президент СССР своим указом упразднил ряд союзных министерств и учреждений.

Вскоре Съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске, а Верховный Совет Союза сначала провел ряд мер по ограничению своих полномочий, произвел структурные изменения, а в декабре 1991 года вовсе прекратил свое существование.

Удары обрушились и на Комитет госбезопасности СССР. 24 августа председателем Комитета был назначен Бакатин. Для того чтобы лучше понять все, что затем произошло с Комитетом, необходимо остановиться на личности Бакатина, тем более что в 1992 году вышла его книга под броским, но вполне понятным названием «Избавление от КГБ».

В книге, посвященной именно этой задаче, содержатся любопытные умозаключения автора, характеристики этой организации и отдельных лиц, выводы, к которым он пришел за 107 дней пребывания на посту председателя КГБ. Разумеется, я коснусь лишь отдельных моментов, связанных с личностью Бакатина и его деятельностью на этом посту.

С самого начала оговорюсь, что лично был знаком с Бакатиным в течение сравнительно короткого времени: с момента назначения его в 1989 году министром внутренних дел. Вскоре после назначения, кажется, на второй день, Бакатин заехал ко мне в Комитет познакомиться и побеседовать о делах.

Я сразу оговорился, что не настолько знаю работу МВД, чтобы давать какие-либо конкретные советы, и поэтому предпочел рассказывать о Комитете, его функциях, задачах, структуре, коснулся, естественно, взаимодействия между КГБ и МВД СССР.

Бакатин стал излагать свои соображения о Министерстве внутренних дел, необходимости его глубокой реорганизации, сокращения центрального аппарата, внесения изменений в соотношение полномочий между центром и местны-

ми органами решительно в пользу последних. Конечно, подобные суждения нового министра, их категоричность не могли не насторожить. Ведь не прошло и двух суток после его назначения, а он уже все знает!

Я вспомнил слова одного товарища, который в разговоре со мной подметил одну черту в характере Бакатина — склонность к разрушению и реорганизациям. Он считал, что именно с этого Бакатин и начнет свою деятельность в МВД.

Вспомнив об этом, я в максимально тактичной форме счел нужным посетовать на то, как трудно находить оптимальные решения, разбираться в проблемах даже той организации, в которой работаешь не один десяток лет. У меня закралось сомнение, не будет ли Бакатин принимать поспешных решений, не наломает ли дров. В его словах четко просматривалось намерение ослабить союзный аспект в системе органов внутренних дел. К сожалению, так оно и произошло.

С первых же дней обстановка в коллективе МВД стала накаляться, возникла нервозность. Началась реорганизация центрального аппарата министерства, местных органов. Центр передал почти все права и соответственно задачи на места; министерства внутренних дел союзных республик получили практически полную независимость; центр лишился влияния, оставив за собой подготовку кадров в центральных учебных заведениях, разработку методологии борьбы с преступностью, координацию работы органов по строго определенным направлениям да кое-что еще второстепенное.

Решение кадровых вопросов передавалось на места. Так, было низведено до непозволительно низкой отметки значение одного из важнейших союзных органов. Кроме того, в деликатном положении, мягко выражаясь, оказывались органы прокуратуры и госбезопасности, так как нарушалась вся правоохранительная система страны.

Встал вопрос: или следовать примеру МВД СССР и пойти на децентрализацию органов госбезопасности и прокуратуры, или продолжать линию на соблюдение действующего союзного законодательства, не разрушать другие централизованные структуры.

Все это происходило в условиях резкого осложнения криминогенной обстановки в стране. Преступность набирала темпы, приобретала широкий размах, принимала организованный характер, вышла за рамки отдельных регионов. Были получены достоверные данные, и вскоре конкретные факты подтвердили — преступность перешагнула границы Советского Союза и сомкнулась с международными мафиозными группами.

Становилось очевидным, что успешно бороться с ней можно только в том случае, если будут четко действовать централизованные начала и если преступные элементы не будут чувствовать себя уверенно и безнаказанно после совершения противоправного действия — независимо от того, в каком регионе страны оно имело место. Рассредоточение сил и возможностей органов внутренних дел было непродуманным шагом, поскольку ослабляло возможности для борьбы с преступностью, не говоря уже о том, что децентрализация разрушала установившуюся в течение десятков лет общую союзную систему борьбы правоохранительных органов с правонарушениями.

А тем временем к Президенту Горбачеву стала поступать информация об осложнении обстановки в МВД, его руководстве, напряжении в отношениях между министром и значительной частью коллектива. Острые споры шли и вокруг проблемы центр — местные органы. В главном же облегчения не наступало — преступность росла и принимала все более угрожающие масштабы. Ослабление необходимой координации и централизованного руководства отрицательно влияло на общую криминогенную обстановку.

Я далек от мысли видеть в действиях Бакатина или плохой работе органов МВД основную причину роста преступности. Были причины основополагающие, определяющие, они лежали в экономике, политической и социальной нестабильности, в переходе страны из одного состояния в другое. Хотя, разумеется, нельзя отрицать или преуменьшать значение субъективных факторов, деятельность отдельных лиц, которые или создают серьезные, научно обоснованные программы, или, напротив, строят прожекты, противоречащие интересам общества и государства.

В 1990 году Горбачев решил переместить Бакатина с

поста министра и вместо него назначил Пуго, работавшего председателем Комиссии партийного контроля ЦК КПСС. Процесс окончательного распада органов внутренних дел удалось приостановить, однако многое было уже сделано, в частности порушена стройная система отношений с союзными республиками. Задача состояла в недопущении дальнейшего размывания, сохранении хотя бы того, что еще оставалось.

В книге «Избавление от КГБ» Бакатин, с одной стороны, высказывает негативное отношение к распаду Союза, а с другой, бросает фразу о Союзе: «О нем жалеть не стоит». Подавляющее большинство советских людей, уверен, так не думают.

К Комитету госбезопасности Бакатин относился плохо, не скрывал своей неприязни. В его книге читатель найдет немало подтверждений этому. Более того, он не скрывал, что пошел в Комитет госбезопасности для его разрушения. «Организация (КГБ), которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить...» — замечает Бакатин.

Сотрудники органов госбезопасности всегда называли себя чекистами, связывая это с именем Дзержинского, в личном плане кристально честного, бескорыстного, идейно убежденного человека. По мнению же Бакатина, «традиции чекистов надо искоренять, чекизм как идеология должен исчезнуть».

Обратите внимание, как выражается «демократ», каким считал себя Бакатин. Какая бесцеремонность, категоричность! Прямо по известному принципу: пришел, увидел, победил.

Как дорого обходится стране любая некомпетентность, но еще дороже разухабистость, нетерпимость, волюнтаризм, разрушительные начала в политике и действиях человека! Иногда создавалось впечатление, что команда Ельцина подбиралась по принципу «нужны не созидатели, а разрушители». Можно разрушить все, а что дальше?

Бакатин считает, что традиции чекистов надо искоренять. А что, разве все традиции чекистов были плохими? Разве заветы, оставленные нам Дзержинским, были негодными? В первые же дни он заявил, что нужно создать законодательную базу для деятельности органов безопасности,

каждодневно думал об интересах общества и никогда не заботился о своем личном благополучии, хотел сделать отсталую Россию прогрессивным государством и ради этого работал, боролся. Дзержинский первым в том ужасном положении, в котором находилось тогда наше государство, поднял голос в защиту миллионов беспризорных детей, выброшенных судьбой на улицы, и спас их. Разве это плохо?

По утверждению Бакатина, Комитет госбезопасности был носителем бесчисленного числа зол и источником недобрых дел. Так, из книги я, например, узнал, что КГБ «сдерживал развитие рыночных отношений».

Просто диву даешься, читая подобные сентенции! КГБ и его предшественники «составляли основу тоталитарного режима, без которого этот режим просто не мог существовать». И это говорит человек, бывший первым секретарем двух обкомов партии — Кемеровского и Кировского!

И еще: «Комитет госбезопасности стоял у истоков создания «интернациональных фронтов» в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношениях с центром». Утверждение взято с потолка. Интернациональные фронты — порождение, проявление инициативы самих масс, результат их поиска форм борьбы с национализмом, сепаратизмом, за сохранение Союза, да просто за выживание иноязычного населения.

Разрушение Комитета и всей системы государственной безопасности началось с первых шагов деятельности Бакатина. «Уже в первую неделю моего председательства, — пишет он в своей книге, — Комитет стал лишаться своих подразделений».

Тут он сказал истинную правду! Из Комитета были выделены погранвойска, правительственная и шифровальная связь, стала самостоятельным ведомством внешняя разведка, была выведена служба правительственной охраны, подразделения для проведения операций по борьбе с терроризмом, отдел по осуществлению технического слухового контроля.

Уже после Бакатина КГБ был переименован в Министерство безопасности, затем в Федеральную службу контрразведки, которая включала в себя исключительно контрразведывательные подразделения без каких-либо других

вспомогательных и технических служб. Короче говоря, полная раздробленность, разобщенность, отсюда скованность в проведении оперативных мероприятий, невозможность концентрировать, координировать их деятельность на наиболее важных направлениях.

Разумеется, все это не могло не ослабить работу органов госбезопасности, да, впрочем, о них как о единой и цельной системе говорить в настоящее время просто нет смысла. Если к этому добавить отток кадров вследствие добровольного ухода или увольнения по тем или иным причинам, то можно себе представить, в каком плачевном состоянии находится система безопасности, являющаяся одним из важнейших направлений в обеспечении безопасности государства, его выживаемости. Ни о каких высших интересах при этом говорить не приходится, все подчиняется сомнительному моменту, конъюнктуре, интересам нового вождя и его команды.

Конечно, такое положение долго сохраняться не может, в таком усеченном виде ведомство не обеспечит эффективного выполнения задач. Да и с точки зрения экономичности раздельное существование спецслужб дело крайне невыгодное, дорогостоящее.

Российским органам безопасности, разумеется, нет смысла копировать бывшие союзные структуры. Новые параметры страны диктуют новые потребности — население 150 миллионов вместо 300 миллионов в бывшем Союзе, другие направления и цели во внешней политике, качественно новая обстановка внутри Содружества Независимых Государств. Меняется природа самого общества.

Но есть одна проблема, которая определяет почти все: межнациональные и межрегиональные отношения в бывших союзных республиках и в самой России. Именно от состояния этой проблемы зависит: быть миру и единству в России и вокруг нее или же быть разладу со всеми вытекающими из него последствиями.

В первые дни и недели Бакатин действовал в общем потоке критики, обрушившейся на Комитет госбезопасности, даже занимал в антикомитетской кампании лидирующее место. Но, как видно из его книги, вскоре он сам попал под огонь критики сначала вне, а потом и внутри Комитета.

«Положение постоянно виноватого неизвестно за что — не из самых приятных. Противно, но что поделаешь. Не без основания приобретенная давнишняя привычка всю политическую грязь «валить» на КГБ долго, наверное, еще будет жить. Даже тогда, когда новые спецслужбы ничего общего со старым КГБ иметь не будут».

К такому выводу пришел Бакатин к концу своего пребывания в КГБ. Но все дело в том, что нападкам подвергался КГБ, во главе которого стоял Бакатин!

Кстати, разрушительная деятельность Бакатина на посту председателя КГБ вызвала широкое недовольство в коллективе. Дело дошло до образования в Комитете организации, выступившей с требованием отстранения его от должности. Такого еще в истории органов не бывало! Несмотря на обстановку в стране в целом, и на Лубянке в частности, антибакатинские настроения носили открытый характер, и с ними нельзя было не считаться. Но кое-кому Бакатин явно пришелся по душе.

В 1992 году Бакатин побывал в Соединенных Штатах Америки вместе с Калугиным, с которым успел подружиться. В США они были хорошо приняты, имели многочисленные встречи с американскими представителями, в том числе с бывшим сотрудником советской разведки С. Левченко.

В 1979 году Левченко, работая в нашей токийской резидентуре, изменил Родине, бежал в США, за что Военной коллегией Верховного суда СССР был заочно приговорен к расстрелу.

В ноябре 1995 года Левченко дал интервью корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» в США Давиду Гаю, в котором высказал свое отношение к Бакатину и Калугину. Вот выдержки из его высказываний.

«Вопрос: Доводилось ли вам в Америке встречаться со своими бывшими коллегами?

Ответ: Несколько лет назад я был приглашен Международным фондом свободы на прием, устроенный в одном из фешенебельных вашингтонских особняков. Меня предупредили, что там меня ожидает сюрприз. Главными гостями на приеме были бывший руководитель КГБ Вадим Бакатин и бывший самый молодой генерал разведки Олег Калугин.

Знаю, моим американским друзьям было любопытно, как гости отреагируют на мое появление. Мне самому было интересно. Меня представили Бакатину. Он крепко пожал мне руку. Мы говорили о разных вещах, тон разговора был вполне дружеским. Каким-то внутренним чутьем я осознал: он — порядочный человек. Такие же лестные отзывы о нем я слышал от некоторых американцев, встречавшихся с ним... Думаю, он очень хотел переделать КГБ в духе демократических преобразований, но ему не позволили это сделать. Представили меня и генералу Калугину. Эта наша встреча не была первой. В свое время мы три часа просидели с ним в помещении резидентуры разведки КГБ в Токио и обсуждали сложное дело... Теперь в Вашингтоне мы встретились как старые знакомые. Калугин говорил со мной вполне откровенно и даже поделился своими политическими планами. Я не мог удержать журналистского порыва взять интервью у этого весьма незаурядного человека. Калугин на удивление легко согласился. Это интервью потом было опубликовано в американской прессе».

Комментировать нет нужды. Думаю, читатель во всем этом без труда разберется.

Итог своей деятельности в Комитете Бакатин подвел сам: «Все эти 107 напряженных дней прошли, как теперь оказалось, во многом зря».

Не оправдались ожидания Бакатина и по обстановке в стране в целом. Подъем в его настроении в августе — сентябре 1991 года сменился совсем другими чувствами. Еще одна цитата из книги: «Бюрократизма, неразберихи и привилегий стало больше. Суета. Коррупция. Никто ничего не решает, ни до кого не дозвониться, но каждый требует телефон и автомобиль».

Что же, логичный итог абсурдной, целенаправленной деятельности по разрушению государственности, в том числе в области безопасности! Своим вкладом в это Бакатин может «гордиться» с полным основанием.

В период моей работы руководителем разведки, а затем председателем Комитета госбезопасности кое-кем неоднократно поднимался вопрос о реорганизации КГБ, выделе-

нии из его структуры разведки, других подразделений, в частности шифровальной, дешифровальной, пограничной служб. Каждый раз я по сугубо принципиальным соображениям выступал против: снизятся оперативность, эффективность, не говоря о неэкономичности этих мер.

В условиях Советского Союза эту роскошь можно еще было позволить, но в России, уже не сверхдержаве, организационное разобщение органов госбезопасности при резком снижении оперативной отдачи обойдется намного дороже.

Реорганизация Комитета госбезопасности СССР после августа 1991 года и последовавшие затем многочисленные перестройки органов произведены с недобрыми намерениями, с использованием момента. Преследовалась одна цель — воспользовавшись ситуацией, разрушить важную структуру центра, нанести удар по союзной государственности, в ходе реорганизации «решить» кадровые дела, убрать неугодных. Именно этому подчинялось все.

Время, потребности и обстоятельства рано или поздно поправят положение, однако прежде государство испытает на себе тяжелые последствия от нанесенного ущерба, от разрушения одного из основных звеньев системы безопасности.

Одним из нелогичных шагов по реорганизации органов госбезопасности была попытка объединить их с МВД. С одной стороны, КГБ разделили, разукрупнили, а с другой, оставшуюся часть намеревались объединить с МВД, об этом даже был издан указ Президента России.

Проблема не новая. В истории Советского государства эти два ведомства не раз объединялись, а затем разводились вновь. В бытность мою председателем Комитета тоже однажды обсуждался вопрос об объединении КГБ и МВД СССР «с целью сконцентрировать усилия в борьбе с усиливающейся преступностью».

Я однозначно выступил против подобного объединения, поскольку КГБ и МВД, являясь правоохранительными органами, все же принципиально отличаются друг от друга, у них совершенно разные функции и во многом принципиально иные задачи. Две сравнительно большие силовые структуры, два источника информации, и их соединение в одну организацию породит трудноуправляемого монстра, в

недопустимых масштабах унифицирует подход к проблеме борьбы с преступностью, лишит его гибкости. Важно также учитывать различную степень политизации этих организаций, что делает объединение их проблематичным и с этой точки зрения.

Конституционный суд Российской Федерации признал неконституционным Указ Президента России об объединении МВД и службы безопасности. Решение суда политически было верным, особенно в столь сложный период, переживаемый Россией.

Я верю, что со временем служба государственной безопасности обретет необходимые позиции, соответствующие ее задачам. Однако труднее будет восполнить кадровые потери. Ведь большинство ушедших из КГБ — опытные разведчики, контрразведчики, за плечами которых был большой стаж работы, конкретные успехи, а самое главное — честная служба Родине, беззаветная ей преданность.

Уверен, что придет время, и они будут морально и политически реабилитированы, их доброе имя восстановлено, некоторые из них снова займут место в органах госбезопасности, и от этого безопасность государства станет надежнее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Массово-политическое издание

Крючков Владимир Александрович

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

В 2 частях

Часть 1

Редактор *А. С. Карлин*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *О. В. Васильева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.07.96. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 27,11. Доп. тираж 11 000 экз. Заказ № 557.

Издательство «Олимп». Лицензия ЛР № 07190. 105318, Москва, а/я 103.

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519. 103006, Москва, ул. Каретный ряд, 5/10.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

Крючков В. А.
K85 Личное дело: В 2 ч. Ч. 1 / Худож. В. Крючков.— М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996.— 448 с.— (XX век глазами очевидцев).
ISBN 5-7390-0327-X.

Автор книги — бывший председатель КГБ СССР, член просуществовавшего три дня в августе 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП),— делясь с читателем воспоминаниями о собственном жизненном пути, размышляет о важнейших исторических событиях, свидетелем или непосредственным участником которых он был. Значительное место в мемуарах В. А. Крючкова уделено деятелям высшего эшелона партийно-государственного руководства СССР: Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Ю. В. Андропову, А. А. Громыко, М. С. Горбачеву и другим, а также руководителям стран Варшавского Договора: Я. Кадару, Н. Чаушеску, В. Ярузельскому, Э. Хонеккеру, Ф. Кастро.

К 3230000000 ББК 66.3(2Рос)

Замысел этой книги и многие ее страницы родились в камере печально известной московской тюрьмы «Матросская тишина», куда бывший председатель Комитета госбезопасности СССР, член Политбюро ЦК КПСС генерал армии В. А. Крючков угодил после августовских событий 1991 года на долгих 17 месяцев — столько времени шло следствие по делу ГКЧП, еще дольше готовился суд над группой высших должностных лиц, попытавшихся предотвратить развал СССР и разрушение государственного строя.

По веской манере изложения, по некоторым недоговоренностям чувствуется порой: автор знает намного больше того, о чем рассказывает. Да и как может быть иначе, если Владимир Александрович Крючков причастен к государственным секретам начиная с середины 50-х годов, с событий в Венгрии, где он впервые попал под начало Ю. В. Андропова.

Можно соглашаться или не соглашаться с трактовкой отдельных событий и характеристиками лиц, с анализом и прогнозами постсоветского развития государственных образований на территории бывшего СССР, с политическими взглядами автора, но не уважать человека, не приемлющего предательство и двурушничество, доказавшего свое бесстрашие и готовность защищать убеждения до самого конца, — не уважать такого человека нельзя.

1
Владимир Крючков
ЛИЧНОЕ ДЕЛО
XX